

МАЛИК ДУРСУНОВ

КАРА ДАЙЫ

РОМАН

MİLLİ KİTAP
MÜKAFATI

МАЛИК ДУРСУНОВ

КАРА ДАЙЫ

MİLLİ KİTAB
MÜKAFATI

Milli Kitab Mükafatı – 2013
III yerin qalibi

МАЛИК ДУРСУНОВ

КАРА ДАЙЫ

Баки, “Əli və Nino” nəşriyyatı, 2013.
492 səhifə, 1000 tiraj.

Redaktor:
Bela Zakirova

ISBN 200-0368-08-796-3

“Əli və Nino” nəşriyyatı
Баки, Z. Тағиєв, 19.
Tel.: (+994 12) 493 04 12
e-mail: info@alinino.az
www.alinino.az

© “Əli və Nino” nəşriyyatı, 2013

Эта дебютная книга Малика Дурсунова написана в духе и стиле знаменитого романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема». Автор ведет повествование от первого лица, выступая в роли друга и родственника главного героя и помогая тому охотно отклоняться от темы, то уводя читателя в далекие времена, то описывая произошедшее буквально на днях. Интересные наблюдения о времени и о людях переданы с юмором и мягкой иронией, а иногда – и с критикой современности. Книга М.Дурсунова завоевала 3-е место Национальной книжной премии 2013 года.

ОТ АВТОРА

Воспоминания о детстве почему-то всегда приводят меня к протекающему в конце фундукового сада Кара дайы¹⁸ небольшому ручью, через который мы любили прыгать. Там же, в конце фундукового сада, Кара дайы на поляне привязывал свою лошадь и наблюдал за нашими прыжками. Большинству моих сверстников легко удавались прыжки через этот узкий, не очень быстрый и неглубокий ручей. Я был более изобретательным и находил длинную суховатую палку, наподобие шеста, которым пользуются прыгуны. Разбегался и каждый раз зависал в воздухе над самой серединой ручья. Потом я выпускал из рук палку и под смех детей и сидящего рядом Кара дайы плюхался в воду и отчаянно кричал. На крик никто не прибежал, и я сам выбирался из ручья – мокрый и грязный. И с виноватым видом отправлялся домой, где мама каждый раз шлепала меня для порядка. Наказание я переносил молча. Но на следующий день опять брался за шест.

Больше всего в этой истории меня задевало то, что Кара дайы, который доводился мне двоюродным дедушкой, никогда не помогал мне выбраться из воды, а только кричал, не двигаясь с места:

– Зачем с шестом прыгаешь? Прыгал бы, как остальные, и перепрыгнул бы!

Действительно, все остальные дети прыгали с разбега и без шеста, а я брал в руки палку для страховки, я боялся прыгать, как они.

Повзрослев, я тщательно исследовал свое генеалогическое древо и неопровержимо установил, что после смерти родного дедушки мои предки документально заканчиваются именно на нем – на двоюродном деде Кара дайы. А крайне скудная информация о прадедах и прапрадедах давала мне полное ос-

нование считать себя историческим сиротой. Зная, что весь наш род в Зогаллы именовался (и сегодня именуется) не иначе как «посохом», что четко указывало на род деятельности моих предков, я не находил оснований для особо глубокого изучения своего рода. Потому что, судя по упомянутому определению, мои предки в не столь давние времена занимались, говоря литературным языком, исключительно «животноводством», что на языке зогаллинцев означало – работа пастухами у богатых односельчан. Ничего предосудительного или позорного в профессии моих предков, конечно же, нет, если учесть, что в древности самого Иисуса Христа тоже считали пастухом и часто изображали с посохом и несущего на плечах заблудшую овцу. Возможно, мои предки не раз так же носили на своих плечах овец и баранов, но документальных подтверждений этого не оставили. Следовательно, было бы логично считать моего дедушку и Кара дайы основателями нашей новой фамильной династии, с чем категорически не был согласен сам Кара дайы.

– Отсутствие документальных данных о предках еще не означает, что их вовсе не было, – говорил Кара дайы, с которым вообще трудно было не соглашаться, – тем более, от моего отца осталось вон сколько строений, – указывая на каменный дом, стоящий в дальнем углу его большого двора.

Каждый раз при подобных моих рассуждениях о предках он советовал мне оставить в стороне мою юношескую недалекость и не браться за решение задач, смелость поиска которых равна их же бесплодности.

– Надо поставить задачу поскромнее, – говорил он.

Для меня задачей поскромнее он считал в первую очередь сочинение песни о Зогаллы или же, если на это у меня не хватит способностей, хотя бы написание книги о нашей деревне. Сначала я упорно сопротивлялся, но после нашей очередной встречи (будучи, видимо, в нетрезвом состоянии), чтобы не обидеть его, согласился.

– За книгу возьмусь, напишу о вас, но насчет песни не ручаюсь, – сказал я тогда.

– Вот и хорошо, – ответил Кара дайы, довольный тем, что ему наконец-то удалось уговорить меня. – Ты только не обо мне, ты о Зогаллы напиши, – при этом добавил он, – а песню другому поручим...

...Как я уже говорил, Кара дайы приходится мне двоюродным дедом, а если быть более точным, двоюродным братом моему дедушке. Я стал первым человеком в нашем роду, который учился в институте, и Кара дайы, как никто, гордился мною и везде ставил меня в пример другим. Он почему-то считал, что раз я учился в институте, тем более в Русете (так он обобщенно называл Россию и Украину), то я должен уметь все: и песню сочинить, и стихи написать. Он явно переоценивал мои способности, но отказать ему в просьбе я не мог. По нескольким причинам. Во-первых, отказать старшему в чем-то у нас в Зогаллы считается признаком плохого воспитания, во-вторых, я не хотел разочаровывать его тем, что вообще не могу это сделать. Ну и, в-третьих, зная его характер, я боялся, что после моего отказа он перестанет меня пускать к себе в дом. А для меня в то время сидеть в его компании было великим удовольствием, особенно если это сидение сопровождалось хорошим застольем и домашними крепкими напитками, которые он сам изготавливал, что у нас в Зогаллы считается само собой разумеющимся занятием. Мне и сейчас приятно находиться с ним в одной компании, но, честно говоря, многое из того, что он сейчас рассказывает, я уже слышал от него не раз, потому что с годами он стал повторяться.

– Ну, ты уже начал писать? – этим вопросом в последние годы начиналась каждая наша встречи за столом у него дома. В первое время я утвердительно кивал в ответ и говорил, что план уже готов, осталось только начать писать.

– Так пиши, если готов план! – кричал он на меня.

– Хорошо, хорошо, – покорно отвечал я ему, чтоб не сорвать застолье.

Потом я наловчился отвечать неопределенно.

– Половина первой главы почти готова, – говорил я ему. Он подозрительно оглядывал меня.

– Ну, давай, давай, – говорил, – не тяни.

Обрадованный такой находкой, на последующих встречах я докладывал об окончании второй части главы первой или же первой части главы третьей. При очередном таком докладе он раскусил меня.

– Ты давай уже соедини головы с задницами своих писанин! – довольно грубо заявил он. – А то получается, что каждый раз я даром кормлю и пою тебя! – пригрозил вдобавок.

Такой хлебосольный стол, как у Кара дайы, в Зогаллы найти тяжело. Одного застолья хватает, чтобы навсегда полюбить этого человека. Этот старик среднего роста, с маленькими, коротко подстриженными усами, отличается сердечностью и простотой, и вместе с тем грубостью и сквернословием, энциклопедическим знанием истории Зогаллы и легкой склонностью к приукрашиванию и преувеличению. А еще его карие глаза всегда светятся неугасимым оптимизмом.

Каждый свой приезд в Зогаллы я обязательно навещаю его. Я отчетливо понимаю, что в жизни мне определено повезло: какими бы «посохами» ни были мои предки, мне посчастливилось родиться пусть и двоюродно-внучатым, но все же племянником Кара дайы. Этот обладатель уникальной биографии и обширных знаний по истории нашей деревни всегда хотел, чтобы все то, что он знает о Зогаллы, было напечатано в одной книге, и таким образом, не стерлось из нашей памяти.

– Надо укреплять свою память, чтобы через двадцать, пятьдесят и сто лет твердо помнить свою историю! А чтобы она не забылась, ее надо писать, – говорит он. – А писать надо сейчас, пока я жив, пока помню многое. Лучше меня никто не знает историю Зогаллы. Помру, через час похороните, и забудете и меня, и свою историю.

«Прав Кара дайы, прав. Но что можно писать о Зогаллы? – думал я про себя. – Эта деревня не дала миру никого известного, никакой знаменитости: ни космонавта, ни писателя, ни поэта! Даже какого-нибудь руководителя районного масштаба – и того не вырастила. О ком писать, о чем писать?».

И вот сидим мы в очередной раз у него. Пока он спускается в подвал за грушовкой, я размышляю о том, как бесславно

закончится наша с ним двадцатилетняя дружба, если я не выполню обещанное.

Тут возвращается Кара дайы и успокаивает меня:

– Ничего не надо изобретать: то, что я тебе рассказывал все эти годы, собери в кучу, и вот тебе книга! Зря, что ли, я на тебя потратился?

И тут он прав: сколько съедено, сколько выпито с ним здесь, в этом доме, в комнате со знаменитой бухарой, на этой веранде, вон там, под тутовым деревом...

– Хорошо, хорошо, – соглашаюсь я, – так и сделаю.

– Не тяни только, – предупреждает Кара дайы.

– Куда еще тянуть? – отвечаю я, – почти все написано. Наливайте.

Кара дайы наливает. Начинается наше очередное застолье. Что интересного он расскажет сегодня?

– Зимой встретил возле магазина сына нашего Ахмеда, – начинает Кара дайы, – в форме военной, на пожарника учится, тоже в Русете! Красавец, подтянутый, чистый, ничего не скажешь! Увидел его, аж прослезился. Пригласил в гости, на следующий день пришел, хороший парень, воспитанный, но стеснительный немножко. Посидели вот тут, как с тобой. Покушали, выпили хорошо, о том, о сем поговорили. Перед уходом, правда, немножко шатался. Но знаешь, что он сказал?

– Нет, – честно отвечаю я.

– Песню, сказал он, Кара дайы, я сочиню о Зогаллы! Твердо так сказал! Жду летом, наверное, приедет с песней. Как ты думаешь, сочинит?

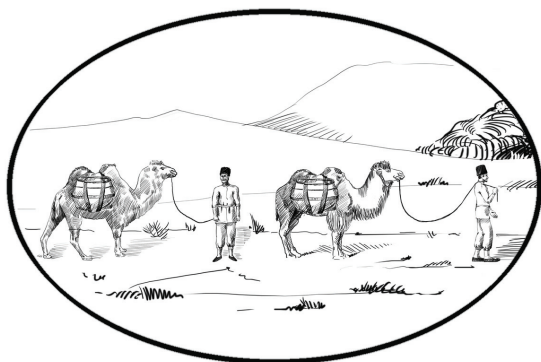
– Раз обещал, наверное, сочинит, – отвечаю я.

– Я тоже так думаю, – уверенно добавляет Кара дайы.

– Наливайте, Кара дайы, наливайте, – говорю я ему, – песню сочинять, это вам не книгу писать.

– Сам выбрал, – отвечает мне Кара дайы. – Я первому тебе предлагал.

Прав, и тут прав Кара дайы...

ГЛАВА 1

УСТА НУРУЛЛА И АРАБЫ

Кара дайы родился в феврале 1915 года на первом этаже большого каменного дома, построенного его отцом – уста³³ Нуруллой. С одной стороны, ему определено повезло: если бы не стечение обстоятельств, он родился бы, как и большинство зогаллинских детей того времени, в землянке, где долгое время жили его родители. С другой стороны, не будь этого дома, неизвестно, родился бы он вообще? Дом этот был лучшим не только в Зогаллы, но и по всей окрестности, включая мугальские и грузинские деревни, которые плотным кольцом окружали Зогаллы. Уста Нурулла был известным мастером каменного и столярного дела, все знатные люди Гаха и Загаталы при строительстве домов, как правило, обращались к нему и пользовались его услугами. Менее зажиточные слои населения и совсем бедные тоже звали его «уста Нурулла», но никуда не приглашали, так как проживали в землянках – маленьких лачугах, наполовину находящихся в вырытых в земле углублениях. Для поддержания тепла зогаллинские землянки снаружи

обмазывались глиной или навозом. Сам уста Нурулла с женой долгое время жил в собственноручно вырытой землянке, и жить бы ему там до конца своих дней, если бы не счастливый случай.

Аллах одарил его способностями к строительному делу. Иному человеку для постижения всех глубин и тонкостей строительства потребовался бы не один год академической учебы. А он, будучи человеком необразованным, мог на листе бумаги нарисовать углем эскиз будущего дома, хотя, по правде говоря, кроме него самого, никто в этом эскизе разобраться не мог. Поэтому уста Нурулла сам и строил по своим так называемым «чертежам». Стоит отметить и своеобразие требований заказчиков того времени. Обычно они непременно хотели копировать понравившиеся и увиденные ими где-то дома. И прежде чем начинать строительство, заказчики возили уста Нурулла к такому дому, чтобы он на него посмотрел. По рассказам старожиллов, уста Нурулла не раз путешествовал с заказчиками в большие и маленькие города, чтобы посмотреть понравившиеся им дома.

И все бы ничего, но была у уста Нуруллы одна слабость, несовместимая с укладом жизни в Зогаллы. Возможно, благодаря именно этой страсти он и остался в памяти нескольких поколений зогаллинцев. Уста Нурулла в то время был единственным зогаллинцем, который публично употреблял спиртное, что требовало тогда определенной смелости. Многие зогаллинцы находили в его действиях безрассудство и глупость – черты неполноценного человека, для чего, по правде говоря, у них имелись достаточные основания. Тем более, что зогаллинцы не могли терпеть его сквернословия. А в пьяном виде он выражался настолько грубо, что уши зогаллинцев, отнюдь не будучи лепестками, все же вяли.

Дело в том, что после алиабадского вооруженного восстания середины 60-х годов девятнадцатого века жителям Зогаллы и некоторых других деревень удалось вернуться в лоно родной

мусульманской религии. Озлобленное население Зогаллы стало решительно избавляться от остатков христианских обычаев и традиций, успевших войти в их быт за пять лет пребывания в другой религии. И в первую очередь они отказались от употребления вина. Запрет был настолько строгим, что некоторым не подчиняющимся этому требованию зогаллинцам, по рассказам стариков, пришлось даже покинуть деревню под угрозой расправы. Справедливости ради надо бы отметить, что зогаллинцы, до принятия ими христианства в середине девятнадцатого века, к распитию спиртного относились лояльно, и немало их тогда не только употребляли вино, но и изготавливали его сами.

Но, как бы там ни было, запрет, наложенный деревенскими аксакалами, возымел свое действие, и в начале двадцатого века среди нового поколения зогаллинцев пьющих практически не было. Поэтому отношение большинства односельчан к уста Нурулле было, мягко говоря, прохладным, и его действия вызывали у них отвращение. Со временем многие даже стали считать его сумасшедшим, находя в этом оправдание своей терпимости к нему.

В первый раз уста Нурулла выпил на свадьбе в соседней грузинской деревне Алибейли, куда его пригласили вместе с другими зогаллинцами. Жители Зогаллы и расположенных рядом грузинских деревень были очень дружны между собой, часто ходили друг к другу в гости и обязательно приглашали на свадьбы. Уста Нурулла – в то время он еще был просто Нурулла – сразу поразил грузин своей дерзостью. Они, соблюдая традиции гостеприимства, всем, в том числе приглашенным зогаллинцам, предлагали в начале застолья вино, заранее зная, что те откажутся. Так у них было положено. Но каково же было удивление всех, когда в то время еще совсем молодой Нурулла, случайно оказавшийся на этой грузинской свадьбе, согласился взять предложенный ему стакан красного вина.

– Было оно чистое, как слезинка, словно шербет лился из кувшина, – позднее признавался сам Нурулла, – так захотелось попробовать, что я не устоял.

Грузины, открыв рты, посмотрели друг на друга; и неодобрительно покачали головами приглашенные на свадьбу зогаллинцы.

– Не дури, – сказал сидящий рядом с ним Новруз, его двоюродный брат, – не позорься.

Но было уже поздно: сидящий внутри Нуруллы шайтан уже делал свое дело. Нурулла не стал даже ждать тоста, которым, как правило, сопровождали употребление каждого стакана грузины. И он выпил.

– И ничего, даже очень ничего, – рассказывал он потом, – легкое приятное жжение по сосудам, маленький хмель в голове и бешеный аппетит.

Ошарашенные зогаллинцы даже хотели покинуть свадьбу, лишь бы не видеть такого позора земляка, но любопытство удержало: всем было интересно, чем это закончится?

Нурулла был неудержим, после этого он пил еще и еще. Грузины стали заинтересованно ждать, когда же свалится этот мусульманин. Но он держался.

Когда приглашенные зогаллинцы стали уходить, они долго уговаривали Нуруллу тоже уйти с ними, но тщетно. Как потом рассказывали в Зогаллы, сколько ни пытались, не смогли оторвать его от стакана. Нурулла остался на свадьбе на радость грузинам. Грузины были изумлены не меньше зогаллинцев, поэтому вся свадьба ждала развязки: чем же закончится героизм Нуруллы, которого к концу торжества грузины стали звать на свой манер – Нурули.

Нурулла держался достойно, пил наравне с грузинами, и тогда под конец вечера грузины перешли на тяжелую артиллерию. Они принесли большой литровый рог буйвола и стали пить по кругу. Когда очередь дошла до Нуруллы, он спокойно взял рог и выпил содержимое на одном дыхании, чем сразил грузин наповал так, будто по тому буйволу, из чьего рога они пили, стреляли из артиллерийской пушки прямой наводкой.

Дальше он ничего не помнил, а когда проснулся в полдень, пересохшие губы были потресканными, но голова не болела. Голова была совершенно ясной.

Свадьба опять была в разгаре. На второй день еще пили вино, потом перешли на тутовку, а на третий день пили только водку.

С тех пор Нурулла и начал пить, полюбив проклинаемые мусульманами не только Зогаллы, но и всего тогдашнего мира спиртные напитки, и частыми застольями в гостях у грузин довел их употребление до совершенства.

С приходом советской власти многие запрещенные среди зогаллинцев обряды постепенно потеряли свою обязательность, и в наше время тяжелее встретить непьющего зогаллинца, чем пьющего. Но в то время Нурулла был единственным пьющим среди зогаллинцев. И благодаря этим своим способностям он имел много друзей среди грузин. Самым близким его другом считался Автандил из той же деревни Алибейли. Автандилу он построил в Алибейли очень красивый дом из бревен. Хотя строительство дома и прерывалось частыми попойками, он благополучно довел его до конца. Поэтому в доме Автандила всегда были рады его приезду, особенно радовались такому подарку женщины дома – его жена и старшая, засидевшаяся в девках, сестра, которая жила с семьей Автандила.

Нурулла мог не только наравне с грузинами сидеть на свадебных застольях до поздней ночи, но, как рассказывают, даже несколько раз их перепивал, нанося тем самым грузинам обидное для их национальных чувств поражение. А перепить грузина – это как обругать зогаллинца по матери. Грузины в те времена не любили, когда их кто-то перепивал. В итоге, в целях быстрого реванша, грузины – знакомые и не очень – продолжали с еще большим упорством приглашать Нуруллу на всевозможные праздники.

В отличие от грузин, которые по мере употребления вина или чачи становились все веселее и веселее и начинали петь

хором, Нурулла, выпивая, становился мрачным и угрюмым и вдобавок часто ругался. Как мы уже говорили, лексикон Нуруллы и в трезвом состоянии особо не отличался чистотой. А уж в пьяном!.. Репертуар его ругательств не изобилдовал разнообразием, ругался он только на азербайджанском языке и обычно заканчивал ругательство словом «анассыны³!», а перед этим словом он вставлял короткое описание причины его недовольства в виде вопроса о том, чем было вызвано его возмущение, которое приводило к ругательству. Он мог обругать все вокруг себя, что не поддавалось правильному применению в его понимании. Нурулла также мог ругать движение или шевеление, если, конечно, эти процессы происходили в нежелательных для него направлении, последовательности, продолжительности и ритмичности. На стройке он, как правило, ругал речной камень, который плохо поддавался обтеске.

– Откуда ты взялся такой горбатый, что целый час не исправлю тебя? – спрашивал он гневно у камня, потом резко добавлял: – Анассыны!

Песок тоже частенько страдал от его ругани, если в его составе было много мелких камней.

– И ты хочешь, чтобы после этого я тебя песком называл? – обращался он к песку, – анассыны!

Страдали и другие виды стройматериалов, которыми он пользовался. Часто гнев Нуруллы был направлен и на собственные инструменты: их он отчитывал за то, что они плохо резали, плохо пилили, плохо ударяли.

У себя дома он мог выругать единственную корову, неосмотрительно нагадившую не в хлеве, а посреди двора, при этом нередко сопровождая ругательство ударами палки по спине бедного животного.

– Что мне, зашить твою задницу, что ли, чтобы ты больше никогда не гадила! Анассыны! – ругал он корову.

Тяжелее всего было соседям. Они не знали, чем затыкать уши, когда Нурулла ругался во дворе. Впрочем, его зычный

голос хорошо был слышен и по всей окрестности. К смягчающим обстоятельствам в его поведении следует отнести разве что тот факт, что он всегда «недовыругивался», то есть его ругань имела незаконченную форму.

Сфера объектов для ругани Нуруллы, в отличие от самих ругательств, была очень широкой и охватывала не только земные предметы и события. Однажды, когда он строил себе дом, соседи отчетливо слышали, как он выругал даже тучи, неожиданно появившиеся в самый разгар лета и залившие Нуруллу ливнем на стройке. Нурулла тогда покрыл тучи трехэтажным матом, давая им понять, что впредь не намерен терпеть беспорядки и на небесах.

– Откуда вы взялись сегодня на мою голову? Анассыны!

Впоследствии соседи много раз были свидетелями, когда бедные тучи страдали от Нуруллы не только из-за несвоевременного появления, но и из-за своевременного неоявления. Бывало, опять-таки в жаркий летний день, смотрел Нурулла вверх в поисках туч, и не найдя их в голубом небе, говорил:

– Ну где, где вы сейчас? Скоро сгорим к черту, где вы застряли? Анассыны!

Больше всего от его сквернословия страдала жена, хотя когда Нурулла ругал ее, свой гнев он почему-то часто адресовал покойным родителям жены. Жена Нуруллы своим большим лбом и соответствующим ему размером лицом напоминала хорошо откормленную лошадь. Это была женщина с внушительным задом с выделяющейся площадкой сверху, куда при желании можно было положить такну²⁹. В целом женщиной она была некрасивой, и часто вдобавок к ругательствам получала от Нуруллы еще и тумачи, особенно когда он был пьяным. Избиение жен в те времена среди зогаллинских мужчин было процессом обыденным и широко распространенным, поэтому во время этого неприятного действия жена Нуруллы стояла, как вкопанная, и держалась смиренно, молча перенося тяготы семейной жизни. Тогда все женщины молчали, пото-

му что всех их били, и еще потому, что они боялись мужей. Держалась она до последнего, а когда держаться было уже невозможно, когда Нурулла хватался за вилы или лопату, бежала к соседям. По соседству жил Новруз, двоюродный брат Нуруллы. Жена Новруза очень жалела избитую, мазала ее раны козым жиром, прикладывала компрессы и ругала Нуруллу:

– Чтоб у тебя руки отсохли, – кричала она ему через забор, который был сооружен из хвороста между их дворами. Очень жалела она тогда жену Нуруллы.

Нурулла ей никогда не отвечал.

Кроме того, отсутствие детей в семье Нуруллы почему-то вменялось в вину именно жене, что давало ему большое психологическое преимущество, чем он сполна и пользовался при случае. Большинство зогаллинцев склонны были отчасти объяснять пьянство Нуруллы именно отсутствием у него в семье детей.

– Бедный Нурулла, – говорили они, – работает с утра до зари, руки золотые. Что ему остается, как не пить: детей нет, никого нет, кроме яловой жены. Вот какой дворец построил, кому останется?

Уста Нурулла пил не круглый год. В те времена большие гулянки, особенно свадьбы – что у зогаллинцев, что у грузин, – начинались поздней осенью после уборки урожая и продолжались зимой. А с ранней весны и до глубокой осени люди были заняты делом. Так что о круглогодичном употреблении спиртного уста Нуруллой говорить даже не приходится, – начиная с весенней оттепели и до наступления холодов он строил, появляясь дома раз в месяц, только чтобы помыться. Бедная его жена хоть летом отдыхала немножко, подлечиваясь от полученных зимой побоев.

Так, как строил он, в наших краях не строил никто. А строил уста Нурулла очень хорошо. К моменту рождения Кары у него был лучший дом в Зогаллы, состоящий из четырех комнат на двух этажах, не считая большого подвала. Подвал, скорее

всего, был предназначен Нуруллой для хранения известных напитков, потому что зогаллинцы в то время даже понятия не имели о подвалах. Каждая комната имела отдельную печь в виде камина, в Зогаллы такие печи с подачи уста Нуруллы потом стали называть бухарами. Печь имела конусообразную форму: узкая снизу и постепенно расширяющаяся кверху. Одна из этих бухар на первом этаже впоследствии сыграла злую шутку с сыном уста Нуруллы Карой.

Сам Нурулла никогда бы не смог построить такой дом для себя, а жил бы в землянке, как и многие зогаллинцы, не будь случая.

Наслышанный о мастерстве уста Нуруллы, гулдур¹² Джума из Джара решил заказать строительство дома для себя именно ему. И сам на лошади, с двумя такими же, как он, головорезами-нукерами²⁸, приехал в Зогаллы. Говорят, что когда он увидел, в какой лачуге живет уста Нурулла, то сразу хотел вернуться обратно, разумно полагая, что человек, живущий в таких условиях, не может построить нормальный дом для других. Однако нукеры уговорили его. Дело было поздней осенью, уста Нурулла только-только вернулся с очередной грузинской свадьбы и крепко спал.

В те времена дворы зогаллинцев обычно огораживались живыми заборами из колючих растений, а вместо ворот использовались две стойки по бокам, на которые надевались палки. Такие ворота зогаллинцы называли чахчахами. Чахчахи открывались для заезда во двор телеги, а для ежедневного общения рядом с чахчахами имелась деревянная калитка.

Когда возле этих чахчахов появились всадники, жена уста Нуруллы, заподозрив неладное, сделала вид, что не видит их, и стала копошиться в кюре. Так зогаллинцы называли своеобразный невысокий очаг для приготовления еды, сооруженный прямо на земле из глиняного кирпича. В открытый спереди проем закладывались длинные дрова для топки. По мере сгорания дров их двигали дальше внутрь кюра.

Один из нукеров, открыв деревянную калитку, зашел во двор:

– Ай баджы⁷, ай баджы, это дом уста Нуруллы? – спросил он.

Тут жена уста Нуруллы приподняла голову и ответила:

– Если эту собачью конуру можно назвать домом, то да. Будь он неладен, – и дальше стала копошиться в кюре.

– А он сам где, как его найти? – спросил нукер.

– Где, где, – пробурчала жена, – спит, три дня не было его, ночью вернулся и спит, чтоб он больше не проснулся, – доложила она.

По ее ответам зогаллинцы сразу сделали бы вывод о том, что ночное возвращение уста Нуруллы сопровождалось очередным избиением жены. Но приезжие не были знакомы со всеми сторонами жизни уста Нуруллы.

– Нельзя его разбудить? – наивно спросил нукер.

– Попробуйте сами, – сказала жена, – он вам нужен, вы и будите, а я боюсь.

Женщина не обманывала гостей, она на самом деле боялась будить мужа. Безопаснее было будить медведя во время зимней спячки, чем уста Нуруллу после очередной попойки.

К тому времени оба нукера и гулдур Джума находились во дворе. Оглянувшись друг на друга, они так и не поняли, какие опасности могут ожидать их, если они разбудят уста Нуруллу, и почему жена не хочет будить его. Настороженный нукер, на всякий случай держа одну руку на нагане, согнувшись, вошел в землянку.

– Уста Нурулла, уста Нурулла, вставай, к тебе пришли, – сказал нукер и, не увидев реакции, стал толкать спящего ногой.

– Анассыны! – раздался наконец-то во дворе сонный голос уста Нуруллы, – кто пришел?

– Ты хоть глаза открой! – кричал нукер.

– Анассыны! – продолжал ругаться Нурулла.

После этого пинки участились, но и мат в исполнении Нуруллы стал более изощренным.

Стоявший в стороне гулдур Джума головой указал второму нукеру прийти на подмогу находящемуся в землянке. Тот бы-стренько забежал в землянку и через две минуты они вдвоем выволокли пьяного Нуруллу во двор:

– Анассыны! – продолжал бурчать Нурулла, – Спать не дают, анассыны!

Но после сильного удара в бок он выпрямился и увидел перед собой грозную фигуру Джумы.

– Ты знаешь, кто к тебе приехал? – жестко спросил один из нукеров.

Нурулла в первый раз видел стоящую перед собой фигуру и потому помахал головой:

– Не знаю и знать не хочу! Анассыны!

Нукеры почувствовали себя неудобно, ведь в округе никто не мог позволить себе разговор с гулдур Джумой такими словами, и стали ждать команду от хозяина.

Ситуацию разрядил сам гулдур Джума, впервые увидевший пьяного мусульманина. Поняв бесполезность дальнейшего разговора, он засмеялся и дал отмашку нукерам.

– Через сколько он придет в себя, баджы? – спросил он у жены уста Нуруллы, молча наблюдавшей за происходящим.

– Если нигде не добавит, завтра будет трезвым, – ответила жена.

– Тогда поехали, – повернулся он к своим нукерам, – через два дня приедете, привезете его в Джар, там и поговорим.

– Лучше через три дня, – моментально вставил Нурулла, – через три дня!

Гулдур Джума опять засмеялся:

– Хорошо, уста, пусть будет по-твоему, через три дня, но учти, будешь опять пьяным, больше никогда не протрезвеешь!

С этими словами гулдур Джума вскочил на лошадь, нукеры последовали за ним.

– Сказано, через три дня, значит, через три дня, – продолжал бурчать Нурулла, – а то, видите ли, налетели, как стервятники, в мой дом, разбудили мирно спящего меня и что?

Гулдур Джума был хоть и головорезом, но, с другой стороны, еще и очень верующим человеком, и когда через три дня его нукеры доставили Нурулла в Джар, разговор с ним гулдур Джума начал с разъяснительной работы:

– Уста, что ты нашел в этом яде, можешь мне объяснить? Как можно получать от него удовольствие? Аллах дал тебе светлую голову и золотые руки, и как можно этими руками себя травить? Эти руки должны заниматься мужским делом: красть скот и лошадей у недругов, резать головы у нечестивцев, в конце концов строить дома, что ты и делаешь! А ты этими руками себя душишь.

Сколько раз Нурулла слышал подобные слова от стариков, от брата Новруза, от жены, от знакомых и каждый раз соглашался с ними со всеми, а потом продолжал пить. И на этот раз он кивал головой в знак согласия. Гулдур Джума, как человек опытный, понял бесполезность своих слов и не стал тянуть с постановкой задачи.

– Уста, весной хочу начать строить себе дом вон там, – и он рукой указал на место во дворе, где было намечено строительство. – Построишь мне дом. Если понравится он мне, даю тебе слово – другой построишь себе в Зогаллы, деньги и помощь с меня. Только одно условие: в моем доме и на стройке не пить! Не оскверняй мой дом! Учти, уста, увижу пьяного, застрелю, как собаку!

Посмотрев на здоровенную чабанскую собаку, грозно сидевшую на цепи во дворе, Нурулла даже побледнел.

– А я со своей стороны попрошу нашего муллу, чтобы каждый день во время утреннего намаза в своих молитвах он просил Аллаха помочь тебе избавиться от этой вредной для мусульманина привычки. Сам я тоже буду молиться. И ты молись!

– Не надо, не стоит! – резко ответил Нурулла.

– Что не надо? – удивился гулдур Джума.

– Не надо просить Аллаха ни о чем, сам разберусь, пить не буду.

Гулдур Джума засмеялся, ему явно по душе пришлись нестандартные ответы уста Нуруллы. На этом и порешили.

Сегодня никто не знает, просил ли тогда гулдур Джума в своих молитвах помощи у Всевышнего в избавлении уста Нуруллы от этой вредной привычки? А также просил ли он джарского муллу, чтобы тот тоже в своих утренних молитвах поминал Нуруллу? Если такая просьба и была, то остается загадкой: почему только в утренних молитвах? Как бы там ни было, но уста Нурулла за полтора года строительства дома гулдур Джумы ни разу не выпил. Хотя за это время со стороны его знакомых грузин было несколько провокаций в виде приглашений на свадьбы. Видя безответность своих приглашений, грузины, говорят, даже пустили слух о том, что уста Нурулла уже не тот, якобы пить не умеет и пьянеет чуть ли не после употребления первого же литра вина. Слухи доходили, конечно, и до самого Нуруллы, но, помня угрозу гулдур Джумы, он твердо переносил все тяготы временного воздержания и передавал грузинам приветы, типа:

– Пейте, пейте. Сколько вы пьете, этим я горло полощу.

По истечении почти века многие в Зогаллы склонны считать, что все-таки на уста Нуруллу возымели действие молитвы джарского муллы, хотя некоторые зогаллинцы не согласны с таким утверждением. Они уверены, что если бы уста Нурулла захотел выпить, он все равно выпил бы, вне зависимости от количества молитв джарского муллы. Но эти едолаги так и не поняли, что сила молений джарского муллы, обращенных к небесам, подкреплялась карающей рукой гулдур Джумы на земле. Только вера человека во Всевышнего и страх перед неминуемым наказанием на земле делает его смиренным и послушным. С другой стороны, иной раз одной карающей руки бывает достаточно, чтобы держать целые народы в страхе и смятении. Тут не только старые муллы с седыми бородами, но и начинающие муллы почти без бород не согласятся с нами, бросив на только что накрытый стол набившее оскомину вы-

ражение: «На все воля Аллаха». Будем ли мы есть с этого стола? Не знаю. Уста Нурулла не только ел, но еще и пил.

А дом у гулдур Джумы, между прочим, получился на славу, и на славу получился дом, который потом построил себе уста Нурулла. Гулдур Джума выполнил свое обещание: он оплатил все, в том числе работу подсобников мугалов, которые целый месяц на арбах возили из Кюрмука в Зогаллы речные камни для строительства дома. Еще через два года уста Нурулла переехал в новый каменный дом. В углу одной из комнат на первом этаже большого дома они с женой поставили сундук. Туда же они занесли единственный матрац, два шерстяных одеяла, две мутакки и старый ковер, когда-то привезенный женой Нуруллы как приданое. Остальные три комнаты пустовали. В землянку они определили корову.

В последние годы, смирившись с отсутствием детей в семье, уста Нурулла жил своей жизнью: весной и летом строил, поздней осенью и зимой пил. Поэтому ничто не предвещало рождения ребенка. По внешнему виду его массивной жены сложно было определить, что беременна ли она, тем более что сама она об этом ничего не говорила. Но 14 февраля 1915 года после обеда она неожиданно легла и через некоторое время позвала Нуруллу:

– Неплохо бы пригласить Аслимаз арвад, что-то у меня по женской части, – сказала она и спрятала глаза. Другой бы сразу догадался, что она темнит, но только не уста Нурулла. Он сперва даже не понял просьбу жены и отшучивался:

– Мамача Аслимаз принимает роды у женщин, а ты стара и негожа для родов. Вот если бы она еще у коров принимала роды, тогда пригласил бы ее.

Как раз в это время у них должна была отелиться единственная корова.

Жена стала умолять:

– Попроси кого-нибудь из соседей, пусть побегут за Аслимаз арвад, а то чувствую, добром это не кончится, увидишь мой труп.

Увидеть труп не входило в планы уста Нуруллы, поскольку вечером он собирался в Алибейли к другу Автандилу – ожидалось хорошее застолье. Еще неделю тому назад Автандил передал с гонцами, чтоб Нурулла в назначенный день был у них. Автандил собирался резать свинью, и хотя Нурулла не ел свинину, в остальной части мероприятия он собирался активно участвовать.

Поэтому медленным шагом он направился к соседям, позвал в сторону жену Новруза Сону, стесняясь, вполголоса попросил:

– Что наша жена на старости лет надумала, я не знаю. Мне срочно в Алибейли надо, а она просит позвать мамачу Аслимаз, совсем свихнулась старушка, – повернулся и пошел в землянку, чтобы посмотреть, не отелилась ли еще корова.

Сона первым делом побежала в сад и доложила мужу просьбу Нуруллы. Тот выронил из рук лопату и присел:

– Только этого нам не хватало, – тихо прошептал он.

Через полчаса Сона вернулась с мамачой Аслимаз, и еще через час почти вся деревня Зогаллы только об этом и судачила. Тем временем Нурулла собирался в гости, положив в хурджун несколько крупных кусков мяса и колбасок баранины, высушенной на морозе. Поразительно равнодушный и неглубокий человек был Нурулла: все вокруг бегали, волновались, а он собирал сумку, чтоб пойти к Автандилу.

Однако в тот день он не пошел, после того, как Новруз позвал его в сторону и о чем-то спросил.

– Что-то не помню, – ответил уста Нурулла.

– Тогда сиди и жди, если не помнишь! Никаких Алибейли! – Новруз выругался и ушел к себе.

– Хорошо, так и быть, завтра пойду, только не ори, – ответил он Новрузу.

Рожала жена Нуруллы долго. «Долго беременела, долго и рожает», – рассуждала Аслимаз арвад. Целую ночь Сона с мамачой Аслимаз сидели возле роженицы, по очереди подбра-

сывая дрова в бухару. Ночь оказалась безрезультатной. Утром Сона прибежала домой и сказала мужу, намекая на рассудок жены Нуруллы:

– Может, действительно, что-то с головой у нее?

Видавшая виды мамача Аслимаз не ушла, тем самым дав понять, что все в порядке: потуги у жены Нуруллы не ложные, там кто-то есть.

И Нурулла в ту ночь не спал, после разговора с Новрузом его охватило дурное предчувствие. Он никак не мог вспомнить, когда и как мог получиться ребенок. Отсчитывая в обратном порядке девять месяцев, Нурулла останавливался либо на конце мая, либо на начале июня. Получался самый разгар стройки. Может, когда он на денек-другой возвращался домой на помывку? Он даже вспомнить не мог, было ли у них в последнее время с женой что-нибудь вообще.

За ночь он несколько раз ходил в землянку, где в углу висела старая керосиновая лампа. Корова тоже еще не отелилась.

Под утро Нурулла заснул, сидя перед бухарой на втором этаже, которую он истопил впервые за последние годы, но быстро проснулся. В соседней комнате было тихо. Одевшись, прошелся к землянке и обрадовался: рядом с коровой стоял маленький теленок черного цвета.

«А почему черный?» – подумал Нурулла. Он лично водил корову к Мурсалу, у него бык здоровый, только красного цвета. И корова у него красная. Убрав под коровой, сделал для теленка подстилку, Нурулла впервые за утро выругался.

– Почему ты такой черный получился, а? – спросил он у только что родившегося теленка, – загуляла мама, да? Анасыны!

Теленок не отвечал, Нурулла тоже не находил ответа. Ответ находился в подвале дома, поэтому Нурулла направился к дому и спустился в подвал. Быстро освоился в темноте, достал припрятанную на черный день кизилковую чачу, подаренную ему грузином Томази из Мешабаша, поднялся на второй этаж, налил целую стопку и залпом выпил.

Зогаллинцы тогда думали, что Нурулла пьет только в гостях у грузин, а о том, что у него дома имеются свои запасы, никто не догадывался.

– Что будет, то и будет, – сказал Нурулла, потом еще выпил, потом еще раз. Подбросил в бухару дров, подстелил овечью шкурку и лег, опираясь на мутаку²⁶. От приятного тепла его стало клонить ко сну.

Ребенок родился в обед, и когда он появился на свет, даже выдавшая виды Аслимаз арвад ужаснулась, увидев чернявенького мальчика.

– Астафруллах⁴! Чтобы твое лицо было темнее угля, что ж ты натворила? – сказала она жене Нуруллы. Та тихо заплакала.

Через час Сона прибежала домой и доложила все Новрузу.

– Что будет? Опозорились на весь свет! Как же нам дальше жить? – спросила она у мужа.

– На все воля Аллаха, – ответил Новруз. – Заставят, соберем вещи и уедем.

Новруз представлял возможные последствия и был готов ко всему. Законы зогаллинские тогда были суровы.

По Зогаллы пронесся слух о рождении черного мальчика у жены уста Нуруллы. Деревенские злые языки быстро нашли объяснение темному цвету кожи мальчика. В то время в Зогаллы часто заезжали продавцы соли на верблюдах. Все зогаллинцы их почему-то считали арабами, хотя достоверно не известно, были ли они арабами на самом деле. Говорили они на азербайджанском языке. Араба, что постарше, зогаллинцы звали Стариком, а молодого – Магеррамом. То ли от многомесячного нахождения в пути и палящего солнца, то ли оттого, что они редко мылись, продавцы соли на самом деле были черными. Дом уста Нуруллы стоял на отшибе, рядом с проселочной дорогой. Поэтому, как правило, все гости деревни останавливались у них, благо и условия позволяли. Гостей принимала жена Нуруллы, хотя несколько раз зимой, когда приезжали солеторговцы, и Нурулла был дома. Но обычно они

Нуруллу не заставляли дома, он пропадавал на стройках или на гулянках.

Продавцы соли, войдя во двор уста Нуруллы, посылали соседских мальчишек в деревню, поощрив их привезенными сладостями, чтобы известить о прибытии соли. Мальчики бо-сиком бежали по деревне и кричали:

– Соль пришла, соль пришла!

Народ подтягивался, и к вечеру весь остаток соли арабы продавали. Жена уста Нуруллы тем временем готовила еду для гостей, грела воду на костре. Арабы каждый раз привозили для дома уста Нуруллы гостинец, соль они тоже оставляли бесплатно, но, как впоследствии оказалось, очень даже и небесплатно. К вечеру, продав всю соль, арабы по очереди мылись за домом под фундуковым деревом на доске. Соседские мальчишки, бывало, лазили на большие ореховые деревья и сверху наблюдали за купающимися арабами, чтобы лишний раз убедиться, что их тела такие же черные, как руки и лица.

В какой из этих приездов согрешили жена уста Нуруллы и молодой араб Магеррам, сегодня уже никто не знает, и тогда никто не знал. Однажды, когда она подавала теплую воду в деревянном ведре Магерраму, сошлись его голодные и горящие глаза и не менее голодные глаза жены уста Нуруллы. Сошлись и стоворились. И в полночь, когда крепко заснул араб Старик, Магеррам вышел из комнаты и зашел в оставленную открытой комнату, где спала жена уста Нуруллы. Сначала она хотела даже сопротивляться, но Магеррам был молодым, а жена уста Нуруллы – голодной.

Сколько женщин со дня существования этого мира покрыли несмываемой грязью доброе имя своих мужей – никто не знает. И всегда ли имена их мужей были добрыми? Тоже нет ответа.

Аксакалы Зогаллы решили: измена есть результат внутренней порчи женщины, и ей нет оправдания! С таким позором жить в Зогаллы не позволено, и к вечеру следующего дня был вынесен вердикт!

Первым делом они пришли к Новрузу. Их было двое, но аксакалом из них был один – старик Вахид. С ним пришел Ариф, шутник с рождения, который вечно смеялся над людьми, давал им прозвища. Они долго с Новрузом о чем-то беседовали, и в конце разговора Новруз громко ответил им:

– Знаете, Вахид дайы, я этого делать не буду, и вам не советую, нельзя вмешиваться в дела Аллаха.

Оказывается, аксакалы решили потребовать от семьи Нуруллы избавиться от ребенка, чтобы смыть пятно позора и таким образом избежать их выселения из деревни.

– Нет и нет! – повторял Новруз, – я этого не сделаю!

Потом они втроем прошли к каменному дому Нуруллы и когда зашли в его комнату, нашли его спящим. Новруз разбудил его – на удивление, Нурулла быстро проснулся и даже не выругался.

– Ну, уста Нурулла, молодец, на старости лет стругнул мальчика, – пошутил Ариф, похлопывая его по плечам.

– Уста Нурулла, сейчас можно считать, что и у тебя наследник появился. Поздравляем, – сказал старик Вахид.

Нурулла понимал, что они пришли не поздравлять его. Пьяным рассудком Нурулла чувствовал эту игру с поздравлениями, его стало тошнить. Он прочитал в глазах Вахид дайы ненависть, а в глазах Арифа насмешку. Глаза Новруза от стыда смотрели в пол.

– Ну? И что скажете? – вдруг спросил Нурулла.

Старший, аксакал Вахид, начал:

– Ты извини, Нурулла, мы тоже, может, где-то виноваты, недоглядели. Понимаешь, мы же тоже ведь не пальцем сделаны, народ у меня спрашивает: как же так, Вахид дайы, что получается? А я не знаю, что ответить. Зогаллы тут стоит больше двухсот лет, мы даже у мугалов не берем девушек замуж, а тут такое. Нет таких черных в Зогаллы, это дело рук кого-то из приезжих...

– Ну, не только рук, конечно, – опять пошутил Ариф.

Новруз молчал.

– Так, а что случилось? Причем тут вы? – недоумевал Нурулла.

– Знаешь, Нурулла, мальчик у тебя! Но он черный, твой мальчик черный родился! Аслимаз говорит, что нормальный ребенок, только он черный, как уголь. Вся деревня говорит об этом. Уже и мугалы смеются над нами. Надо что-то делать. А что делать? Новруз уже знает, но тебе тоже скажу.

После этих слов Вахид дайы повторил решение аксакалов.

– Так будет лучше, – сказал он, – мы так решили.

Воцарилась полная тишина. Нурулла молчал, молчали все, сегодня надо было определиться.

– Какого цвета у Мурсала бык? – вдруг неожиданно для всех спросил Нурулла.

Аксакал Вахид даже растерялся от вопроса Нуруллы.

– Причем тут Мурсал и его бык, Нурулла? Ты о чем? Если ты имеешь в виду самого Мурсала, то он уже стар для таких дел, – продолжал шутить Ариф.

– Да нет, вы ответьте мне, какого цвета у Мурсала бык?

– Красного цвета, а что? Мы все его так и называем – «Красный бык».

– У меня корова тоже красного цвета, да? – спросил Нурулла.

– Ну да, – все хором согласились.

– Так вот, идите сейчас все в землянку и посмотрите, какого теленка она принесла сегодня утром.

Нурулла не стал ждать, пока они пойдут и посмотрят, какого цвета теленок, хотя никто особо и не рвался туда.

– Черного! Черного цвета, понятно! – кричал Нурулла. – И что получается, тут тоже вы недоглядели, да? А что тут скажете?

– Тут скорее Мурсал недоглядел, – не останавливался в своих шутках Ариф, – ты, наверное, оставил корову и ушел, а бык в тот день не топтал ее.

– А почему не топтал?

– А почему ты свою жену не топтал? Не понравилась Крас-

ному быку, значит, твоя корова, вот потому и не топтал.

– А кто же ее тогда топтал, Мурсал, что ли?

– Да нет, какой Мурсал, наверное, потом чей-то молодой черный бычок на твою корову залез, когда она паслась в стаде. Я даже догадываюсь, чей бычок.

– Ну, – согласился Нурулла, – что получается? – и замолк.

– Не придуривайся, Нурулла, – сказал Вахид дайы, – и твою жену топтал черный молодой бычок! И ты сам прекрасно знаешь, кто он.

Наконец-то до Нуруллы дошел смысл разговора.

– И кто же он? Араб, что ли? – тихо спросил Нурулла и присел на пол.

– Араб, а кто же, – подтвердил аксакал Вахид. – Араб. Знаешь, Нурулла, прежде чем прийти к тебе, мы долго думали: ты же наш, зогаллинский, и твоя жена – наша, зогаллинская, а позору получается на всю округу. Мы всегда смеялись над другими, а тут, на тебе –подарочек, мугалы уже смеются над нами, – стал повторяться аксакал Вахид.

Трагичность случившегося еще больше усугублялась возможными насмешками со стороны мугалов, чего не могли допустить зогаллинские аксакалы.

– И что я должен делать? – спросил Нурулла.

– Я Новрузу говорил, надо от ребенка избавляться, пока это только слухи, и пока они далеко не расползлись, – твердо сказал Вахид дайы. – Если узнают власти, то от них как-нибудь отмажемся. С женой определишься потом сам. Иначе ты должен будешь с семьей покинуть Зогаллы. Против Новруза мы ничего не имеем.

Нурулла помолчал, а потом спросил:

– Вы так решили, да?

– Так будет лучше, – ответил Вахид дайы, – а то и мугалы смеются над нами. До нас двести лет жили тут, не было такого позора, и мы не можем жить с таким позором.

Нурулла смотрел тупым взглядом, и когда он встал и качнулся, гости поняли, что он еще пьян. И вдруг он заорал:

– Вахид дайы! Анассыны всех! Красного быка Мурсала – анассыны! Черных арабов – анассыны! И вас всех – анассыны! Делайте, что хотите, меня больше тут нет!

Все обомлели и замерли на месте.

Новруз как мог, успокоил его. Поостыв, Нурулла сказал:

– Не могу я никого убивать! Дайте мне неделю, определюсь и уеду! Только имейте в виду, дом сожгу перед уходом, никому не оставлю!

– Мы и без тебя сожгли бы, – ответил аксакал Вахид.

– Я сам сожгу! Неделя, и меня тут нет! И Новруза не впутывайте в мои дела – у него своя семья, свой дом, свой двор! Он за меня не в ответе! Я сам за себя отвечу!

Никто не ожидал от Нуруллы такой реакции, но уходить, видимо, пока не собирались, если бы не очередной крик Нуруллы:

– А сейчас всем добро пожаловать! – и указал им на дверь.

– Мы тебя предупредили, – закрывая дверь, повторил аксакал Вахид.

– Это вы меня предупредили? – спросил у них Нурулла. – Анассыны!

Успокоившись, он вышел из дома и пошел в землянку, напоил корову водой, положил перед ней в ахур⁶ сено. Черный теленок уверенно держался на ногах.

– Надо бы подоить корову, – подумал Нурулла, – а то потом не даст.

Взяв чистое ведро и маленький табурет, он аккуратно выдоил корову. С ведром поднялся в дом. Из комнаты слышался плач ребенка. Открыв дверь, он медленно вошел в комнату. В темной комнате было холодно, поскольку целый день не топили. Зажег лампу.

В углу рыдала жена, рядом кричал младенец. Вернулся во двор, набрал с лета наколотых дров, растопил бухару. Сам сел в другом углу, напротив жены.

Ребенок все громче плакал.

– Успокой его! – грозно приказал Нурулла жене.

Жена послушно взяла ребенка на руки.

– Убей меня, Нурулла, – тихо сказала жена, – или я сама повешусь. Смоешь с себя этот позор, только ребенка не трогай, он не виноват, пусть живет.

– Успеешь еще повеситься, – ответил Нурулла, – еще успеешь.

Он уже знал, что надо делать, он уже для себя все решил. «Быстрее бы дойти к Автандилу», – подумал Нурулла. Там он с другом выпьет, потом все сделает. Как он мог забыть, что его Автандил приглашал?

К Нурулле возвращался рассудок.

– Корова тоже отелилась, – сказал он жене, – я разочек подоил, молоко в ведре. Мне надо к Автандилу, туда и обратно. Я быстро.

Нурулла спешил уйти из дома, который он построил. Позор, принесенный женой в этот дом, неумолимо гнал его. Куда? Он не знал куда, но сперва – к Автандилу. Он друг, он посоветует. Друг поможет. У него ровно неделя, он знал: если в течение недели он не уедет, подожгут его дом. Зогаллинцы народ жестокий.

Зимой в Зогаллы быстро темнеет. Нурулла еще раз проверил хурджун³⁶, собранный позавчера. Все было на месте, пешком от Зогаллы до Алибейли полтора-два часа быстрой ходьбы. «Надо успеть, – подумал Нурулла, – пока там не легли спать». Сперва надел шерстяные носки, связанные женой, сверху натянул чарыхи³⁷, крепко завязал скрученными шнурками. Накинул на себя бурку, на голову надел большую черную папаху из овечьей шкуры.

«Надо бы успеть к Автандилу, – еще раз поторопил сам себя Нурулла. – Автандил настоящий друг, не чета нашим, он даст совет. А там видно будет, что дальше делать».

Поднялся обратно на веранду, хотел зайти в комнату. Поставив полминуты, так и не решился, ничего его туда не тянуло.

– Мугалы смеются над нами, – повторял он под нос слова аксакала Вахида. – Мугалов тоже всех – анассыны!

Захватил хурджун с мясом, медленно спустился вниз. Пройдя через весь двор, дошел до чаччахов. Почему-то не хотел открывать калитку, снял две верхние палки чаччахов и перешагнул их. Не спеша вдел палки обратно в стойки. Посмотрел еще раз на свой дом, в который он вложил столько сил и из которого так бесславно уходил.

«Чтоб Аллах продлил жизнь Джуме, если бы не он, я никогда не построил бы этот дом», – подумал Нурулла.

Стоял светлый морозный вечер. Пройдя фундуковый сад, он вышел на проселочную дорогу, которая вела прямо в Алибейли. Где-то на дальних дворах лаяли собаки, еще дальше слышен был вой шакалов. Ничего не могло остановить Нурулла. Опираясь на тяжелую палку, он быстрыми шагами направился в сторону Алибейли.

Через два часа он стоял у калитки друга, стучал палкой о стойки чаччаха и звал его. Собаки Автандила подняли бешеный лай, к ним присоединились и соседские. Нурулла еле успевал отгонять их палкой.

– Кто там? – наконец послышался голос Автандила с конца двора.

– Свои, – ответил Нурулла.

Узнав Нурулла, Автандил отозвал собак. Те неохотно подчинились.

Автандил уже знал о случившемся с уста Нуруллой горе, слухи о рождении в Зогаллы черного мальчика быстро поползли по всем окрестным деревьям.

– Мне надо поговорить с тобой, – сказал Нурулла.

– Успеем, – ответил Автандил, обнял Нурулла.

Женщины быстро зажгли лампу, стали готовить стол.

– Слышал, да? – спросил Нурулла.

– Да слышал, слышал.

– Что делать, даже не знаю, – сказал Нурулла.

– Ничего, ничего, придумаем что-нибудь, – ответил Автандил, – ты его знаешь?

– Да видел несколько раз, анассыны! – выругался Нурулла.

На столе уже стоял кувшин с красным вином, а в отдельной кастрюле женщины варили мясо из сумки Нуруллы.

Автандил успокаивал Нуруллу, как мог. После нескольких стаканов разговор приобрел более откровенную форму. Нурулла рассказал ему все подробности. Женщины тоже слушали их разговор, там, где они не понимали, Автандил быстро переводил на грузинский.

– Утром отелилась корова наша, теленок черный-черный, – говорил он, – хотя она у меня красная, и водил я ее к красному быку Мурсала.

– Ну, ты смотри, а, – удивленно поддерживал Нуруллу Автандил.

– Когда увидел черного теленка, почувствовал, что не к добру, – продолжал Нурулла, – а потом к вечеру узнал, что и ребенок черный. Я сам его еще не видел, говорят, темнее угля. – Залпом выпил очередной стакан и стал говорить более уверенно. – Вечером пришли наши мужики, аксакал Вахид дайы, сосед. Говорят, как же так, Нурулла, опозорил ты с женой нас, как дальше жить? Говорят, что уже и мугалы смеются над нами.

– Всегда так и получается в жизни, дорогой мой друг Нурулли, – отвечал Автандил, – пускаешь в дом чужих людей, даешь кров, кормишь, поишь, и вместо того, чтобы благодарить тебя, они такое вытворяют...

Дальше говорил в основном Автандил, а Нурулла слушал и пил.

Так и не выработав тактику дальнейших действий, поздно ночью они легли спать.

На следующий день пошел сильный снег, поэтому процесс утешения Нуруллы принял форму непрерывного застолья, к которому присоединились соседи и некоторые родственники Автандила. Женщины целыми днями что-то готовили, отдельно готовя мясо для Нуруллы из его же сумки. На четвертый день закончился мясной запас Нуруллы, и он наотрез отказался есть свинину.

– Это я есть не буду! – сказал он твердо, давая понять, что никакие уговоры тут не помогут, – не положено!

Автандил позвал сына, что-то ему сказал на ухо, и тот побежал в сарай и к не очень большой радости женщин дома зарезал индюка. Когда индюка подали на стол, Нурулла опять уперся и сказал:

– И это есть не буду, не положено!

Наивные грузины посмотрели друг на друга, посоветались на стороне и послали сына Автандила в другой конец деревни, где жили несколько азербайджанских семей и держали во дворе овец. Грузины знали, что Нурулла не ест свинину, но отказ от мяса индюка их даже немножко развеселил.

– Ничего, не пропадет, – сказал один из них, – мы все едим: и свинину, и индюшатину. Пусть нам будет хуже.

Через час бедный мальчик притащил во двор барана, который передними ногами упирался так, словно догадывался о своей дальнейшей судьбе. Автандил вывел Нуруллу во двор, и спросил:

– Нурули, видишь барана?

Уста Нурулла подтвердил:

– Вижу, вижу барана.

– Это же не свинья, Нурули, согласен?

Тут Нурулла даже немножко обиделся, сколько бы он не пил, свинью от барана он всегда отличал.

Но Автандил продолжал задавать вопросы, давая понять, что больше резать никого не намерен, что баран будет последней жертвой этого затянувшегося застолья.

– Нурули, это не индюк?

– Сам ты индюк, – пробурчал Нурулла и зашел в дом.

Под общий смех соседей и родственников Автандил дал команду сыну резать барана.

То, что случилось дальше, по сей день рассказывают в Гахе в виде анекдота вот уже почти век, и это всегда вызывает добрый, хороший смех, особенно если за столом и грузин, и азербайджанец.

Сын Автандила быстро зарезал барана, разделал тушу. Одетые в темные одежды жена и сестра Автандила сварили мясо и подали на стол, добавив сверху мелко нарезанного лука и посыпав сумахом. Каково же было удивление присутствующих, когда уста Нурулла отказался есть и баранину, сухо сказав:

– Я это тоже не ем.

Друзья грузины еще больше удивились, списали упрямство Нуруллы на его усталость и, возможно, пьяное состояние. Для убедительности послали сына Автандила за головой барана, благо женщины еще не успели разделать ее.

Сын занес отрезанную голову барана, держа ее за рога. Автандил взял отрезанную голову барана у сына и спросил Нуруллу:

– Нурули, это чья голова?

– Это голова барана, – тихо ответил тот.

– Значит, мы резали барана, а не свинью, да, Нурули?

– Ну да.

– Значит, мясо, которое на столе, это баранина, а не свинина, да, Нурули?

– Да, – согласился Нурулла.

– Так в чем же дело тогда? Почему не ешь мясо?

В этот момент уста Нурулла, наверное, впервые в жизни вспомнил о своей принадлежности к мусульманской религии, встал и извиняющимся тоном сказал:

– А мне нельзя есть мясо животного, зарезанного не мусульманином. Я же мусульманин, Автандил, не забывай, пожалуйста. Мне так не положено, – и почти заплакал под воздействием выпитого.

– А пить вино, налитое из рук христианина, значит, можно, да? – съязвил кто-то из сидящих, на что Нурулла пьяным голосом моментально отреагировал:

– Это можно, наливай.

– Не обижайся, Автандил, – продолжал Нурулла, – я очень люблю твоего сына, но он христианин, поэтому мне нельзя есть это мясо. Вот если бы он был мусульманином, то я бы ел.

Тут не выдержали нервы пьяного Автандила:

– Нет уж, Нурули! Мой сын христианин, и он никогда не сможет быть мусульманином, и все об этом знают! А вот твой сын неизвестно кто – мусульманин или христианин?!

Присутствующие намекнули Автандилу, что не стоит так углубляться, потому что причиной этой почти недельной попойки как раз и является незнание Нуруллой источника происхождения своего сына.

Но Автандила уже невозможно было остановить – то ли ему было жалко индюка, невинно павшего из-за капризов Нуруллы, то ли обида за незапланированные расходы по приобретению барана делала его еще более агрессивным, и он устроил Нурулле настоящий допрос:

– Значит, если бы ты сам резал индюка и барана, ел бы их мясо, да?

– Да, если бы я сам резал, можно было есть. А так нельзя, не положено, – ответил Нурулла.

– Нурули, ты хочешь сказать, что будешь есть только то, что резала рука мусульманина, да?

– Да, если бы таковое имелось, ел бы с удовольствием, не обижайся, – утвердительно ответил Нурулла.

– Хорошо, – сказал Автандил, – сейчас найдем таковое.

С этими словами он подошел к Нурулле и стал его раздевать. Сидящие подумали, что Автандил сейчас его разденет и уложит спать, тем самым лишит его возможности дальнейшего гуляния. Но не тут-то было. Женщины быстро удалились в другую комнату. Нурулла особо не сопротивлялся. Автандил снял с него рубашку, потом стянул штаны. Голый Нурулла выглядел смешным и беспомощным. Автандил взял его детородный орган и грозно спросил:

– Он у тебя обрезанный?

– Обижаешь, Автандил, – ответил пьяным голосом Нурулла, – я магометанин, конечно, обрезанный.

– Кто обрезал?

– Не знаю, я тогда был маленьким.

– Кто обрезал, спрашиваю, мусульманин или грузин?

– Конечно, мусульманин, – твердо ответил Нурулла.

– Так вот, Нурули, ешь тогда вот это, которое резал мусульманин, раз не нравится тебе резаное христианином.

Тут, конечно, обидеться бы Нурулле, но он не стал обижаться, а сам себе пробурчал:

– Плохо резали, лучше бы отрезали с корнем, не было бы этого позора.

Грузины опять сжалились над Нуруллой, стали его одевать. Один из гостей нашел устраивающее всех решение, предложив Нурулле самому зарезать следующее животное, на что тот молча согласился и тем самым спас компанию от преждевременного распада. Сын Автандила громко выразил желание еще раз сбежать за бараном на другой конец деревни, что скорее означало незнание им в силу молодости внутренней сущности философского понятия гостеприимности. Отмечая высокий уровень гостеприимности грузинских друзей Нуруллы, нельзя не отметить тенденцию постепенного снижения этого уровня по сравнению с первичным приемом, что, в принципе, не противоречит устоявшимся нормам и обычаям у всех народов и народностей. В итоге собравшиеся остановились на индюке, за которым и послали предложившего компромиссный вариант грузина, напрочь отказавшись от покупки барана. Миротворец побежал за индюком и через пятнадцать минут вернулся с ним, но был догнан женой, к появлению которой Нурулла собственноручно зарезал индюка во дворе Автандила. Убедившись в безрезультатности погони, женщина не стеснялась в выражениях в адрес мужа, но участники застолья быстро успокоили ее и пригласили к столу. Пир продолжался еще два дня.

На шестой день, на радость пьяной компании, заговорил Нурулла:

– Если их еще раз увижу в Зогаллы, обоим отрежу яйца, а верблюдов застрелю! Анассыны!

Сидящие сразу поняли, о ком идет речь, и молчаливо кивнули в знак поддержки. Некоторые даже заявили о своей го-

товности помочь Нурулле в этом деле, однако Автандил успокоил их и заявил:

– Друг мой, и я помогу!

– Увижу их еще раз в Зогаллы, обоим отрежу яйца, а верблюдов застрелю, анассыны! – тихо повторил Нурулла, тем самым дав понять сидящим, что принятое им решение, являющееся плодом его шестидневных раздумий, окончательное, обсуждению и отмене не подлежит.

Острые на язык зогаллинцы в этом месте обязательно задали бы несколько вопросов, чего не сделали сидящие в той компании друзья-грузины, наверное, из чувства гостеприимства к нему или ненависти к арабам. Хотя, скорее всего, они просто были не в состоянии задавать вопросы.

Например, зогаллинец спросил бы у Нуруллы: во-первых, что ему мешает сделать то же самое, поймав этих арабов в другой деревне или даже по дороге в деревню? А во-вторых, в чем, собственно, виноваты верблюды и старый араб?

Ответы можно придумать самим. Будем считать, что старик-араб был виновен в том, что недоглядел за молодым родственником, а верблюды должны были быть наказаны как носители зла.

В тот же день к вечеру, когда компания, продолжая гулять, наконец-то определилась с поставленной задачей и вынесла заочный приговор арабам и их верблюдам, возле двора Автандила опять залаяли собаки. Сын Автандила пошел проверить, кто еще пришел, а вернувшись, обратился к отцу:

– Тебя зовут, за ним приехали, – и глазами показал на Нуруллу.

Автандил неохотно вышел из теплого дома. Стал настаивать, чтобы гость тоже присоединился к ним. Гость был из Зогаллы – сосед Нуруллы Байрам. Первым делом Автандил доложил Байраму о принятом Нуруллой решении:

– Он сказал, что отрежет арабам яйца, а верблюдов застрелит. Я ему помогу.

– Раньше надо было отрезать, – сухо сказал Байрам, – сей-

час пусть одевается, жена у него повесилась.

– Как повесилась? – почти протрезвел Автандил.

– Как, как... На веревке, как еще вешаются? Давайте, будите его, если спит, пусть дует домой.

Автандил зашел в дом и на грузинском объявил сидящим весть о том, что у Нуруллы повесилась жена. Женщины запричитали.

Потом Автандил обнял друга и сказал:

– Едем к тебе.

И вся веселая компания на двух телегах через два часа прибыла в Зогаллы. Несмотря на темноту и холод, во дворе Нуруллы было много народу.

Все сочувственно смотрели на Нуруллу.

Подошел и аксакал Вахид.

– Сама нанесла грязь, сама и смыла, – тихо сказал он. – Все, что ни делается, к лучшему. Ну что ж, Нурулла, мы решили, что тебе можно вернуться домой. Ребенка надо будет поднимать, тут уж мы поможем.

Похоронили жену Нуруллы на следующий день до обеда. Зимний февральский день очень короткий, поэтому быстро стемнело. Когда Нурулла зашел в комнату, с ребенком сидела соседка, рядом находились еще несколько женщин. Знал ли тогда Нурулла, насколько трудно будет ему одному вырастить этого младенца? Наверное, нет. Но в тот вечер он уверенно взял малыша на руки, посмотрел на него и тихо сам себе сказал:

– Ничего, ничего, все будет хорошо.

Об угрозе, произнесенной Нуруллой в Алибейли в адрес арабов, Байрам в Зогаллы рассказал всем. Вся деревня с нетерпением стала ждать наказания арабов. Однако желающих помочь ему в этом почетном деле в самой деревне не нашлось, да и друг, грузин Автандил, со временем, видимо, тоже забыл о своем обещании. Поэтому, учитывая мягкий характер самого Нуруллы, вероятность предстоящего возмездия равнялась почти нулю. Очертив географические границы возможной мести, Нурулла тем самым дал понять жителям других деревень, что

он не в ответе, если такое случится за границами Зогаллы. Возможно, и арабы слышали об угрозах уста Нуруллы, поэтому от греха подальше обменялись деревнями с другой парой солеторговцев. Наслышанные о черном ребенке Нуруллы в Зогаллы, жители близлежащих деревень не давали этим горе-арабам ночевать у себя, а ничего не подозревающие о своей близкой гибели верблюды носили их без остановок на ночлеги.

Заменявшая арабов другая пара солеторговцев по цвету кожи мало чем отличалась от них. Говорят, когда они первый раз заехали с солью в Зогаллы, кто-то из мужиков, то ли в шутку, то ли всерьез позвал к себе мальчугана и громко якобы сказал ему:

– Беги к дяде Нурулле и скажи ему, что арабы пришли.

Напуганные солеторговцы чуть ли не хором стали убеждать того мужика:

– Да какие мы арабы, мы свои, кюрдамирские мы.

– Знаем мы своих, – дальше шутил мужик, – те тоже говорили, что свои. Слышали, что натворили, да? Только имейте в виду, Нурулла больше никого не пускает ночевать.

– Да слышали, как же не слышать. Мы быстренько, – приободрились кюрдамирцы, – продадим при дневном свете и поедем дальше.

Тем самым они хотели показать, что у них в головах, кроме купеческих, других интересов нет, что они не такие бессовестные, как те арабы, пусть даже и коллеги их.

Поменяв маршрут движения, арабы избежали возмездия от рук уста Нуруллы. Но избежали ли они наказания за содеянное от рук Всевышнего, никто не знает. Аллах освободил уста Нуруллу от исполнения данной им когда-то клятвы, дав ему пожить еще десяток лет после рождения Кары. А умер он в августе 1926 года, оставив после себя много прекрасных домов, дурную славу алкоголика и черного сына по имени Кара.

Аллах рахмят элясин!

ГЛАВА 2

КАРА ДАЙЫ

Зогаллинец должен быть осторожным во всем и ничем не выделяться. Необдуманый поступок, неправильная походка, неловкое движение, а также необычная форма головы или внешнее сходство с кем-то, как правило, оборачиваются для зогаллинца неминуемым присвоением прозвища, которую он носит всю свою жизнь, иногда даже передавая по наследству. А неординарных поступков, над которыми соседние мугалы ехидно смеются, зогаллинцы совершают множество. Насмешки со стороны мугалов зогаллинцами переносятся тяжело. Поэтому отношения между зогаллинцами и мугалами очень натянутые.

Стоило, например, Оруджу из верхней Зогаллы после службы в армии пошить из голенищ армейских сапог легкие сандалии, зогаллинцы тут же оценили изобретательность вчерашнего солдата, в тот же день присвоив ему кличку «Босоножка Орудж». А мугалам только этого и надо было: посмеявшись чуть ли не месяц над очередной зогаллинской кличкой, они,

говорят, после этого перестали покупать в магазине летние боножки, назло зогаллинцам, конечно.

Нашего героя – Кара дайы – эта участь миновала, жил он всю жизнь и сегодня живет без прозвища. Потому что его имя заменяет ему возможную кличку, которую неминуемо присвоили бы зогаллинцы. Другого такого черного человека не только в Зогаллы, но и во всей округе не найти. Хотя, по словам мугальских водителей-дальнобойщиков, где-то, то ли в Кюрдамире, то ли в Ахсу проживает такой же черный мужчина по прозвищу «Ужас», и он даже якобы работает в дорожной полиции и наводит ужас на всех водителей, проезжающих по контролируемым им дорогам. Факты наведения ужаса на мугальских водителей со стороны кюрдамирского гаишника, конечно же, зогаллинцев радуют, но о сравнении его внешности с внешностью Кара дайы они даже слышать не хотят: «Темнее нашего Кара дайы не может быть», – говорят они. По утвердившемуся мнению зогаллинцев, только Кара дайы обладает абсолютным правом на черную внешность на всей территории Азербайджана. А домыслы мугальских дальнобойщиков большинством зогаллинцев воспринимаются как посягательство на зогаллинские достижения, коварная попытка лишить Кара дайы его исключительности. И любые упоминания о наличии таких же, как Кара дайы, черных людей расцениваются ими как шаги, дискредитирующие его светлое имя.

С возрастом, несмотря на освежающее влияние горного воздуха Гахского района, Кара дайы не побелел, а наоборот – стал еще темнее и с каждым годом продолжает темнеть.

К моменту нашего описания он жив и здоров, для многих зогаллинцев стал уже Кара бабб¹⁷, а мы для удобства будем все же называть его Кара дайы. Аллах наградил его щедрой биографией, которую он лично всегда рассказывал с присутствующим только ему удивительным хвастовством, пропуская, как правило, собственное сомнительное происхождение, о котором весьма увлекательно по сей день рассказывают другие

зогалинцы. Особое место в его биографии занимают годы войны. В отличие от многих, воевать он начал не с немцами, а с финнами, в общей сложности прослужив в армии около десяти лет.

В детстве каждый год, с приближением Дня Победы над фашистами, я с нетерпением и волнением ждал выступления Кара дайы перед нами, школьниками. Выступающих было много, среди них был и мой дедушка, вернувшийся с войны без одной руки. Но в моей детской памяти остался один эпизод из выступления именно Кара дайы. С большим пафосом он рассказывал одну и ту же историю – о том, как его разведывательный взвод неожиданно глубокой ночью где-то в Польше напоролся на немцев. Гордость за героического земляка заполняла мою детскую душу, где рядом таилась обида на родного дедушку, который почему-то не совершал таких героических поступков, хотя, наверное, и имел возможности для этого.

Ничто не могло принизить героизм Кара дайы в моих глазах, хотя при этом, даже будучи ребенком, я замечал, что количество немцев, погибших в том бою от рук бойцов отважного взвода Кара дайы, с каждым годом увеличивалось, и с каждым же годом этот бой обрастал все новыми и новыми подробностями. По улыбкам учителей можно было определить, что они тоже заметили эту тенденцию роста потерь со стороны немцев, что, в принципе, соответствовало общей логике победы в целом. Наш директор, покойный Шариф муаллим²⁴, представляя слово Кара дайы, однажды даже сказал:

– Сейчас мы дадим слово нашему многоуважаемому ветерану Кара дайы, и он расскажет нам о том, как его разведвзвод попал в окружение к немцам и как пробивался из этого окружения, уничтожая фашистов и тем самым приближая победу.

Кара дайы медленно подошел к микрофону, установленному во дворе школы под ореховым деревом. Это был черный мужчина среднего роста с маленькими усами и сединой. Даже в преклонном возрасте чувствовалось, что он мускулист. На

вид он был некрасив, как говорят зогаллинцы, чуть привлекательнее обезьяны, каким, впрочем, и должен быть настоящий мужчина. Одет он был в армейскую форму, на голове красовалась фуражка, борта пиджака были увешаны орденами и медалями. Своим видом Кара дайы сильно отличался от других ветеранов, которые стояли рядом с ним в гражданской одежде. Каждый раз, прежде чем начать выступление, будь это перед нами, школьниками, или перед произнесением тоста на свадьбе, он очень пристально смотрел по сторонам. По мнению наблюдательных зогаллинцев, такая привычка у Кара дайы появилась после службы в армии. Якобы даже по прошествии тридцати лет после войны он, как бывший разведчик, перед любым действием должен был убедиться в безопасности окружающей местности. До войны, по словам односельчан, Кара дайы, как и большинство его сверстников, был бесшабашным парнем, особой наблюдательностью не отличался. Не то что по сторонам не оглядывался, а даже перед носом внимательно не смотрел. Отчасти их слова подтверждались женитьбой Кара дайы на очень, мягко говоря, некрасивой девушке с обожженным лицом. Некрасивость девушки ничем особым не компенсировалась, напротив, усугублялась – ко всему она была еще и мугалкой. Только слепой мог пойти на такой рискованный шаг, да и то, пощупав пальцами ее лицо, точно от казался бы от своего выбора.

Однажды на свадьбе, перед тем, как произнести тост, Кара дайы в очередной раз осмотрел сидящих за столами гостей и остановил взгляд на очень неприметном своем родственнике Казиме. Казим был настолько незаметен, что к тому времени даже не имел клички. Так вот, посмотрев с полминуты на ничего не подозревающего Казима, Кара дайы перед тостом сказал:

– Смотрю я на нашего мамаоглу²² Казима, а перед глазами стоит немец, которого мы взяли под Могилевом в качестве языка. Как же он был похож на Казима!

Сидящие на свадьбе посмеялись от души, а Кара дайы даже не подумал о последствиях и продолжил тост. Никто сегодня не помнит, какой он тост тогда говорил, но с того дня все зогаллинцы стали звать Казима немцем. Казим первое время упорно оспаривал свое сравнение с немцем, списывая все это на слабеющее с годами зрение Кара дайы. В частных беседах с Казимом многие зогаллинцы соглашались с его утверждением о слабом зрении Кара дайы и о возможном искажении при сравнении. Но за глаза продолжали между собой упорно называть Казима немцем. Говорят, что, устав бороться с непристойной кличкой и видя безуспешность своих попыток, в конце концов Казим сдался и сказал:

– Немец так немец! Лишь бы не мугал.

А некоторые зогаллинцы, – как вы догадываетесь, их было меньшинство, – объясняли привычку Кара дайы оглядываться по сторонам тем, что он, якобы хотел убедиться, нет ли среди присутствующих людей, которые могут опровергнуть его слова.

Как бы там ни было, и на этот раз он не спеша снял микрофон со стойки, внимательно прошелся острым взглядом по кругу – не только по учителям, но и по ученикам, – и не найдя ничего опасного, начал:

– Дорогие дети, тут Шариф муаллим уже сказал, о чем я буду говорить, но хочу сделать маленькое уточнение, – он повернулся к Шарифу муаллиму, – дорогой Шариф муаллим! Мой взвод никогда не попадал в окружение и не мог попасть, потому что у меня был особый разведвзвод, подчиняющийся только штабу фронта. А тогда мы просто неожиданно напоролись на немцев.

Шариф муаллим улыбнулся, извиняясь, кивнул головой в подтверждение того, что он признает свою ошибку. После этого Кара дайы с еще большим усердием начал рассказывать о том случае, и на этот раз четыре бойца его взвода в неравном бою уничтожили более двадцати немцев, закидав их граната-

ми, и при этом сами не потеряли ни одного человека. Закончил Кара дайы свой рассказ словами:

– По моей команде мы вышли из боя. Мы не имели права погибнуть, поскольку там, за нами, стоял Первый Белорусский Жукова. И в штабе фронта ждали от нас разведанных.

Под смех учителей, в этот момент прозвучали бурные аплодисменты, и какая-то девочка из младших классов подбежала и вручила Кара дайы цветы, наспех собранные во дворе школы.

Забегая вперед, скажу, что Кара дайы и впредь в своих рассказах о войне часто акцентировал факты ожидания генералами и маршалами советской армии в своих штабах разведанных именно от него, что лишний раз должно было подчеркивать особое предназначение его взвода. А то, что они всегда оставались живыми, Кара дайы объяснял тем, что погибнуть они не имели права, а вот если бы имели, без раздумья погибли бы, как и миллионы советских солдат, естественно, предвзвительно совершив какой-нибудь героический поступок.

Впоследствии я узнал, что Кара дайы был единственным командиром младшего звена в звании сержанта из числа зогаллинцев, ушедших на войну. Этим фактом сам он очень гордился и был не против, чтобы и другие гордились, а также всегда старался подчеркнуть свое отличие от других зогаллинских ветеранов, называя тех моздоками-пиздоками. В первое время я не понимал значения этого словосочетания, хотя и чувствовал заложенное в нем некое оскорбительное начало.

С Кара дайы мы считались родственниками, и на все мероприятия у нас дома, будь то какой-нибудь мовлуд, который среди зогаллинцев является очень распространенным религиозным действием, или когда резали бычка на зиму, чтобы сушить мясо на морозе и делать долдурму¹⁴, которая распространена в Зогаллы еще больше мовлуда, мой отец первым делом приглашал его. Наравне с моим дедушкой, Кара дайы считался законным аксакалом нашего рода, и, как правило, занимал верхнее место за скатертью. Если уж быть более точным, Кара дайы был единственным из гостей, который усаживался за стол, по-

крытый началом длинной скатерти, которая затем шла по полу, а остальные гости располагались вокруг нее на полу, на ковре. Между прочим, именно Кара дайы принадлежит крылатое выражение «ердан сидеть не могу», (не могу сидеть на полу), которое он произнес после возвращения с войны, сославшись на то, что якобы забыл некоторые слова родного языка. Использовать русские слова и выражения в разговоре он продолжает и по сей день, отдавая преимущество, конечно же, русскому мату, что придает особый колорит его лексикону.

Если за остальными гостями отец посылал моего старшего брата, то к Кара дайы ходил сам, подчеркивая его авторитет и старшинство, что очень почиталось в то время в Зогаллы. Помню, я был еще ребенком, и мой отец, когда на какое-то очередное мероприятие надо было пригласить Кара дайы, взял меня за руку и сказал:

– Пойдем и Кара бабу пригласим.

Я тогда впервые увидел их знаменитый дом, который стоял в конце двора. Он мне показался очень большим по сравнению с нашим домом. К тому времени все дворы зогаллинцев были обнесены каменными заборами, а вместо чахчахов у всех стояли большие железные ворота с железными калитками. Калитка оказалась запертой, поэтому отец стал стучать камнем по железке:

– Кара дайы, ай Кара дайы!

Во дворе залаяла собака, и только через несколько минут стало слышно, как отодвигают засов. Калитку открыла жена Кара дайы – старая женщина с сильно обожженным лицом.

– Добро пожаловать, – сказала она.

Отец поинтересовался, дома ли Кара дайы.

– А где ж ему быть, – ответила женщина, – ничего не слышит уже, совсем глухой, – и продолжила:

– Проходите во двор, проходите, не стойте в дверях.

Когда мы зашли во двор, она погладила меня по голове и поинтересовалась у отца:

– Старший?

– Нет, – ответил отец, – младший, старший в школе.

– Чтоб Аллах сберег! Машаллах²³, как вырос...

Через несколько минут показался и Кара дайы. Пуговицы его рубашки были застегнуты все до последней, несмотря на жаркий день, а брюки заправлены в носки. На ногах у него блестели галоши.

– Вот проклятые, – жаловался он на индюков, которые мирно паслись посреди двора, – как только калитка остается открытой, выскакивают на улицу. Двоих уже машины задавили, поэтому и калитку закрываю на засов.

Он поцеловался с моим отцом, потом поцеловал и меня. Объяснив причину приглашения, мы с отцом ушли, несмотря на уговоры Кара дайы и его жены выпить хотя бы стакан чаю.

– Аллах гябул элясин, – сказал нам вслед Кара дайы, – не волнуйтесь, я буду вовремя.

Когда я поступил в институт и вернулся после экзаменов домой, он сам пришел к нам без приглашения и поздравил моих родителей.

– Наконец кто-то из наших поступил в институт! – радостно говорил он. – Видите, я всегда говорил: кто занимается, тот поступает. А то что получается? Встречаю недавно на улице сына моего соседа Абдуллы, Рафика. Папироска во рту, дымит, как паровоз. И что я заметил: стоит нашим зогаллинским ребятам на месяц уехать в Баку, по возвращении все курят, будто в Баку кто-то дает им команду начать курить.

Тут он неожиданно прервал свой монолог и повернулся ко мне:

– А ты куришь?

Я отрицательно замотал головой, хотя тоже уже баловался в то время сигаретами.

– Ну и правильно, я десять лет спал в окопах и ни разу не курил, хотя вокруг все курили. Я свою махорку всегда на сахар менял.

– Так вот, – продолжил Кара дайы, – дымит этот Рафик, как паровоз. Увидев меня, конечно, быстренько бросил папироску,

погушил ногой и рукой рассеял дым. Тоже ездил поступать в Баку. Ну, спрашиваю, поступил? Хотя уже слышал, что не поступил. Не, Кара дайы, говорит, срезали. Кто срезал, спрашиваю. Ну что Вы, Кара дайы, как ребенок, будто не знаете, кто режет? В Баку срезали, да. Там без денег нечего ловить. А что, говорю, у тебя денег нет, что ли? Вы со своим младшим братом осенью обтрясли мои ореховые деревья, когда я болел, и продали в Закатале. Или этих денег не хватило? Смеется, харамзада, и говорит – да разве это деньги, Кара дайы! Если даже обтрясти все ореховые деревья Зогаллы и продать орехи, то все равно этих денег не хватит, чтобы в институт поступить. А вы говорите...

– У тебя, – говорю, – ума не хватило поступить, а не денег. Вот поступит внук моего амиоглу³⁹, между прочим, с тобой учился. Я имел в виду тебя, – показал он на меня, – тогда и посмотришь, как надо поступать. Когда ты, как обезьяна, лазил по моим ореховым деревьям, он сидел и занимался.

Засмеялся и ушел. Сам потом иду и думаю: если, не дай бог, не поступишь, опозорюсь перед этим харамзадой³⁴. Как хорошо, что поступил, – повернулся он опять ко мне, взял меня за руку и отвел в сторону, достал что-то из кармана и сунул мне в руку.

– Бери, это от меня, ты же знаешь, какая у меня пенсия. Прошлой осенью был хороший урожай орехов, вся надежда была на него, но сыновья Абдуллы обтрясли орехи и продали в Закатале, когда я болел, вместо того, чтобы учебой заниматься. И еще, – отвел он меня еще дальше, – я слышал, будешь в Русете учиться.

– В Украине, – поправил я.

– Какая разница – это одно и то же. Слушай меня внимательно, я хорошо знаю русских, с ними надо быть покладистее: что бы они ни говорили, всегда отвечай им «хорошо», а делай, как считаешь нужным. Им не нравится, когда «нет» отвечаешь.

Тут я не сдержался и засмеялся.

– Ты не смейся, я этот народ знаю очень хорошо, не зря десять лет служил с ними и командовал к тому же, – подчеркнул Кара дайы и продолжил, – не то что наши, моздоки-пиздоки, как твой дедушка, – мой амиоглу², между прочим. Все, как скошенные, в Моздоке полегли, вместо того, чтобы воевать. Хорошо хоть амиоглу живым вернулся.

– И еще: сейчас времена изменились, – продолжал он давать советы, – молодежь в городах в карты играет на деньги, курит всякую заразу. Не дай бог, понял? А если и предложат, уходи, отказывайся. Поступил – молодец! Голова у тебя есть, я знаю. Не только я знаю, в Зогаллы все знают, что ты поступил своей головой, не то что сын Абдуллы, моего соседа – обтряс втихаря мои ореховые деревья, когда я болел, и продал в Зака-тале! Нет, чтоб учиться, заниматься, а он начинает: «срезали». Сказал бы еще – «вешали!».

– Хорошо, Кара дайы, все буду делать так, как вы сказали. Только вот это вы зря, – намекаю на десять рублей, которые он мне сунул в руку.

– Бери, бери, так у нас положено, даже не думай отказываться, тебе пригодятся, особенно в первое время. Я бы больше дал, но осенью болел, а дети Абдуллы все обтрясли...

Злость на детей Абдуллы у Кара дайы никак не проходила. Потом он поинтересовался, в каком городе я буду учиться. И как знаток географии не только России и Украины, а также Прибалтики, Польши, Чехословакии, Германии и других государств успокоил меня и сказал:

– Нормально, зимой не очень холодно, наш Сарыбаш холоднее будет.

Почему я об этом говорю? Да потому что в те времена Кара дайы был единственным и авторитетным экспертом в Зогаллы по части характеристики климата российских и украинских городов, куда попадали служить зогаллинские дети. Сколько раз я сам был свидетелем, когда у него спрашивали, например:

– Кара дайы, наш ребенок попал в Иркутск служить, какая там местность, какая там зима?

И что интересно: всех зогаллинцев в основном интересовала зима, никто не спрашивал о лете или весне, и лишь изредка, и то работники правления колхоза или сельсовета, интересовались еще и осенью. Судя по вопросам, можно было сделать вывод о том, что главной опасностью для зогаллинских детей, проходивших службу в армии, по мнению их родителей и близких, являлась зима, если даже они служили в Средней Азии.

Данное суждение подтверждалось профессиональным наблюдением начальника зогаллинской почты Сейфуллы, который утверждал, что количество исходящей корреспонденции из Зогаллы зимой всегда превосходило количество входящей. И это он объяснял не иначе как возрастающим беспокойством родителей за своих детей в зимнее время, хотя партия и правительство, как мы помним, одинаково бережно заботились о солдатах в любое время года и никаких оснований для беспокойства не давали. А что касалось денежных переводов и посылок, то в любое время года они шли только в одном направлении – из Зогаллы.

Ответы Кара дайы годами были отработаны до автоматизма и звучали примерно так:

– Холодные места, что и говорить. Но их там одевают хорошо, двойное белье, как положено, бушлаты, если сильно холодно, и валенки, и шубы из овчины. Шапка, варежки – все, как положено. Их холод легче переносится, не то, что наш.

Или же:

– Очень дождливые места, но вы не бойтесь, им всегда плащ-палатку выдают, непромокаемую, армейскую. Все, как положено.

В ответах Кара дайы первая часть всегда характеризовала суровую действительность местности, куда попали служить дети зогаллинцев, а во второй части шло успокоение родителей, каким образом все это переносится. Бывали и абсурдные

вопросы, тогда Кара дайы отвечал уклончиво, а там, где он затруднялся ответить, ссылался на особенности армейской службы:

– Не все можно говорить, на то это и армия, – говорил он.

В те времена многие зогаллинцы почему-то думали (между прочим, за это легкомыслие их часто высмеивали мугалы), что зогаллинские дети, которые служат в России, обязаны каким-то образом видеться друг с другом, несмотря на географическую удаленность. Многим было как-то лень поискать на карте российские города, где служат их дети, когда рядом имелся Кара дайы, который всегда даст ответ и лучше любой карты знает Россию, поскольку, по его же словам, «бороздил ее от Ленинграда до Берлина», самовольно при этом присоединяя к России территории стран социалистического лагеря. Помню, как-то соседская женщина пришла за советом к Кара дайы, жалуясь на своих сыновей, один из которых служил в Новосибирске, а другой в Мурманске.

– Ай Кара дайы, – говорила она, – родные ведь братья, неужели хоть по выходным нельзя видеться? Я понимаю, младшего командиры не пускают, почему старший не поедет и не проведает своего брата?

Я тогда с большим интересом ждал от Кара дайы ответа в виде очередного шедевра, потому что Кара дайы плохо знал восток России и Сибирь, так как ту часть России он не успел «побороздить» во время войны. Каково же было мое удивление, когда он спокойно ответил женщине:

– Наша жена (он так называл свою жену) вот уже целый месяц приглашает нашего младшего зятя из Тасмаллы на ореховый плов, а тот никак не приезжает, говорит, что дорога длинная. А ты подумай сама, ай, Гюльсанам: Мурманск где, а Новосибирск где? Зря обижаешься, за выходные не смогут съездить друг к другу ребята. Некоторым лень к теще в выходные сходить, чтобы покушать ореховый плов, а тут из Новосибирска в Мурманск? Ты хоть головой думаешь?

Несмотря на жесткий ответ, соседская женщина ушла довольной, признав необоснованность своих претензий к сыновьям.

И в каждый свой приезд на каникулы в студенческие годы я первым делом обязательно навещал не только дедушку, но и Кара дайы, дом которого находился рядом с домом дедушки. Меня почему-то очень тянуло к нему, и нравилось мне слушать его рассказы, как бы он их ни приукрашивал. И каждый раз перед моим уходом он доставал из своего внутреннего кармана завернутые в платочек деньги, давал мне и говорил:

– Это от меня.

Как-то в очередной приезд зимой дедушка мой был уже серьезно болен, и когда я пошел его навестить, застал у него и Кара дайы.

Они оба очень обрадовались, увидев меня. Дед привстал с кровати и сказал:

– Вот вчера я как раз думал о тебе: неужели, думаю, не приедешь зимой, и я больше не увижу тебя.

Я, как мог, успокоил дедушку, в глазах которого явно читалась обреченность. А Кара дайы все шутил по поводу болезни дедушки.

– Да ты нас всех переживешь! Умирать собрался. Если так хотел умереть, надо было вместе со всеми в Моздоке голову сложить. Знаешь, почему я их моздоками-пиздоками называю? – обратился ко мне.

Я покрутил головой:

– Нет.

– Так слушай, раз не знаешь. Восемьдесят пять мужиков из Зогаллы призвали тогда в армию. Вернулись четырнадцать, значит, погиб семьдесят один, правильно? Так вот, большинство из них именно в Моздоке и погибло. На войне надо воевать, а смерть – от Аллаха. Когда Он даст, тогда и умрешь. Раз уж пошел на войну, воюй, не бойся, иди напролом. Что получается?

– Не знаю, – искренно отвечаю я и жду, что же ответит Кара дайы.

И он продолжил:

– А вот что получается, мой красивый внук моего брата. Получается, что эти бедолаги пошли на войну не воевать, а погибать. И почти все зогаллинцы погибли в Моздоке. Поэтому я их называю моздоками-пиздоками, да простит их Аллах за такую смерть и ниспошлет им милость.

После смерти дедушки я стал видеть в Кара дайы самого близкого мне аксакала, благо он со мной был всегда откровенен. После окончания института я зачастил к нему в гости, а также стал поздравлять его по телефону в праздники. Телефон ему установили в доме к тридцатилетию Победы. Он очень гордился наличием у него дома телефона и поставил аппарат возле своей кровати:

– Как только захочешь услышать голос Кара дайы, – набирай!

Я и набирал. Если в первое время мы с ним всегда пили чай, когда я бывал у него в гостях, то после института и армии он стал доставать более крепкие напитки собственного изготовления:

– Институт прошел, армию отслужил, – сейчас можно, – говорил.

Говоря научным языком, методологическую основу его рассказов составляли методы познания, о существовании которых сам Кара дайы никогда не догадывался. Им часто применялся диалектический метод, который давал ему возможность видеть историю Зогаллы на всех этапах ее развития, а логическим методом он обосновывал базовые порядки и устои Зогаллы. Но лучше всего ему удавался сравнительный метод. Кара дайы ничего не стоило сравнить событие двухсотлетней давности с сегодняшним днем и предсказать судьбу героев своих рассказов, если бы те жили в наше время.

* * *

По словам Кара дайы, черный цвет его лица несколько раз выручал его в самых тяжелых случаях. Один раз до войны и

несколько раз в первой войне с финнами, когда он служил в разведке в рядах Красной армии, куда его призвали в 1936 году, в ноябре. В войне с немцами цвет его лица, как он говорил, ему особо не помогал, потому что немцы тогда на всех своих врагов смотрели, как на негров. За два месяца до армии он успел жениться на девушке с обожженным лицом из соседней мугальской деревни. Лицо она себе обожгла, когда пекла хлеб в тандире³¹ и, поскользнувшись, упала туда. Раньше мугальские тандиры полностью были вкопаны в землю. Имея преимущество по части поддержания жара, такие тандиры были не очень практичными при выпекании хлеба. Мугальская женщина, подобно неопытному охотнику, залегшему в камышах в ожидании дичи, тоже крутилась лежа вокруг тандира, чтобы лепить к его стенкам очередную порцию теста и извлекать уже испеченный хлеб. Зогаллинцы высмеивали мугалов за такой способ выпечки хлеба, называя движения мугальских женщин-хлебопексов «танцами на животах».

Зогаллинские тандиры напоминали мугальские, но представляли собой круглое сооружение из обожженной глины, сантиметров на двадцать–тридцать вкопанное в землю, большая часть которого находилась над землей. Наземная часть тандира составляла в высоту семьдесят–восемьдесят сантиметров, а для более длительного поддержания тепла она снаружи обшивалась прутьями кизила и обмазывалась глиной.

Поскольку мугалы, в отличие от зогаллинцев, не были твердыми консерваторами по части соблюдения устоев и привычек, они со временем согласились с преимуществом зогаллинских тандиров и постепенно перешли на новый, наземный способ их сооружения и выпекания хлеба. Но при сооружении новых тандиров мугальские мужчины допустили некоторые технические погрешности, за которые потом заплатились их женщины. Дело в том, что они не соблюдали годами сложившуюся и апробированную практикой высоту тандира. Имея высоту семьдесят–восемьдесят сантиметров, зогаллинский тандир

позволяет среднестатистической зогаллинке, не отрывая ног от земли, перегнуться через стенку тандира, прилепнуть в самый низ заготовленное тесто и точно таким же образом достать испеченный хлеб. Мугалы не соблюдали именно высоту наземной части тандира, которая у них составляла около метра. В результате мугальской женщине, чтобы достать дно тандира, приходилось отрывать ноги от земли, чтобы налепить тесто. Не каждой мугалке удавалось удержать при этом равновесие. Именно на одной из таких неудачниц и женился Кара дайы: она упала в тандир и обожгла себе не только руки, но и лицо.

Зогаллинцы отказывались выдавать за Кара дайы замуж своих дочерей, очевидно, из-за цвета его лица (и тела, конечно же), и, как он потом говаривал, «в отместку» им он и женился на мугалке. Дело в том, что зогаллинцы никогда до этого не брали в жены мугалок, считая их не очень «чистыми» и почему-то хитрыми. При этом никого из своих дочерей они тоже не выдавали замуж за мугалов. Когда стало известно, что Кара дайы намерен взять в жены мугалку из соседней деревни (кого именно, он не говорил), старики Зогаллы собрались на экстренное обсуждение ситуации. Они долго совещались, но так и не пришли к нормальному решению. Желающих выйти замуж за Кара дайы в Зогаллы не оказалось. Кара дайы им открыто заявил и, можно сказать, что даже шантажировал:

– Согласен жениться на любой зогаллинке, которую вы предложите, а не будет желающих – женюсь на мугалке. Так что подумайте.

Старики еще раз подумали...

Несмотря на существование реальной угрозы посягательств на зогаллинские устои, желающих стать его женой опять не нашлось. В результате чего Кара дайы счёл себя свободным от обязательства, негласно взятого каждым из зогаллинских мужчин при рождении – не жениться на мугалке, и через месяц после беседы со стариками во дворе каменного дома Кара дайы появилась мугальская жена.

Мои зогаллинские друзья, зная откровенность Кара дайы в беседах со мной, каждый раз напоминали мне, чтобы я поинтересовался у Кара дайы, где и как он познакомился со своей будущей женой? Оказывается, об этом моменте своей жизни Кара дайы не очень любил рассказывать, считая женитьбу на мугалке не самым удачным поступком в своей жизни.

При нашей очередной беседе я все-таки решился на этот вопрос. Кара дайы смотрел на меня с полминуты и, прежде чем рассказать историю своего знакомства с будущей женой, спросил:

– А знаешь анекдот о старом и молодом быках, когда молодой не послушал старого и сломал себе ногу?

– Нет, не знаю, – честно признался я.

– Расскажу как-нибудь, узнаешь. Я тогда поступил как тот молодой бык из анекдота. Не послушал никого, молодой был, здоровый. Что греха таить, по ночам не мог с одного бока на другой переворачиваться – так женщину хотел. А наши все откладывались выдать за меня своих дочерей, оттого что я черный. С другой стороны, и дом пустовал, большой дом, и я боялся, что опять какой-нибудь сельсовет разместят в моем доме.

– Какой еще сельсовет, Кара дайы? – недоуменно спросил я.

– Какой, какой... Наш сельсовет. А то ты не знаешь?

Я на самом деле не знал. Но почувствовал, что сегодня Кара дайы прорвет, и он расскажет многое – настроение у него хорошее.

– Ну, расскажите и про сельсовет, Кара дайы, – прошу я.

Смеется Кара дайы:

– Так что тебе рассказать – как с этой дочкой мурдашира²⁵ познакомился или как мой дом забрали под сельсовет?

– И то, и другое, – смеюсь я в ответ.

Мы сидим у него дома и пьем красное домашнее вино мелкими глотками в ожидании готовящегося обеда. Все равно делать нечего.

– И это правильно, – говорит Кара дайы, – может, когда-нибудь хоть три слова напишешь об этом. А то что получается: триста лет стоит Зогаллы, и ни слова о ней не написано. Кстати, знаешь, почему не написано?

– Не знаю, – говорю.

– Так знай, если не знаешь, – смеется Кара дайы. – Писать-то о чем, о ком? Да не о чем и не о ком. Ты езжай в Загаталы или в Шеки, стань на базаре и говори прохожим, что ты из Зогаллы. Из десяти человек девять не будут знать, где эта Зогаллы находится, пока не скажешь, что ты земляк Кара дайы. Вот тогда будут знать.

– Вы же у нас знаменитость, – говорю я как бы в шутку.

Обижается Кара дайы:

– Не веришь, да? Вот тебе пять рублей, сейчас же садись на такси, поезжай и спроси. И если я не прав, скажешь мне – Кара дайы, ты не прав.

Кстати, несколько слов о такси. В последние лет десять Кара дайы вдруг понравилось разъезжать на такси. И ведь что интересно: в Гах и Загаталы он добирается рейсовым автобусом, но обратно – непременно на такси, даже если у него не остается денег, чтобы расплатиться с водителем. Бывали случаи, когда Кара дайы приезжал домой на такси, потом бежал к соседям и одалживал деньги, чтобы рассчитаться с таксистом. По словам некоторых зогаллинцев, многие таксисты, знающие его и знакомые с его методом расчетов, в последнее время под любым предлогом отказывают ему в поездках.

– Пять рублей туда, а на обратную дорогу? – шучу я, – и с чего вы взяли, что я не верю? Да верю я, Кара дайы. Все знают, что если бы не вы, никто и не знал бы о существовании Зогаллы, – подбадриваю его.

– Вот об этом я и говорю, – продолжает Кара дайы (нравится ему, когда его хвалят), – раньше знали благодаря моему отцу, уста Нурулле, Аллах рахмят элясин. Грузины и сейчас за стол не садятся, когда его имя слышат.

– Почему не садятся?

– Боятся, что придет Нурулла и споит всю деревню. Такой он у нас был. А руки у него какие золотые были? Сам гулдур Джума из Джара приезжал за ним и заказывал ему дом. Между прочим, когда Советы убили гулдур Джуму, его дом отдали под школу. А мой дом хотели забрать под сельсовет. Но мне немножко повезло. Когда Советы стали создавать колхозы, у людей начали забирать лошадей, овец, коз, коров, буйволов. Справедливости ради надо сказать, что забирали ровно половину того, что ты имел. Имел две коровы, одну оставляли, одну забирали, имел тридцать овец – пятнадцать колхозу, пятнадцать тебе. А то сейчас говорят, мол, все забирали. Не верь, забирали ровно половину.

– А у кого много было? Если тысяча овец было – пятьсот оставляли? – спрашиваю я.

Тут Кара дайы задумывается и смеется:

– У таких все забирали, а самих – в Сибирь. Правда, никого из зогаллинцев тогда в Сибирь не сослали, но в первое время троих братьев Нуруоглу расстреляли прямо в центре деревни, напротив магазина нашего. Мне было лет десять или двенадцать, поэтому я хорошо помню: собрали всю деревню, дали братьям лопаты в руки. Они сами себе выкопали могилы, а потом поставили их на колени, прислонили головы к земле и в затылок расстреляли. На глазах у детей, женщин, стариков. Ногой толкнули, и упали братья в собственноручно выкопанные могилы. Засыпали их землей и уехали. Вот такая жестокая была власть. У братьев были целые отары овец, пять или шесть нукеров, они с самого начала стали упираться. Советы не любили таких людей. Расстреляли, и делу конец.

Кара дайы помолчал, а потом продолжил:

– Умные люди мне намекнули, дескать, Кара, ты парень молодой, надо что-то делать со своими овцами. А их у меня как-никак голов двести было тогда. Я же должен был на что-то жить, вот и держал овец. Овец своих сам не пас, а вместе с несколькими зогаллинцами, у которых тоже было много овец,

нанимал пастухов из мугальских деревень. Пастухи они, конечно, никакие, – а чего еще ждать от мугалов – но самому не очень охота пропадать месяцами в горах, не любил я холод и сейчас не люблю. С другой стороны, кто-то должен же был за домом следить, а дом у меня, спасибо отцу, был каменный и по тем временам самый большой в деревне. И сейчас он у меня стоит как новый. Отец мой отлично знал это дело, не то что сегодняшние строители. И две буйволицы у меня были, две коровы, несколько бычков. Но за ними я сам смотрел, держал дома. Сам доил, сам айран-гатых¹⁰ делал, продавал. Как-то надо было жить. У меня же никого не было, кроме дяди, отца твоего дедушки. Он помогал, как мог, Аллах рахмят элясин, но он тоже после смерти моего отца долго не прожил, умер года через три, так что остался я совсем один. А дедушка твой – мы с ним почти одногодки – жил со своей мамой, хорошая женщина была, Аллах рахмят элясин. Так вот, первый председатель колхоза Абдулазиз через день, как его назначили, вечером пришел ко мне. Сели, о том, о сем поговорили, вижу, что-то хочет сказать, но вроде как стесняется. Тогда я ему сам говорю:

– Абдулазиз, ты похож на человека, у которого есть слово, так что говори.

Он немножко даже обрадовался, облегченно сказал:

– Знаешь, Кара, эти не любят богатых...

– Кто эти? – делаю вид, что не догадываюсь.

– Советы, – сказал он, – они не любят богатых.

– Ну и пусть не любят, – отвечаю, – я-то причем?

– Это как посмотреть, знаешь, Кара, для них ты считаешься очень даже небедным.

– Это я, что ли, богатый? – говорю, – Да кроме сраных овец, я ничего не имею.

– Сраных, не сраных, – спокойно продолжил Абдулазиз, – а голов двести небось будет, не меньше.

Что интересно, говорил он со мной, но смотрел вниз все время, – видимо, ему неудобно было смотреть мне в глаза.

– Так это ж мои овцы, – ответил я, – разве я украл их?

– В том то и дело, Кара, что не украл. Но эти говорят, что это слишком много для тебя одного.

– Ну и пусть говорят, по мне, так еще и мало, – сказал я. – Сколько лет ничего не добавляется, с этими мугальскими чабанами. Знаешь, как они пасут? То медведь украл, то со скалы овца сорвалась, то еще что-нибудь.

– Да, согласен, – говорит Абдулазиз, – хорошо, что напомним, эти еще не любят, когда кто-то на кого-то работает. Эти говорят, что все должны работать только на них.

– И кто же на меня работает? – спросил я.

– Твои пастухи на тебя работают.

– Так это же мугалы, я же не своих нанимаю.

Я, конечно, не должен был такого говорить. Абдулазиз резко встал и сказал:

– Ты мне брось эти слова, Кара, один раз при мне сказал и больше нигде не повторяй. Все люди одинаковые, не для того они делали революцию, чтобы людей делить по сортам, – кричал он на меня. А дальше – больше:

– Для нас, новой власти (уже и себя, смотрю, он определил к властям), все люди одинаковые – что мугалы, что зогаллинцы, что белые, что черные.

Тут уже я не выдержал:

– На что ты намекаешь, Абдулазиз, ты брось мне эти штучки, – сказал я ему, – ну и что же, что я черный, твоя власть советская тоже черная. Я у твоей власти ничего не прошу, и пусть она меня оставит в покое.

– Подумай, Кара, мое дело тебя предупредить. Вот в Гейнуке тоже такие умные, как ты, отказались делиться с властью, и где они? Где они, спрашиваю у тебя, Кара?

– Откуда я знаю, где они, – буркнул я.

– Вот-вот: в Сибири, Кара, в Сибири. Подумай, Кара, подумай, и лишнего не говори нигде, новая власть этого тоже не любит. Засунь свой язык в задницу и успокойся. Завтра вечером загляну еще.

И Абдулазиз ушел.

Потом я, конечно, успокоился, поскольку понял, что зря себя так вел. Абдулазиз на самом-то деле хотел мне помочь, и я тебе скажу, он многим помог, не только мне. Ни одного зогаллинца тогда не взяли, не посадили. Асстафруллах, только одного нашего взяли, муллу Назира. Тогда он не был муллою и с тасмаллинцами ограбил в Гахе большой магазин, а на суде все взял на себя, его и отправили на двадцать лет в Сибирь. Но тут Абдулазиз ни при чем, наших он никого тогда не сдал.

Утром я быстренько сел на лошадь – и в Гейнук. Там тоже мугалы живут, но они лучше наших мугалов будут. У них к тому времени уже создали колхоз. Короче, мои гейнукские кунаки мне рассказали, как у них троих отправили в Сибирь.

Тогда про Сибирь-Мибишь мы мало знали, только и слышали, что там холодно. Поэтому в Сибирь, честно говоря, я не очень-то хотел. Я вообще холод не люблю, не люблю морозы.

Тут я полушутя спросил у Кара дайы:

– Кара дайы, может, и вправду мама ваша пошалила с арабом? Арабы живут в пустынях. Они тоже холода не переносят.

Кара дайы резко повернулся ко мне и разразился матом:

– Маму я имел и у арабов, и у тех, кто тебе это сказал! Бляди они, только и делают, что слухи разносят! Ну вот подумай сам, если бы мой отец был таким лопухом, строил бы он этот двухэтажный дом из камня? Я у тебя спрашиваю, строил бы? Да нет, конечно. Приехал бы за ним из Джара сам гулдур Джума? Я у тебя спрашиваю, приехал бы? Нет, конечно, не приехал бы. Так что, сынок, не верь ты этим слухам.

Наконец он успокоился немножко и продолжил свой рассказ.

– Абдулазиз пришел через два дня и сразу спросил: – Ну, Кара, что решил? – и смотрит на меня внимательно, как будто от моего ответа зависело, будет колхоз в Зогаллы или нет.

Я уже внутренне был готов отдать своих овец, но решил немало поиздеваться над Абдулазизом. Сейчас, конечно, когда

об этом рассказываю, мне даже немножко стыдно. А тогда молодой был. Зря я издевался над ним, мужик он был неплохой, но подневольный – что сверху говорили, то и делал.

– Забирай всех козлов, – сказал я ему, – пусть твой колхоз будет козлиным, – и засмеялся.

Злился Абдулазиз очень, он боялся новой власти. Это я потом понял: чем человек ближе к власти, тем больше ее боится. А чем дальше от власти, боится меньше. Это потому, что человек, находящийся рядом с властью, знает ее возможности, а потому и боится. Вот так-то, сынок. Абдулазиз боялся, тем более что это была советская власть. Эта власть на телеге могла охотиться на зайца. Да о чем говорить!

– Кара, твой язык тебя прямиком в Сибирь направит, – покачал Абдулазиз головой, потом продолжил:

– Козлов эти не возьмут, эти козлов не любят, их оставь себе, отдавай овец.

– Почему они козлов не любят? – спросил я.

– Они не любят, когда кто-то от стада отрывается. Они любят, когда все вместе пасутся.

– Но какой-то козел должен же вести стадо? – выпалил я, как бы выразив свое возмущение очевидным нарушением строевого движения стада.

– Они сами будут пасти, – ответил Абдулазиз, – они любят пасти.

– Раз пасти любят, – ответил я Абдулазизу, – значит, пастухи пришли к власти, знай, Абдулазиз.

Говорил, что попало, не знал я тогда силу новой власти.

– Язык, Кара, язык! – кричал Абдулазиз. – А что будет, если отправят тебя они в Сибирь? А это, – показал он на мой дом, – все заберут. Ты подумал об этом?

Но в Сибирь я не хотел, там морозы большие. И дом мне не на кого оставить. Короче, отдал я все стадо вместе с чабанами-мугалами колхозу, оставили мне всех козлов и коз – их было с десяток, и три десятка овец. Правда, спасибо Абдулазизу, дал выбрать себе из стада лучших.

– Выбирай сам, каких хочешь, – сказал он.

Я и выбрал. Спасибо хоть на этом.

А Абдулазиз поехал в Гах и доложил какому-то комиссару, что в Зогаллы молодой человек по имени Кара настолько любит советскую власть, что подарил колхозу целое стадо овец, корову, двух бычков и буйволицу. Анассыны! Если бы это было так!

Кара дайы впервые за весь наш разговор выругался матом на азербайджанском языке.

– Но тем самым Абдулазиз меня спас, – продолжил Кара дайы, – он многих спас от Сибири. Я в Сибирь не хотел, там морозы большие, а я не люблю холод.

Только-только начал я приходить в себя после сдачи в колхоз своих животных, как пришли ко мне из сельсовета. Для чего тогда создавали сельсоветы? Мол, чтобы помогать людям, живущим в деревне. Ну, создали и на здоровье, работайте, причем тут я, спрашивается. Ан нет, оказывается, им понравился мой дом, и пока они будут строить себе новое правление, собираются расположиться у меня. Пришли ко мне вечером человек пять, среди них и наши, и не наши. Честно тебе скажу, я где-то в душе обрадовался, увидев их, думал, наверное, решили в сельсовете помочь мне. Может, хотят меня женить, нашли кого-то, раз сельсовет создали, должны же они людям помогать? Кто, как не я, в первую очередь нуждался в помощи?

А они, оказывается, не женить меня хотели, а поймать, извини за выражение. Мол, сельсовет решил: пока построим себе здание, разместимся у тебя дома, на первом этаже.

– Как это, сельсовет решил? – недоумевал я. – Это мой дом! Что за строй пришел: колхоз решил – забрали все мое стадо, сельсовет решил – в мой дом хотят вселиться?

Я мотал головой, кричал, не знал, что делать. Опять кто-то из наших напомнил мне про Сибирь и быстро меня успокоил. Знали мое слабое место.

– Сказали, временно, значит, временно, так что успокойся.

Будешь шуметь, заберем весь дом. Ты живешь один, тебе и так много оставляем, весь второй этаж.

– А если завтра женюсь? – спросил я.

– А ты сперва женись, – ответили мне.

Думали, наверное, что я никогда не женюсь с такой внешностью.

– Так что получается, – не отставал я, – если женюсь, значит, свою жену буду иметь над сельсоветом, да?

– Будешь умничать, – ответили мне, – будешь иметь сам себя двумя руками и в Сибири!

Опять Сибирь! В Сибирь я не хотел, там холодно, а я морозов и тогда не любил, и сейчас не люблю.

Короче, поселились они у меня на первом этаже и работали себе. Месяца через два приехала к ним какая-то комиссия: один русский из Баку, другой наш. Увидев здание сельсовета, они, оказывается, похвалили председателя. Молодец, мол, такое здание имеет сельсовет. А когда решили переночевать в Зогаллы, им места не нашлось нормального. Председатель решил поселить их на втором этаже, рядом со мной в пустующей комнате. Чем не гостиница? Во всей деревне не нашлось места, вот тебе и Зогаллы. Для уважаемых гостей из Баку не нашли места, чтобы они переночевали.

Как раз вечером я и встретился с ними. Увидев меня, они не поверили своим глазам. Не каждый день, конечно, встретишь такого черного, как я. И стали спрашивать, как я оказался в этих краях, много ли у меня родственников в Африке? А когда узнали, что никакой я не африканец, а свой, зогаллинский, совсем обалдели. Ну, я и пожаловался им на новую власть. Рассказал, как колхоз у меня забрал овец, коров, как сельсовет поселился у меня дома. И все это я связывал с тем, что я один, у меня никого нет, я черный, все надо мной издеваются. Я знал, что говорить. Так вот, я говорил, а наш переводил этому русскому. Слушал, слушал тогда русский и в конце сильно выругался:

– Йофф ихху матт! – сказал он.

Я тогда впервые слышал эти слова, но хорошо запомнил их. Это я сейчас знаю, что эти слова означают. Тогда не знал. Русский человек, когда возмущается чем-нибудь или когда чем-то бывает недоволен, он всегда так ругается. Так было, по крайней мере, раньше, в наше время. А сейчас, говорят, русские ругаются даже тогда, когда бывают довольны. Но это тебе лучше знать. Времена меняются. Короче, этот русский, оказывается, дал указание, чтобы сельсовет искал себе другое место, чтобы они освободили мой дом. Он тогда еще сказал, что советская власть должна защищать таких, как я, бедных, одиноких сирот, а не отбирать у них дома и животных.

А меня он по плечу похлопал и сказал:

– Все будет хорошо.

Овец, конечно, не вернули, но сельсовет через две недели ушел.

Вот так вот, этот русский мне помог, а свои не помогли, как будто не знали, что советская власть должна защищать таких, как я. А как он мне сказал – «хорошо», я тогда даже не знал, что это означает, но понял, что сельсовет уйдет. Человек такое создание, сынок, что доброту чувствует. Всем хочется защиты. Вот моя собака всех собак в округе боится, когда одна. А когда рядом со мной, не боится никого. Почему? Потому что чувствует защиту. Собака, животное, и то понимает все это. А каково людям? Я сейчас всем нашим парням говорю, когда уходят служить в армию: что бы командир ни говорил, отвечайте – «хорошо». Русским это нравится.

Сельсовет съехал, а я начал уже задумываться о женитьбе, ведь не было гарантии, что эта власть не придумает вселить ко мне какую-нибудь другую контору. Поэтому и торопился жениться, будь оно неладно. А наши зогаллинские девушки за меня не хотели, вот я и выбрал мугалку.

– А вы кого-нибудь любили из наших, Кара дайы? – спросил я.

Он задумался, а потом вдруг взорвался:

– Как я мог любить? Ты себе это как представляешь? Это я сегодня уважаемый Кара дайы. А тогда, когда я был юношей, все надо мной смеялись. Вот так я и вырос, под постоянными насмешками. Особенно девушки смеялись надо мной. Я тогда боялся даже подходить к ним, а ты спрашиваешь, любил ли я? С другой стороны, сирота, ходил в детстве вечно грязный, недоедал. Летом, бывало, меня дядя Автандил забирал к себе. Царство ему небесное. Хоть кормили там, купали меня, обстирывали. А дети везде дети, что наши, что грузинские. И там смеялись надо мной, пальцем тыкали. Знаешь, столько лет прошло, а я и сейчас, как сегодня, помню, как они меня обывали, дети грузинские.

– Как? – поинтересовался я.

– «Чучхиян» называли меня. Я быстро выучил тогда грузинский. Дети всегда быстро схватывают языки. Я дрался с ними, вечно дрался. А чучхиян по-грузински «грязный». Я от обиды плакал. Дети думали, что я вечно грязный, потому и черный. Бывало, дядя Автандил возьмет меня за руку вечером и отведет к родителям мальчиков, которые обижали меня днем. Поговорит с родителями и успокоит меня. А что дети: день промолчат, второй день, а потом опять все начиналось заново. Один раз я не выдержал, тогда мне было лет восемь-девять, сбежал из Алибейли в Зогаллы. Через лес и фундуковые сады. Это сейчас везде дороги, тогда не было ни дорог, ничего. Босиком сбежал. Пришел домой, залез на чердак и спрятался. Бедный дядя Автандил искал меня в Алибейли и, не найдя, – прямо в Зогаллы. И тут меня никто не видел... Что он тогда пережил, один Аллах знает.

Вот так я и вырос: кто кусок хлеба даст, кто выстирает мою одежду. А к тринадцати годам я уже был взрослый парень, по дому делал все. Перед смертью отец твоего дедушки позвал меня и сказал:

– Вот тебе две овцы и один теленок.

И еще дали курицу с цыплятами. Вот так я начал самостоятельную жизнь. И работал, а когда колхоз начали создавать,

у меня уже было около двухсот овец и коз, были буйволицы, коровы, бычки. Двор был полон курами, индюшками.

– Так откуда вы знали, что зогаллинские девушки за вас не пойдут замуж, – не выдержал я и еще раз спросил у него, – раз вы сами никого не любили?

– Я что, слепой, что ли, был? Я все видел и чувствовал. Я видел, что наши за меня не пойдут замуж. Тогда я и сказал им, нашим старикам, что, дескать, если в Зогаллы никто за меня не хочет замуж, женюсь на той, которая согласится на стороне. На том и сошлись.

В то время я часто через Ганых переходил в Грузию. Ганых – река большая, однако в жаркую погоду пересыхала, и курица вброд ее могла перейти. Как-то возвращался я с той стороны и заметил ее.

Тут Кара дайы прервал свой рассказ, посмотрел на меня и сказал:

– Вот мы и дошли до твоего вопроса о том, как я познакомился со своей женой.

Я довольно кивнул головой. А он продолжил:

– Так я и познакомился с ней, когда возвращался, значит, на лошади с грузинской стороны по дороге через мугальскую деревню. Возле родника народу полно – и женщин, и мужчин. Мугалы и тогда помогали своим женам воду носить, а сейчас у них, тем паче, в каждый двор провели воду, кран открываешь – вода идет. Наши что тогда не помогали, что сейчас воду не провели по дворам. И таскают ее наши бедные женщины на плечах. Только смеяться умеем над мугалами. Так вот, поздоровался я, попил воды, а на меня все внимательно так смотрели. Но никто не смеялся. Одна девушка, с обожженным лицом, толкнула подругу и сказала:

– Он, оказывается, действительно черный. А так ничего, высокий такой.

Я же все вижу и слышу – это я-то высокий, думаю. Я запомнил ее и ее слова. Про меня все в окрестных деревнях слышали, только многие не видели. Через знакомых чабанов,

которые пасли моих овец, послал весточку, мол, если она не против, могу и жениться, если согласна, то буду умыкать. Хотел действовать наверняка, думая так: у нее тоже проблемы с лицом, а я черный, Аллаху будет приятно, если сойдемся. Потом те же чабаны организовали мне вечером встречу с ней, там мы обо всем и договорились.

* * *

Мугалы, оказывается, очень обрадовались, что наконец-то традиция нарушилась, и при этом пришлось жертвовать не самой красивой мугалкой. Будь Кара дайы тогда более настырным, он, конечно, мог бы выбрать и более красивую мугальскую девушку, потому что мугальские старики, в отличие от зогаллинских, ради внедрения своих людей в ряды зогаллинцев готовы были уговорить любую. Но что случилось, то случилось, а злые языки в Зогаллы утверждали, что якобы Кара дайы даже не умыкал эту бедолагу, а родственники сами привезли ее на арбе глубокой ночью. Косвенно это подтверждало то, что на следующий же день мугалка пошла за водой к роднику с новыми жестяными ведрами. В те времена в деревне очень мало было таких ведер, и в Зогаллы соседи по внешнему виду определяли, кому эти ведра принадлежат. Классическая зогаллинская женщина обычно ходила по воду с саганком на плече, который был похож на большую амфору с кольцеобразной ручкой сбоку для надевания на плечо, и с двумя ведрами в руках. Вода из саганка предназначалась для питья и приготовления еды, а вода в ведрах, как правило, шла на поение животных. По дороге домой зогаллинка часто останавливалась, меняя плечо под тяжелым саганком и давая отдых пальцам, в которые врезались тонкие ручки ведер. В это же время, когда зогаллинские женщины с глубокими вздохами и частыми остановками несли домой воду, мужчины сидели где-нибудь возле тропинки под тутовым деревом и обсуждали насущные проблемы.

В Зогаллы доставка воды из родника домой издревле считалась женской работой. И зогаллинские мужчины ехидно насмехались над мугальскими мужчинами, которые охотно помогали своим женщинам в этом деле. И не дай бог, какой-нибудь зогаллинец пошел бы за водой сам – он сразу становился объектом насмешки и критики:

– Что случилось? – спрашивали его, – и чем же ты не мугал, раз помогаешь жене носить воду из родника?

Любые ответы, типа «заболела жена», или, не дай бог, «руку сломала» не устраивали зогаллинцев.

– Нельзя соседок попросить, что ли? – упрекали такого мужа, давая понять, что если даже жена заболела, можно найти какую-нибудь другую женщину, чтобы принести воды.

Как говаривал один зогаллинский старик, ничего, дескать, тяжелого в доставке воды нет, и нечего в этом деле женщин жалеть.

– Что им, берут ведра и саганки и несут себе воду, ни о чем не думая. А мы должны думать, как жить дальше, чем прокормить семью.

Логично? Конечно, логично, если бы не одно «но». В свой первый же выход за водой к роднику мугалка отказалась взять саганк, а пошла с двумя ведрами:

– Зачем буду себе резать плечи, нам и двух ведер воды хватит, – сказала она, тем самым косвенно намекая якобы недогодливый зогаллинцам на то, что она пришла со своими новыми ведрами, – если надо, я лучше еще раз вернусь.

Зогаллинцы взялись за головы:

– Что же получается, что мы, значит, дураки, да, если, идя по воду, обязательно берем саганк? Значит, наши дедушки были дураками, когда грузили наших бабушек саганком да еще двумя ведрами?

Зогаллинские женщины с самого утра устроили переключку в деревне:

– Слышала? – кричала одна соседка другой.

Та удивленно отвечала, делая вид, что ничего не слышала:

– А что случилось? – хотя уже догадывалась, о чем пойдет речь, но женское любопытство требовало все новых и новых подробностей.

– Наша красавица-то ходит за водой исключительно со своими двумя ведрами, ей, видите ли, саганк плечо режет.

– Да что ты говоришь, какой позор, какой позор, – отвечала вторая, и продолжала, – лишь бы другое место не резал.

– Представляешь, из того ведра, что она буйвола поит, она и Каре воду дает.

– Бедный Кара, еще больше потемнеет, – отвечала другая.

Короче, назревал большой скандал, но тут вмешался Кара дайы, заявив, мол, вы не так ее поняли: она бы тоже с удовольствием пошла за водой с саганком, но он у них дырявый, после смерти матери некому было пользоваться саганком, так он и прохудился на чердаке. Вот когда появятся в деревне мастера, он отдаст им саганк на ремонт, они починят его, и жена будет ходить за водой как положено зогаллинской женщине – с саганком. В общем, кое-как замяли тогда скандал, но зогаллинцы лишний раз убедились в хитрости и коварстве мугалов.

А самые ярые сторонники исторического способа доставки воды из родника домой говорили:

– Плечи, видите ли, бережет. Лучше лицо бы свое берегла, когда надо было.

Получилось так, что за два месяца, пока Кара дайы и его мугальская жена были вместе, в деревню так и не приехали мастера по запаиванию дырявых кухонных предметов, и она продолжала носить воду из родника двумя ведрами три раза в день. Зогаллинцев немного успокоил тот факт, что эта мугальская женщина, нарушив устоявшийся способ доставки воды из родника домой, одновременно придерживалась графика доставки воды – рано утром, в обед и вечером, который был принят и негласно утвержден в Зогаллы.

* * *

– Ну черный я, да, ну и что? Вот Кёроглу¹⁹ тоже был черным, но пошел и взял в жены дочь шаха, – опять закипел Кара дайы. – Мне не нужна была дочка шаха, мне бы хоть какую-нибудь, – хоть слепую, хоть глухую, но чтобы зогаллинкой была. А за меня никто не отдавал свою дочь в Зогаллы оттого, что я черный.

– Кёроглу умыкнул дочку шаха Нигяр-ханым, – незаметно поправил я Кара дайы.

– Да я тоже умыкнул бы кого-нибудь, но потом подумал: кто у меня есть в Зогаллы? Кто, в случае чего, меня защитит? Кёроглу умыкнул, потому что за ним семь тысяч бойцов стояли в Чанлибеле, целая дивизия по сегодняшним меркам. А за мной – никого в деревне. У меня все родственники к тому времени умерли, так что мне некуда было и везти зогаллинку, если бы я ее умыкнул. Тут ведь как надо: если ты умыкнул девушку из своей деревни, то должен везти ее в другую деревню на недельки полторы. Пока успокоятся родственники девушки, пока они придут в себя. А к тому времени дела приобретают необратимый характер, понял, да? А потом ты возвращаешься уже домой. А мне некуда было вести девушку, и даже если бы было куда, пришли бы зогаллинцы, чью дочку я умыкнул, и подожгли бы мой дом. Я же знаю наших дураков. У нас как: если родственники девушки даже и рады умыканию, то обязательно стараются как-то навредить умыкающей стороне. Мол, раз вы нас оскорбили, получайте и вы. Вот возьмем пример: чья-то дочь годами сидит в девках, никто ее не берет. Почему? Потому что у нас как положено? Первый раз приходят сваты – им отказывают, второй раз приходят – тоже отказывают, третий раз приходят – опять отказывают. И что тогда? Тогда больше никто не ходит в этот дом. Ах, вы такие самодовольные, высокомерные, так и сидите дома тогда. Поначалу родственники девушки вроде ничего, спокойны, а потом начинают тихонько волноваться. А как же? Девушку никто не хочет,

она остается дома. Кому это понравится? Начинают уже сами проявлять инициативу – еще больше снижают цену девушке. У нас в Зогаллы не любят, когда кто-то свою дочь нахваливает. Короче, в один прекрасный день, скажем, сама девушка сговаривается с кем-то, и тот умыкает ее. И как себя ведет родня? В душе-то они радуются, что наконец-то ушла девушка, но людям надо показать, что тот, который умыкнул, якобы оскорбил их честь. И тут начинается концерт народных инструментов. Устраивают погоню, уже зная, что умыкающий увел девушку в сторону Шеки. Они скачут на лошадях в противоположную сторону – до Алиабада, с выстрелами, с криком-шумом, а потом возвращаются, уныло заходят домой и тихо заявляют:

– Не успели, опоздали...

Мать девушки замертво падает посреди двора, соседские женщины обливают ее ведром воды. Отец уныло посматривает на ветку тутового дерева, якобы оценивая, выдержит ли эта ветка, если от позора он повесится на ней. Стоящие рядом, опять-таки догадливые соседские мужики отговаривают его, заодно и пристыжая:

– Только этого не хватало, не ты первый, не ты последний. Значит, такова была воля Аллаха...

В таких случаях больше всего достается Аллаху. Каждый стремится продемонстрировать знание шариата, лестью и посулами склонить Аллаха на свою сторону: «Ну чтоб я стал жертвой Аллаха», – одно только упоминание его имени взбадривает человека, делает его более защищенным. «Значит, это никакой не позор, значит, такова была воля Аллаха».

– О, Аллах! – восклицает отец девушки. – За что Ты мне ниспослал такое?

И сразу же добавляет:

– О, Аллах, прости меня! Кто я такой, чтобы обсуждать Твои действия? Раз Ты так посчитал нужным, значит, так тому и быть. Все в Твоих руках, ты там наверху, Тебе виднее...

На этом как бы и закрывается тема. Вот так вот, сынок, люди сейчас очень часто оправдывают свои действия, ссыла-

ясь на Аллаха: «Значит, Аллах так посчитал нужным», – говорят, а сами творят такое!

– Ты, наверное, слышал, как дочь костоправа Юсуфа в Гындыргу сбежала? – поворачивается ко мне Кара дайы.

Я знал эту историю, но хотел услышать от Кара дайы его трактовку:

– Что-то не помню, может, и слышал, а как было? – спросил я.

– Как было, как было... – удивился Кара дайы, – все знают, а он не знает. Дочь костоправа Юсуфа работала на ферме возле Гындырги и там как-то снюхалась с мугалом Икрамом, сыном Эфенди. Когда слухи дошли до Юсуф киши, он тогда якобы сказал дочке:

– Из наших, зогаллинцев, за кого захочешь, отдам, только не за мугала!

Что у нас в Зогаллы хорошо, и раньше так было, и сейчас, так это то, что никто насильно свою дочь замуж не отдает. Обязательно спрашивают у девушки, когда сваты приходят, мол, ты не против? Если дочь дает добро, тогда и хозяйева дают добро сватам, а если нет, то извиняются, просят дать время, говорят, пусть девушка подумает. Так вот, дочь костоправа Юсуф киши, вроде отцу сказала «хорошо» (сейчас молодежь, сам знаешь какая), а сама буквально через несколько дней удрала с сыном Эфенди. Ох и злой был тогда Юсуф:

– Дочь меня опозорила, – говорил.

Целый год не мог примириться, а потом, когда дочка родила, смягчился Юсуф, дал знать всем, что пора примириться, и пригласил дочку в гости вместе с зятем, естественно. Говорят, когда дочка зашла во двор, то подбежала к отцу, обнялись они, и она заплакала, извиняясь:

– Отец, прости меня!

На что Юсуф киши ответил:

– Хорошо, хорошо, не плачь, – любил он дочку свою очень, – но чтобы больше не повторилось, чтобы больше такого не было.

Анекдот да и только, куда еще повторяться? Мы, я тебе скажу, сынок, иной раз такое ляпаем, что над нами все смеются, а мы сами смеемся над мугалами.

– Ну, на чем мы остановились? Ну да, не дали мне зогаллинцы жениться на своей, и я пошел умыкать мугалку.

– Кара дайы, а говорят, мугалы сами привезли девушку? – осторожно вставил я.

Опять взорвался Кара дайы:

– Анассыны я всех, кто такое говорит! Ты наших больше слушай: сами привезли. А может, еще за меня сами ее и обработали? Я ее умыкал, когда она возвращалась с двумя ведрами с родника. Конечно, мы до этого несколько раз с ней говорили и договорились, когда я за ней приеду. Естественно, она немножко сопротивлялась, делала вид, что не хочет. С ней же другие девушки были, надо же было что-то кричать. У мугалов так положено, когда умыкают девушку, она обязана кричать, якобы ее насильно увели. Но сколько я ни просил, ведро не бросила:

– Новые, – сказала, – только купили.

Лошадь от звука удара ведра об ведро так подпрыгнула возле Капычая, что мы чуть было оба не свалились в речку. Хорошие ведра были, эмалированные. Сейчас таких не делают.

– А ведра пустые были, Кара дайы, или с мугальской водой? – спросил я.

– Уже не помню, – смеется Кара дайы, – наверное, пустые, с полными ведрами как бы я на лошадь ее посадил?

– А свадьба была?

– Какая там свадьба! Никого у меня не было в жизни, кто бы привел барана и зарезал у ног невесты. Какая-никакая, а в дом вошла новая хозяйка, так зарежьте хоть петуха у ее ног! Не было ничего. А твой дедушка не хотел даже со мной разговаривать за то, что я женился на мугалке. А ты говоришь, свадьба. А я так хотел свадьбу, так хотел свадьбу...

– Мугалы, между прочим, в отличие от наших, в этом деле умнее будут, – продолжал Кара дайы. – Никакой погони, ника-

кой стрельбы. Чего гоняться, зачем гоняться? Только через две недели пришел родственник и сказал:

– Что было, то было, может, что надо? Поможем.

– А что мне надо, – говорю, – вот двухэтажный каменный дом, отец построил, рахмятлик, Аллах рахмят элясин, вот сарай для животных – все есть у меня, мне ничего не надо.

– Ну, если что надо, то уж не стесняйтесь, – ответил новый родственник, – мы, родственники, должны друг другу помогать, – и ушел.

– Вот так я женился на мугалке. А готов был жениться на любой девушке из Зогаллы. Но наши носом крутили, а потом пожалели, наверное. Считай, пятьдесят лет уже живу с ней. А ты думаешь, легко мужчине жить с некрасивой женщиной? Очень нелегко. Тем более, мне. Всю Европу прошагал, с такими женщинами дела имел. И русские, и украинки. А в Польше одна пани так по мне сохла, а какие немки мне глазки строили! Да разве всех вспомнишь! А вернулся после войны и как увидел свою мугалку, так хоть возвращайся назад и воюй дальше. И каждый раз, когда я ложусь с ней в постель, как будто меня голым бросают в огонь. Пятьдесят лет стараюсь потушить этот огонь, да разве потушишь?

И вот что я тебе еще скажу: если мужчина всю жизнь живет с некрасивой женщиной у себя в горах и никогда не видел красивых женщин, то он и сто лет будет жить со своей женой, считая ее самой красивой. Беда тому мужчине, который хоть раз увидел по-настоящему красивую женщину. А вдвойне беда тому мужчине, который не раз пользовался этой красотой. И потому мне, как мужчине, тяжело, конечно.

Часто мне снится один и тот же сон, что я играю себе свадьбу. И что интересно: на зурне¹⁶ играю я сам, а рядом на большой нагаре²⁷ бухает Абдул. Бухает так громко, что нежный плач моей зурны не слышен даже мне самому. Я хочу прикрикнуть на Абдула, но не получается оторваться от зурны.

Так и живу – играю на зурне, но даже сам не слышу...

ГЛАВА 3

НАША ПАМЯТЬ

Как-то после очередной встречи с Кара дайы я обнаружил удивительное сходство моей памяти с черно-белым телевизором, имеющим наружную антенну. В Зогаллы эти антенны устанавливались на высоких железных трубах для уверенного приема телевизионных передач. Изначально они были направлены для приема единственного в то время азербайджанского канала. Для просмотра московских каналов кому-то приходилось стоять возле телевизора, а другому бегать к трубе и крутить ее до появления на экране нормальной картинки.

Точно так же я восстанавливал и многие события, произошедшие в Зогаллы не только во времена моего детства, но и задолго до моего появления на свет. Роль антенны для меня, как вы уже, наверное, догадались, выполнял Кара дайы, да даст Аллах ему еще долгих лет жизни. Его удивительная память при хорошем настроении давала, как правило, больше информации о зогаллинцах, чем мои хождения по разным библиотекам.

В очередной раз Кара дайы прокрутил антенну памяти зогаллинцев буквально в преддверии моей свадьбы, поздно вечером, когда мы вернулись из грузинского села Алибейли, куда ездили с родственником для покупки вина на свадьбу. То ли под воздействием хорошего алибейлинского вина, то ли еще по каким-то другим причинам в тот вечер я хотел наконец-то продемонстрировать Кара дайы свои знания об истории Зогаллы, о происхождении зогаллинцев. До этого обычно в разговорах с Кара дайы я предпочитал молчать и слушать его, но в тот вечер словно черт меня дернул. Кара дайы и все участники того вечера, тогда внимательно слушали меня. А когда я закончил свое изложение, Кара дайы неодобрительно посмотрел на меня и сказал...

...Нет, нет, давайте все-таки по очереди. Первым делом я хочу извиниться перед нашими зогаллинскими стариками за нетактичное упоминание собственной женитьбы. У нас в Зогаллы это считается признаком плохого воспитания, но для полноты картины я должен об этом говорить. Если уж зогаллинец в разговоре вынужден упоминать о собственной свадьбе, то он сперва должен просить прощения у присутствующих, прежде всего у стариков, а потом продолжить разговор. Так у нас в Зогаллы принято издавна, так продолжается и по сей день.

Так вот, дело было как раз перед моей свадьбой, в августе, и все наши винные запасы были почти израсходованы, а вино из нового урожая в Зогаллы получают в сентябре. Поэтому мой ныне покойный отец отправил одного из родственников за вином для моей свадьбы в грузинское село Алибейли. И подробно объяснил, как найти там дом Арчила, добавив, что с ним он уже предварительно договорился:

– Значит так, – объяснял отец, – в Алибейли заезжаете на первом же повороте по дороге в Гах. После артезианского колодца четвертый дом справа – это его дом. Если что, спросите любого возле колодца, покажут. И еще, – строго предупредил отец, – это для меня он Арчил, а для вас – дядя Арчил.

У моего покойного отца была привычка: после того, как даст задание, спросить, правильно ли понято и принято к действию его поручение. И на этот раз он приказал родственнику:

– Повтори!

Зная характер отца, родственник не стал упираться и повторил:

– Первый поворот по дороге в Гах, четвертый дом справа после артезианского колодца.

– А еще? – грозно спросил отец.

– А что еще? – удивился родственник. – Нахожу дом дяди Арчила, забираю сто литров вина, отдаю двести рублей и назад.

Удовлетворенный ответом родственника отец в знак согласия кивнул головой и сказал:

– Тогда вперед!

К родственнику с разрешения отца присоединился и я, поскольку как жених был освобожден от работ по подготовке собственной свадьбы. Заодно мы должны были раздать десяток пригласительных на свадьбу алибейлинцам, точнее, оставить пригласительные у дяди Арчила, а тот потом уж сам бы их раздавал. Такова была договоренность моего отца с его одноклассником Арчилом.

Машина у моего родственника, скажу вам, была такая старая, будто досталась ему после какой-то затяжной военной операции. Двери еле закрывались, глушитель был дырявый или его вообще не было. Наверное, поэтому она стреляла, как артиллерийская установка малого калибра. Ехать вроде всего минут десять, но по дороге от ее выстрелов закладывало уши. Да еще как-то неудобно было перед людьми, которые, как дети, подпрыгивали от неожиданных салютов этой машины. Когда мы заезжали в Алибейли, уже темнело. В конце августа по вечерам у нас довольно прохладно, поэтому и я, и родственник были в пиджаках. После некоторых расспросов мы наконец-то нашли дом дяди Арчила.

Мы подъехали к железным воротам дома дяди Арчила, и родственник стал звать его на азербайджанский манер:

– Дядя Арчил, ай дядя Арчил.

Во дворе залаяла собака, и кто-то ответил нам на грузинском. Ни я, ни родственник не знали грузинского языка, поэтому стали ждать, наивно полагая, что сейчас кто-нибудь выйдет к нам. Ждали минут пятнадцать, может, даже больше, но к нам никто не вышел. Родственник опять стал звать:

– Ай дядя Арчил, ай дядя Арчил.

Собака вновь продемонстрировала свою реакцию, на этот раз лаяла дольше прежнего. Мужской голос с конца двора тоже отреагировал на наш зов, правда, опять на грузинском. Тут нам повезло: открылась калитка соседского двора, и на улицу вышел молодой бородатый грузин. Лениво посмотрев на нас, он по деревенскому обычаю поздоровался.

Узнав в нас приезжих, уже на азербайджанском сказал:

– Собака у них на цепи, не бойтесь, проходите.

Видя нашу нерешительность, он сам открыл калитку дяди Арчила и повел нас. Так я впервые оказался во дворе дяди Арчила. Его двор ничем не отличался от наших дворов. На входе с левой стороны находился отгороженный от остального двора железными решетками скотный сарай, где мирно жевали корова и две буйволицы. Через скотный двор мы прошли к основному. В самом конце с правой стороны стоял небольшой аккуратный дом дяди Арчила. К дому был пристроен длинный навес, крытый шифером. Перед домом и навесом, как и в нашем дворе, на железном каркасе над нашими головами красовался виноградный ковер-талвар³⁰ со свисающими огромными виноградными гроздьями. Тут я должен отметить, что многовековое соседство двух народов – грузин и азербайджанцев – у нас в Гахском районе унифицировало не только многие черты культуры внутреннего домостроительства, но также быт и хозяйство, которые во многом тоже идентичны.

Точно так же, как и у нас, в конце навеса прямо на земле я заметил глиняный очаг, который у нас называют кюра, а воз-

ле него на забитых в землю высоких колышках с высохшими ветками висели большие и маленькие чугушки, обмазанные глиной для того, чтобы их поверхность не покрывалась сажей во время приготовления еды на огне.

Увлечись осмотром грузинского двора, я даже не заметил, как к нам вышел дядя Арчил и приветствовал нас на азербайджанском:

– Мои гости, как я догадываюсь, будут из Зогаллы, да? – смеясь, спросил он.

– Правильно вы догадываетесь, дядя Арчил, – ответил родственник.

– Если я правильно догадываюсь, мои гости из Зогаллы приехали за вином на свадьбу сына моего друга Османа? – спрашивал дальше дядя Арчил.

– Опять правильно вы догадываетесь, дядя Арчил, – подтвердил родственник.

После последнего вопроса дяди Арчила глаза его бородастого соседа заблестели, и он, не скрывая, потер ладонью о ладонь.

Затем дядя Арчил поздоровался с нами за руку, посмотрел на меня внимательно и продолжил свои «догадки»:

– Если я правильно догадываюсь, один из моих гостей будет сын моего друга Османа. Правильно?

Невозможно было не заметить, что дядя Арчил заранее был уверен в своей догадливости и после каждого своего вопроса удовольствием ждал от нас утвердительного ответа.

– И опять вы правильно догадываетесь, дядя Арчил, – продолжал радовать его мой родственник.

– Неужто мой друг Осман послал за вином самого жениха, а? Неужели я опять правильно догадываюсь? – ехидно продолжал свой расспрос дядя Арчил.

– Да, правильно догадываетесь, правильно, – удивленно подтверждал мой родственник.

Я тоже удивлялся бы догадливости дяди Арчила, если бы не был свидетелем утреннего телефонного разговора моего

отца с ним, в котором он предупреждал дядю Арчила о том, что сегодня вечером он отправит людей за вином. Правда, отец не говорил, что среди них буду и я, но мы, как современные люди, знаем, что по законам биологии сыновья, как правило, похожи на своих отцов, и я тут не являлся исключением.

– Ну как там ситуация на тех сторонах? – спросил у меня дядя Арчил.

Особенность азербайджанского языка позволяет интересоваться у приезжего ситуацией там, откуда он приехал, не зная в точности, откуда. Использование слова «сторона» во множественном числе позволяет распространить широту вопроса на весь земной шар и охватить всевозможные места постоянного проживания гостя, откуда бы он ни прибыл, хоть из Африки. Дядя Арчил хорошо знает азербайджанский, подумал я, раз пользуется этим приемом. Но решил все-таки проверить его:

– На каких сторонах, дядя Арчил?

– Там, где ты живешь, – спокойно ответил он. – Осман мне говорил, что женит сына, который живет в Русете.

Убедившись в полной осведомленности дяди Арчила о месте моего постоянного проживания, я сказал:

– Нормально, все нормально...

– Ну и хорошо, ну и хорошо, – повторил дядя Арчил.

В это время к нам подошла жена дяди Арчила и тоже поздоровалась с нами за руку. Дядя Арчил что-то сказал ей на грузинском, она внимательно выслушала его и быстро удалилась под навес. Глядя вслед уходящей жене дяди Арчила, я недоумевал, почему Пушкин называл грузинских женщин в возрасте ведьмами. Женщина как женщина. Правда, еще при заезде в Алибейли я заметил, что грузинские женщины почему-то одеваются во все темное, хотя по фасону их одежды не отличаются от одежд наших женщин. Тот же столярский фартук поверх длинного черного платья, два платка на голове, один из которых завязывается на подбородке, а другой – поверх него с дополнительным захватом лба и узлом на тыльной

стороне головы. А на ногах галоши. «Одежда наших женщин повеселее будет», – подумал я. А по части беспрекословного выполнения указаний мужа, жена дяди Арчила напомнила мне мою бабушку. После указаний дяди Арчила своей жене я, показав себя не менее догадливым, чем сам дядя Арчил, подтолкнул своего родственника и потихоньку шепнул ему:

– Послал стол накрывать, по-моему. Пахнет жарким.

Родственник улыбнулся и ответил:

– Это ты радуйся, а мне что, я за рулем, мне нельзя.

Но больше всех радовался молодой бородатый сосед дяди Арчила, который охотно взялся помочь ему и подшучивал над ним. После каждой шутки он поворачивался ко мне и подмигивал левым глазом, что должно было означать, что все в порядке, ситуацию он взял в свои руки и якобы контролирует ее. На каждое его подмигивание я улыбался, давая ему понять, что нисколько не сомневаюсь в его организаторских способностях.

Радость молодого соседа дяди Арчила стала нам еще понятнее, когда мы спустились в подвал за вином. В подвале я насчитал девять больших кувшинов, по горловину врытых в землю. Семь из них были открыты, а два – закрыты. Почему-то дядя Арчил не спешил открывать кувшин, что очень расстраивало его молодого соседа. Дядя Арчил присел перед закрытым кувшином на табуретку и начал рассказывать:

– Встречаю месяц назад в Гахе Османа на автовокзале возле мясного ларька. Что-то обсуждал с хозяйкой ларька. Эту женщину и я хорошо знаю, не раз сам покупал у нее мясо. Женщина, которая десяти мужиков стоит. У нее муж наверху ресторан держал, такой красавчик, такой красавчик. Посмотришь: такой красавчик, боец, – повторялся дядя Арчил, – но пил, сильно пил. И рано умер, оставив эту бедную женщину одну с детьми на руках. После смерти мужа ей дали этот киоск, и с тех пор она торгует там мясом. Думаю, неужто Осман тоже мясо покупает? Поэтому не подхожу, жду. Купит, отойдет, и тогда я подойду и поговорим. Пять минут жду – они говорят,

десять минут жду – говорят, пятнадцать минут жду – они все говорят. И что интересно: он стоит ко мне спиной и меня не видит, а хозяйка видит меня, но не поймет, почему я так внимательно смотрю на них. Смотрю на часы, через пятнадцать минут уходит мой автобус. Тут я уже не выдержал, подошел и обнял его. Он меня не видит, а хозяйка улыбается. Она-то поняла и догадалась сразу, как умная женщина: раз я его обнял, значит, мы давние знакомые, друзья. Не буду же я незнакомого человека обнимать, тем более, сзади. Сами понимаете, народу полно на вокзале, не так поймут. Короче, отпускаю, он поворачивается, мы обнимаемся, целуемся, давно ведь не видели друг друга. Вот так в жизни бывает: живем в пяти километрах друг от друга, зовемся друзьями, а не виделись, наверное, года три. Работаешь, днем и ночью, а два часа не выкроишь, чтобы поехать друга навестить. Осман тоже хорош: на машине два раза в день мимо Алибейли в Гах ездит – ну и тормозни разочек, зайди к Арчилу в гости, поставь машину вон туда, видишь, сколько места во дворе, поинтересуйся у него: «Как у тебя дела, Арчил?». Может, что-то болит у Арчила? Да куда там, все мимо и мимо проезжает...

Короче, не буду заставлять болеть ваши головы, хош, беш, давно не виделись. Ну как давно, он у меня был на свадьбе сына. Ну да, уже три года будет в сентябре...

Рассказал бы дядя Арчил о своем друге Османе еще, но тут терпение его молодого соседа лопнуло, и он неожиданно прервал его, что-то грозно и громко сказав ему по-грузински, и быстро перевел нам свои слова:

– Люди с дороги, может, они голодные, говорил я ему, давай откроем, достанем добро, поднимем наверх, а потом за столом рассказывай свои басни хоть до утра, да. А то загнал нас в подвал и сказки рассказывает. А люди с дороги, наверное, голодные, что они о нас подумают?

Заботой о приезжих гостях молодой сосед дяди Арчила удивительным образом маскировал свое нетерпеливое ожида-

ние предстоящего застолья. Не менее удивительной оказалась реакция дяди Арчила на замечание молодого соседа, которого, как мы впоследствии узнали, звали Тамази. Он молча согласился с его замечанием и начал ножом соскребать пломбу с крышки кувшина, потом поднял голову и сказал моему родственнику:

– Несите.

Родственник поднялся по лестнице и пошел к машине за тарой. Для вина мы взяли с собой пять двадцатилитровых стеклянных бутылей с узкими горлышками. Через минуту он хотел подавать бутылки, но Тамази рукой дал отмашку и сказал:

– Жди там.

Родственник молча согласился и стал заглядывать через дверцу подвала к нам вниз. К тому времени, дядя Арчил снял крышку кувшина, черпаком набрал вина и предложил сперва мне. Я вежливо отказался, сказав «потом». После меня дядя Арчил предложил черпак Тамази, тот схватил его двумя руками и одним залпом выпил содержимое. Я внимательно наблюдал за ним: по бороде Тамази текли капли чистого вина. Выпив, он покачал головой, глубоко выдохнул и на азербайджанском сказал:

– Шербет, натуральный шербет!

Опять подмигнул мне левым глазом, давая понять, что все в порядке и все идет по плану. Несколько глотков сделал также дядя Арчил и движением головы подтвердил:

– Нареканий на качество вина не может быть, – сказал он и дал указание Тамази подняться наверх и принести чистое ведро.

Процесс переливания вина из зарытого в землю кувшина в бутылки для меня не был в новинку, но для несведущего в этих делах читателя я расскажу, как это делается. Дядя Арчил набирал вино черпаком из кувшина и наливал в ведро. После этого я подавал наверх полное ведро. Там Тамази с моим родственником наливали вино в бутылки через воронку. Не прошло и получаса, как Тамази сверху закричал:

– Все, хватит, набрали, больше бутылей нет.

Дядя Арчил посмотрел на меня и спросил:

– Сколько бутылей у вас было?

– Пять, – ответил я, – отец сказал привезти сто литров, вот и взяли пять бутылей.

– Оставайся тут, – приказал мне дядя Арчил, а сам медленно полез наверх. Через пять минут так же медленно он спустился обратно в подвал и стал черпать вино из кувшина и наливать в ведро. Я хотел было поинтересоваться у родственника, что он там принес, но дядя Арчил сам мне сказал:

– Принес еще одну бутылку.

И в эту бутылку мы набрали вино. На дне кувшина еще оставалось вино, дядя Арчил наполнил почти целое ведро, а я передал его наверх Тамази.

– А это к столу, – к большой радости Тамази приказал снизу дядя Арчил.

Потом дядя Арчил зажег спичку, долго изучал дно кувшина и сказал:

– Еще литров десять будет, нельзя оставлять, к утру скиснет. Эй, Тамази, сбегай к хозяйке, пусть передаст трехлитровые банки, заберем остаток.

Тамази, недовольно бурча, удалился за банками. Любое задание дяди Арчила, так или иначе отдаляющее нас от вечернего застолья, вызывало у Тамази откровенное раздражение. И на этот раз, прежде чем пойти за банками, он опять сказал в адрес дяди Арчила что-то грузинско-неодобрительное, которое потом перевел на азербайджанский:

– Неси то, неси другое. Совсем свихнулся старик, люди в первый раз у него, с дороги, посади, накорми, проводи их, потом сиди и хоть до утра выливай остатки.

Тамази вернулся с тремя банками и передал их нам в подвал. Дядя Арчил наполнил и эти банки, закрыл резиновыми крышками, и их мы тоже передали наверх, а затем поднялись сами.

Мой родственник разместил все наши бутылки в машине. Дядя Арчил внимательно посмотрел на шестую бутылку, которая сиротливо стояла в стороне, и упрекнул родственника:

– А эту кому оставил?

Родственник улыбнулся:

– Не знаю, вам, наверное. Нам было сказано сто литров, вот я и погрузил сто литров.

– Мало ли что вам было сказано, неси эту тоже в машину.

Родственник посмеялся и, повинувшись, ответил:

– Как прикажете, дядя Арчил. Но нам было сказано сто литров.

– Я Осману сам объясню, неси и грузи.

Последнюю бутылку родственник поставил под ноги пассажира переднего сиденья, то есть под мои ноги:

– Будешь держать ногами, – сказал он мне.

– Это можно, – почему-то довольно ответил я.

Дядя Арчил не спеша подошел к умывальнику, прибитому к старому грушевому дереву в центре двора, и так же не спеша начал мыть руки. Надо было видеть яростные и недовольные глаза бородатого Тамази, который никак не мог дожидаться застолья. Дядя Арчил, пока мыл руки, послал Тамази за полотенцем. Тот вернулся, опять-таки бурча что-то под нос, и протянул полотенце дяде Арчилу. Мы тоже помыли руки, Тамази ничего не оставалось, как сделать то же самое. И только после этого дядя Арчил произнес слова, которых так долго ждал Тамази:

– А сейчас прошу всех к столу.

Мы с родственником стали возражать, вежливо намекая, что нам неплохо было бы уже уехать, нас ждут.

Дядя Арчил повторил свою команду:

– Даже слышать не хочу, прошу всех к столу.

Тут его поддержал и Тамази:

– У нас так не принято, раз говорит старший – к столу, значит, – к столу.

По нему было видно, что в случае нашего несогласия, так долго ожидаемое им вечернее застолье может сорваться, поэтому он взял меня под руку и повел под навес:

– Что люди скажут, открыли кувшин и даже полчаса не посидели? Э-э-э, так не получится.

Сказать, что мы долго и упорно сопротивлялись, было бы большой неправдой. Честно говоря, мне лично очень хотелось в этот вечер посидеть с ними, попробовать вино, поговорить с дядей Арчилом. Родственник особо не рвался за стол, потому что пить он все равно не смог бы, так как был за рулем. А грузинское застолье, которое нас ожидало, для него было рядовым ужином. К моменту, когда мы сели за стол, он был почти накрыт. В центре стола бросались в глаза неразрезанные помидоры и огурцы. В отличие от нас, грузины почему-то подают их на стол неразрезанными, не утруждая себя приготовлением из них салата. Точно так же рядом лежали и зеленый лук, и кинза. На другой тарелке красовался нарезанный овечий сыр – брынза. Я знал, что грузины сами не делают этот сыр, а покупают его на базаре в Гахе у илусинцев. В вазе лежали груши, хлеб был тандирной выпечки, хотя, сколько я ни смотрел по сторонам, нигде во дворе дяди Арчила не увидел самого тандира. В четыре пиалы был налит густой мацони, ничем не отличающийся от нашего гатыха. «Из молока буйволицы», – сразу определил я. Тут же соленые огурцы и помидоры, а также соленый чеснок. Да, вроде ничего не забыл, ах да, четыре граненых стакана – по два с каждой стороны стола. И уже при нас Тамази налил в большой графин вино из последнего ведра, которое набирал в подвале дядя Арчил.

Как только мы сели за стол, подошла хозяйка и виновато оправдалась:

– Вы начинайте потихоньку, а я скоро подам курицу, что-то долго варится. Старая, наверное, поймала в темноте первую попавшуюся под руку, старая оказалась.

И, повернувшись к мужу, что-то высказала ему на грузинском. Тамази моментально перевел нам ее слова, пото-

му как видно было, что в этом вопросе он полностью на ее стороне:

– Хотя бы предупредил, – говорила она ему, – приготовила бы что-нибудь, а так, на скорую руку, что есть, то и будете есть.

И потом сам высказал свои претензии к дяде Арчилу:

– Да, действительно, сказал бы и мне тоже, что за вином придут, с обеда открыли бы, подняли бы вино, разлили бы в свои бутылки, а когда бы они приехали, то оставили бы пустые бутылки, а полные забрали бы, как делают все нормальные люди. И встречали бы гостей, как положено. А то что получается?

– Ну да, – засмеялся дядя Арчил, – с тобой подымешь! Половину бы выпил, пока бы гости приехали.

– Половину не выпил бы, конечно, – оправдывался Тамази, – но что-то, конечно, выпил бы. А тебе что, жалко вина, да?

– Да ничего не жалко мне, вот сейчас сиди и пей, сколько влезет. Я хотел, чтобы гости сами видели, кувшин я открыл при них, а то любят в Зогаллы иной раз наше вино покритиковать, мол, после него утром голова болит. Якобы то, что мы для себя делаем – нормальное вино, а то, что для продажи, – никуда не годится. Может, кто-то из наших и добавляет в вино сахар, я не знаю, не могу за всех поручиться, лично я ничего не добавляю, тем более Осман мне не чужой, и вообще зогаллинцы нам не чужие. А то, что забыл хозяйку предупредить, – тут вы правы, виноват. Забыл, старый стал совсем. Когда Осман утром звонил, ее не было дома. Думал, придет, скажу, чтобы готовилась, вечером у нас будут люди Османа. Потом сам ушел и забыл. Ну, ничего, они нам не чужие, все поймут.

Нетерпеливый Тамази разлил вино по стаканам, налил и родственнику, который пить не собирался. Потом он поднялся и подошел к полке возле забора, взял оттуда небольшую чашку, налил в нее вино и отнес жене дяди Арчила, которая сидела на маленьком табурете возле очага и частенько заглядывала в чугунок, проверяя, не сварилась ли еще курица. Вернувшись к столу, он не стал садиться, взял свой полный стакан и произнес:

– Наши гости с добром пожаловали к нам, наши двери всегда открыты им. Если дядя Арчил не против, я пью за вас!

По очереди посмотрев на меня и на родственника и не дожидаясь ответа от дяди Арчила, Тамази залпом опрокинул стакан. Я вопросительно посмотрел на родственника: можно ли мне выпить? Он усмехнулся и махнул рукой, мол, пей, ничего не будет. Честно говоря, у нас в Зогаллы не очень поощряется, когда будущий жених за несколько дней до свадьбы выпивает. В течение месяца, а то и больше, до свадьбы жениху не положено пить. Так у нас заведено, и все вроде придерживаются этого правила. Для себя я решил, что выпью два-три стакана хорошего вина, и ничего со мной не станет, никто не узнает. Тем более, мне ужасно хотелось понаблюдать за Тамази. Если честно, то даже в этом случае я бы не пил, если бы родственник мой не дал согласия. Как-никак он старше меня, но было бы не очень хорошо с нашей стороны, если бы никто из нас не пил.

Одним словом, я поднял стакан и выпил. Очень даже хорошее вино. Между прочим, для тех, кто не слишком разбирается в этом деле (кто-кто, а мугалы в этом деле уж точно не разбираются), посоветую: после стакана хорошего вина возьмите с тарелки горстку вареной фасоли, желательна крупной, и медленно жуйте. Не знаю, как вам, а мне лично очень нравится, многие в Зогаллы за хорошей вареной фасолью могут не один литр вина выпить и всю ночь сидеть. Это как пиво пить с соленым горохом. Да, кстати, хорошо, что вспомнил: на столе, в самом центре, стояла полная тарелка этой самой вареной фасоли.

Только я успел выпить свой стакан, Тамази оперативно наполнил его, опять поднялся, чтобы сказать тост и стал смотреть на дядю Арчила, чтобы тот разрешил ему произнести еще один тост, показывая указательным пальцем единицу. Что мне нравилось в его поведении, так это то, что, несмотря на нарушение им порядка за столом, он его нарушал как бы с разрешения старшего. Такой, своего рода разрешенный, можно даже сказать, контролируемый беспорядок.

После этого, Тамази, как заблудившийся баран, изучающий новые ворота, стал смотреть то на меня, то на моего родственника, потом опять на родственника, потом опять на меня и, наконец, все-таки остановился, мучительно определив во мне будущего жениха, и сказал:

– Батоно, я говорю, давайте этот тост мы выпьем за будущего жениха! Мы все когда-то ими были. И я был им. Рано или поздно наступает момент, когда почти все молодые люди становятся будущими женихами. Батоно, по мне, женихом быть лучше, чем мужем! Что скажешь, а?

Тут он вопросительно обратил взор на дядю Арчила. Дядя Арчил, не отрываясь от еды, даже голову не поднял и ответил:

– По тебе, конечно.

– Спасибо, батоно. Не каждый хороший жених становится хорошим мужем, – заключил Тамази. – Лично я им не стал!

– Меньше надо было пить, – на этот раз не выдержала жена дяди Арчила и со своей табуретки перебила Тамази.

– Пить, не пить, – это вторично. Первично то, что я им не стал! А тебе желаю, чтоб ты стал настоящим мужем! За тебя!

Я поблагодарил Тамази:

– Спасибо, постараюсь, – и тоже выпил.

Вечер постепенно набирал обороты, и после еще нескольких стаканов, которые тостировал уже дядя Арчил, вечерняя прохлада алибейлинского воздуха сменилась внутренней теплотой. Тостировал он для меня и для себя. Тамази сидел молча, молча и пил, игнорируя все тосты и, как минимум, два раза опережая их, при этом он негромко и часто констатировал:

– У меня не получилось, вот и все...

Его поведение сильно удивило меня, честно говоря, я ожидал более агрессивных действий с его стороны после выпивки. Та смиренность, которую он демонстрировал за столом, была достойна всякой похвалы. Мое удивление заметил и дядя Арчил:

– Он спокойный, как ягненок, – и показал на Тамази, – два-три стакана выпьет, может даже заснуть за столом, никогда

плохого слова не скажет.

Действительно, через минуту Тамази положил голову на край стола и заснул. Жена дяди Арчила хотела разбудить его и отвести спать, но дядя Арчил не дал:

– Не трогай, никому он не мешает, пусть спит. Тем более, он еще проснется.

Судя по высказыванию дяди Арчила, он досконально знал поведение своего соседа Тамази в минуты его расслабления с вином.

Я не назвал имени своего родственника, да и не буду называть, поскольку их у меня очень много, и не хочется кого-то выделять, но сказать об этом родственнике придется. Потому что этот мой родственник имеет удивительный характер: он со всеми во всем соглашается, кто бы что ни говорил. Вот такой он человек, всегда безотказно соглашающийся. Это я к тому, что и сегодня он сидит за столом, вроде и не пьет, и так внимательно слушает, и постоянно кивает головой в знак согласия. Иногда это сопровождается негромкими возгласами типа:

– Ну да, действительно...

Короче, он сперва соглашался со всеми высказываниями Тамази, а когда тот заснул, переключился на дядю Арчила, чтобы соглашаться уже с ним. В то время как дядя Арчил уже начал руководить вечером, курица давно уже была сварена и подана на стол, а жена дяди Арчила тоже сидела с нами, Тамази спал, изредка просыпаясь на несколько секунд и вставляя какие-то слова в разговор. У меня было такое ощущение, что он не спит, а следит за происходящим за столом с закрытыми глазами.

И есть у меня еще одно наблюдение, я о нем сейчас скажу, и пусть как хотят, так и реагируют мугалы.

Сейчас вы спросите: причем тут мугалы, если мы в гостях у грузин? А я отвечу: притом. У нас в Зогаллы уважаемому гостю курицу на стол подают обязательно отварную и целиком. Конечно, она съедается быстро, и чтоб накормить сидящих за столом, приходится варить не одну курицу. А что делают

мугалы? Они берут курицу, разделявают ее, жарят с луком и картошкой и только потом подают на стол. В жареном виде одной курицей, да еще с луком и картошкой можно нескольких мужиков накормить, что они и делают. Вот такие они хитрые, наши мугалы, вроде и курица была подана на стол, вроде и все сыты, чего, мол, еще хотите? А мы ничего и не хотим, мы прямо им говорим: «Перестаньте хитрить! Подайте курицу на стол так, как подают во всем цивилизованном мире, например, как у нас в Зогаллы!».

Сижу и размышляю, а мой родственник все согласно кивает головой уже дяде Арчилу, а от отварной курицы на столе осталась одна горбатая спинка. Ножки давно оторваны, и грудка ушла в расход моментально. А грузины тоже молодцы, между прочим, от мугалов далеко не ушли. Раз уж вы решили угостить гостей отварной курицей, то нарежьте хотя бы трех куриц, ошипайте – и в чугунок. А то одной курицей хотят целый взвод накормить. Но я это не со зла. Просто размышляю.

Прислушиваюсь к разговору. Судя по тому, как мой родственник с открытым ртом внимает дяде Арчилу, видно, что тот рассказывает что-то интересное, и я переключаюсь на него. Тамази спит, а жена дяди Арчила тоже слушает. Тем временем дядя Арчил продолжает рассказ о встрече с моим отцом на вокзале в Гахе. Надо же, и не забыл, на чем остановился в подвале, когда его перебил Тамази, хотя и пил не меньше меня.

– Короче, обнимаю я его сзади, и он меня не видит, а хозяйка мясного ларька видит и улыбается. Она женщина умная, понимает, что раз я его обнимаю, тем более, сзади, значит, я его давно знаю, что человек он мне близкий. Это я потом понял, что она ваша новая гуда¹¹, то есть твоя будущая теща. А до этого не знал. Ее-то я знал как хозяйку мясного ларька, а того, что вы собираетесь породниться с ней, не знал. Женщина, я тебе скажу, железная, одна подняла пятерых детей после смерти мужа, десяти мужиков стоит.

Вдруг Тамази резко приподнял голову и вставил:

– Двадцати! – и опять заснул.

– Пусть будет двадцати, – согласился дядя Арчил и продолжил свой рассказ.

– И начинаю я с Османом на грузинском говорить. Хотя Осман и учился в школе плохо, говорит он по-грузински лучше некоторых грузин. А мы с ним в одном классе учились. А хозяйка ларька, то есть твоя теща, смотрит на нас такими удивленными глазами. Причину такого удивления потом мне Осман объяснил. Оказывается, когда ваши сваты поехали к ним сватать ее дочь, какая-то недоброжелательница отвела твою тещу в сторону и сказала ей:

– Ну что, Ширин хала, доигралась, да? Столько сватов приходили к твоей дочери, всем отказали. И богатые, и устроенные. А сейчас дочку выдаете за какого-то бедного зогаллинца, да? Чем наши вам так не угодили, что дочку замуж за грузина выдаете?

Вот так она и сказала твоей теще, когда в первый раз пришли к ним ваши сваты. Ширин хала хотела возразить:

– Никакие они не грузины, они такие же мусульмане, как и мы.

На что эта недоброжелательница ответила:

– А вы послушайте, как они говорят на азербайджанском, тогда и поймете, кто они!

– А на азербайджанском вы говорите не лучше нас, между прочим, – сказал дядя Арчил и посмотрел на меня. Не видя одобрительных знаков с моей стороны, он переключился на моего родственника. А тот только этого и ждал и сразу ответил дяде Арчилу:

– Да, действительно.

Воодушевленный утвердительным ответом моего родственника, дядя Арчил продолжил свой рассказ:

– Так вот, живешь столько лет у себя в районе и не обращаешь внимания на то, кто и как говорит. А как только дело касается каких-то близких отношений, начинаешь задумываться.

Так и твоя теща, всю жизнь живет в Гахе, работает на автовокзале, сколько мяса зогаллинцам продала и что, до сих пор не знала, кто живет в Зогаллы? А может, и знала, может, и нет, кто сейчас ответит? А когда эта недоброжелательница сказала ей эти слова, она задумалась. А вдруг, действительно, вы – грузины? А у нее первый ребенок, старшая дочь, что народ скажет?

Вот в таких раздумьях, оказывается, она была все время после сватания дочери. А тут я на вокзале возле нее встречаю Османа и начинаю с ним на грузинском говорить. Представляете ее состояние?

Мой родственник на этом месте бросил свою дежурную фразу:

– Да, действительно.

Но еще интереснее высказался Тамази, который, проснувшись на десять секунд, поднял голову и сказал дяде Арчилу:

– Что ты людям голову морочишь? Представляете, не представляете – зогаллинцы такие же грузины, как мы с тобой. Правильно я говорю? – спросил он у моего родственника, на что тот повторил заученную фразу:

– Ну да, действительно.

Скажите, разве есть совесть у моего родственника после этого ответа? Его хоть баобабом назови, он согласится, при этом соглашается на все, не задумываясь о последствиях. Вот такой у меня родственник: так он, вроде, и неплохой человек, но пружинки сопротивления отсутствуют.

Как только он согласился с последним утверждением Тамази, дядя Арчил как будто получил разрешение высказать свое мнение:

– Хоть Тамази и пьяный, – сказал он, – но я с ним полностью согласен. Какие вы, блин, к черту азербайджанцы, если все старшее поколение у вас в Зогаллы говорит на грузинском? Или я не прав? – смотрит опять на родственника, чтоб тот согласился с ним, тогда ему легче нападать. А я, между прочим, спокойно наблюдаю за ними, даже пить перестал, хотя вино

очень неплохое, и вареной фасоли на столе достаточно. На этот раз мой родственник задумался, видимо, даже для него существуют пределы уступок. Потом опять выдал дежурную фразу, почему-то решив, что до опасной черты еще есть расстояние:

– Ну да, действительно, – сказал он, – только не все говорят.

Как я понял из его ответа, тем самым он давал понять дяде Арчилу, что и на этот раз он соглашается с ним, правда, с некоторыми оговорками. Но если тот будет и дальше настаивать на своей версии, то на моего родственника может больше не рассчитывать.

Но дядя Арчил плохо знал моего родственника, потому и продолжал гнуть свою линию:

– Большинство, – ответил дядя Арчил и продолжал дальше наседавать на моего родственника, – если вы не считаете себя грузинами, то почему тогда говорите на грузинском? Говорили бы тогда на еврейском, и считали бы себя евреями.

«Тоже мне логика, – подумал я. – Почему мы должны считать себя евреями? Говорим мы на своем азербайджанском и считаем себя азербайджанцами».

Но тут опять проснулся Тамази и поставил дядю Арчила на место:

– Сам ты еврей! Сказали тебе, что они грузины, значит, грузины.

И опять заснул, или сделал вид, что заснул.

К тому же неожиданно для меня мой родственник наконец-то заговорил, хотя начал как всегда:

– Ну да, действительно, – сказал он. – Но только одно мне непонятно: если мы все сидящие тут грузины, то почему говорим на азербайджанском?

Вот это я понимаю, вот это гроссмейстерский ответ! От ответа моего родственника во второй раз за последнюю минуту проснулся Тамази и хорошенько отчитал дядю Арчила:

– Ну что, – сказал он ему, – успокоился? Грузины, азербайджанцы, евреи. Люди в гости приехали, а он им доказывает, кто они есть. Тоже мне паспортный стол.

– Ну, да, действительно, – в очередной раз согласился мой родственник, но на этот раз по делу.

– В принципе, – начал оправдываться дядя Арчил, – мы в Алибейли как раньше считали зогаллинцев своими, так и сейчас считаем. А кем вы там в Зогаллы себя считаете, это уже ваши дела.

После этих слов дяди Арчила у меня не осталось никакого желания сидеть с ним за одним столом да еще пить, будь он трижды одноклассником моего отца и даже его другом. Уж насколько мой родственник терпеливый человек, но даже он утомился, и мы одновременно встали, поблагодарили хозяйку за стол, сели в машину и уехали. Тамази не проснулся даже от звука работы двигателя «Москвича» без глушителя с его выстрелами дуплетом.

Только отъехали метров пятьсот, я вспомнил о пригласительных на свадьбу, которые должны были отдать дяде Арчилу. А мой родственник, клянусь я Вам здоровьем мугалов, если сто лет не проживет, сам будет виноват, настолько он спокойный человек.

– Да, действительно, – ответил он и развернул машину назад, как будто так и надо было.

Когда мы вернулись к дому дяди Арчила и стали с улицы звать его, чтобы отдать пригласительные, оказывается, мы разбудили Тамази, который поднял голову и обнаружил наше отсутствие за столом. А услышав наши голоса и не сообразив, откуда они идут, сперва искал нас даже под столом и только потом, прийдя в себя, прибежал к нам на улицу. А мы с родственником стояли возле калитки. Тамази открыл калитку и сразу стал извиняться почему-то передо мной, наверно, посчитав меня рангом выше, чем родственника:

– Вы его не слушайте, – он имел в виду дядю Арчила, – старый, выпьет, не знает, что говорит. Я вас понимаю, где это видано, чтобы гостей называли евреями, когда все в округе знают, что вы такие же грузины, как и мы, может, даже и лучше.

Я, конечно, не слушал Тамази, но ответ моего родственника в темноте на этот раз меня даже развеселил:

– Ну да, действительно, – сказал он, играя пригласительными.

– Предлагаю помириться, – предложил Тамази, – и приглашаю за стол.

Тут нам повезло: к калитке подошла жена дяди Арчила и видимо, последними словами отчитала Тамази. Из всех ее слов я отчетливо понял слово «алкаши». Как ни странно, Тамази отступился именно после этого слова, и мой родственник передал пригласительные жене дяди Арчила. Отъезд от дома дяди Арчила наш «Москвич» с дырявым глушителем отметил двумя выстрелами, после каждого из которых Тамази подпрыгивал, держа руки за голову.

Вот с таким салютом мы прибыли домой. Несмотря на поздний час, у нас во дворе под навесом сидело не менее десяти мужчин и, что интересно, пили чай. Все спокойно слушали Кара дайы, который рассказывал очередную военную байку. Наш «Москвич» остановился возле них с одним холостым выстрелом. По виду отца я заметил, что он сильно раздражен нашей задержкой, и еще больше он разозлился, когда узнал, что я там пил.

– Ей богу, как ребенок, – сказал он мне.

– Всего два стакана, – стал оправдаться я, – тем более, твой друг настаивал.

– Нет, еще заливал тебе в рот, – буркнул отец.

Узнав о том, что я выпил за два дня до свадьбы, все переключились на меня.

– В наше время наши отцы за это могли и наказать, – начал первым Кара дайы.

– Ваш отец точно не наказал бы, – съязвил кто-то из сидящих, – разве что за то, если бы ему не налили.

Сидящие в своем стремлении удержать смех закрывали рты ладонями. Вечер обещал быть веселым.

– Мой отец – это отдельный случай, – ответил Кара дайы.
– Я имел в виду в целом. А мой отец был исключением. Тем более он рано умер, был бы жив к моей свадьбе, может, и бросил бы пить.

– В целом, конечно же, да, – быстро согласился с Кара дайы тот острослов, который очень не к месту напомнил ему об отце.

Кара дайы молча проглотил укол этого невоспитанного осла и спросил у меня:

– Хорошее вино? Грузины для себя делают хорошее вино, но для продажи – говно. У кого брали?

Вместо меня ответил отец:

– У Арчила, у моего одноклассника, он не обманет.

– Чей сын будет твой Арчил? – Кара дайы обратился к отцу.

– Не знаю, чей, своего отца сын, чей еще? Не знал я его отца.

– Отца, может быть, я знал, – подытожил Кара дайы, – мое детство, считайте, прошло в Алибейли.

Потом Кара дайы спросил у меня:

– Хорошо накормили?

– Как своих, – ответил я.

– А это как? – уточнил Кара дайы.

– А вот так, – ответил я, – они и сегодня нас считают своими.

– Мы и не чужие им, сколько лет живем рядом друг с другом.

– Да нет же, они нас считают грузинами, – сказал я и стал ждать ответа Кара дайы. Он даже не изменился в лице.

– А евреями не считают?

Видимо, вопрос принадлежности зогаллинцев к какой-то отдельной нации не один раз обсуждался с грузинами в присутствии Кара дайы, и одна из ветвей обязательно вела к евреям. И он был в курсе этих претензий грузин к нам.

– И на это был намек, – ответил я. – Дядя Арчил доказывал, что раз все наши старики говорят на грузинском, значит, мы грузины. Если вы не грузины, сказал он, тогда считайте себя евреями и говорите на еврейском.

– А ты что ответил?

– Ну, не буду же я спорить со стариком. Человек в возрасте, тем более выпивший.

– А у нас не все старики знают грузинский, – задумался Кара дайы, – но они всех нас поголовно считают грузинами.

Тут опять не сдержался наш острослов, который после первого своего замечания молча сидел как раз напротив меня.

– Вас, Кара дайы, они точно не сочтут своим. С вашим видом-то.

Опять смех прошелся по сидящим, но на этот раз Кара дайы ответил в своем стиле:

– Зато тебя они сочтут за осла за такое поведение! Сиди и слушай, невоспитанный!

Такой резкий ответ Кара дайы заставил нашего острослова умолкнуть, казалось, на этот раз окончательно.

– Это у них в головах сидит идея, откуда – я даже не знаю, – продолжил Кара дайы, – якобы мы тоже раньше были грузинами. Ерунда какая-то. Все мое детство прошло в Алибейли, язык грузинский я и сегодня знаю лучше их, ну и что? От этого я должен считать себя грузином, так получается, да?

– И кем вы себя считаете, Кара дайы? – опять возник наш острослов, – только без обид, пожалуйста. Говорят, с годами гены дают о себе знать. Это правда?

Разве можно сдержать смех после таких вопросов, и все сидящие хором засмеялись. Что удивительно, посмеялся и Кара дайы. Но Кара дайы не был бы Кара дайы, если бы он не ответил:

– Какие у меня были гены, никто толком не знает, одни догадки. А какие у тебя гены, я точно знаю. Что твой дедушка Сафар, что его брат Кафар, оба они были ослодерами. Об этом тебе скажет любой зогаллинец. Вот такому ослу, как ты, они и передали свои гены.

Наш острослов даже не обиделся на слова Кара дайы, несмотря на издевательский смех присутствующих и возгласы типа:

– Получил? Успокоился?

– Спасибо Кара дайы, впредь будем знать, – не мог угомониться он. – С моими генами определились, а сейчас вы расскажите о своих.

Но это было уже слишком: последним своим высказыванием наш молодой острослов явно демонстрировал свое родство с вышеназванным животным. Мой отец резко прервал его:

– Хватит тебе!

Авторитет моего отца был очень высокий, поэтому все сидящие моментально замолкли. В Зогаллы очень почтительно относятся к старшим, а поведение моего соседа-острослова в определенной степени было спровоцировано самим Кара дайы. Несмотря на свой возраст, он всегда сидел с молодежью, рассказывал анекдоты, хвастался армейскими похождениями, связанными с женщинами. Поэтому некоторая часть молодежи иногда допускала nepозволительные вольности в разговорах с ним, но большая часть, конечно же, соблюдала субординацию. Так случилось и сегодня вечером. Но после грозного предупреждения моего отца разговор за столом наконец-то принял уважительную форму. Потом произошло то, чего мне меньше всего хотелось бы. Кара дайы почему-то вдруг спросил у меня:

– Вот ты у нас самый образованный, в институте учился. Что-нибудь пишут в книгах о нашей деревне? От кого, интересно, мы произошли? Все люди как люди, произошли от обезьяны, а мы, получается, произошли от грузин, да?

В другой раз я категорически отказался бы в его присутствии говорить о том, что написано в книгах о Зогаллы. Мне всегда интересны были его рассказы, пусть даже где-то приукрашенные. Но на этот раз черт меня дернул, хотел показать свою осведомленность в этом вопросе. «Лучше бы не пил», – подумал я, а мой отец на том конце стола неодобрительно смотрел на меня, но уходить не стал, тоже стал слушать. А тут еще этот острослов, которому спокойно не сиделось, добавил свое:

– Ну, давай, покажи, на что пять лет тратил деньги дяди Османа?

Должен сказать, что меня слушали очень внимательно. Через несколько минут недовольство в глазах отца сменилось любопытством – видимо, изначально он ожидал худшего. Из всех присутствующих лучше меня в этом вопросе разбирался Кара дайы, который тоже сосредоточенно слушал. Каждое мое предложение сопровождалось изменением его мимики – поднятием бровей, движением носа, иногда даже закрытием обоих глаз. Когда Кара дайы неподвижно смотрел на меня, я понимал, что для него это что-то новое.

А начал я издалека:

– Книги пишут, что наши предки были заселены сюда шахом Аббасом I в самом начале XVII века. На сегодняшний день мы считаемся потомками тех тюркских племен, которые, по задумке Аббаса I, должны были охранять северные границы его владений от набегов горцев. Переселили нас из Ширвана, из равнинного Карабаха и из-под Гянджи. Об этом свидетельствуют названия деревень, расположенных вдоль Ганыха. Новые переселенцы, как правило, называли свои поселения именами тех местностей, откуда их переселили. Например, деревня Кюрдамир, деревня Загям, деревня Кятал Парох и так далее. Каждая деревня имела свой летний лагерь в горах, куда в первую очередь отправляли детей и женщин в летние месяцы, спасая их от малярии и других болезней. По соседству с нашими деревнями находилось несколько грузинских деревень, которые сохранились и по сей день. Именно наличием этих грузинских деревень и объясняются претензии грузинских князей на наши земли в те времена. А после присоединения грузинских княжеств к Российской империи началась также религиозная экспансия грузинской православной церкви в низовьях Ганыха, то есть в наших деревнях.

– Что такое экспансия? Ты давай на понятном языке, – вдруг перебил меня Кара дайы.

– Сейчас объясню, – продолжил я, – они хотели, чтобы мы тоже стали христианами.

– Так и скажи, что веру у нас хотели отнять, – тихо сказал Кара дайы.

– Ну да, – согласился я, – только добровольно никто не соглашался принять христианство. Власти пробовали проводить насильственную христианизацию, но тоже не имели успеха. Тогда они пообещали нашим дедам и прадедам, которые в большинстве своем были крепостными крестьянами, в случае принятия ими христианства освободить их от крепостничества, а также от налогов. В результате этих мер царской администрации Загатальского округа (так тогда назывался наш край) удалось обмануть людей, и они приняли христианство.

– Когда это было? – спросил дядя Кара.

– В прошлом веке, сперва христианство приняли жители верхних деревень Гаха – Котуклу, Горагана, Мешабаша и Шотавара. Это было в пятидесятом году.

– А наши когда приняли? – видно, Кара дайы знал эти тонкости.

– А наши приняли в пятьдесят восьмом году вместе с Тасмалы, Лала-Паша, Марсан и Енгиан.

– И что дальше было? – не выдержал Кара дайы.

– Что дальше было, точно не знаю, знаю, что через четыре-пять лет наши вернулись в ислам.

– И почему они вернулись?

– В книгах пишут, что грузины стали заставлять людей говорить на грузинском и писать на грузинском. Позже народ понял, что их обманули, а когда захотели вернуться в свою религию, они стали силой оставлять их в христианстве. Тогда и началось Алибадское восстание наших предков против насильственной христианизации.

– И что дальше?

– А что дальше: восстание подавили, многих расстреляли, но народ вернулся в свою исламскую религию. Однако царская администрация края продолжала насаждать грузинский язык в быту, поэтому многие жители деревень знали грузинский.

С начала XX века позиции грузинского языка стали ослабевать, а с приходом советской власти наш край законно был подчинен Азербайджану, так как большинство жителей нашего края были азербайджанцами. В середине двадцатых годов во всех деревнях открылись школы, и преподавание велось на родном азербайджанском языке. В то же время руководителями создающихся колхозов и сельсоветов были исключительно азербайджанцы.

– Гяуры лучше были, наверное, чем эти руководители, – не выдержал Кара дайы и громко и грязно их обругал, – чуть было мой дом не забрали под здание своего сельсовета! Про овец, которые я даром сдал в колхоз, вообще молчу!

– Кара дайы, тут речь идет о более глобальных вещах, о судьбе наших предков, а вы сразу вспомнили свой дом и своих овец. Столько богатых людей лишились дворцов и богатства при коммунистах, что вам лучше промолчать, – опять этот острослов задел Кара дайы.

– Вот именно, – ответил Кара дайы, – пострадали богатые, а я не был богатым.

– Но грузины не собирались сдаваться, – продолжил я. – Во времена Сталина, начиная с конца тридцатых годов, они опять вернулись к своим планам грузинизации края и на этот раз решили начать все с образования. Для этого и перевели зогаллинскую школу на грузинский язык. С 1938 по 1955 в зогаллинской школе преподавание велось на грузинском.

– Это мы и без тебя знаем! – грубо прервал меня Кара дайы.
– Все?

– Все, – виновато закончил я.

Он всегда такой, наш Кара дайы: сам попросил меня, я и рассказал, а в конце, вместо того, чтобы сказать «спасибо», вот в такой грубой форме прервал мой рассказ. Да это еще ничего – он может даже обозвать человека, если, не дай Бог, не понравится тот ему.

Но я понимал, что он обязательно даст оценку моим книжным знаниям. Мы все это почувствовали, потому что даже

острослов не выдержал и обратился к Кара дайы:

– А что в ваших книгах, Кара дайы, написано на эту тему?

Постановка вопроса, видимо, понравилась Кара дайы, он улынулся, почесал затылок:

– Я тоже начну издалека, – сказал он. – Лет пять назад приезжала ко мне девушка молоденькая, видно, или студентка, или только-только окончила институт. С фотоаппаратом. Но не из наших, не из зогаллинских. Откуда это я понял? Из разговора, я наших молодых не всех знаю, но по разговору узнал бы. Так вот, такая, скажу прямо, воспитанная девушка, не зогаллинская, наверное, мугалка, но воспитанная. Приехала ко мне и сразу начала:

– Мне сказали, что лучше вас никто не расскажет об истории Зогаллы.

А мне интересно, кто же направил ее ко мне.

– И кто же тебе такое сказал? – полюбопытствовал я.

– Я интересовалась у учителя истории в зогаллинской школе – Байрам муаллим, и он сказал, что по этим вопросам лучше обращаться к вам. Вы самый знающий аксакал в деревне, – честно призналась девушка.

С одной стороны, мне было приятно, что Байрам муаллим ко мне посылает, значит, я того стою. А с другой стороны, если честно, то я не самый старший в деревне, мне чуть более семи-десяти, а вот Абдул и Аллаверди намного старше меня будут. Уж про женщин вообще молчу – их с десятков в Зогаллы наберется старше меня. Но раз ко мне посылают людей, значит, верят моим словам.

– И что тебя интересует? – спросил я у нее.

Она помялась немножко и как-то неуверенно начала:

– Я, – сказала она, – хочу написать книгу об истории наших деревень. Я сама из той деревни, – показала она рукой в направлении своей деревни, – окончила исторический, сейчас в музее работаю.

Когда она назвала свою деревню, я сразу сам себя похвалил: «Молодец Кара, не ошибся», – из мугальской деревни была она.

– Так, – спрашивал я, – и что я должен тебе рассказать?

– Знаете ли, – сказала она, – стала я изучать историю наших деревень, и оказывается, они настолько древние, что даже на картах Птолемея отмечены.

Это я сейчас свободно произношу «Птолемей». А тогда я у нее три раза спросил:

– На чьих картах, говоришь, дочка?

– На картах Птолемея, – повторила она.

А я не пойму, кто этот Птолемей? На русскую фамилию, вроде, не похоже, поэтому я подумал, наверное, турок, у них бывают фамилии, в которых нам тяжело разобраться. Но себя не выдаю, и решил подшутить над этим Птолемеем, чтобы девушка не думала, что я не знаю, кто он такой.

– А кем тебе приходится этот Птолемей, – спрашиваю я у нее, – родственником, что ли?

– Да вы что, Кара дайы, о чем вы говорите? – удивилась она. И так удивилась, будто все на свете знают этого Птолемея, и только я его не знаю. – Он древнегреческий путешественник.

Короче, по ее словам выходило, что, якобы несколько тысяч лет назад этот Птолемей путешествовал по свету и как-то, проходя мимо наших деревень, отметил их на своей карте.

– А ни с кем не сфотографировался он? – продолжал шутить я.

А она такая наивная, искренняя девушка, не поняла, что я шучу, и ответила:

– Да вы что, Кара дайы, какая фотография? В те времена не было фотоаппарата.

Одним словом, я ей потом все рассказал о Зогаллы, что я знал, что слышал в детстве от наших стариков и старушек. Сейчас я и вам расскажу. В конце беседы она меня даже сфотографировала возле моего дома как возле исторического памятника. «На здоровье», – подумал я. И предупредил ведь я ее, чтобы забыла про этого Птолемея, поскольку все на самом деле было так, как я ей рассказал. Но куда там: через полгода принесли мне книжку маленькую с моей фотографией, и все,

что она мне сама рассказывала, все там и написала. И ни одного слова из того, что я рассказал. Мугалка, что и говорить. Правда, фотографию мою напечатала, спасибо хоть на этом.

Вот я сейчас у вас спрашиваю:

– Девушка молодая не знает историю, написала всякую ерунду. А куда же смотрел тот, который печатал эту книгу? Получается, что и тот, кто печатал, такой же Птолемей, как эта мугалка, да?

– Да сейчас за деньги что угодно можно напечатать, – кто-то из сидящих нашел простое объяснение случившемуся.

– А у моего племянника, – тут Кара дайы устремил свои взоры на меня, – денег нет, получается да? Столько лет записывает за мной все мои рассказы, как студент лекцию за профессором, записывает и все обещает книгу написать. Не получается, да?

– Получится, – ответил я.

– А у этой молоденькой мугалки быстро получилось. И главное – ни одного слова про Зогаллы она не написала, все про свои мугальские деревни. А с другой стороны, я вам скажу, правильно она и сделала, что про нас не написала. Если мы сами не напишем про Зогаллы, никто не напишет. И это надо делать, пока я живой, после меня некому будет вам рассказывать. В ближайшие тридцать лет это надо сделать, потому что до ста лет собираюсь жить сам, а дальше, сколько Аллах даст, – пошутил Кара дайы.

– Хорошо, Кара дайы, обязательно все напечатаем, – уверил я его, – а что вы ей тогда рассказали?

– Рассказал все, что знал, и все, что слышал. Нет, послушайте, главное, сколько лет прошло, а имени этого греческого путешественника не забываю. Хорошее имя, Птолемей, хоть возьми и собачку назови. Прав был мой племянник, когда говорил о переселении наших предков сюда шахом Аббасом, – продолжил Кара дайы. – Откуда я это знаю? Жила у нас в Среднем Зогаллы по соседству старая женщина, добрая очень,

прапрабабушкой приходилась моему соседу Сулейману. В детстве я часто бегал к ним, она всегда меня кормила, а однажды летом, помню, даже купала меня. Так вот, она рассказывала, что наши предки раньше жили в равнинном Карабахе, и сейчас есть там деревня Катал Парах. Наша деревня тоже раньше так и называлась – Катал Парах. А когда малярия уничтожила полдеревни, наши бросили там все и перебрались чуть выше, туда, где был большой кизилковый лес. Оттуда и название сегодняшнее – Зогаллы. А на месте старой деревни сейчас табачные поля колхоза, а поле так и называется – Катал Парах. Что означает это слово, не знаю, даже не спрашивайте, в моей книге это не написано.

Жили наши предки всегда по соседству с грузинами, поэтому почти все говорили на грузинском. Я вам больше скажу: грузины тоже знали наш язык, бывало, говоришь на одном языке и не заметишь, как перейдешь на другой. А вот насчет христианства все правильно. У нас в Зогаллы всего около пяти лет проповедовали христианство, и, хотя мы от него и отреклись, но все равно в чем-то остатки христианства иной раз себя проявляют. А наверху, в Гахе, пробыли в христианстве больше десяти лет, так многие и сейчас, не знаю уж в какой праздник, раз в год поднимаются в грузинскую церковь. Но называют это уже по-нашему – «Зиярет¹⁵». Для истории десять лет вроде ерунда, а оказывается, нет, в памяти народа осталось. Правда, в основном старшее поколение ходит туда, не Молодежь.

Знаете, когда зогаллинцы приняли христианство, в деревне было около шестидесяти дворов – по тем временам это была немалая деревня. Когда их освободили от крепостничества и уменьшили налоги, тогда они и приняли христианство. Но через три года царь в Петербурге издал указ, который отменил крепостничество по всей империи. Когда эта весть дошла до Зогаллы, наши посчитали себя обманутыми. Ведь что получалось? Повсеместно крестьяне получили свободу от крепостничества, ничем не жертвуя, а нашим пришлось

жертвовать своей религией. Это одна причина, почему наши вернулись обратно в ислам. С другой стороны, за пять лет некоторые наши мужчины стали пить вино на грузинский манер и многое недостойное натворили спьяна. А тут еще и власти стали заставлять людей и говорить, и писать на грузинском. Одним словом, смена религии ничего хорошего не дала народу, кроме многих безобразий. Тогда наши старики собрались и пошли к самому Симону Шаликошвили, царскому генералу, который сидел в Загаталы и управлял нашим краем. Мол, так и так, вы у нас обманом отняли нашу религию, освободив от крепостничества. А по стране и так всех крестьян освободили от крепостничества и никого, кроме нас, не втянули в другую религию. Так что, извините, мы возвращаемся обратно в мусульманскую веру. Не знаю, что им этот Шаликошвили ответил, наверное, пугал их, знаю только одно: наши ушли отсюда недовольными, но перед уходом этому Шаликошвили прямо сказали:

– Вы как хотите, а с сегодняшнего дня мы ваш крест не будем носить!

Тогда Шаликошвили начал настоящий террор против наших. Люди стали пропадать, скот стали угонять, у въезда в каждую деревню поставили посты, не давали людям передвигаться и общаться между собой. И тогда смелые зогаллинцы с алибадцами и тасмалинцами как-то договорились и устроили засаду на этого Симона Шаликошвили. И где-то по дороге из Грузии в его резиденцию в Загаталы они убили генерала и его охрану. Я помню, когда я был маленьким, в Зогаллы даже половица ходила. Если кто-то кому-то сильно надоедал, не давал жизни, женщины могли проклинать того словами: «Чтоб ты попал в засаду, как Шаликошвили».

Дальше – больше. Вы представляете, что значило в те времена убить генерала? Ввели войска, солдаты стали бесчинствовать. Искали тех, кто устроил засаду на генерала. Все закончилось тем, что в 1863 году народ восстал. Не знаю, как в

книгах написано, но лично я слышал от стариков, что народ восстал против насильственной христианизации. Да разве голыми руками победишь целую армию? Ввели дополнительные войска, подавили восстание, тысячи людей погибли. наших зогаллинцев потом на арбах родственники привозили и хоронили всех вместе. Не разрешили их хоронить на деревенском кладбище, поэтому всех похоронили чуть выше, рядом с дубовым лесом. А скольких сослали в Сибирь, отправили по каторгам! Мужчин в деревнях не осталось, пахать и сеять было некому, так наши женщины за кусок хлеба батрачили у грузин. Вот оттуда еще знание грузинского идет. Голыми руками, считай, воевали против царской армии – вот какими были зогаллинцы! – заключил Кара дайы.

Мы все очень внимательно слушали его, особенно я, поскольку ни в одной книге не встречал таких подробностей. Поэтому и спросил:

– Кара дайы, а почему наши так легко согласились перейти в христианство?

– Я сам одно время долго думал об этом, – ответил Кара дайы, – тут, мне кажется, есть несколько причин. Во-первых, нас переселили сюда, в низовье Ганыха, чтобы мы противостояли набегам горских народов. Бросили нас в пекло и забыли. Живите, как хотите. А набегии были, и еще какие. Было не до религии. Хорошо, хоть сами как-то сохранились. Люди думали прежде всего о выживании, никто толком религией и не занимался. Зогаллы стоит около трехсот лет, но первую мечеть в деревне построил мой отец в начале века. Двести лет люди считали себя мусульманами и все, а мечети, где они могли бы услышать проповедь, не было.

Аллах всемогущий был наверху и еще в сердцах наших предков, но, кроме этого, обязательно должен быть на земле дом Аллаха. А у нас его не было, поэтому слабое было у нас мусульманство, очень слабое. С другой стороны, людям обещали свободу, освобождение от крепостничества. Они же вы-

брали не христианство, они выбрали свободу. Свобода – тоже религия. Потому они и согласились. Если бы они осознанно выбрали христианство, разве вернулись бы назад? А наши через пять лет вернулись в ислам – через потерю лучших сыновей, через большую кровь. И первым же делом что сделали, знаете? Они разрыли могилы своих родных, которых пять лет хоронили по христианскому обычаю, достали останки из гробов, перепеленали в кяфан и заново похоронили. У меня с детства навсегда врезалась в память цифра двадцать семь. Эту цифру раньше старики часто называли, когда вспоминали свое возвращение к Аллаху. Двадцать семь зогаллинцев за пять лет были похоронены по христианскому обычаю, и перед каждым перезахоронением вся деревня, от мала до велика, на коленях просила пощады у Аллаха. И просили Аллаха, чтобы принял Он их, заблудших сыновей своих, назад. Аллах велик, Он всех простил, Он всех принял, у Него нашлось место всем, и сегодня мы под Его покровительством. Только достойны ли мы Его?

– А что потом было? Вернулись наши из ссылок и каторг?

– Этих подробностей я не знаю. Знаю одно: время лечит, народ постепенно стал приходить в себя. А что касается вина, то одно время очень сильно боролись наши старики с этим зельем, чтобы наши не пили, как грузины. Понимаете, наши и грузинские деревни – в двух–трех километрах друг от друга, люди же все равно ходили друг к другу, общались. Большинство, конечно, не пило. Но находились и такие, кто пил. И вино, и кое-что крепче вина. Втихаря пили, только мой отец мог безбоязненно позволить себе пить в открытую. А после моего рождения и смерти моей матери дал зарок не пить и построил в Зогаллы мечеть. Строили, конечно, всей деревней, но руководил он. За время строительства ни грамма не выпил, говорят, но потом вроде опять начал пить. Слабый был человек.

– А почему сейчас многие пьют, да еще сами делают вино?

– Почему, почему! Когда вспоминаю детство свое, то будто сказку смотрю по цветному телевизору. Люди и в мечеть ходи-

ли, и Новруз байрам отмечали, и на могилы близких ходили по праздникам. Вспоминаю свадьбы наши, и плакать хочется. Начиналась свадьба с зурной, а потом ашуги на следующий день продолжали. Отовсюду ашуги к нам приезжали соревноваться. Помню, в 1934 году всей деревней в Баку провожали нашего ашуга Исмаила на республиканский съезд ашугов. И вернулся он оттуда с подарком, который ему лично вручил Узеир Гаджибеков. Хороший был подарок – красивый чайный сервиз. В первое время, пока был жив Исмаил, его хранили дома, а когда он умер, дети стали пользоваться им и побили весь сервиз. Вот такой мы народ. Спрашивается: ай ушаг, ай бала¹, тебе что, стаканов не хватает, что ли, если ты решил пользоваться сервизом, подаренным самим Узеиром Гаджибековым? Поставь на сервант, покажи людям, гордись! Нет, все побили. Афтафой⁵ по-человечески пользоваться не умеют, а сервизом Гаджибекова пользовались. Все побили, до последней чашки! Не умеем беречь, что имеем. Вот мое пианино, столько лет оно у меня, и дети, бывает, тоже иногда мне говорят:

– Папа, все равно никто не умеет играть, может, продадим, а?

– Молчите, – говорю, – это моя память о войне, и даже не думайте о продаже, пока я жив! Я знаю: как помру, на следующий день продадут, вот такой мы народ.

– Надо было сказать этому Арчилу, – резко повернулся ко мне Кара дайы, – «какие мы грузины, если у нас есть и мастера зурны, и ашуги?». Если моего прадеда звали Новруз, то какой я после этого грузин? Нет, еще и еврей!

Потом ведь что коммунисты сделали? Опять религию отбросили черт знает куда. Народ только начал ходить в мечеть, а ее отобрали и отдали колхозу под склады. А во времена Сталина опять вернулись грузины, вспомнили старое. Школу перевели на грузинский язык. Почти двадцать лет целое поколение прошло через грузинскую школу. За двадцать лет и грузинский толком не выучили, зато успели наш азербайджанский

язык испоганить. Дежурные стояли в деревне возле каждого родника, чтобы дети и после школы говорили на грузинском. А разве можно запретить ребенку говорить на родном языке? В итоге что получили? А получили то, что сегодня большинство зогаллинцев разговаривает черт знает как, никто нас не понимает. Когда впервые наш новый первый секретарь райкома Расим Халыгович Исаев приезжал к нам, то стал возле правления с людьми общаться. Общались, общались, а потом он не выдержал и обратился ко мне:

– Вы, конечно, извините, аксакал, но то, что вы говорили, я все понял, а из того, что говорили молодые, я не понял ничего.

Потом я ему долго объяснял, почему так все получилось. Он так живо заинтересовался. Не верил. А кто поверит? Мыслимо ли: в двадцатом веке в аттестате азербайджанского мусульманина записана грузинская фамилия.

Кара дайы повернулся к моему отцу и спросил:

– Осман, только честно, как у тебя написано было?

– Почему было, – засмеялся отец, – аттестат и сейчас дома.

Гамидуллашвили Осман написано.

Все мы хором посмеялись, хотя и без вопроса Кара дайы знали, у кого как написано. Но Кара дайы не останавливался:

– Абид муаллим молодец! Настоял на том, чтобы переписали ему фамилию в дипломе на Балаева. А было написано Баладзе. А вы говорите. Сколько раз я делал предупреждение молодым: не издевайтесь над нашим языком, говорите нормально, как я говорю. Сколько гласных не выговаривают, нет-нет, да и проскакивают грузинские слова. Вот и получается, что язык, на котором сейчас вы говорите, никто кроме вас не понимает. Мы, ваши предки, говорим на нормальном языке, а вы, наши потомки, – на ненормальном! Вот и все! Через века мы пронесли язык, сохранили его чистым, каким нам его передали наши матери в таком тяжелом окружении. А вы за двадцать лет преподавания грузинского в школе все растеряли. Будь он проклят, этот Сталин! Потому и смеются мугалы над нами. И

правильно делают! Сегодня тоже надо дежурных по деревне ставить, как когда-то грузины ставили, чтобы заставить правильно говорить.

– Насчет языка понятно, Кара дайы, а почему пьют вино, притом пьют не только молодые, но и старые тоже.

– Неправда! – резко перебил меня Кара дайы, – многие старики не пьют. Я пью, да, но я исключение. У меня отец тоже пил. Потом война – я всю войну пил. Курить не курил, а пил всегда. А когда вернулся с войны, у всех во дворах уже виноградники появились. Потом все больше и больше. Вино делать мы всегда умели, а когда научились у грузин – я не знаю. С тех пор и пьем. Считай, многие после войны начали пить. Молодые у грузинских учителей научились, а их у нас не меньше пятнадцати семей было. Потом грузины уехали, а мы не перестали выращивать виноград и, конечно же, не бросили пить. На свадьбах пьем, и по делу пьем, и без дела пьем. Но заметьте, алкоголиков, как у русских, у нас в Зогаллы нет, хотя у самого бедного в подвале минимум сотню литров вина можно найти при желании.

– Мы научились делать вино не хуже грузин, – многозначительно посмотрел на сидящих Кара дайы. – Грузины для себя тоже делают неплохое вино. А для продажи сахар в него добавляют, и от этого голова потом болит.

– Как твоего алибейлинского друга зовут, Осман? – неожиданно обратился к моему отцу Кара дайы.

– Арчил, а что? – удивился мой отец.

– Да ничего, не обманет с вином, говоришь, твой Арчил? Чтобы на свадьбе перед гостями не опозориться.

– Не должен, сколько лет с ним дружим, – не понимал намерения Кара дайы мой отец.

– Это мы сейчас и проверим, – под общий смех и радостные выкрики сидящих провозгласил Кара дайы, – за этими грузинами глаз да глаз нужен. А ну-ка, несите стаканы!

ГЛАВА 4

КОРОВА СУЛЕЙМАНА

– Кстати, может, хватит пить, а? Сходил бы и проведал своего друга, – сказала мама в разгар очередного нашего застолья, которое на этот раз было посвящено моему приезду. – А то он каждый раз спрашивает у меня, приехал ты или нет, и когда приедешь? А если узнает, что ты приехал и еще не проведал его, обидится.

– Какого еще друга? – удивился я.

Сидящие со мной за столом засмеялись общим хором.

– Какого, какого? Кара дайы, конечно. Вот уже целый месяц он в постели, – продолжила мама, явно недовольная длившейся уже третий день гулянкой.

Нельзя было не согласиться с мамой, гулянка действительно затянулась. С другой стороны, а чем еще можно было заниматься в Зогаллы в феврале, когда снег под лучами солнца медленно таял во дворах и на улицах, делая их непроходимыми, а по ночам морозы еще щипали за уши выходивших без шапок зогаллинцев? Соскучившиеся за время моего долгого отсутствия близкие и не очень близкие родственники безпре-

рывно приходили повидаться со мной и, конечно же, не с пустыми руками. У нас у самих в подвале этого добра было в достатке. Поэтому особого греха в своем поведении, несмотря на замечание мамы, я не видел.

– Уже не в постели, – возразил было мой младший брат, но мама его резко перебила:

– В постели, не в постели! Сиди и не умничай. Другой раз сразу бежит, когда что надо спросить. А тут третий день не заглядывает. Завтра же сходи и проведай!

Спорить было бесполезно. И мы решили сделать перерыв.

– Так, а что с ним случилось? – спросил я у мамы.

Опять все хором засмеялись. Я не мог понять причину их веселья, но догадался – значит, с Кара дайы случилось что-то неординарное.

– Как раз по твоей теме, – вставил обычно молчаливый младший брат.

То ли от количества выпитого, то ли еще отчего, сидящие засмеялись еще сильнее, пока их не перебила мама:

– Корова Сулеймана ударила бедного, чуть ногу ему не сломала, – и тоже не удержалась и засмеялась.

Смех мамы остальные восприняли как разрешение на полноценное выражение своих эмоций и начали смеяться так, что чуть было со стульев не попадали.

– Сходи завтра, он все сам расскажет, а кое-что даже покажет, – добавил мой брат...

...Оказывается, дело было сразу после Нового года, когда Кара дайы по какому-то делу сходил к своему соседу Сулейману. Зайдя во двор Сулеймана, Кара дайы хотел медленно пройти через скотный двор в дом Сулеймана. И тут чем-то недовольная корова Сулеймана подкралась сзади и боднула дядю Кару так, что от неожиданного удара тот упал, и вдобавок корова, оказывается, чуть не затоптала его.

– Если бы не подоспел Сулейман, убила бы старика, бешеная, – добавила мама, но, честно говоря, сочувственных нот в ее голосе я не услышал.

Подбежавший Сулейман вилами отогнал корову и привязал ее. А дядя Кара как лежал на снегу, так и остался, от боли не мог сам подняться. На крик, естественно, собрались все соседи, и уже к обеду по Зогаллы бродил слух, что якобы у Сулеймана корова бешеная, и она убила старика Кара дайы. Хотя многие видели, как Кара дайы сам сел в срочно вызванную из Гаха председателем сельсовета Абид муаллимом машину скорой помощи.

Как бы там ни было, к вечеру во дворе у Сулеймана появился зогаллинский участковый Сабир. Сабир не был зогаллинцем, он был приезжим, жил в Гахе. Как только он получил сигнал от своих осведомителей, то, несмотря на скользкую дорогу, немедленно выехал в Зогаллы. Сабир славился своим умением примирять людей, не доводя дело до суда. Он никогда не искал конкретного виновного в бытовых конфликтах, если таковыми можно было назвать происшествия, которые изредка случались в Зогаллы. К таковым конфликтам, как правило, приводил несанкционированный перелет куриц из одного зогаллинского двора в другой и связанные с этими перелетами споры о принадлежности курицы, а также драки на свадьбах, пропажи овец во время поочередной пастьбы жителями общего деревенского стада и другое. Как любил выражаться Сабир, в любом неправомерном акте, расследование которого им проводилось, виноватыми оказывались обе стороны конфликта, что должно было подчеркивать честность и беспристрастность следствия. С другой стороны, такой подход существенно облегчал проблему материальной части «возмещения» досудового разрешения конфликтов, которую полагалось обеим сторонам внести в виде признательности в пользу участкового. Учитывая постоянное безденежье населения Зогаллы, Сабир, идя им навстречу, соглашался брать это «возмещение» валютной продукцией зогаллинцев, составляющей главную статью их дохода, – фундуком. Зогаллинцы не помнят, чтобы Сабир разрешил какой-то конфликт меньше, чем за мешок фундука, в противном случае он

не соглашался браться за дело, угрожая передачей его в Гахскую полицию. Самой большой выплатой зогаллинцы считают потери, которые понесли стороны конфликта, когда жеребенок Афрайма на улице копытом ударил в глаз шестилетнему внуку Рустама. Тогда обе стороны в результате длительной разъяснительной работы участкового Сабир, которая в итоге привела к примирению сторон, потеряли по два желтых мешка золотистого зогаллинского фундука каждый. А желтые зогаллинские мешки по объему почти в полтора раза больше, чем белые зогаллинские мешки, которыми, между прочим, изначально собирались рассчитываться стороны конфликта, и на что категорически тогда не согласился участковый Сабир. Другой особенностью ведения предварительного расследования участкового Сабир являлись его постоянные ссылки на мнение начальника Гахской полиции, что должно было означать не только исключительность случившегося, но и подконтрольность.

Еще по дороге в Зогаллы Сабир уяснил для себя неординарность случившегося, то есть здесь невозможно будет применение его традиционных методов разрешения дела, когда виновниками оказывались обе стороны конфликта. «С Кара дайы шиш что возьмешь», – заранее определил участковый Сабир, поэтому основная тяжесть «материального возмещения» должна была лечь на Сулеймана. А дело было не из легких, и тянуло минимум на два желтых мешка фундука.

«Буду давить по полной, а там что будет и сколько будет», – решил для себя Сабир, благо Сулейман считался зажиточным зогаллинцем.

С другой стороны, Сулейман, зная о способах и методах расследования дел участковым, мысленно готов был распрощаться с одним желтым мешком фундука, но не более, полагая, что с непосредственного виновника случившегося, то есть с коровы, ничего не возьмешь.

Однако не тут-то было: процесс допроса участковым Сабиром хозяина коровы, в ходе которого бедного Сулеймана из

свидетеля переквалифицировали в обвиняемого, ярко продемонстрировал не только преимущество Сабира в процессуальной грамотности, но и юридическую тупость хозяина коровы.

* * *

– В итоге больше всех пострадал бедный Сулейман, – сказал мой зять Рафаэль, чей дом тоже находится вблизи дома Сулеймана, а говоря юридическим языком, недалеко от места происшествия. И он, как и многие другие любопытные зогаллинцы, в тот вечер случайно (по его словам) стал свидетелем беспристрастного допроса Сулеймана со стороны участковым Сабиром.

– Когда пришел Сабир, жена Сулеймана как раз доила эту самую корову, – начал свой рассказ Рафаэль, и я стал внимательно слушать его. Остальные за столом не стали отвлекаться на его рассказ, продолжая есть и пить: видно было, что они в курсе событий, и им рассказ Рафаэля не столь интересен, как мне.

– Для придания исключительной важности случившемуся, участковый Сабир первым делом измерил расстояние от входной калитки до места падения Кара дайы, благо следы его падения еще были видны на белом снегу. Потом он не спеша померил расстояние от места падения Кара дайы до места постоянной привязи коровы, ведя какие-то арифметические расчеты на глазах у недогадливых зогаллинцев. В этом ему усердно помогал сам хозяин коровы Сулейман.

– Корова как корова, никогда никого не трогала, – оправдывался при этом он, – спокойно доилась и сейчас так же доится, как сами видите, и хозяйка никогда не жаловалась. А тут такое, я сам не знаю.

– Ну и ну, – задумчиво произнес Сабир, и, подойдя поближе к корове, тоже убедился, что это все-таки корова, а не бык, как утверждал зогаллинский осведомитель, когда звонил ему, чтобы сообщить об этом происшествии.

– Да, действительно, корова как корова, и, конечно же, не бык, бык не доится, – на этот раз повторил Сабир свое утверж-

дение погромче, и этому почему-то сильно обрадовался Сулейман, который в душе претендовал на понимание и сочувствие со стороны участкового.

– Конечно корова, откуда у меня бык, – обрадовался Сулейман. – Вы сами знаете, бык у нас в Зогаллы только у Мурсаля, и мы все к нему и водим наших коров.

«На что он намекает?» – подумал участковый. О наличии быка у Мурсаля он хорошо знал, так как каждый месяц тот платил ему за работу своего быка.

В дальнейшем оказалось, что Сулейман зря радовался факту признания участковым в его корове именно коровы, а не быка, так как это был тактический прием Сабира. Поэтому следующее утверждение участкового было более категоричным и должно было означать для хозяина коровы невозможность замять это дело одним мешком фундука, пусть даже желтым.

– Если бы был бык, легче было бы замять дело, – продолжал свою речь Сабир, – а тут корова. Тут посложнее будет. Все знают, что бык может боднуть кого угодно, но чтобы корова? – блеснул он своими знаниями о поведении крупного рогатого скота в зависимости от его половой принадлежности. – Уже все в районе знают, что какая-то бешеная корова ударила заслуженного ветерана, чуть не убила.

По задумке Сабира, ситуацию для Сулеймана должна была усугублять еще и личность потерпевшего, и отчасти на это был ориентирован его допрос.

Повернувшись к Сулейману, он задумчиво произнес:

– Тут тяжелее будет скрыть что-то. Эксперты не поверят. Обстоятельства против вас, и факторов, которые могли бы оправдать действия вашей коровы, почти нет.

Сабир стал давить непонятными Сулейману юридическими терминами. Бедный Сулейман кроме разговорного зогаллинского языка знал еще названия нескольких запчастей трактора «Белорусь», на котором он работал последние двадцать

лет. И все, больше никакой терминологией он не владел. А тут – эксперты, обстоятельства, факторы. Но сдаваться он не собирался.

– А что скрывать-то? – недоумевал Сулейман, – зашел незнакомый человек во двор, и корова, чтобы ее волки растерзали, может, испугалась чего-то, и боднула сзади старика.

– Вот-вот, если бы ее растерзали волки, не было бы такого безобразия, когда чья-то корова может позволить себе безнаказанно ударить заслуженного ветерана. А то что получается? Человек десять лет воевал на фронтах без единой царапины, и тут, пожалуйста, у себя, в собственной деревне из-за чьей-то безалаберной халатности чуть не погиб такой позорной смертью.

На этом месте вопроса, по словам Рафаэля, даже далекие от юриспруденции зогаллинцы, присутствующие во дворе поняли, что Сулейману точно не отделаться одним мешком фунда. И именно с этого места по предложению участкового вопрос перенесли в дом Сулеймана. Во-первых, на улице было холодно, во-вторых, присутствие односельчан срабатывало в пользу Сулеймана. Догадливый участковый громко заявил:

– Всё, все свободны, а мы с тобой пройдем в дом, бумаги надо будет подписывать.

Дальнейшее расследование дела, по словам Рафаэля, проходило в доме Сулеймана. Подробности этого расследования тот потом рассказывал Рафаэлю, как соседу, с большой просьбой никому больше их не пересказывать.

В доме, оказывается, участковый продолжил гнуть свою линию:

– Хотя бы, если б не звонили в скорую, то еще как-то, может быть, на месте решили бы. А тут о любом пострадавшем, которого привозит скорая в больницу, докладывается в милицию и делается запись в книге.

– А что, нельзя с книгой ничего сделать? – наивно поинтересовался Сулейман у участкового, на что тот резко ответил:

– Смеетесь? Там каждая запись под номером идет. И кто я такой, чтобы иметь доступ к этой книге. Сам начальник контролирует ее.

– Так, а в чем моя вина? – спросил Сулейман.

– Как в чем? – удивился участковый, – а корова чья?

– Корова моя, – согласился Сулейман.

– А согласно законодательству, за вред, причиненный животными, отвечает их хозяин. Вы это знаете? Или назвать вам номер статьи?

– Допустим, знаю я эту статью, – ответил Сулейман, хотя о ее существовании не знал даже сам Сабир. – Если уж причинен какой-то вред Кара дайы, мы сами с ним и без вас разберемся. Как-никак, не один год соседи. Я извинюсь перед ним, и если нужны будут какие лекарства, куплю.

– Эх вы, какие умные, откуда же вы все это знаете, а? – громко спросил участковый. – Если вы все между собой все решаете, тогда зачем государство держит милицию, суды, прокуратуру? Меня, участкового, зачем держит государство, а? И зарплату платит, какую ни какую, между прочим? Что на это скажете, а?

Возмущенный таким наивным рассуждением Сулеймана, участковый сделал вид, что уходит, закрыл кожаную папку, собрал бумажки и даже хотел встать. Хотя перед тем, как войти в дом он видел, как жена Сулеймана поймала здорового петуха и попросила кого-то из собравшихся во дворе зарезать его. Поэтому уйти голодным не входило в его планы.

– Вы как хотите, – сказал он Сулейману, – я хотел помочь вам. Перед приездом сам начальник интересовался вами, как хозяином коровы, и я дал, между прочим, нормальную характеристику. Насчет коровы ничего не могу сказать, а хозяин порядочный мужик, хотя и хромает на левую ногу, – я так сказал ему. Дойдет дело до суда, больше выйдет, я хотел разрешить на месте этот вопрос, по-нашему. Хотел помочь вам.

– Да погодите вы, – сказал ему Сулейман, – так же дело не делается, как будто кого-то убили или зарезали. Если бы корова на улице напала, тогда я понимаю еще. В конце концов,

никто Кара дайы не приглашал, он сам зашел во двор. Хоть бы кликнул, я бы встретил его.

– Почему корова не была привязана? – продолжил допрос участковый.

– Я каждый раз после утренней дойки развязываю ее, сколько можно держать животное на привязи?

– В том-то и дело, – сказал участковый, – сами развязали, сами и удивляетесь.

– Откуда я мог знать, что он придет к нам?

– Надо было самим думать, чего сейчас у меня спрашивают? Вы живете в деревне, и у вас не какой-нибудь охраняемый объект, а деревенский дом, во двор которого в любое время может зайти кто-то из соседей.

– Он даже не позвал меня, зашел-то как бы без предупреждения? – парировал Сулейман.

– А с каких пор в Зогаллы соседи стали ходить друг другу после предупреждений, а? Может, я что-то не знаю? Может, он еще вчера должен был вам предупредительную телеграмму дать? Мол, завтра утром зайду я к тебе, Сулейман, держи корову на привязи.

– Корова же не собака, чтоб все время держать на цепи! Кто бы мог догадаться? Тем более, никогда с нею такого не было.

– В том-то и дело, Сулейман. Так всегда в жизни, Вы лучше меня знаете, вроде все хорошо, хорошо, а вдруг – бац! И начинаем оправдываться, – говорил участковый. – А корова, между прочим, в деревне наравне с лошадьми и быками считается источником повышенной опасности. Вы об этом знаете? – продолжал участковый.

Сулейман молчал, и, перехватив инициативу, участковый продолжал давить:

– А если бы ребенок соседский зашел к вам во двор? Тогда что? Я у вас спрашиваю, Сулейман, что тогда?

Сулейман молчал, и его молчание можно было истолковать, как признание им вины, поэтому участковый решил добивать его:

– Тогда бы, Сулейман, мы с вами беседовали не здесь, а в другом месте, и не сидели бы вы сейчас возле теплой печки, и не ждали бы, когда жена наконец-то подаст вам жареную курицу. Вот такие дела, дорогой мой, сидели бы вы в тюрьме, и раз в три дня получали бы, как говорят русские, передачи с сухариками от жены.

При упоминании жареной курицы Сулейман встал и пошел в кухню поторопить жену, потом зашел в кладовую и вернулся с графином тутовой водки, что должно было означать, что официальная часть беседы им безнадежно проиграна, и пора переходить к ее неофициальной части.

– Вино у меня кончилось, – оправдываясь, указал он на содержимое графина, – водка хорошая, режет как новоотбитая коса.

– Водка так водка, – не стал настаивать на вине участковый, – Но дело разве в водке или в вине? Вы, как хозяин, должны были предвидеть возможные действия своей коровы. А то ведь получается, что никто не виноват. А тут, на ровном месте, чуть старика не убила. Человек он, между прочим, очень уважаемый и почитаемый. Тут у вас в Зогаллы многие почему-то этого не понимают, а он известен не только в Гахе, но и во всей республике. Мой начальник, между прочим, мне так и сказал: – Езжай, – сказал мой начальник, – Сабир, разбирайся на месте, будет тяжело, дай знать, подключим дополнительные силы, – сказал он. И еще сказал, что пока он начальник, не позволит он чьей-то сраной корове втихаря ударять заслуженного человека сзади. А вы думаете, что это просто? Вы хоть знаете, какой у вас знаменитый сосед?

– Да знаю, знаю, – пробурчал Сулейман, – не сидится ему дома, скучно, видите ли, ему, вот с утра и поперся ко мне.

Когда жена Сулеймана начала накрывать на стол, стало ясно, что Сулейман полностью признал свое поражение. За ужином он собирался уменьшить тяжесть «материального возмещения». Участковый Сабир, в свою очередь, не соби-

рался уступать, поэтому напомнил Сулейману происшествия трехмесячной давности:

– Помните, когда жеребенок Афраима на улице копытом саданул в глаз шестилетнему городскому внуку Рустама?

– Помню, помню, – ответил Сулейман.

– А ведь то дело можно считать пустяковым по сравнению с вашим. Рядовой случай, можно сказать. Ребенок хотел палкой ударить сзади жеребенка, а тот дал ему в глаз. Правда, ребенок чуть было не лишился глаза. И что в итоге? Скольких трудов мне стоило примирить их. Долго я тогда, между прочим, убеждал начальника, чтобы не доводить дело до суда. А начальник мой, по секрету вам скажу, Сулейман, хотел тогда отправить дело в суд:

– Государство, – говорил он, – должно стоять на страже людей, и в первую очередь детей и стариков. И не важно, кто и как посягает на их здоровье, но он должен понести заслуженное наказание по закону! А как же иначе, Сулейман, сегодня жеребенок даст ребенку в глаз, завтра, вы, конечно, извините меня, корова чья-то ударит ветерана войны и труда, послезавтра чья-то собака, не дай бог, укусит беременную женщину. И что получится? Мы же не в лесу живем, мы живем в цивилизованном обществе, где имеются законы, и мы должны вовремя пресекать любые противоправные акты. Вот и все, так приказывает начальник, так мы и действуем!

Сулейман хорошо помнил случай с жеребенком Афраима, когда каждой стороне конфликта пришлось пожертвовать в пользу участкового по два желтых мешка фундука. Афраиму участковый тогда вменял в вину то обстоятельство, что жеребенок не был привязан к телеге, в которую была запряжена его мама лошадь, а Рустам ответил за выход на улицу шестилетнего городского внука без присмотра.

Вспомнив этот случай, Сулейман, можно сказать, даже немного загрустил. Поэтому, выпив сто грамм тутовой водки за здоровье гостя, Сулейман начал издавека, но сразу обозначил предмет торга.

– Вы сами знаете, какой был в прошлом году урожай фундука. Можно сказать, что никакой. У нас в Зогаллы урожайность фундука чередуется: один год хороший, другой плохой. В прошлом году как раз был плохой урожай, даст Аллах, если доживем, в этом году должен быть хороший, – говорил Сулейман.

– Конечно, доживем, куда денемся, – отвечал ему участковый.

– Доживем, если с голоду не помрем, – сгущал краски Сулейман, – у нас других источников дохода, кроме фундука, нет, сами знаете. А урожай в прошлом году был никакой. И почти весь он ушел на оплату учебы сына. Сын у меня, сами знаете, в Баку учится. Ну, буду я с вами откровенен, Сабир, можете так и передать своему начальнику. Наскребу я максимум один мешок фундука, больше не смогу, хоть расстреливайте меня на скотном дворе вместе с коровой, – заплакал Сулейман.

То ли от гостеприимности Сулеймана, то ли оттого, что он действительно заплакал, Сабир смягчил свою позицию:

– Мы что, звери что ли, какой еще расстрел? Мешок, так мешок, – сказал он, – этот мешок я отдам наверх, – пальцем указал в сторону Гаха, – а со мной ты считаешься осенью. Мы что, не люди, что ли, или ты думаешь, мы пришельцы из космоса?

На этом и сошлись участковый Сабир и Сулейман: один желтый мешок он отдает сейчас, а другой мешок из урожая этого года – осенью.

После этого они сидели три часа, за это время Сулейман еще два раза ходил в кладовую за водкой. В двенадцатом часу ночи крепко выпивший участковый Сабир сел за руль своего старого «Москвича» и уехал в Гах. Дети Сулеймана уже спали, поэтому провожать его он вышел с женой. После того, как «Москвич» Сабир тронулся с места, жена Сулеймана вслед накаркала ему:

– Чтоб твоя машина по дороге перевернулась, живодер!

На следующий день Сулейман погрузил в мотоцикл «Муравей» мешок фундука, повез его в Алибад и отдал в неболь-

шой киоск на базаре Камрану. Такова была их договоренность с участковым.

А Кара дайы пролежал в больнице ровно три дня. Каждый день ему йодом обрабатывали место удара и давали какие-то таблетки. На четвертый день ему стало скучно, он оделся, вышел на улицу, сел в такси и приехал домой. Больше всех его неожиданному приезду удивился старший зять, гостивший у тещи во время отсутствия Кара дайы в доме. Между прочим, он и рассчитался за такси.

Еще через три дня, когда участковый передал через своих людей Сулейману, что он приедет в обед примирить его с Кара дайы, стало ясно, что проклятия жены Сулеймана не были услышаны наверху, что участковый жив-здоров и не прочь еще раз отобедать в их хлебосольном доме. К тому времени Сулейман и без участкового примирился с Кара дайы, два раза в день ходил к нему и проводывал его. К назначенному дню Сулейман зарезал небольшую курицу, и его недовольная жена стала готовиться к приему гостя.

К Кара дайы они зашли вдвоем, и по принятому обычаю, участковый зашел с коробкой шоколадных конфет. Кара дайы лежал одетый возле своей знаменитой бухары, опираясь на мутакку. Увидев участкового, он, как положено у нас в Зогаллы, когда приходят проведать больного, сделал попытку встать. Участковый не дал ему сделать этого и сказал:

– Да вы лежите, лежите, аксакал, мы тут на минутку с Сулейманом зашли проведать вас. А я зашел еще и как участковый. Хочу лишний раз убедиться, что вы, давние соседи, после случившегося зла не держите друг на друга. Вы уж меня извините, аксакал, такова моя работа, сам начальник приказал, чтоб я проследил за этим.

Кара дайы кивнул головой:

– Я все понимаю, вы же человек подневольный.

– Начальник сильно интересуется вашим здоровьем, вот и отправил меня к вам. Езжай, сказал, лично проведай ветерана и доложи. Вот я и приехал. Как сейчас вы себя чувствуете?

Сильно ударила вас тогда эта зараза? Болит ли и сейчас место удара? – спросил участковый.

Кара дайы будто этого и ждал. Как только прозвучал вопрос участкового, он привстал, не спеша спустил брюки, оголил свой черный зад и показал участковому место удара. Участковому ничего не оставалось, как оглядеть его. Между прочим, кроме небольшой царапины он ничего там и не заметил.

– Вот так она и ударила, – сказал Кара дайы, – все там видно, как на карте.

После показа места удара Кара дайы не спеша поднял брюки, заправил в них рубашку и собирался лечь. В этот момент в комнату зашла его жена, которая несла гостям чай на подносе.

– Ты опять за свое, бесстыжий старик, – крикнула она. – Лучше бы эта корова задавила тебя, а то вся деревня только об этом и говорит. Совсем стыд потерял, кто не заходит проведать, всем показываешь свою грязную задницу!

Оказывается, после возвращения из больницы Кара дайы многим из тех, кто приходил проведывать его, уже показывал место удара.

– Вы уж извините этого старого дурадея, – оправдывалась жена Кара дайы перед участковым за недостойное поведение своего мужа. – Совсем с ума сошел.

– Да мне не привыкать, – ответил участковый, – по роду службы я еще не такие задницы видел. Тем более, визуальный осмотр места удара и так входил в мои планы, и если бы Кара дайы сам не показал, мне пришлось бы просить об этом его, потому что я должен доложить начальнику о состоянии здоровья Кара дайы, – выкручивался участковый.

Тут же Кара дайы довольным взглядом оглядел всех, и предложил участковому:

– Если тебе для доклада, могу еще раз показать, вот там возле окна при свете, чтобы все правдиво описал, а то тут как-то темновато.

– Нет, нет! – категорически возразил участковый, – я все запомнил, не стоит больше себя утруждать. Вы болеете, лежите, отдыхайте.

– Как видели, так и докладывайте начальнику, раз он интересуется моим здоровьем, дай Аллах ему самому большого здоровья, – сказал Кара дайы.

Жена махнула рукой и вышла из комнаты.

После вынужденного осмотра места удара участковый скис, поэтому не стал тянуть с примирением соседей, которые и без него враждовать не собирались. Процесс примирения сводился к тому, что участковый в общих словах обрисовал картину, в которой указал Сулейману на недопустимость впредь оставлять корову без привязи даже во дворе, а Кара дайы в мягкой форме упрекнул:

– Ну, вы тоже, аксакал, молодец. Зайдя во двор, посмотрели бы по сторонам. Впредь, пожалуйста, будьте внимательнее.

На что Кара дайы в присутствии ему стиле ответил:

– Видно старый я уже, раз потерял бдительность.

Распровавшись с Кара дайы, участковый и Сулейман медленно прошли во двор Сулеймана. Стол в доме был накрыт. На скотном дворе участковый вдруг остановился и спросил у Сулеймана:

– Фундук отвезли?

– На следующий же день, как договорились, – ответил Сулейман.

– Немножко поспешили, – задумчиво сказал участковый.

– В каком смысле? – Сулейман недоуменно спросил.

Участковый повернулся к Сулейману, взял его за плечи и сказал:

– Я позвоню Камрану, завтра же поедете в Алиабад и заберете мешок свой.

– Это почему же? – спросил Сулейман.

– Это потому, что я так решил. Завтра же поедете и заберете. Я сегодня позвоню Камрану. И Вы мне больше ничего не должны.

– И еще, – продолжил он, – я знаю, там у вас в доме стол накрыт, Вы уж извините меня, что-то мне расхотелось. Садитесь с семьей и обедайте. Только без обиды.

И протянул Сулейману руку, чтоб проститься, в последний момент повернулся и посмотрел на корову Сулеймана, которая на привязи лежала под навесом скотного двора и жевала. Смотрел он на корову с полминуты и спросил:

– Больше не развязываете?

– Да ну ее. Пусть лежит так, от греха подальше, хватит нам одной задницы.

– Знаете, Сулейман, после того, как этот старик показал мне место удара, мне думается, что я начал понимать вашу корову. Будь я на месте вашей коровы, затоптал бы эту черную обезьяну до смерти!

После этих слов он резко повернулся и направился к калитке. Возле калитки он остановился последний раз, повернувшись к Сулейману, и громко сказал:

– Отвяжите корову, пусть гуляет...

...Закончив свой рассказ, Рафаэль под общий смех родственников многозначительно посмотрел на меня и сказал:

– Ни слова не прибавил, ни слова не убавил, как Сулейман мне рассказывал, так я тебе и передал.

Тут-то мне стала понятна причина их коллективного смеха.

– А что, – спросил я, – всем подряд показывает?

– Только избранным, – не отвлекаясь от еды, ответил мой младший брат. – Мне лично он ничего не показал, хотя и я интересовался, как заживает рана.

– Потому что ты проводывал его поздно вечером, и его жена все время сидела в комнате. Боится он жены, при жене не показывает, – парировал мой старший дядя, – и сколько ты у него просидел? Минут десять, не больше. А мне показал, – смеялся дядя, – я ходил днем к нему, жена как раз во дворе курами была занята.

– И что, – спросил я у дяди, – как ты зашел, так сразу и показал?

– Да нет, минут пять мы разговаривали о том, о сем. К тому же, я уже знал, что не стоит спрашивать его о месте удара. Как

получилось, даже не знаю, только заикнулся, так сразу же он и оголил свой зад.

– И не лень ему каждый раз развязывать ремень, расстегивать брюки, – удивился я.

– Так он знаешь как быстро делает все это сейчас, – вставил Рафаэль.

– А ты откуда знаешь? – спросил я.

В комнате опять поднялся такой хохот, что и описать невозможно. Мама моя смеялась вместе со всеми, и мне не оставалось ничего, как присоединиться к общему хору.

Успокоившись, Рафаэль гордо ответил:

– А чем я хуже других. По-моему, он мне даже первому и показал.

Из дальнейших разговоров стало ясно, что Кара дайы при первой же возможности, несмотря на протесты и возражения жены и дочерей, почти всем проводывающим его, не стесняясь, показывал место удара, тем самым доказывая обоснованность своего постельного режима.

Ментальность зогаллинского семейного общения такова, что обсуждение многих щепетильных тем, как правило, происходит или только между мужчинами или же только среди женщин. Присутствие в нашем разговоре моей мамы ни в коем случае не нарушало сложившиеся традиции, потому что достигшие почтенного возраста женщины с определенного момента как бы имеют право участвовать в мужских обсуждениях, тем более, если тема обсуждается с огромной долей иронии и юмора. Поэтому, когда я вопросительно посмотрел на маму, она поймала мой взгляд и сказала:

– Да нет, только этого не хватало! Когда женщины в комнате, он даже не заикается об этом.

Мой младший брат, который всегда отличался немногословием, но сегодня, выпив достаточно много, опять-таки вставил свое умозаключение:

– Ударила-то корова по заднице, а замкнуло у Кара дайы в голове. Видимо, существует какая-то связь между этими ча-

стями человеческого организма.

«На трезвую голову он никогда не додумался бы до такой глубокой мысли», – решил я про себя.

Для Кара дайы еще одним отрицательным последствием удара коровы Сулеймана явилось то, что после возвращения из больницы он начал курить. И это в 82 года! Все бы ничего, но, по словам моего младшего брата, Кара дайы курит или за домом, или на скотном дворе, скрываясь ото всех, как прячется начинающий курить школьник от своих родителей.

– Видимо, удар был насколько сильным, что старика аж на куруво потянуло, – подытожил мой младший брат.

– А много народу ходит его навещать? – спросил я, определяя для себя, в какое время суток мне лучше завтра сходить к нему.

– Первое время, как он возвратился из больницы, было много, сейчас не очень, – ответила мама, – после его показов многие больше не рискуют.

Я решил, что лучше будет, если я навещу его в обед, тем более, по зогалинским обычаям меня, как гостя, без обеда он не отпустит.

Утром я позвонил ему, трубку поднял он сам – по словам мамы, телефон как раз поставили у его постели.

– Здравия желаю, товарищ сержант! – закричал я в трубку. На том конце после небольшой паузы ответили:

– Ну, наконец-то.

– Только вчера приехал и узнал поздно, – оправдывался я.

– Приехал ты скажем не вчера, а три дня назад. Разведка работает, чтоб ты знал, – довольно подчеркнул Кара дайы.

– Виноват, товарищ сержант! Исправлюсь, я еще молодой!

– Хорошо хоть признаешься.

– В обед собираюсь проведать вас, товарищ сержант, – я знал слабое место Кара дайы, поэтому продолжал вести разговор как младший по званию со старшим, – что прикажете при себе иметь: тутовку или кизиловку?

– Ничего не надо, у меня все есть, – наконец-то он дал добро на мое посещение, – во сколько будешь?

– Во сколько прикажете, товарищ сержант.

– Хватит тебе, – ответил Кара дайы, – давай в час, пока мои подготовятся.

– Так точно, товарищ сержант, – рапортовал я, – ровно в час буду в вашем распоряжении.

Надо бы отметить, что вся семья Кара дайы всегда относилась и сейчас относится ко мне очень уважительно, и я был уверен, что, узнав о том, что я собираюсь проведать его, накроют хороший стол. И по признанию Кара дайы, только когда он пьет со мной, его дочери никогда не напоминают ему, сколько надо пить.

Поэтому, прежде чем пойти к Кара дайы, я обязательно покупаю гостинцы, в первую очередь для его жены.

И на этот раз я неплохо по местным меркам закупился в нашем деревенском магазине и, как договорились, ровно в час постучал в железную калитку Кара дайы. Дверь открыла старшая дочь Кара дайы, которую я не очень хорошо знал, как и она меня, но по тому, как тепло она меня встретила, видно было, что ждали именно меня. Войдя во двор, я сразу спросил:

– А где же он сам?

В ответ она громко засмеялась и сказала:

– С утра ходил по двору, а после вашего звонка заставил нас постель расстелить и час назад лег. Вас ждет. Не старик, а комедия. Говорю ему: папа, ты же ночью хорошо спал, слава Аллаху, и сейчас себя неплохо чувствуешь, больше у тебя нигде не болит, зачем тебе постель? Но разве его убедишь?

Двор у Кара дайы огромный, будто площадь в каком-нибудь городе. Сегодня он напоминал рисовое поле – талая вода не находила себе дорожку. В местах, где глубина луж превосходила среднестатистическую высоту галош, в которые обуваются в пору таяния снега зогаллинцы, были сооружены маленькие мостики на белых кирпичках. Несмотря на все это, пока я

дошел через весь двор до знаменитого дома Кара дайы (а мне пришлось проходить по этим самым мостикам, словно канатоходцу), ноги стали мокрыми. Жена Кара дайы ждала меня на веранде. Ее обожженное лицо от старости было похоже на лепестки высохшей красной розы. Время сильно согнуло ее спину: чтобы здороваться со мной, ей пришлось сперва поднять голову, а потом, опираясь на палку, которую она держала в руке, медленно выпрямиться. Мои мокрые носки стали оставлять следы на полу веранды. Подняв голову, она внимательно посмотрела на меня и сказала:

– С каждым годом все больше и больше становишься похож на покойного отца.

После того, как она поцеловала меня и поинтересовалась моими делами и детьми, как это принято делать первым делом в Зогаллы, я передал ей кулек с гостинцами.

– Отец ваш покойный и в детстве больше всех болел, и умер раньше всех. Годы, которые он не дожил, пусть Аллах подарит вам, его детям, – сказала она.

По зогаллинскому обычаю я посочувствовал ей о случившемся с Кара дайы:

– И с вами случилась беда, которая не должна была случиться. Пусть Аллах будет вам помощником.

Она кивнула, и я зашел в комнату, где лежал Кара дайы. Увидев меня, он виновато поднялся, развел руками: мол, я тут ни при чем, так получилось. Потом он обнял меня. После того, как мы поцеловались, по небритому лицу Кара дайы скатилась слезинка:

– Три дня, как услышал, что ты приехал, вот лежу и жду, когда зайдешь.

– Да я не знал, Кара дайы, честное слово, – оправдывался я, – и никто ничего не говорил. Только вчера услышал.

– Тоже мне родня. Кто у вас в этой деревне еще есть, кроме меня? А они три дня пьют, хоть бы раз вспомнили меня.

– Больше не повторится, даю слово, Кара дайы, – я снова обнял его.

– Больше, может, и живым Кара дайы не застанешь, – скорбно ответил он.

В большой комнате место для кровати было выбрано не очень удачно, по крайней мере, для меня. Она стояла возле окна, а бухара находилась как раз напротив, метрах в пяти от нее. Мой первоначальный план посушить ноги у бухары проваливался, потому что разговаривать с Кара дайы, сидя в другом конце комнаты, было бы верхом невоспитанности. Проведывающий должен сидеть у ног больного и смотреть ему в лицо. Выручил сам Кара дайы:

– Давай-ка эту кровать переставим ближе к бухаре, а то что-то из окна дует.

С этими словами он поднялся с кровати, и мы вдвоем перекатили железную панцирную кровать на колесиках ближе к бухаре. Я сел на стульчик у изголовья кровати Кара дайы, внимательно посмотрел на него. На вид особых изменений я не заметил. Но первым же своим вопросом он ошеломил меня:

– Как там, в Харькове, железнодорожный вокзал отстроили, наверное, уже?

Я не понял, о каком вокзале он спрашивает, поэтому вопросительно пожал плечами:

– О каком вокзале идет речь, Кара дайы? – спросил я.

– Когда я возвращался с войны в 46-м, мы ехали через Харьков. Весь город был в руинах, особенно железнодорожный вокзал.

Он никогда мне об этом не рассказывал, поэтому я немного растерялся, но уверенно ответил:

– Конечно, отстроили, Кара дайы, сколько лет прошло.

– Да, конечно, – согласился он, – за это время можно было новый вокзал даже построить.

К своему большому стыду, я не знал, отстроен ли заново существующий железнодорожный вокзал в Харькове после войны или был отреставрирован старый. Поэтому пришлось уходить от темы:

– Да, Кара дайы, все отстроено в Харькове, город сейчас большой, – и я быстро перешел на основную тему:

– Как вы себя чувствуете, как же так получилось-то?

– Да ведь рано или поздно это должно было случиться, – медленно произнес он.

– Что именно? – недоумевал я.

– То, что со мной случилось, – ответил Кара дайы. – Не любил я эту корову с первого дня ее появления во дворе Сулеймана. А животные чувствуют, когда ты их не любишь.

– Причем тут ваша любовь к корове, – посмеялся я, – тем более не к своей, а к соседской?

– Вот ты смеешься, а я все-таки думаю, именно из-за этого она меня и ударила.

– Из-за чего? И как же вы должны были ее любить? Да не смешите вы народ, Кара дайы. Первый раз такое слышу.

– Конечно, первый раз, – согласился он, – не каждый день корова бьет человека. Я понимаю, одно дело, когда ты доишь корову, и она может ногой дать по ведру или еще хуже – боднуть хозяйку. А тут, когда я зашел во двор, ее даже не видел, а она втихаря, как коршун, сзади налетела и ударила. Хотела еще затоптать, но хорошо, что Сулейман подоспел, а то и затоптала бы к чертовой матери. Вот такая получилась бы бесславная смерть у Кара дайы. Две войны прошел, смерти не боялся, танки прямой наводкой по мне стреляли, – Кара дайы вошел в свою роль, – и ничего. Пушки залпом накрывали мои разведквдраты, и я не боялся, а тут, когда лежал на снегу лицом к земле, испугался. Вот такие дела.

Я слушал его, и мне показалось, что это был не совсем тот Кара дайы, которого я знал.

«Неужели все от одного удара, или все-таки старость берет свое?», – подумал я. Он будто читал мои мысли:

– Вот ты сидишь и думаешь – свихнулся Кара дайы. Да? Признавайся, думаешь ведь? – просил он.

– Да ничего я не думаю, только все же не пойму, какая может быть любовь между вами и коровой Сулеймана. Я вообще

эту корову не видел, поэтому можно сказать, что я тоже ее не люблю. И что, если сейчас я пройду во двор Сулеймана, то эта корова прибежит и ударит меня? Что-то я не понимаю вас, Кара дайы. Не понимаю вашу логику.

– Необязательно институты заканчивать, чтоб понимать мою логику, – обиделся Кара дайы. – Я был против того, чтобы он покупал эту корову.

– Ну и что? – не понимал я.

– Ну и что, ну и что... А он меня не послушался – пошел и купил именно ее. Сэкономил, видите ли, тогда двадцать «ширванов». Зато потом к Мурсалю пять раз водил и каждый раз платил, и сейчас участковому заплатил. А про то, что я на старости лет чуть калекой не стал, уже и не говорю.

– Кто сэкономил? – спросил я, на самом деле не понимая, о чем идет речь.

– Ты что, с Луны свалился, что ли!? Или все еще в себя не пришел после трехдневной пьянки!?

– Какая там пьянка? Сидели со своими, отмечали мой приезд, никакой пьянки не было.

– Сидел он со своими, приезд отмечал. А я чужой, да? Я не родня, получается, да? Каждый день тебя ждал, как только ты приехал. А он, оказывается, со своими сидел.

Разговор явно не получался, Кара дайы был обижен на меня, как ребенок, к тому же я его не понимал. Из всех собеседников Кара дайы я тем и отличался (по крайней мере, раньше было так), что умел его слушать молча и понимал с полуслова. Он сам раньше мне об этом говорил, но вот сегодня что-то у нас не выходило.

– Кара дайы, я уже извинился за то, что поздно пришел к вам. Хотите, еще раз извинюсь, – сказал я.

– Извиняться не надо, поумнеть надо.

Я рассмеялся, встал со стула и обнял его.

– Договорились, – сказал я ему, – Вы лучше расскажите, почему все-таки корова Сулеймана вас не полюбила, или вы ее?

– Так слушай внимательно, если не понимаешь. Не в прошлое, а в позапрошрое лето корова Сулеймана проглотила гвоздь. Не эта, другая корова, которая хорошая была. И он прибежал ко мне, мол, Кара дайы, помогите, не знаю что делать, умирает корова.

О том, что она гвоздь проглотила, мы потом узнали, когда уже зарезали ее. Гвоздь шиферный прямо в сердце коровы был воткнут, как будто кто-то силой его засадил туда. Как она еще три дня продержалась, ума не приложу. Короче, пошел я тогда к ним, смотрю, умирает корова. Сдулась, лежит, даже не встает. А была как надутый мяч, хорошая, здоровая корова. Вижу, спасти не удастся, умрет. Я тогда посоветовал ему зарезать корову, пока не умерла, продать мясо и купить другую. А что остается делать? Деревенский двор без коровы – это не двор. Видел бы в тот день ты Сулеймана! Когда резали корову, он отошел за дом и плакал так, как на похоронах родного отца не плакал. А уж как дети плакали!..

Зарезали мы корову, а где будешь хранить столько мяса? На улице жара, нет у нас столько холодильников. Желających купить мясо было мало, у людей денег нет, так мы под расписку и раздали мясо нашим зогаллинцам. Кто отдал деньги за мясо, кто не отдал, я точно не знаю. Знаю, что большинство не отдало, такой сейчас народ у нас в Зогаллы. Не то, что раньше было, когда люди друг другу помогали. Сейчас каждый сам себе.

Осенью Сулейман пришел ко мне, жаловался, что не все отдали деньги. А что я мог посоветовать? Я ж за людей не буду платить. Посоветовал я ему продать фундук, добавить к собранным деньгам и купить корову. Зимой без коровы в деревне никак, не оставишь же семью без молока и масла.

Вроде бы он согласился, съездил на Алибадский базар, с кем-то договорился. Быстро продал фундук, чтоб поехать купить корову. А тут кто-то ему подсказал, что в соседней мугальской деревне продается молодая корова, только раз телилась, вот-вот должна второй раз, и по цене якобы подходит.

Сразу он сел в свой мотоцикл, поехал, посмотрел и вечером зашел ко мне:

– Кара дайы, присмотрел я у мугалов корову, ничуть не хуже алибадской, можно сказать, что даже лучше, молодая, вот-вот должна отелиться. И на двадцать ширванов дешевле.

– И почему же она дешевле алибадской? – спросил я.

– Людям срочно деньги нужны, – ответил тогда он мне, – поэтому отдают дешевле.

Я задумался и сказал тогда ему:

– Смотри сам, Сулейман, но что-то подозрительно, чтоб мугалы так уступали. Они за каждую копейку готовы воевать. Я-то знаю их, как-никак, сколько лет живу с мугалкой. А там смотри сам.

В душе мне очень не хотелось, чтоб он покупал ту корову у мугалов. А у Сулеймана с деньгами туговато, сын в Баку на платном учится, и дома детей вон сколько. Хоть достань и отдай свои деньги, чтоб он купил алибадскую корову, а не мугальскую.

А он смеется и говорит мне:

– Кара дайы, да у вас, у старшего поколения, имеется зуб на мугалов. В принципе я вас понимаю. Но причем тут корова? Корова – она и в Африке корова, что у мугалов, что в Алибаде.

А что мне оставалось – дал добро. Хотя он и без моего добра купил бы эту корову. Но соблюдал субординацию, пришел со мной посоветовался, и на этом спасибо.

Привел на следующий день он корову, и я пошел посмотреть. На вид нормальная корова, правда, черного цвета, Хотел было я ему сказать, мол, нельзя ли было какого-нибудь другого цвета выбрать? А то как-то нехорошо приводить домой черную корову. Потом подумал, а ты сам, Кара, какого цвета? Сам я по цвету не бледнее коровы, поэтому промолчал. А дети Сулеймана так радовались, так радовались, как будто их отец «Волгу» в лотерею выиграл. Поздравил я Сулеймана тогда, жену его поздравил. Не знал почему, но в душе не

одобрил я эту покупку Сулеймана. И что интересно, когда я пошел посмотреть ее, корова тут же подняла голову и стала меня разглядывать как-то странно. А тут еще Сулейман посмеялся надо мной:

– Что-то она на вас так непонятно смотрит. Наверное, потому что вы по цвету одинаковые.

Не знаю, различают коровы цвета или нет, но то, что она на меня смотрела особо внимательно, даже Сулейман заметил, хотя он и тупой в жизни, между нами говоря. И дети посмеялись.

Я никогда не обижался, когда цвет моей кожи с чем-то темным сравнивали, уже привык к этому. С неграми сравнивали – не обижался: такие же люди, как мы, некоторые даже умнее самого Сулеймана будут. С углем сравнивали – не обижался, не обижался, когда даже с черным камнем сравнивали. Но когда меня с коровой стали сравнивать, это уже было слишком. Но и тут я проглотил обиду: Сулейман-то парень хороший, а то, что так неумело шутит, так это от своей простоты и тупости. Простой он, как те веники, которыми на базаре в Гахе мугалы торгуют. Вот такой у нас Сулейман, парень вроде и неплохой, но не послушался меня.

Отелилась тогда корова в октябре, на радость детям и хозяйке Сулеймана, как и говорили мугалы, когда продавали. Ну, думаю, надо же, не обманули мугалы, хотя они и шайтана способны обмануть, а тут все сходится. И корова вроде оказалась прилежной, и хозяйку подпускала на дойку, и по ведру ногой не давала, и теленка подкармливала. Стал я, честно говоря, списывать свою подозрительность на старость, как опытные бухгалтеры списывают недостачу на усушку и утруску.

Но не тут-то было. Уже поздней весной сидел я на улице на лавочке примерно за час до обеда. Да, чуть не забыл, вертолет в тот день как раз прилетел чьи-то поля обрабатывать химикатами. Раньше колхозные поля обрабатывали, а когда колхозов не стало, пропали они. А тут опять прилетел. Один-единственный

вертолет, раньше их много было. Мугалы заплатили, наверно. Летал так низко, что даже с моим зрением можно было пилота увидеть в кабине. Пилот тоже заметил меня, и каждый раз, пролетая надо мной, махал мне рукой. На нашего не похож был, видать, русак. А летал он как? Набирал химикатов, потом поднимался и буквально над моей головой направлялся к Ганыху, к полям мугалов. Гул стоял, конечно, сильный: вый-вый, вый-вый... Ну я сидел и наблюдал за его полетами. Войну вспоминал. В день пять-шесть раз вертолет поднимался в воздух.

Сижу я, наблюдаю за вертолетом и вижу Сулеймана. Фундуковая палка в одной руке, а другой рукой за веревку он тянул откуда-то свою недовольную корову домой. А сзади младший его сын тоже фундуковой палкой подгонял корову. Видно было, что Сулейман злой. А я сам себе сказал, что не надо ничего у него спрашивать, сочтет нужным – сам расскажет. О чем расскажет, тоже догадывался, потому что хорошо знаю его характер. Поравнялся он со мной, поздоровался, позвал малого своего, дал ему веревку и скомандовал:

– Веди ее домой, я сейчас приду.

А как раз в это время вертолет в очередной раз пролетел над нашими головами, – вы-ы-ый, – от звука каждый раз уши закладывало, а корове хоть бы что. Стала она напротив меня, как вкопанная, и начала осматривать, пока младший сын Сулеймана не наградил ее ударом по боку палкой.

Тут Сулейман закричал на сына:

– Ну что ты встал? Веди эту мугальскую проститутку домой, сказали тебе!

Раньше, в тридцатые годы за такие слова могли в тюрьму посадить. Рассказывали, где-то пастух назвал корову из колхозного стада «колхозной проституткой», так бедняге пришили антисоветскую агитацию и отправили в Сибирь. Сейчас нет, сейчас свобода, сейчас никто никого не трогает, хоть быка Министром назови. Между прочим, Мурсаль своего быка называет Базарганом, и все об этом знают, и никто его не трогает.

Зачем трогать, когда каждый месяц за работу Базаргана Мурсаль участковому отстегивает деньги, не знаю сколько, но не меньше моей пенсии, наверно.

Но я отвлекся. Поздоровался со мной Сулейман и подсел ко мне. В руках его тонкая палка из фундука, и начал он этой палкой рисовать на земле. Не знал, с чего начинать. Я молчал, думал – раз присел, сам все выложит, я-то его знаю. А вертолет все летал. Вый-вый, вый-вый. Он молчал минуты три, потом повернулся ко мне:

– Уже в третий раз вожу ее к быку Мурсалья, и третий раз вхолостую, – не выдержал и сказал наконец-то Сулейман.

Я посмеялся, но чтоб не обидеть его, спросил:

– Как это вхолостую? Не отдается, что ли? Может, Базаргану не нравится твоя мугалка?

– Да нет же, – ответил Сулейман, – бык как увидит ее, сразу оттягивается, а она ни в какую, упирается задом, как целочка, к забору, ну хоть убей. А быку что, нет так нет, к нему и так каждый день ведут и ведут молодых телок, не хочешь – не надо. А мне платить каждый раз, и поддалась она быку или нет, значения не имеет. Уже три ширвана заплатил за три раза, неизвестно, сколько еще буду водить. А Мурсал надо мной смеется – откуда, говорит, у тебя такая строптивая корова? Случайно не у мугалов покупал?

Я не знал, что ему сказать, но виду не показывал. А что, говорю, твой Базарган только наших коров топчет, что ли? На мугальских силенок не хватает?

– Если надо будет, и тебя затопчет мой Базарган, – ответил мне бесстыжий, – просто ему не в кайф возиться с такими капризными телками, как твоя.

Постояли минут десять, Базарган сделал еще две-три попытки, но без толку, а Мурсаль стоял и смеялся. Отвел своего быка обратно в хлев.

– Все, – сказал, – вышло ваше время, забирай свою корову, Базарган сегодня больше на нее не залезет.

А мне что оставалось? Отдал ему законный ширван, и вот ташу ее назад. И так три раза.

– Перед Базарганом неудобно, да? – засмеялся я.

– Да не говорите, – согласился Сулейман.

Потом Сулейман приподнял голову, с надеждой на совет посмотрел на меня и спросил у меня:

– Что посоветуете, Кара дайы?

Я-то уже понял, где зарыта собака. Но, честно говоря, первый раз столкнулся с таким случаем, сколько живу на этом свете.

– А что тут посоветовать, не будешь же сам топтать ее вместо быка Мурсаля? Будешь водить столько, сколько понадобится. Сэкономил на покупке, то, что сэкономил, отдашь сейчас Мурсалю.

Обиделся Сулейман.

– Ну вы и скажете, Кара дайы! Я к вам за советом, а вы мне...

Потом опять все рисует что-то на земле длинной палкой и размышляет вслух:

– Может вести к мугалам, у них тоже у кого-то есть бык, а, Кара дайы? Не знаю, что делать? Может, своему отдастся быстрее, а?

А вертолет поднялся очередной раз – вый-вый, вый-вый. И пилот, который заметил, как я за ним наблюдал, махал мне рукой, и я ему в ответ. Сулейман не понимал, кому это я машу в воздух. Наконец-то и он заметил пилота, который махал мне рукой, посмотрел–посмотрел вслед уходящему вертолету и сказал:

– А тебе-то что, управлять железкой особого ума не надо, сам двадцать лет «Белорусь» водил. Если такой умный, спускайся и попробуй уговори корову!

Тут, конечно, я не выдержал и рассмеялся от души. От Сулеймана не такое еще услышишь. Но простой он, как веник.

В этот момент Кара дайы привстал с кровати, оглядел меня внимательно, как корова Сулеймана когда-то его самого

оглядывала, потом обратно лег, поправил мутакку и спросил у меня:

– Почему не спрашиваешь, что дальше было?

Зная характер Кара дайы, я не растерялся:

– Так я жду, что вы расскажете, что дальше было?

– Что было, что было? Только с пятого раза отдалась она Базаргану, вот что было. Сейчас ты понял, сколько она мучила и Сулеймана и Базаргана. И это, я тебе скажу, неспроста, понял? Подумай сам, – с этими словами Кара дайы поднес свой указательный палец к виску, что должно было означать, что и я должен подключить свою голову в поисках разгадки коварного поступка коровы Сулеймана.

Но моя голова даже не стала думать в этом направлении, потому что, во-первых, не была осведомлена о капризах в поведении коров, когда их водят случать с быками, а во-вторых, в мою голову даже не приходила мысль связывать поведение коровы Сулеймана с ее мугальским происхождением. Но, видимо, Кара дайы думал иначе, поэтому на всякий случай продолжал держать свой указательный палец у виска.

– Сейчас-то ты понял, какие они хитрые? – горящими глазами посмотрел на меня Кара дайы.

– Кто? – спросил я.

– Как кто? Те, которые продали ему эту корову.

– Откуда они могли знать это?

– Они все знали, не зря так дешево продали. Все посчитали, наверное, изучили всю родословную этой коровы, потому и избавились от нее.

– Так вы хотите сказать, что любая другая корова, пусть даже купленная у мугалов по нормальной цене, вела бы себя послушнее? Так получается?

– А это уже ты сам решаешь, как получается, – огрызнулся Кара дайы, – ты у нас в институтах учился, – но палец все равно держал у виска.

– В институтах такому не учат, – ответил я.

Зная его характер, мне бы долго пришлось объяснять Кара дайы, чему все-таки учат в институтах, если бы от его жены не последовало приглашение к столу, накрытому в другой комнате, где у него стояло немецкое пианино.

– Хватить лежать, – приказала она Кара дайы, – вставай и к столу, ребенок, наверное, голодный, – она меня имела в виду, – тебе только дай поговорить, до утра молчать не будешь.

Кара дайы лежа козырнул правой рукой жене, потом моргнул мне, давая понять, что главным в семье все-таки является он, и сказал:

– Ты проходи, я сейчас.

...Стол был накрыт по зогаллинскому обычаю – щедро: в центре красовалась сваренная целиком курица, зарезанная утром после моего звонка. Рядом на большой миске виднелась гора орехового плова, сверху накрытого пластинами газмаха⁸. В отдельной тарелке были кусочки говядины, поджаренные с большим количеством репчатого лука, что я очень любил с детства. Соленья были выставлены на нескольких маленьких тарелочках – огурцы, квашеная капуста. А вот маринованные помидоры были поданы в глубоких тарелках вместе с рассолом. Для полного восприятия этой картины должен сказать, что после крепкой домашней водки, происхождение которой я узнаю, как только Кара дайы поднимется из подвала, помидорный рассол с плавающими в нем дольками чеснока является незаменимым и проверенным средством от преждевременного опьянения.

Не хочется утомлять читателя дальнейшим описанием стола, но, зная характер Кара дайы, я должен это делать. Потому что, если мои рассказы когда-нибудь увидят свет, чего больше меня желает сам Кара дайы, то я уверен, что он, прочтя эту часть рассказа, сразу станет меня укорять:

– А где компот сливовый? А зелень где? А жареные орехи и фундук где? А где буйволиный гатых? А почему не написал про лаваш с тандира? И про брынзу забыл? А что подумают

люди, прочитав твои каракули? И чем же тогда отличается наш стол от мугальского?

Честное слово, я не знаю, чем отличается наш стол от мугальского, но, по словам Кара дайы, они любят запивать магазинную водку гранатовым соком. Водку берут в магазине, а сок делают сами. Покупают гейчайские гранаты на базаре и сами выжимают сок. На столах у них всегда есть гранатовый сок. Ох, как злится от этого Кара дайы:

– Любят же наши мугалы, – говорит он, – выпендриваться. У них никогда гранаты не росли, а они, видите ли, сок гранатовый любят. Форсят и все. У нас тоже гранаты не растут, поэтому и сок гранатовый нам ни к чему. Чем природа одарила землю твою, тем и надо питаться.

Чем не ученый после этого Кара дайы, скажите, а?

Вот поэтому мне нельзя ничего упускать, а то он и так сегодня на меня зол. Видите, заговорился, а сам чуть не забыл про долму, притом, что долма была и из листьев винограда и из капусты. За это он меня точно убил бы. Ай, ай, а где аджика сливовая, какое же без нее зогаллинское застолье?

Пока я запоминал содержимое стола, подошел Кара дайы, держа под мышкой бутылку из-под гахской минеральной воды. Там, конечно же, была совсем не минеральная вода. Прежде чем садиться за стол, он приказным тоном позвал меня к окну:

– Подойди сюда!

Я встал и не спеша подошел. Указав на почти высохшее грушевое дерево, которое стояло посередине двора, он спросил:

– Видишь?

– Да, конечно, – подтвердил я.

Потом он указал на бутылку и довольно намекнул:

– Из нее, грушевая, чистая как слезинка. Пять литров всего имеется в наличии. Когда еще был молодой, залезал на дерево и собирал груши. Потом я начал стареть, и она начала сохнуть. В последние годы только на самих верхних ветках плодоносит, посмотришь снизу – вся ветка в желтых кружочках. И как

начинает созревать, по одной груше и падает, а пока захочешь поднять, куры склюют. А в этом году летом, как они созрели, сильным ветром все и струсило. Я не поленился, собрал все в маленькую бочку и потом гнал. Пять литров вышло, всего пять литров. Так что не проси, не дам.

Я усмехнулся и отшутился:

– Я и не собираюсь у вас ничего просить, Кара дайы. Тем более, отпуск у меня целый месяц, сейчас каждый день буду навещать к Вам.

Мы с Кара дайы должны были сесть за большой стол в центре зала друг напротив друга – по крайней мере, так были расставлены стулья. Жена его и старшая дочь не захотели садиться с нами, хотя мы, зогаллинцы, в отличие от мугалов, не против, когда и женщины сидят с нами за одним столом. Прежде чем налить водку по стопочкам, Кара дайы, как истинный гурман, дал бутылку мне понюхать содержимое:

– А ты понюхай, понюхай.

Зогаллинцы часто предлагают друг другу определить качество водки собственного изготовления на запах, при этом никогда не соглашаясь на предварительную ее дегустацию.

– А ты сперва понюхай, понюхай, – говорят, – пить еще успеешь.

Как правило, нюхающие зогаллинцы дают положительную оценку дегустируемого продукта, логично рассчитывая на полноценное угощение в дальнейшем. Выработанный годами способ оценки качества продукта домашнего изготовления действует безошибочно, потому что технология изготовления самого продукта зогаллинскими умельцами доведена до совершенства. В редких случаях, когда кто-то явно хочет задеть хозяина, понюхав предложенную ему водку, может проговорить:

– Что-то я ничего не понял, бензином, что ли пахнет?

Оскорбленный хозяин в таких случаях называет дегустатора ослом, плохо разбирающимся в качестве хурмы, а потом, в порядке назидания другим, может даже его отправить в мугальский продуктовый магазин:

– Тогда иди в магазине покупай, если ты такой умный! – окончательно лишив его шансов на дальнейшее угощение.

– Ты нюхай, нюхай. Это тебе не магазинная водка, которую пьют мугалы, – сразу вставил Кара дайы, при этом волнуясь и стоя в удивительной позе. Полусогнувшись, он ожидал моего положительного ответа. Это означало бы, что пора садиться за стол.

Запах грушевой водки был на самом деле зазывающим к столу и настолько благотворным для аппетита, что при первом же приближении горлышка бутылки к носу мне ужасно захотелось есть.

– Великолепно, – ответил я и быстро сел за стол, не дожидаясь разрешения Кара дайы.

А Кара дайы не спешил садиться. Первым делом он поднялся на стульчик и поменял лампочку в светильнике, висевшем прямо над столом. Для этого нам пришлось даже немного отодвигать стол. Так называемый светильник в зале Кара дайы представлял собой закрученный в спираль провод с лампочкой–двухсоткой, от которой в комнате было ослепительно светло и даже больно глазам. Кара дайы как раз поменял эту лампочку на сотку, после чего мы вернули стол на исходное место, и наконец-то он тоже сел, посмотрел на меня и сказал:

– Ну что, начнем, что ли?

Я кивком дал моментальное согласие.

– Тогда наливай, – предложил мне Кара дайы.

Я никогда не взялся бы за описание нашего с Кара дайы очередного застолья, если бы он не поднял при этом жизненно важную, по его мнению, проблему. С самого начала нашего общения он вел себя, как обиженный ребенок, которому в очередной раз отказали в покупке велосипеда. Не обнаружив на столе довгу (тут, конечно, он был прав), Кара дайы встал, пошел в соседнюю комнату, где сидели его жена и дочь, в громких выражениях отчитал жену, в очередной раз напомнив ей о её мугальских корнях. Вернувшись, он почему-то постарался объяснить мне мотивы своего возмущения:

– За пять лет немца из Москвы до Берлина прогнали и научили уму-разуму. А с ней скоро шестьдесят лет, как вместе. За это время и медведя можно было научить, а с ней у меня не получается. Каждый раз надо напоминать, что должно быть на столе.

Мне стало настолько стыдно, что даже захотелось встать и уйти. Я раньше не замечал за ним такой придирчивости к ассортименту блюд, подаваемых на стол в его доме.

– А ведь довгу-то она лучше всех в Зогаллы умеет готовить. Мугальская довга, если ее правильно готовить, вкуснее нашей будет, что правда, то правда, – подытожил Кара дайы.

Через час мы уже не замечали отсутствие довги на столе, и претензии Кара дайы по этому поводу были не только забыты, но даже и выглядели необоснованными. Как-то неожиданно для меня он вдруг спросил:

– Какие у тебя отношения с Нематом?

Немат был нашим с Кара дайы родственником, правда, не очень близким. Около года назад, после болезни муллы Байрама он в свои тридцать лет стал главным муллой в Зогаллы. При встрече с ним мы каждый раз, как родственники, обнимались и целовались. Но никаких близких отношений у меня с ним не было и быть не могло, учитывая мой образ жизни во время краткосрочных отпусков в Зогаллы, к чему, между прочим, в немалой степени был причастен сам Кара дайы. Тем неожиданнее для меня был его вопрос, поэтому я сам спросил:

– А что случилось?

– Запретил покойных оплакивать на похоронах.

– Давно?

– Через три месяца, как стал главным. Что интересно, начал со своего дедушки, поэтому все молчат. А мне не нравится все это.

– А что вам не нравится, Кара дайы?

– То, что он не разрешает оплакивать покойных, – вот это и не нравится мне.

– После смерти человеку какая разница, Кара дайы, оплакали его или не оплакали? – я не выдержал и засмеялся.

– Видишь, и ты туда же, – обиделся Кара дайы, – Немат может не разрешить оплакивать своего дедушку, это его дело. Так, как прожил его дедушка, и оплакивать-то нечего. А я хочу, чтоб меня хоронили, как раньше.

– А это как? – поинтересовался я.

– А вот так, как раньше у нас в Зогаллы хоронили. Пусть выносят мой труп и ставят перед домом. И жена и дочери пускай поплачут чуть-чуть надо мной.

После этих слов Кара дайы задумался и быстро исправил свою же ошибку, как мне показалось:

– Не, не, жену-то свою я должен пережить, тем более что мугалы не умеют оплакивать, а вот дочери, пожалуйста, пусть оплачут.

– Вы что, Кара дайы, умирать надумали, что ли? И это после одного удара коровы? На вас не похоже.

– Мы все в своей жизни рано или поздно получаем удар, после которого не встаем. Одного сбивает машина, другой сгорает на чердаке, третий падает с орехового дерева, четвертый тонет в Ганыхе. А меня ударила корова Сулеймана. Хорошо, что на этот раз я встал. А если бы не встал? Кто тогда был бы виноват? Я у тебя спрашиваю.

– Корова, – быстро ответил я.

– Какая корова? – изумился Кара дайы.

– Черная корова Сулеймана, – продолжал упорствовать я. Грушевка делала свое дело.

– Дуралей ты, – ткнул в меня пальцем Кара дайы.

– Так, а кто виноват, Сулейман, что ли? – я не отставал.

– Корова, Сулейман... Ты рассуждаешь на уровне нашего участкового Сабира. Тоже после института, между прочим. Я-то думал, что ты умнее, в Русете институты кончал.

Кара дайы ничего не стоит унижить человека, он почему-то всегда считает, что раз он старше по возрасту, то ему все по-

зволено. Я промолчал, благо никого рядом не было, но после всего выпитого сдаваться не собирался:

– Может, все-таки скажете, кто виноват?

– В том то и дело, что никто не виноват. Понял? Никто не виноват.

– Вас не поймешь, Кара дайы. То сами ищите виноватых, то оказывается – никто не виноват.

– Вот если бы, например, меня позвал к себе Сулейман, а потом отпустил бы корову, чтоб она ударила меня, тогда можно было сказать, что Сулейман виноват. А так я сам, своими ногами потопал к нему, не предупредив никого. И получил заслуженный удар по своей заднице! Понимаешь, я сам пошел к Сулейману, и меня никто туда не звал. Мужик должен уметь беречь свою задницу! – решительно заявил Кара дайы.

– Тоже мне выход, – не согласился я, – ходить всю жизнь и думать о своей заднице, чтоб никто не ударил.

Тут Кара дайы засмеялся от души:

– Ей богу, участковый Сабир умнее тебя будет. Это я образно говорю о заднице, дуралей, образно. Чему только вас учат в институтах?

Я молчал. С одной стороны, мне не нравилось сравнение меня с участковым, но с другой, я никак не мог понять, почему этот участковый Сабир должен быть глупее меня?

Но сегодня был день Кара дайы, поэтому я решил не обижаться на него. А он все смеялся, потом остановился и сказал:

– Все оттуда управляется, – указательным пальцем показал вверх, – понял?

Постучал этим же пальцем себя по голове и продолжил:

– Что тут написано, то и будет. Хоть ты с тремя охранниками иди к Сулейману. Если тут написано, что тебя ударит корова по заднице, – при этом он почему-то постучал себе по голове, – значит, она ударит. Понятно?

Я не хотел продолжения этой темы, потому что спорить с Кара дайы – дело бесполезное, при отсутствии аргументов он

может обозвать собеседника как угодно. Поэтому решил вернуть его к старой теме:

– Говорят, Немат еще запретил носить бороду сорок дней после смерти близких. Это правда?

– Правда, – согласился Кара дайы, – вот это он правильно сделал, что запретил! А то ходят небритые, как бандиты. Полдеревни мужиков, если не больше, ходило все время бородачтыми. Вся деревня, если подумать, родней друг другу приходится. Не успел побриться после одного покойника, как умирает еще кто-то. И так круглый год. А жизнь-то идет, тут умер у кого-то близкий, а там у кого-то свадьба. И эти бородатые как припрутся на свадьбу!.. Я всегда таким говорил:

– Или вы сидите с бородой у себя дома в трауре, или же сбривайте свою щетину, если пришли на свадьбу! Вот я никогда не отпускал бороду, кто бы ни умер. Раньше обижались на меня, потом привыкли. Тут я с Нематом согласен. А вот с тем, что он запретил оплакивание, – не согласен! Я хочу, чтоб меня хоронили как раньше.

– Поговорил бы с Нематом, может, разрешит, а? – обратился ко мне Кара дайы, – Все-таки столько я сделал для деревни.

Честно говоря, я сразу так и не вспомнил, что все-таки он сделал для деревни? Ну, работал в гараже заправщиком. Как и другие заправщики, недоливал молчаливым водителям, а потом продавал этот бензин. И где тут его заслуги? Для Родины – да, как-никак столько лет воевал, и вернулся живым, и был единственным сержантом в деревне. Но скажешь это ему – обидится, поэтому я решил не углубляться в эту тему и дал согласие поговорить с Нематом, чтобы тот разрешил в порядке исключения хоронить Кара дайы по старым правилам – с оплакиванием. Когда он умрет, конечно же.

– Завтра же с ним поговорю, – сказал я, – но вы ведь не слишком спешите умирать. Туда всегда успеете.

– Я-то не спешу, – грустно сказал он, – всему свое время. Знаешь, где-то в глубине души я ведь и согласен с Нематом по этому вопросу тоже. Что было бы, если бы эта корова уби-

ла бы меня, а? Ты представляешь, я лежу перед зогаллинцами у себя перед домом, а дочери меня оплакивают словами: «На кого ты нас оставляешь, отец?! Столько ты воевал, сколько в тебя стреляли, ты оставался живым. А тут от одного удара ко-ровы ты умер, отец! Как же так, отец?». И каково было бы мне после таких слов?

– Да никакково, – ответил я, – лежали бы себе спокойно.

Я сам удивлялся цинизму своего ответа, продолжая наблюдать за ним. Он сидел смиренно, взглядом уткнувшись в какую-то точку на стене, но в его глазах читалась легкая обреченность. Жизнь, которую он так любил, постепенно, видимо, катилась к закату. И он готовился к этому.

– Ты так и скажи ему: даст Аллах, если помру своей смертью, пусть хоронят по-нашему, по-старому. Нет, если будет, не дай Аллах, какая-то недостойная смерть, тогда согласен по-новому. Так и скажи, не стесняйся. Можешь в карман положить ему немножко денег, авансом, чтоб он не забыл. Тебя все равно не будет, когда я помру, расходов не будешь нести никаких. В лучшем случае успеешь на третий день. Может, хоть сейчас раскошелишься.

– А вы не пробовали сами ему об этом сказать? – спросил я.

– Я как-то заикнулся, но он даже и слышать не захотел. Как всех, так и вас, Кара дайы, сказал, что-что, а за похороны не беспокойтесь! Похороним, сказал, как положено, даже с почестями.

Смеялся надо мной. А мне его почести не нужны. Хотя, с другой стороны, я согласился бы и с почестями, почему бы и нет? Когда собаку копаешь, и то два-три слова говоришь, какая верная она была, как она двор охраняла, а тут шутка ли, целого человека отправляют в последний путь, а он близким рот открыть не дает. Куда это годится?

Вот такой у нас с Кара дайы получился обед, затянувшийся до позднего вечера. Когда я уходил, вечерний февральский мороз вдруг сменился приятным теплом, начал валить снег. Крупные хлопья быстро покрыли поверхность зогаллинских

улиц, и подмерзшие к вечеру грязь и лужи оказались под снежным покровом, что временно облегчило передвижение зогаллинцев по деревне.

На следующий день я с утра отправился к Немату домой, чтобы поговорить по поводу предстоящих в будущем похорон Кара дайы. Я продвигался по твердой и широкой колее, возможно, оставленной трактором Сулеймана. Шел я медленно и мысленно проговаривал предстоящий разговор с Нематом. На улице никого не было, и вдруг я заметил, что из переулка, где находился дом Немата, появился он сам, и по той же колее направился в мою сторону.

Наши переговоры с ним начались заранее, то есть, увидев меня издалека, Немат изумленно закричал:

– Эмиоглу, ты ко мне собрался, да? Старик отправил, да? Что за человек – ты уже пятый, который он направляет ко мне.

Я, улыбаясь, дождался его. После того, как мы обнялись и поздоровались, я перепрыгнул во вторую колею, оставленную трактором, и мы медленно стали двигаться обратно. Немат неожиданно остановился и спросил:

– Я прав – он попросил?

– В принципе, да, – согласился я, – настаивает, чтоб на похоронах оплакивали его.

– Так в чем проблема? Во-первых, он еще нас с тобой переживет. Во-вторых, эмиоглу, я же дал ему согласие.

– Я об этом не знал, – признался я.

– Ты пятый будешь, кого он ко мне направляет с этой просьбой. Я в первый же раз ему сказал: Кара дайы, вы у нас уважаемый человек – как прикажете, так и сделаем. И в шутку добавил, что если захотите, можем даже оркестр заказать и похоронить вас, как бывшего военного. Может, он обиделся, может, мои слова принял всерьез – не пойму. Но всем, кто к нему ни заходит проведать после того случая, он сперва задницу показывает, а потом просит, чтоб они со мной переговорили.

Потом мулла Немат еще раз приостановился и спросил:

– А деньги не просил давать мне? Только честно, между нами?

– Говорил, – ответил я.

– Так давай тогда считать, что ты меня убедил. Я согласен, так и доложишь ему, – посмеялся мулла Немат.

Деньги, предназначенные для муллы Немата, лежали у меня в правом кармане брюк, я их положил туда еще с утра, когда только собирался к нему. От неожиданности предложения муллы Немата, я залез сначала во внутренний карман дубленки и только потом вспомнил утреннюю заготовку. Запрыгнув обратно в колею муллы Немата, я засунул эти деньги в боковой карман его пальто.

– Как просит, так и похороним, хоть с музыкой, так и передай, – засмеялся Немат.

– С музыкой он не хочет, – исправил я его.

– Это я в шутку, эмиоглу.

На том мы и расстались с Нематом.

Через три месяца, девятого мая, я позвонил Кара дайы поздравить его с Днем победы. Сначала он очень бодро говорил со мной. А когда я поинтересовался с его здоровьем, он немного приуныл, но прежде чем положить трубку, в грубой форме послал меня и сказал:

– Идите вы все! Не дождетесь!

И, слава Аллаху, Кара дайы по сей день жив и здоров, и ужасно не любит, когда кто-то напоминает ему об этой его просьбе. Зато мулла Немат почти на всех зогаллинских мероприятиях, часто даже и не к месту, рассказывает о визитах ходоков Кара дайы к нему. Говорят, однажды он где-то заикнулся, что якобы за собранные от нас деньги он тогда купил шесть мешков муки. На вопросы любопытных зогаллинцев о том, кто же из просителей Кара дайы дал ему больше всех денег, он неизменно называет мое имя.

Наверное, Кара дайы тоже знает об этом, поэтому в каждый мой приезд в Зогаллы продолжает приглашать меня к себе в гости.

ГЛАВА 5

ЗОГАЛЛИНСКИЕ ПОМИНКИ

Как утверждает Кара дайы, мало кто на этом свете может веселиться так, как это умеют делать зогаллинцы.

– Наши рождены для гулянья, – говорит Кара дайы, и в этом с ним даже мугалы соглашаются. И на самом деле, зогаллинец должен жить, гулять и радоваться. Ему хорошо, когда он здоров и ни на что не жалуется. Ему противопоказано болеть. Отношение зогаллинцев к своим больным настолько холодное и прагматичное, что за такое бездушие Кара дайы называет их последними циниками на свете.

– Таких бессердечных людей я даже на войне не встречал, – говорит Кара дайы о зогаллинцах. – Может, где-то в Африке имеются холодные племена, подобно нашим. Но в Европе бездушнее нас никого не найти.

Стоит зогаллинцу серьезно заболеть, как начинается всеобщее посещение больного близкими родственниками и соседями. Со временем к ним присоединяются также не очень близкие родственники и дальние соседи, а с учетом величины Зогаллы – это чуть ли не половина ее населения.

Неискушенный в тонкостях зогаллинской жизни читатель может недоумевать: где же тут цинизм? Чем ваш Кара дайы недоволен? Это же, наоборот, хорошо, когда столько народу навещает больного. Отвечаем: вы что, ставите под сомнение вывод человека, который столько лет живет на этом свете? Вы, конечно, думаете: какой же сердобольный и сочувственный народ эти зогаллинцы, раз с таким душевным рвением проведывают своих больных? Если вы так думаете, то ошибаетесь. Покупайте лучше килограмма по три семечковой халвы на человека, приезжайте в Зогаллы и поговорите с самим Кара дайы. Он очень любит пить чай с семечковой халвой, вот за чаем вам все и объяснит. Если бы все было так, как вы думаете, Кара дайы никогда в жизни не называл бы своих земляков таким нехорошим, тем более, не нашим словом.

Навещающий зогаллинец приходит якобы подбодрить больного и его родственников, но на самом деле – для негласного освидетельствования пригодности больного к дальнейшей жизни. И после этого вы хотите сказать, что он не циник? А чего только стоит спектакль, который он устраивает, зайдя во двор болеющего? Первым делом навещающий оправдывается перед домашними больного за столь позднее свое появление:

– Вы уж извините, только вчера узнал, – говорит он, – целыми днями пропадаю на работе, никого не вижу. Вчера пошел в магазин за сахаром, там и услышал. И вот сегодня – сразу к вам.

Домашние больного – тоже молодцы, такие же артисты, как и навещающий: они с пониманием кивают и ведут посетителя в дом к недужному, возле кровати которого уже сидит несколько таких же, как этот опоздавший. Зайдя в комнату к больному, этот ханжа вновь повторяет причину своего позднего появления, с которой моментально и безоговорочно соглашаются остальные присутствующие. Они и сами примерно с такими же объяснениями чуть раньше пришли к больному. И как тут не согласиться, если от этого только усиливаются их собственные аргументы позднего посещения.

– Да я сам только сегодня утром услышал, – говорит один.

– Вечером от детей услышал, что он болеет, – вторит ему другой.

– А я вообще думал, что у него грипп, – исхитряется третий, – сейчас повсюду грипп.

После оправдательных слов навещающий подходит к больному и обращается к нему с упреком:

– Эмиоглу, что ж ты так? Слег без предупреждения, никому ни слова. Так нельзя, народ пугаешь.

Пожалуй, навещающий этими словами как бы разделяет часть собственной вины за столь запоздалый визит с самим больным, упрекая его в мягкой форме за то, что тот заболел без всякого предупреждения.

Больной всем своим несчастным видом показывает, что он, в принципе, согласен с навещающим в той части упрека, что действительно слег без предупреждения, а с другой стороны, он вообще не собирался болеть, тем более, ложиться в постель. Будь его воля, он с удовольствием ходил бы, как все, если бы не эта болезнь. Поэтому он вынужден лежать.

Больной – такой же циник, как и навещающий, потому что он тоже зогаллинец.

Навещающим приносят только чай, поскольку кормить навещающих в силу большого их количества не принято, да и просто невозможно. Сидящие возле больного первым делом интересуются его самочувствием и всячески подбадривают его. Приводят сравнения с людьми, которые когда-то тоже болели примерно с такими симптомами, но сейчас живы и здоровы, и еще сто лет будут жить, и тем самым как бы отгоняют от больного плохие мысли. Если вдруг кто-то по неосторожности находит сходство болезни навещаемого с болезнью когда-то умершего зогаллинца, посетители и тут находят выход, обвиняя во всем покойного: он, дескать, сам был виноват, до последнего дня не признавался, не ходил к врачам, не хотел лечиться...

Жизненная философия зогаллинцев такова, что они никогда не обвиняют саму болезнь – для зогаллинца виноват всегда

больной. Болезнь считается само собой разумеющейся напастью, а вот борьба с ней – это долг и обязанность зогаллинца. Вы никогда не услышите от зогаллинцев, чтобы в чьей-то смерти они обвинили проклятую неизлечимую болезнь. Наоборот, даже после смерти они могут говорить о халатном отношении покойного к жизни:

– Не берег себя и все, – говорит зогаллинец о покойном своем отце, – с утра до ночи работал, не знал, что такое отдых. А когда заболел, организм был уже совсем истощенным.

Больной зогаллинец всегда соглашается с поддержкой навещающих, использующих прецеденты. Изредка менее оптимистичные больные зогаллинцы, бывает, проговаривают:

– Посмотрим, что будет: на все воля Аллаха.

Пессимизм больного всегда играет против него, в Зогаллы – тем более.

Пессимистические высказывания больного навещающий зогаллинец наматывает на ус, и тут начинается самое интересное. Навещающий после таких слов больного задумывается.

– Я его и так, и сяк подбадривал, – рассказывает он другим зогаллинцам, которые еще не успели навестить этого больного, – но он какой-то вялый. Он на Аллаха рассчитывает.

Рассчитывать на Аллаха больные зогаллинцы обычно начинают на самой последней стадии лечения болезни, когда уже испробованы все доступные способы и формы лечения по рекомендациям гахских врачей. Более состоятельные зогаллинцы, прежде чем обратиться к Аллаху, лечатся еще и у бакинских врачей, некоторые ездят даже в Тбилиси. В последнее время нередки случаи выезда зогаллинца для лечения за границу, в основном, в Россию. И только после того, как были опробованы все земные средства борьбы с болезнью, больной зогаллинец, убедившись в их неэффективности, обращает свои взоры к небесам.

Состояние больного оценивается навещающими по двум критериям: годен или не годен к жизни. Убедившись в годно-

сти больного, зогаллинцы, однажды навестив его, как правило, перестают ходить к нему, резонно рассчитывая на скорейшее его выздоровление. Беда тому больному, которого зогаллинцы после посещения сочли «не годным для дальнейшей жизни». В частных разговорах уже побывавшие у больного без стеснения сообщают о его состоянии тем, кто еще не успел навестить его:

– Вчера навестил. Совсем сдал. Не годен, – что является сигналом для тех, кто еще не успел навестить больного. Это еще и сигнал для них о недопустимости дальнейшего откладывания этого мероприятия, поскольку посещение больного, особенно принародно признанного как «не годным к дальнейшей жизни», является обязательным для большинства зогаллинцев. А неоднократное посещение больного каким-либо навещающим воспринимается домашними больного как знак большого уважения к их дому.

По зогаллинским законам, соседи обязаны чуть ли не каждый вечер, пусть даже минут на пять, заходить к больному. Беда тому из соседей или родственников, кто ни разу не навестил «не годного к жизни» больного при жизни, но пришел на его похороны. Злопамятные домашние или близкие покойного могут взять его под руку и выпроводить с похорон:

– Когда он болел, не мог прийти, времени у тебя не было, – говорят такому, – а как умер, так у тебя сразу время нашлось?

Когда зогаллинцы окончательно убеждаются в «негодности больного к дальнейшей жизни», его близкие начинают готовиться к его «ожидаемой смерти». Первым делом они привязывают теленка к стойке на скотном дворе для усиленного кормления. Иной раз зогаллинец, оценивая состояние тяжелобольного, чтобы не говорить о его «негодности к дальнейшей жизни», может завуалировано заявить:

– Пора теленка привязывать, – что для другого зогаллинца говорит о безнадежности состояния больного.

После вынесения негласного приговора о «негодности к дальнейшей жизни» больному ничего не остается, кроме как

лечь и умереть, почкольку его возможное выживание в таких случаях вообще в расчет не берется. Выжившие каким-то чудом после всенародного приговора зогаллинские больные в дальнейшем становятся объектами злых шуток:

– Одной ногой был в дубовом лесу, – говорят про него зогаллинцы, намекая на деревенское кладбище, которое находится в дубовом лесу, – но дуба врезать не захотел.

Выживший виновато пожимает плечами, как бы оправдываясь за неисполнение приговора:

– На все воля Аллаха, – говорит он.

Смерть близкого, кроме ощущения большого горя, накладывает на родных задачу организации достойных проводов усопшего. Тут зогаллинцы не экономят. К ожидаемой смерти близкого зогаллинцы, как мы уже говорили, готовятся заранее. А ожидают смерти тяжело и неизлечимо больных, которых после всевозможных лечений в больших и маленьких городах врачи вернули назад, в дом, для доживания последних дней, а также – больных по старости. Хозяйственный зогаллинец для такого случая должен иметь хорошего теленка, поскольку наличие достаточного количества мяса считается основным условием достойного проведения зогаллинских похорон.

Бывают и неординарные случаи. Жизнь человека и ее продолжительность, как известно, регулируется Всевышним, но ожидаемая смерть тяжелобольного часто затягивается, и предназначенный для похорон теленок иной раз месяцами ждет своей участи. Потому что, как только теленок считается приговоренным для поминального стола, использовать его мясо для других целей недопустимо. Как правило, теленка или бычка для поминального стола приговаривают домашние больного, но бывают случаи, когда расходы по похоронам берет на себя близкий больному человек, не проживающий с ним в одном дворе.

Зогаллинец Дарчин, у которого в тяжелом состоянии находилась теща, держал молодого и упитанного бычка на ее похороны. При этом, чтобы не понести дополнительных затрат (и

рассчитывая на ее скорую смерть), он перестал покупать мясо для дома. А истосковавшимся по мясу детям он сперва указывал на молодого бычка, а потом на больную бабушку, давая понять им о существовании прямой связи между жизнью бабушки и отсутствием мяса в доме. И представьте себе удивление учительницы зогаллинской школы, когда ученик второго класса Джалал, сын Дарчина, отвечая на вопрос, любит ли он свою бабушку, ответил:

– Раньше любил, а сейчас не люблю. Из-за нее третий месяц в доме нет мяса.

А когда изумленная молодая учительница спросила, а в чем же вина бабушки, Джалал ответил более конкретно:

– А в том, что она не умирает. Если б она умерла вовремя, мы бы зарезали бычка на ее похороны, и у нас дома было мясо.

Нередки случаи, когда животное приговаривает на свои похороны будущий покойник. Какая-нибудь простудившаяся бабушка, якобы в предчувствии своей близкой кончины, указывает на гуляющего во дворе теленка:

– Берите его на привязь. Что-то скверно себя чувствую.

Хорошо воспитанный зогаллинец послушен старшим во всем, поэтому через минуту теленок привязывается к столбу на скотном дворе, и начинается его усиленное кормление. Но, как известно, предчувствие обманывает не только молодых, но и людей старшего поколения, которым иногда почему-то вдруг хочется умереть. Со временем бабушка начинает чувствовать себя лучше, напрочь отгоняя от себя мысли о смерти. Но теленок-то уже приговорен! Был случай, когда в Зогаллы три года кормили на привязи молодого бычка в ожидании смерти одной старушки, и за три года бычок превратился в настоящего быка. А старушка, приговорившая его, передумала умирать. Уставший от бессмысленного кормления, бык после определенного срока перестал прибавлять в весе, но есть меньше не стал. Тогда хозяин привел домой муллу, и тот зачитал молитву, которой разрешил поменять назначение быка. Только после

этого бык был зарезан, а его мясо продано на Алибадском рынке, так как зогаллинцы все равно не купили бы мясо этого быка. Но что интересно: когда через три месяца бабушка все-таки умерла, неподготовленным к похоронам близким пришлось ехать за мясом на тот же Алибадский рынок.

* * *

Если неожиданная смерть сваливается на головы близких внезапно, то смерть ожидаемая, как правило, приходит с опозданием. Так было и с моим дядей Камилем. Он болел тяжело и долго. Четыре месяца назад, будучи в отпуске в Зогаллы, я в последний раз виделся с ним. Когда мы прощались, он тихим голосом сказал мне:

– Если что, можешь не приезжать. наших хватит на все. Дорога не близкая, все сейчас дорого. Увиделись, и хорошо.

Уже около калитки, провожая меня со двора, его старший сын, мой двоюродный брат, разъяснил:

– И сам устал, и мы устали.

Искренность в словах двоюродного брата означала готовность сторон к расставанию. Они жили в ожидании смерти отца и спокойно ее принимали, при этом давая окружающим понять, что это есть негласная двусторонняя сделка: все устали, и больной тоже устал от жизни и не прочь уйти. Тем и страшна ожидаемая смерть. При своем наступлении она не становится трагедией, а является логическим концом мучений больного и тех, кто за ним ухаживал.

Только после похорон мне сообщили о смерти дяди Камилля. А скончался он в три часа ночи. Это был не первый случай, когда я узнавал о смерти близкого мне родственника только после его похорон. Мусульманские традиции не позволяют держать покойника в доме несколько дней до приезда находящихся далеко родных. Вести о смерти близких для находящихся вдали от Родины вдвойне болезненны. Как правило, они не успевают на похороны, а приезжают в лучшем случае на третий или на седьмой день после них.

Я приехал утром на седьмой день. Во дворе было много народа, все готовились пойти на кладбище, на могилу покойного. Тяжелее всего была встреча с его близкими – трудно найти подходящие слова утешения. И на этот раз, обнимаясь с каждым из его сыновей, кроме общепринятых фраз, я повторял:

– Даже не верится, в голове не укладывается.

Сыновья дяди соглашались со мной и, будто сговорившись между собой, отвечали:

– В последние дни что-то о тебе спрашивал, чтобы впредь больше не спросил.

В Зогаллы, когда вспоминают слова покойного, сказанные им при жизни, то после них обязательно приговаривают:

– Чтобы впредь он не говорил.

Смысл данного изречения, скорее всего, заключается в материалистическом отношении зогаллинцев к ныне живущим и мертвым. Вспоминая своих покойников, зогаллинцы тем самым дают в иной мир знать, что они их помнят. При надобности готовы произнести даже их любимые выражения, но сразу же при этом добавляют, что те уже не могут больше ничего произнести – у них свой мир, а у живущих свой. Они там, а мы – тут.

С утра мы все вместе пошли на могилу дяди Камиля. Мы – это вся близкая родня, соседи со всех сторон и мулла Байрам. По зогаллинским обычаям, на седьмой день похорон приглашают не всю деревню, а выборочно – из числа близких и дальних родственников и всех соседей. Народ собирается в обед, мулла читает молитву и, пообедав, люди расходятся.

Когда мы вернулись с кладбища, до обеда оставалось еще четыре часа. Домашние занялись сервировкой столов и подготовкой к приему приглашенных. Аксакалам поставили стол посреди двора и принесли самовар чаю. Меня, как только что приехавшего, посадили к аксакалам, тем более, все знали о наших с Кара дайы отношениях. Кроме нас, за столом находился сосед покойного – дядя Идрис, которого в деревне звали

кривоногим Идрисом. Дядя Идрис считался одного возраста с Кара дайы и по части увлекательных рассказов мало в чем ему уступал. Превосходство Кара дайы проявлялось в обширности географии его повествований, тогда как дядя Идрис ограничивался зогаллинскими событиями. Я несколько раз до этого трапезничал в одной компании с дядей Идрисом и Кара дайы. К концу застолья они, как правило, начинали переругиваться друг с другом, и кто-то из них вставал и демонстративно уходил. Зачинщиком свары всегда выступал Кара дайы, который начинал смеяться над кривой ногой дяди Идриса, а тот тоже не оставался в долгу и советовал Кара дайы взглянуть в зеркало прежде, чем выходить в люди.

Дядя Идрис был среднего роста худым мужчиной с маленькой головой, на которую он натягивал большую кепку-аэродром, и из-за длинного козырька кепки не были видны его маленькие глаза. Голова дяди Идриса была настолько маленькая, что зогаллинские острословы, сравнивая объем его головы с узелком галстука учителя географии зогаллинской школы Абдуллы муаллима, отдавали предпочтение узелку. В десятилетнем возрасте дядя Идрис полез трусить самое высокое ореховое дерево в Зогаллы и по неосторожности сорвался с его верхушки, но каким-то образом остался жив, сломав при этом левую ногу. Свидетели рассказывали, что, упав на землю с такой высоты, Идрис смеялся, не чувствуя никакой боли. Костоправ Юсиф тогда, как мог, выпрямил его поломанную ногу, наложил шину с раствором, сделанным из муки, соли и яичного желтка, но, видимо, кость срослась неправильно, и со временем левую ногу Идриса совсем скрючило. Непонятно, почему зогаллинцы стали после этого звать его кривоногим, поскольку логичнее было бы звать его хромым. Кривизна ноги никак не выделялась под брюками, а хромота давала настолько широкую амплитуду раскачиваний его головы во время движения, что, по словам Кара дайы, ни один немецкий снайпер не смог бы попасть Идрису в голову при быстром его перемеще-

нии. Честно говоря, я не понимал, на что намекал Кара дайы – на слишком маленькую голову дяди Идриса или на чрезмерные ее колебания? И еще: почему немецкий снайпер должен был целиться именно в голову дяди Идриса? Это тоже оставалось вопросом открытым. Но, как бы там ни было, проверить правдоподобность утверждений Кара дайы, с одной стороны, и профессионализм немецких снайперов в стрельбе по движущейся мишени – с другой, можно было только на войне. Но дядю Идриса именно по причине хромоты туда не взяли.

С нами также справлял поминки еще один наш дальний родственник, которого я очень хорошо знал. Это был дядя Курбан. Он сидел с краю и, казалось, никого не замечал. Углубившись в себя, он откинул голову назад, придерживая ее двумя скрещенными на затылке руками. В дальнейшем он в этой позе слушал всех говорящих и с определенной и только ему известной частотой движения головы соглашался со всеми их утверждениями. Иногда мне даже казалось, что он никого и не слушает, а находится в каком-то только ему известном мире, а отлаженные движения головы имеют целью имитацию его согласия с происходящим, чтобы не обидеть остальных.

Вскоре к нам присоединился почти пьяный молодой сосед покойного дяди Камиля. Появление в пьяном виде на траурных мероприятиях в Зогаллы считается не только оскорблением памяти покойного, но и большим неуважением к его близким. Но этот выпивший негодяй как-то очень незаметно пробрался к нам и в первое время вел себя настолько спокойно, что даже поводов для замечаний не давал. За столом сидели еще два приезжих молодых человека – родственники одной из невесток покойного дяди Камиля.

Зогаллинские траурные посиделки негласно обязывают присутствующих вспоминать что-то доброе о покойном и рассказывать это остальным. Такая традиция лишний раз подчеркивает, что покойный не зря прожил свою жизнь и был общественно полезным человеком.

Разговоры за столом обычно начинает Кара дайы:

– Были времена Сталина, грузины в Зогаллы разгуливали, как хотели, – начал он. – Когда я уходил в армию, в деревне не было ни одного грузина, а когда вернулся – везде они. Дошло до того, что стали дежурных из числа учителей ставить по деревне возле родников. Детям запрещали говорить на азербайджанском. Заставляли их и после школы говорить по-грузински. Как услышат, что дети говорят на родном языке, так кричали на них на улице, а на следующий день в школе их наказывали. Могли и избить.

На уроках пения наших детей заставляли петь под скрипку грузинские песни. Директором тогда был Гоги муаллим, а учителя музыки звали Мерабом. Помню, это был такой худой и высокий грузин. С Мерабом был случай, когда он порвал брюки, а наш Абид возьми да и напиши стихотворение «Бир киши вар иди, онун шалвары дар иди» (Мужчина в тесных брюках). Тогда вся деревня только этот стишок друг другу и рассказывала. Грузины злились и все спрашивали: кто же написал? Так и не узнали. После этого случая люди немного осмелели, поняли, что над ними тоже смеяться можно, над этими грузинами. Чего греха таить, все боялись, молчали. Боялся и я, времена были такие. Но после Абида я тоже набрался смелости и прямо возле школы подошел к директору, к Гоги муаллиму, значит. Грузинский я знал не хуже его, ведь как-никак все детство мое, считай, прошло в Алибейли. Но для себя решил, что с ним буду говорить на нашем.

Однако для начала я вам скажу одну истину. Каждый раз, когда я это рассказываю нашим молодым учителям, они обижаются. А я им говорю: «Обижаться не надо, надо слушать старших и делать выводы!». У всех над головой один Аллах. Там, где надо говорить правду, ее надо говорить. Как бы мы ни относились к грузинским учителям, мы должны признать одну вещь: они всегда одевались чисто. Брюки у всех были отутюженные, всегда в галстуках – летом и зимой. И все это по-

сле войны, по зогаллинской грязи. Не то, что сейчас – иной раз нашего учителя по одежде от скотника не отличишь. А когда я делаю замечание нашим молодым учителям, они обижаются.

Так вот, стоит Гоги муаллим, опрятный, как всегда, подтянутый, с орлиным взором, но с таким озабоченным видом, таким озабоченным, будто войну проиграл не Гитлер, а он. Но я-то знаю, почему у него такой вид. Ведь дети наши, зогаллинские, не хотели учиться на грузинском и все! А школу все проверяли и проверяли из Тбилиси. Как какая комиссия, так наши дети вообще переставали отвечать на грузинском. А за это попадало учителям, а уж Гоги муаллиму, как директору, в первую очередь. Так вот, подхожу я к нему, здороваюсь за руку и говорю:

– Ассалам алейкум, Гоги муаллим! Можно задать вам один маленький вопрос?

Посмотрел он на меня сперва недовольно, но потом быстро поменялся в лице и улыбнулся. В то время у них установка была такая сверху, чтобы со всеми зогаллинцами приезжие грузинские учителя общались вежливо. Я знал об этой установке – мне знакомые грузины по секрету сказали.

– Да, да, – ответил он на азербайджанском, улыбаясь, видимо, вспомнил ту установку, – пожалуйста, пожалуйста.

«Хорошо, – подумал я, – раз он начал говорить на азербайджанском, это хорошо».

А Гоги муаллим тем временем смотрел на меня с любопытством – первый раз один на один разговаривали мы с ним. Видимо, из-за цвета моего лица он так смотрел.

«Смотри, – вначале думал я, – сколько хочешь, смотри, с меня не убудет. Вся Европа смотрела – от Финляндии до Дрездена, и ты смотри».

Позже он понял, что я, в принципе, не очень доволен его пристальным разглядыванием. Потому что я не какой-нибудь мертвый экспонат в музее, а живой человек, сержант Советской Армии, тем более – разведчик. Твою мать!

– Да-да, – пришел он в себя и продолжил, – вы у нас уважаемый ветеран, мы каждый год приглашаем вас на Девятое мая, а вы не приходите. Наконец-то увиделись.

Я и на самом деле тогда не ходил в нашу школу на праздник Победы, пока там учеба была на грузинском. Принципиально не ходил: то говорил, что болею, то в тот день ходил пасти скот в свою очередь, то вообще уезжал из Зогаллы. Не хотел – и все! А тут он мне напомнил об этом.

– Так получается, – ответил я ему, – Гоги муаллим, так получается.

– Тем более, вы хорошо знаете грузинский, могли бы выступить перед детьми, а вы не приходите. Я даже председателя колхоза просил, чтобы вас отпустил с работы, но вы так и не пришли.

«Ну, – думаю, – все знает, зараза. Знает даже о том, что я хорошо говорю на грузинском. Значит, разведка у них тоже работает».

Действительно, позвал меня как-то весной перед Днем Победы наш председатель, тогда им был Курбан, и попросил:

– Кара, очень прошу, сходи на Девятое мая в школу, выступи перед школьниками, а то директор все жалуется, что мы ему не помогаем. Якобы ветераны не приходят в школу, когда их приглашают.

– Только этого не проси, – ответил я тогда Курбану, – ты же знаешь, как я ценю твой авторитет, но только не это. Почему я должен на грузинском говорить перед нашими детьми? Не пойду, и все.

– Говори на азербайджанском, никто же не запрещает тебе.

– Не буду и не хочу! Попросишь, поеду и еще десять лет повоюю, но туда не пойду! – очень резко высказался я.

Боялся Курбан тогда грузин, сильно боялся, потому что был ближе к власти.

– Этот орех расколется на моей голове, – загадочно сказал тогда он и обиделся на меня. Видимо, Гоги муаллим хотел

меня в чем-то опередить упоминанием имени председателя колхоза. Но не тут-то было. Я еще тот разведчик, если бы меня опередили, лежал бы сейчас где-нибудь в болотах Белоруссии, а не ходил бы по зогаллинской земле.

– Председатель тут ни при чем, я не смог в тот день, так получилось. Будем живы, придем, – ответил я ему и сразу добавил:

– Гоги муаллим, я вот по какому вопросу. Дети наши жалуются: мало того, что они не понимают грузинский язык, так еще и музыку сделали им под скрипку. Нельзя ли эту скрипку на наш инструмент поменять?

Гоги муаллима будто током ударило:

– Как это – на ваш? О чем вы говорите? Вы хоть представляете, что говорите?

– Успокойтесь, Гоги муаллим, что вы сразу так? Скрипка, может, и хороший инструмент, но где-нибудь на Западе. Ну, может, еще у вас, в Грузии. Но никак не у нас. У нас бы зурну, балабан в школе ввести. Тем более, Ибад очень неплохо на зурне играет.

– Зурна, балабан. Деревня! Скрипка – это классика. Из Тбилиси специально для них учитель приехал, с музыкальным образованием. Им не нравится, видите ли! Они смеются над ним! Им зурну, балабан подавай!

– Народ у нас такой, и на свадьбах у нас зурна с балабаном. И ничего, живем вроде, и свадьбы веселые, никто о скрипке и не думает. Всех устраивает зурна с балабаном.

– Зурну, балабан им подавай! – нервно повторял Гоги муаллим, видимо, забыв установку, о тактичном обращении с нами, данную ему сверху.

– Я понимаю, – продолжил я, – конечно, скрипка – это классика. Но зогаллинцы предпочитают зурну и балабан. Вот у меня дома немецкое пианино, из Дрездена привез, так никому и не нужно. Я не разбираюсь, жена не разбирается, только пыль с него и вытираем.

Или установка, данная ему сверху, опять сработала, или мои слова о немецком пианино показались Гоги муаллиму неправдоподобными, но он сразу улыбнулся и спросил:

– У вас имеется немецкое пианино?

– Да, «Неуфелд», – ответил я, поскольку название пианино помнил наизусть и сейчас помню. Если бы не помнил, не вспомнил бы и сейчас. Это я к тому, что, наверное, это слово я до конца своих дней не забуду.

– Так отдавайте его в школу, раз оно вам не нужно. Научим детей. Скрипка есть, вы дадите пианино, и будет полная классика.

– О, нет! – вразу резко ответил я ему, потому что отдавать пианино я не собирался никому. – Я не говорил, что оно мне не нужно. Тем более, пианино не мое, а моего командира. Не могу я его отдать, – сыграл я отход и выкрутился вроде. А сам думаю: «Мало им скрипки, так еще и мое пианино хотят забрать». А тут Гоги муаллима как понесло:

– Вот видите, какие вы! Мы бросили свои семьи, приехали сюда, в эту глушь, чтобы вернуть вас туда, откуда вас забрали обманом и шантажом! Чтобы вернуть вас к своим корням! Днем и ночью трудимся, учим детей, ничего не жалеем. А вам пианино жалко для детей!

Чтоб мой язык отсох в тот час, когда я упомянул это пианино. А Гоги муаллим все продолжал отчитывать меня, ну я и не выдержал:

– Далось вам мое пианино! – сказал я ему. – Не пианино нужно школе, а зурна и балабан. И отправьте назад в Тбилиси своего Мераба муаллима с разодранной задницей!

Видимо, не ожидал от меня такого ответа Гоги муаллим и сразу остыл. А я давай лупить дальше:

– Какие корни, какие истоки? О чем вы говорите, Гоги муаллим? Мы – мусульмане, понимаете, мусульмане. Слышали вы о Симоне Шаликошвили? Вот он хорошо знал, кто мы есть!

– Может, вы и мусульманин, уважаемый Кара, – смотрю, он начал фамильярничать, значит, он меня по имени знает, это

раз, а во-вторых, значит, опять сработала установка, сверху данная им, – не отрицаю, но у большинства зогаллинцев корни наши, грузинские. Мы им вернем веру, язык и обычаи.

– Вернете? Попробуйте, – сказал я тогда ему, – один хотел до вас это сделать, да зарезали его зогаллинцы на мосту вместе с охраной. Чтобы вы знали.

– Обман и шантаж, обман и шантаж, – повторял он, а потом, как бы сам себя успокаивая, сказал, – мы поможем, для этого нас сюда и прислали.

Я понял, что спорить с ним дальше бесполезно, поэтому повернулся и стал уходить, а он все повторял:

– Обман и шантаж. Обман и шантаж. Зурна и балабан. Но мы поможем.

В тот же вечер ко мне прибежал Курбан, председатель колхоза, весь напуганный:

– Что ты сказал Гоги муаллиму? Грозится, что в Тбилиси напишет.

– Во-первых, Курбан, успокойся, – сказал я ему. – Во-вторых, пусть пишет. Ты подчиняешься не Тбилиси, а Баку. Чего боишься?

– Эх, Кара, Кара. Каким черным родился, таким черным и умрешь. Забыл, кто в Кремле сидит?

– Во-первых, – сказал я ему, – этот черный всю Европу прошагал под пулями, под бомбами и вернулся живым. Значит, не такой уж и черный. А во-вторых, чему быть – того не миновать.

Короче, успокоил я его тогда, как мог. А он возьми да и выложи мне весь их грузинский гяурский план. Оказывается, по их плану, они намерены создать в зогаллинском колхозе свиноводческую ферму и через неделю начнут строить ее в лесу возле Ганыха.

– С людьми и с языком уже определились: всюю преподают в школе на грузинском. А сейчас взялись и за животных, что ли? Так получается, да? – спросил я у Курбана.

– Не знаю, как получается, и за кого они взялись, но мы начинаем ферму строить. Такое есть указание сверху. Через

месяц завезем свиней. Мне надо определиться с бригадиром фермы. Подумал я, Кара, лучше твоей кандидатуры не найти.

– Это почему же? – спокойно спросил я, заранее зная, что это не для меня, под расстрелом не соглашусь.

– Понимаешь, ты у нас мужчина с широким кругозором, мир видел, десять лет на стороне был. И детство твое, считай, прошло в Алибейли, свиньями не брезгуешь.

– На стороне десять лет был ты. Когда ты сено косил в колхозе, я воевал, чтобы ты знал! – возмутился я. Задел он меня основательно – покойный ныне Курбан.

– Я и говорю, что десять лет ты воевал на стороне.

– Я воевал на нашей стороне, – опять перебил я его.

– Ну, правильно, десять лет воевал на нашей стороне, все видел. Взводом командовал. Легко справишься со свинофермой.

– Ты что, Курбан, – ответил я ему, – совсем свихнулся, что ли? Никогда! Даже не думай. Взводом командовать – это тебе не свиней пасти! Иди, найди кого-нибудь другого.

Честное слово, если бы кто-нибудь другой сравнил бы командование разведвзводом с бригадирством на свиноферме, то я, не раздумывая, пустил бы этого человека в расход из «калашникова» или, в крайнем случае, бросил бы в него «лимонку» и даже «уф» не сказал бы. А тут Курбан: с одной стороны – председатель, с другой – он свой, а с третьей – ни автомата, ни гранаты под рукой не было.

Считайте, что я его выгнал. Но он все-таки молодец, не обиделся и, уходя, меня предупредил:

– Не ходи больше к Гоги муаллиму, от них всего можно ожидать.

– Хорошо, – сказал я ему, – я не пойду больше. Но и ты знай: сегодня в школе они детей учат скрипке – мы молчим. А будем дальше молчать, завтра тебя будут хоронить под музыку духового оркестра.

Махнул он рукой и ушел, не понял, наверное, что такое духовой оркестр. Откуда ему было знать, что такое духовой

оркестр, он ведь всю жизнь в деревне жил. Короче, дал я ему тогда резкий отпор. И он ушел.

Это сейчас легко говорить о свиноферме в колхозе Зогаллы. Народ сейчас все воспринимает, телевизор смотрит, радио слушает, газеты читает. А тогда открыть свиноферму в Зогаллы – это как достойного и гордого мужика по матери обругать. Вот такие были времена. Бедный народ, что он мог? Ничего, пасли нас грузины, как хотели. Везде страх, все боялись. Пикнешь – и ночью могли забрать. Я вообще места себе не находил: мало того, что в школе на грузинском учили наших детей, так они еще и свиней подсовывали нам.

Короче, как сказали, так и сделали: за месяц возле Ганыха построили свиноферму. А кому ни предлагали бригадирство – все отказывались. Никто не соглашался. Мужиков-то мало было в деревне после войны. Одни инвалиды и старики. Хорошо хоть женщинам не предлагали.

И тут подвернулся случай. Я хочу вам рассказать об этом случае, о том, как они покойного Камиля назначили бригадиром свинофермы, где он работал потом всю жизнь. Построили ферму, пора свиней завозить, а людей для работы на ферме не найдут. Как-то по деревне прошел слух, что якобы одна русская семья изъявила желание поработать на ферме. Откуда они были, я сейчас не помню, но пришли к нам через Дагестан: из-за голода многие тогда переходили к нам. Среди них оказалась и эта семья. Мужа звали Алексей, а жену – Лида. Тогда людей, пришедших из Дагестана, распределяли по деревням. Как увидели эту семью, так сразу и предложили им работать на свиноферме, тем более, рядом небольшой домик построили для работников. И они сразу согласились. Алексея назначили бригадиром. Ну, думали мы, все, слава Аллаху, определились с фермой, хоть никого из наших трогать не будут. Но не тут-то было. Оказалось, что эта семейная пара не умела ни писать, ни читать. Зато любили они пить: как они пили вдвоем, надо было видеть! Раз поехал Курбан проверять ферму и застал

их спящими, а свиньи голодные в хлеву орали так, по словам Курбана, что в ближайших деревнях мугалы якобы не могли заснуть от их крика. Вот так у них слышно было. Когда привели Алексея и Лиду в чувство, те, вроде, извинились, сказали «простите, больше не будем», но через неделю все повторилось. К тому же, после второй пьянки, ферма недосчиталась шестерых поросят. Запретили в Зогаллы угощать эту семейку вином или продавать им спиртное, а они наловчились переходить через Ганых в Грузию и на той стороне покупать у грузин. Хорошо, если покупать, так ведь они меняли поросят на водку, оказывается. Судить бы их за это, а время было именно такое. Наших тогда судили за пуд зерна. А что толку этих алкоголиков судить? Испугались, видимо, в Гахе руководители, потому что сами, не уточнив ничего про эту парочку, поставили их фермой руководить. Назначили в Гахе, а наезжать стали на нашего Курбана, на председателя. Тот, бедный, не знал, что и делать. Как увидит меня:

– Помоги Кара, согласишься хоть на месяц, потом найдем кого-нибудь, и ты вернешься назад.

Я не соглашался, знал, что пойдешь туда на месяц, застрянешь там на годы, что и случилось с Камилем нашим покойным. Как они его уговорили? Сегодня никто не поверит.

А дело было так. Как-то в деревню приехали канатоходцы. Установили каркас во дворе мечети, натянули канат и стали выступать. Народу собралось много, ведь других развлечений тогда не было, из мугальских деревень тоже приехали. Прыгали, как всегда, час, а может, чуть больше, уже не помню. Их было двое. Один на канате прыгал, другой внизу ходил с медведем, деньги у людей собирал. А какие там деньги у людей тогда? Да никакие. Сыпали, в основном, орешки да фундук в шапку – и все. Выступили они, сняли свой канат и уехали. Народ не успел еще разойтись, как покойный Камиль выскочил на середину и обратился к председателю:

– За что вы им такие деньги платите, если я могу не хуже их по канату ходить?

Оказывается, за их выступление колхоз кому-то немалые по тем временам деньги заплатил, а то, что они собирали, так это для себя. Я этого не знал, а Камиль все знал. Бойкий был парень, все знал, все умел. Я не сомневался, что он пойдет по канату. Но Курбан недоверчиво посмотрел на него и сказал:

– Камиль, ты можешь, как медведь, держать шапку и собирать у людей орехи. Но чтоб ты ходил по канату – не поверю.

Сперва все подумали, что Камиль выпивши. Но когда убедились, что он трезвый, тогда стали кричать на Курбана: мол, мы всегда такие, своим никогда не доверяем, чем Камиль хуже их? Одним словом, уговорили Курбана, и тот согласился. А где взять канат? Единственный длинный канат в то время был в колхозе. Напротив мечети как раз был колхозный склад, и Курбан дал указание, чтобы принесли канат. Народ с воодушевлением ждал выступления Камиля. Все сидят, никто не расходуется, даже мугалы не ушли, тоже стали ждать, чтобы убедиться в том, что Камиль сорвется с каната наверняка. Только Курбан не находил себе места, ходил туда-сюда и плевался:

– Упадет сейчас, сломает себе шею, а мне потом отвечать.

Но останавливаться было поздно, и, как говорят евлахцы, поезд уже тронулся, тамбур уже закрыт. Кто-то из ребят по указанию Камиля сбегал к нему домой и принес длинную палку, которую он использовал при отрушивании ореховых деревьев. «Это для поддержания равновесия на канате», – решили зогаллинцы. Тем временем стали натягивать канат на установленный каркас. Одну сторону каната прикрепили к вбитому в землю здоровенному колу, с другой стороны несколько мужиков стали его тянуть. Камиль контролировал натяжение каната. Ему казалось, что канат недостаточно натянут, сколько бы мужики ни тянули. Ударял пальцем по канату и кричал:

– Давайте еще, мало! Давайте еще! Мало натянут, прыжки не получатся.

Народ умирал со смеху, а Камиль серьезный, хоть бы что. После каждой проверки пальцем каната Курбан хватался за голову и говорил:

– Давай без прыжков, Камиль! Прыжки в следующий раз. Пройдешься разочек туда-обратно, закрою двести трудодней.

Камиль не хотел никого слушать, он весь был поглощен предстоящими прыжками на канате. Но как бы ни тянули мужики канат, им все-таки не удалось достигнуть желаемой Камилем степени натяжения. Тогда он повернулся к председателю и попросил:

– Дядя Курбан, может, Аллаверди машиной потянет немножко?

Единственный колхозный «газон» стоял в стороне, и водитель Аллаверди вместе со всеми сидел и ждал выступления Камиля. Деваться было некуда, Курбан согласился и дал указание Аллаверди тянуть канат. Машина подъехала задом и стала тянуть канат, а Камиль пальцем бил по канату:

– Еще чуть-чуть, еще немножко.

Не знаю, сколько это продолжалось, но после очередного «чуть-чуть» канат порвался в самой середине на глазах ожидающих циркового выступления зогаллинцев и нескольких мугалов. Камиль виновато повернулся к Курбану. А люди? Люди в первые минуты были в разочаровании, но потом как начали все ржать, да еще как ржать! Надо было все это видеть. Курбан был злой и орал на Камиля:

– Я тебе покажу прыжки! Единственный колхозный канат! Под суд пойдешь за порчу колхозного имущества! – кричал Курбан. – Будешь ты у меня прыгать! Как обезьяна будешь прыгать! – уходя, пригрозил он.

Гамидуллы в тот день не было в деревне, он точно не разрешил бы Камилю цирковые номера показывать. А я не стал тогда его отговаривать, потому что верил, что он сможет.

Но когда порвался канат, я подошел к Камилю, как мог, успокоил. Многие тогда подходили, успокаивали его. Особенно женщины сильно его любили (чтобы сейчас не любили). Еще бы его не любить – четыре года войны он наравне с ними работал в колхозе, поэтому они его и полюбили. Тогда

он очень расстроенный был, испугался, когда Курбан судом пригрозил – тогда ведь за такое могли и посадить, тогда за все сажали.

А дальше было так. Вечером Курбан со своим бухгалтером Мусой пришли к Гамидулле с Камилем, а жили они тогда в одном доме. Не знаю, что им сказали, как их напугали, чем их взяли, но через день Камиля назначили бригадиром свинофермы.

– Временно, – сказали тогда они Гамидулле, который не хотел соглашаться, – пока колхоз не купит новый канат.

– Я сам съезжу в Шеки и куплю новый канат колхозу, – возразил было Гамидулла, – лишь бы не свиноферма.

На что бухгалтер Муса многозначительно ответил:

– Канат должен централизованно на склад поступить, официально, по накладной.

– Зачем официально? – не понимал их Гамидулла, – я вам покупаю новый канат вместо вашего порванного, а вы мне дадите порванные куски, и никто знать не будет.

– Уже поздно, все видели, все знают. А если завтра спросят? Что тогда мы скажем?

Порешили на том, что Гамидулла все равно покупает колхозу новый канат, а порванные куски забирают себе председатель и бухгалтер, чтоб никто не знал.

– А Камиль от глаз подальше в лесу поработает бригадиром временно, а там будет видно. Из Дагестана каждый день по десять человек переходят к нам, попадаются и русские. Найдем непьющего и грамотного, тогда Камиля вернем назад, – вот так они успокоили Гамидуллу и ушли.

Больше тридцати лет работал там покойный Камиль. Сколько канатов в колхозе за это время порвалось, сколько председателей поменялось, а он как застрял там, так и на всю жизнь. Помню, через неделю, как он начал работать на ферме, мы встретились. Соседи же были. Так он у меня спросил:

– Кара дайы, а что такое «йюфф твою матт»?

Я объяснил ему, что это такое. Он задумался и сказал мне:

– А почему так получается, Кара дайы: Алексей и меня так ругает, и жену, и свиней, а Лида только Алексея и свиней, меня не ругает?

– Вот так и получается, – ответил я ему, – ты сильно не расстраивайся, у русских так принято.

Потом он привык, конечно, ругался не хуже того же Алексея. Тридцать лет работал на ферме и не ел свинину.

– Не могу, и все! – говорил.

Бывало, приезжало в Гах высокое начальство из Баку, так они напрямик направлялись к Камилю на ферму. Наши свинину не ели, а приезжим из Баку только ее и подавай. Они что там, совсем религию потеряли, что ли?

С одной стороны лес, с другой – Ганых, никого нет, ничего не видно, забивали свиней, делали шашлыки и гуляли. Камиль после смерти Алексея научился ловко свиней колоть, но есть мясо все равно не стал.

– Не могу, и все! – повторял.

А как он свинью колот! Одним ударом ножа прямо под лопатку в сердце вонзал нож! С виду худой, но одного его удара хватало: вот такую он силу имел и точность, наш Камиль покойный. Грузины наши наверху в Гахе так не умели колоть, бывало, даже из ружья стреляли. Как-то в Гахбаше грузины забивали свинью, так она встала, вырвалась и сбежала на улицу. Пьяные грузины целый час гонялись за ней. Вот была картина! А Камиль – нет. Я сам сколько раз видел: он брал нож, а двое держали свинью. И как ударит! А каждый раз после удара почему-то говорил:

– Йа христианский Бог! – что он имел в виду, я не знал.

Но я вам еще одну вещь скажу: тупее и неблагодарнее свиньи, человек в своей жизни не встретит другого животного. Посудите сами: Камиль бедный целый день за ними ухаживал, кормил их, чистил. А они часто исчезали в неизвестном направлении, иногда сами по своей тупости, иногда с помощью

грузин, проживающих на другой стороне Ганыха. С их стороны это было просто свинство! А Камиллю отвечать!

Однажды приехала в Гах женская волейбольная команда из Баку, все такие высокие девочки были. Их тоже привезли к Камиллю, он им и свинью забил, и шашлыки жарил сам. Потом девушки стали настаивать, чтобы он сел с ними пообедать с водкой и шашлыком.

– Водку попробую, шашлык – ни за что, – сказал тогда Камиль.

Получилось так, что в тот день я тоже был в лесу и случайно оказался в этой компании. Девушки как меня увидели, так сразу позвали к себе.

– Ой, какой темный старичок, ой какой приятный мужичок, – говорили и крутились возле меня подвыпившие девушки.

Я тоже не ел свинину, там и без свинины хватало – чего только не было на поляне. С командой еще врач был молодой, в очках. Так я с ним поговорил на русском о том, о сем и спросил:

– Саша, – Саша звали его, – вот этот человек тридцать лет тут на ферме работает, он мой родственник близкий, – я показал ему Камилля, – не болеет, не кашляет, кушает хорошо, ест все подряд, но почему он такой худой? Глисты исключаются, – при этом добавил я и рассказал, как я умею лечить людей от глистов.

– Надо будет взять на вооружение ваш метод по глистам, – сказал тогда мне Саша. – А что касается вашего родственника, то он худой, потому что не воспринимает запах свиньи, не принимает его, а насильно работает тут. Потому он и такой худой, среда не подходит ему. Другой бы тут отдыхал, а не работал: с одной стороны река, с другой лес, живи – не хочу. А ваш родственник не живет, а мучается среди свиней. Пусть уходит, пока не поздно.

Вот так сказал доктор Саша в очках. Умный был. А мой метод уничтожения глистов ему понравился.

Получалось так, что человек тридцать лет не работал, а мучился среди свиней. Легко ли мусульманскому человеку среди христианских животных? Нелегко, конечно, а он терпел и работал. Потому и не поправлялся, оказывается, сколько бы дома ни ел. Вот так, мои дорогие, каждый должен жить и работать в своей среде – под скрипку пусть поют грузинские дети у себя в школах, а нашим зурна и балабан ближе будут. И свиней должны пасти Алексей и Лида. Вот и все, а то, что получается: мало этому Гоги муаллиму было скрипки в школе, так он еще мое пианино хотел забрать! Послал бы тогда его, как русские, на три буквы, и знал бы он свое место! Но не послал, а надо было!

Как-то очень резко остановил Кара дайы свой рассказ, так резко, что сидящие даже не успели задать ему вопросы, как это обычно делается. Сидящий напротив меня дядя Курбан наклонился вперед, убрал с головы скрещенные руки и заговорил:

– Кара, позволь, дополню твой рассказ и расскажу случай, когда твой рецепт выведения глистов действительно спас человеку жизнь.

Кара дайы довольным движением головы дал добро.

– Года три назад заболел наш новый родственник, свекор дочки моего старшего брата, – начал свой рассказ дядя Курбан. – Живут они в Загаталы. К кому только ни возили больного – дважды в Баку клали его в республиканскую больницу, не помогло. Потом поехали в Тбилиси. В Алибейли взяли адрес одного хорошего врача. Сам он наш, грузин гахский, но уже давно в Тбилиси работает. А родители живут в Алибейли. Так они не только адрес сына дали, но еще и письмо написали сыну на грузинском, чтобы хорошо смотрел. И он встретил, как положено, и на рентген водил, и еще на какой-то аппарат. И все сам: как ребенка, взял за руку и водил по этажам. Грузины тоже ничего не нашли. Что интересно: ни копейки денег не взял этот врач.

– Вы, – сказал он нашим, – приехали от моих родителей, оплатите в кассу только за обследование на аппаратах, а мне ничего не надо. Тем более, мы земляки.

Вот такой порядочный человек оказался. Выписал какие-то таблетки: попей, сказал, вот это утром, а вот это вечером, в обед не надо пить. Как он прописал, так наш родственник и делал. Но это тоже не помогло. Может, он что-то перепутал и в обед пил эти таблетки? Не знаю, но факт, что не помогло.

Тут кто-то ему сообщил, что в Белокане в какой-то деревне, забыл название, одна старушка травами лечит. И как лечит! Из Баку и Тбилиси профессора приезжают учиться у нее. Возьмет за руку, посмотрит в глаза и сразу говорит, что у тебя болит. Но предупредили наших: имейте в виду, она очень дорого берет – чтобы имели при себе достаточно денег. Якобы большую часть этих денег она тратит на свое энергетическое восстановление, а что это такое – я не знаю. А что оставалось делать: собрали деньги, повезли к бабке нашего родственника. Народу полно, люди со вчерашнего дня в очередь записались. Отовсюду ехали к ней, говорят, что даже армяне приезжали, но сам не видел, не буду утверждать. Только к вечеру она приняла наших. Пять минут, не больше поговорила, дала какой-то порошок и предупредила, чтобы пил только по утрам и натощак. Вернулись, целый месяц пил – тоже не помогло, а сам все худеет на глазах. Вроде и ест, но худеет. Человек гаснет на глазах, становится не годным к жизни, хоть возьми да и привяжи теленка. Вот такая была ситуация. И тут как-то я поехал в очередной раз проведать больного в Закаталу. В автобусе рядом с нашим Кара дайы оказались, чтоб Аллах дал ему сто лет здоровья. Я ему все рассказал: куда еду, зачем еду. Все рассказал. А он задумался и говорит:

– У вашего родственника глисты, которых не каждое лекарство убивает. Потому он и худеет.

– А что делать? – спросил я у него. Вот он, Кара дайы, сидит, не даст соврать. – Что делать-то, Кара дайы? Человек умирает, молотит все подряд, а худеет. Одни кости торчат. Вы таких худых даже в Освенциме не видели, – говорил я ему. – Если вы знаете эту болезнь, то, наверное, и лечение ее тоже знаете.

– Знаю, – ответил Кара дайы, – и все расскажу.

И рассказал, как вылечить родственника.

– В нашу тутовку, – сказал он, – в самый ее первач, один зубок чеснока выжмете, и пусть ваш родственник пьет натошак. Три раза в день: перед обедом, завтраком и ужином. При этом специально задерживайте минут на пятнадцать от положенного времени и завтрак, и обед, и ужин, а он пусть внезапно выпьет эту тутовку с чесноком. Если через неделю не поможет, тогда я ничего не понимаю, – сказал Кара дайы.

– Вы, наверное, не поняли, и я тогда не обратил внимания на слова Кара дайы о том, что минут на пятнадцать надо задерживать каждый раз прием пищи, – продолжил дядя Курбан. – Это я потом догадался, для чего. Оказывается, глисты имеют свойство вылезать из своих мест в организме именно во время приема пищи. Ты кушаешь, а они хором вылезают и все едят, паразиты. И график знают – утром, в обед и вечером. Поедят все и обратно спрячутся. А тут мы будем задерживать минут на пятнадцать еду. Глисты-то об этом не знают и вылезут все. А еды нет. А мы им на головы первачом градусов под восемьдесят! Считайте – кипятком на голову. Уничтожим всех. Что там глисты – короле Сулеймана в рот двести граммов налили, так она три дня не вставала, лежала. А тут какие-то глисты. Сейчас поняли, какой у нас умный Кара дайы? Надо же было до такого додуматься! Не зря десять лет по Европе шагал. Короче, приехал я в Закаталу и все это рассказал нашему родственнику. Сперва он ни в какую:

– О чем ты говоришь, я непьющий, я в мечеть хожу.

– Не будешь пить, скоро по поводу тебя будут ходить в мечеть, – предупредил я его.

Тут он задумался, ведь никто умирать не хочет. Все равно я его долго уговаривал.

– Если жить хочешь, – сказал я ему, – тогда надо будет и это попробовать. Ты же не на свадьбе пьешь, ты лечишься. Тем более, все лекарства государственные тоже на спиртовом настое.

Согласился, но колебался:

– Что народ скажет, если услышит?

– Вот именно, – сказал я ему, – если услышит. А никто и не услышит. Кроме меня и тебя никто знать не будет.

Короче, вернулся я домой, набрал два литра хорошего первача тутовки, десяток головок чеснока и на следующее утро рано прибыл к нему.

– Чеснок-то зачем привез? – удивился мой родственник, – чеснок у нас свой имеется.

– Тутовка зогаллинская, и чеснок должен быть зогаллинский, – ответил я ему, – так Кара дайы велел.

Хотя Кара дайы про чеснок ничего не говорил, какая разница, чей будет чеснок? Но я решил, что будет лучше, если и чеснок наш будет.

Выжал я два зубка чеснока в сто граммов тутовки, задержали мы завтрак минут на пятнадцать, и выпил он залпом все это. Пить он не умеет, сразу скажу, прослезился, кашлял минут десять. В обед немножко легче пошло, в ужин совсем без слез, хотел еще сто граммов, но я резко остановил:

– Не положено, – сказал я ему, – умнейший человек сказал сто, значит, сто!

Не буду я вам голову морочить: уничтожили мы, наверное, всех глистов, и аппетит вернулся к нашему родственнику, и поправился он, через неделю уже по дому стал работать, а через месяц купил хорошего барана и приехал ко мне:

– Ты мне жизнь спас, я родился заново.

Начал меня благодарить, а я ему ответил:

– Раз ты уже приехал с бараном и без предупреждения, грузи его обратно в машину и поехали.

Поехали мы к Кара дайы, и по дороге я ему все рассказал, конечно. Возле магазина притормозил машину и приказал своему родственнику:

– Сбегай сейчас в магазин, купи, сколько не жалко, семечковой халвы. Кара дайы очень любит ее с чаем.

Без слов сбегал и купил, чтоб не соврать, килограммов пять, наверное.

Удивился Кара дайы, когда увидел нас. Смотрит на нас и не поймет – по какому вопросу к нему домой, да еще с живым бараном? Я ему напомнил наш разговор в автобусе и показал на своего родственника, который в это время затаскивал барана во двор:

– Кого мы вылечили? – спрашивает Кара дайы, – его или барана?

– Его, его, – объяснил я ему. – Вот он вылечился и приехал вас отблагодарить. А баран – это магарыч.

– Лечил не я, лечил Всевышний, – ответил Кара дайы, – я только подсказал, как надо лечить.

А мой родственник выпустил барана во двор Кара дайы, не зная, как еще благодарить:

– Вы меня спасли, – сказал, – куда только не ездил, не помогало.

Кара дайы, конечно же, дал команду своим, чтобы стол накрыли. А барана резать некому – я не умею, а Кара дайы не хотел, а мой родственник даже боялся смотреть, как барана режут. Так мы послали соседского мальчика за Камилем покойным. Он пришел, зарезал барана, за пять минут все разделал к удивлению моего родственника, и до поздней ночи мы потом пили. «Оставшихся глистов выводили», – как потом шутил Кара дайы.

А родственник наш и сейчас жив и здоров, а кого из зогалинцев ни увидит в Закатале, обязательно через них передает привет Кара дайы. И всем рассказывает, что он его спас.

А про врачей я вот что скажу: взяли бы обычный анализ кала, посмотрели бы внимательно под микроскопом и все увидели бы. Сейчас много аппаратов новых всяких импортных, научились на них работать. А анализ кала не умеют делать или забыли, не скажу. Зачем мне твой импортный аппарат, спрашивается, в таком случае, если в обычном кале не разбира-

ешься? Тоже мне, врачи, чтоб руки поотсыхали у тех, кто им дипломы вручал!

А бабка белоканская оказалась настоящей аферисткой, никакой не знахаркой. После ее порошка прокурору какого-то района стало настолько плохо, что он чуть не умер. Но выздоровел, и когда собрался проверять ее, она за ночь собрала вещи и через Грузию удрала, говорят, в Россию. Об этом якобы и газеты писали, но я лично не читал, не буду врать.

Вот так тогда Камиль покойный нас спас. Дома накрывается хороший стол, вино есть, баран есть, а резать некому! Все умел, везде успевал. Аллах рахмат элясин.

– Да, он все умел, – подтвердил Кара дайы, – потому что с раннего детства был приучен к работе. Покойный Гамидулла вырастил его сам, без родителей. Они были родные братья по отцу, у них матери разные. Но он очень любил его (чтоб сейчас не полюбил), но наказывал частенько. Сколько раз я сам забирал Камиля, когда тот его избивал. Время было такое, ничего не поделаешь. А в войну Камиль тринадцатилетним пацаном и по своему дому все делал, и нашей жене помогал, и с утра до вечера в колхозе работал. А когда раненого Гамидуллу привезли в Шеки на лечение в госпиталь, запряг волов, посадил маленького Османа на арбу и поехал повидаться с братом. Раньше дорог не было – по лесам, по полям. Больше двух суток в дороге, ни капли страха не было в глазах. Сейчас, бывало, посажу своего внука-десятиклассника в автобус, чтоб отправить домой, так каждые пять минут звоню и спрашиваю у дочки, приехал он или нет. Как тогда жена Гамидуллы отпустила их, ума не приложу. А я чуть было на его свадьбу не опоздал. Идрис пусть расскажет, он лучше знает, в войну он в Зогаллы остался, покойный Камиль с ним работал.

У кривоногого Идриса, кроме маленькой головы, выделялись также большие темно-желтые и черные зубы. Зубы стали такими от частого курения. По его словам, курить он начал с десятилетнего возраста, покойного Камиля тоже он научил

курить. Не только курить, но и многому другому он научил покойного Камиля, потому как между ними никаких секретов не было во время войны, когда они вместе работали в колхозе. С табаком тогда проблем не было, поскольку в Зогаллы всегда выращивали табак. В войну и много лет после войны Идрис курил самокрутки, а потом перешел на «Аврору». Сигаретой он затягивался с удивительной жадностью, и выпускаемые им из носа параллельные струи дыма напоминали след самолета, часто летающего над Зогаллы. И на этот раз, прежде чем начать свой рассказ, он достал из кармана и положил пачку «Авроры» со спичками на край стола. Чем моментально воспользовался выпивший сосед-негодяй.

– Идрис дайы, я возьму одну сигарету, – сказал он и, не дожидаясь разрешения дяди Идриса, достал сигарету и моментально закурил.

Только после него дядя Идрис сам достал из пачки одну сигарету, долго мял ее, потом закурил. Сделав глубокий вдох, Идрис посмотрел на небо, внимательно прошелся взглядом по редким облакам, которые плыли в тот час над Зогаллы, словно посчитав их, и сказал:

– Хоть бы дождя не было. Траву скошил вчера, перевернул сегодня с утра, вечером надо будет собирать. Лишь бы дождя не было после обеда.

Пожелание дяди Идриса о нежелательности дождя после обеда прозвучало как вопрос в адрес Кара дайы, который в ответ должен был, видимо, успокоить дядю Идриса. Кара дайы вслед за дядей Идрисом тоже пришлось осмотреть небо, потому что дядя Идрис замер в ожидании ответа относительно поведения облаков. Подняв голову вверх, Кара дайы уставился на находящееся на линии его взора единственное облако, мечущееся по небу в тщетных попытках заслонить собой солнце. При этом Кара дайы явно проигнорировал остальные облака, находящиеся чуть дальше. Несмотря на избирательность и ограниченность визуального наблюдения облаков Кара дайы,

его ответ для дяди Идриса оказался успокаивающим и довольно обнадеживающим:

– Никакого дождя не будет! Облака уходят от нас. Туч не видать, – уверенно ответил Кара дайы.

Позднее, как-то в разговоре с ним, я вспомнил его прогноз относительно дождя в тот день и спросил у него: на самом ли деле он может определить по утренним облакам возможность выпадения дождя после обеда? Над моим вопросом Кара дайы долго смеялся, а потом ответил:

– Да нет же, конечно! Я Идриса хорошо знаю: сказал бы я тогда, что будет дождь, так он собрался бы и ушел. А так – рассказал интересные вещи, о некоторых я сам не знал. Рассказывать он умеет, между прочим, не хуже меня, если не лучше.

Действительно, рассказ дяди Идриса получился настолько интересным, что засыпавший до этого за столом молодой подвыпивший сосед-негодяй и то стал внимательно его слушать и даже как бы участвовать в рассказе.

Свой рассказ дядя Идрис начал с вопроса:

– Главное в человеке что? – спросил он у сидящих за столом и, не давая им подумать над вопросом, сам же быстро ответил:

– Главное в человеке – это зат! Если не знаешь, какой у человека зат, лучше с ним не связываться, не дружить и не родниться. Сейчас в колхозе и в сельсовете на всех лошадей заводят паспорта. Книжка по объему не меньше нашего человеческого паспорта будет. Спрашивается: почему? А потому что в этот паспорт лошадиный заносится все: какой масти лошадь, сколько ей лет, какие прививки ей сделаны и так далее. Заносится родословная лошади в паспорт. Зачем? А затем, чтобы завтра, в случае чего, знать, на какую работу можно взять лошадь, а какую лошадь можно даже и на войну взять. А которую никуда нельзя брать, ее надо забраковать, потому что у нее плохая родословная. Не годится никуда, подведет, задохнется, не довезет. Вот почему паспорта заводят на животных.

– Между прочим, – перебил дядю Идриса Кара дайы, – с твоего позволения, дополню твои слова, Идрис. Ты, наверное, знаешь, как по паспорту своего коня мой эмиоглу, покойный Гамидулла в Евлах в гостиницу устраивался? Помнишь эту историю? Идрис, не обижайся, ты, наверное, знаешь, а я расскажу ребятам, может, кто не знает.

Ездил, значит, он в Евлах торговать грушами на базаре. Попросил жену перед отъездом паспорт положить в карман. Жена его вторая, родственница Идриса, между прочим, очень темной женщиной была. Перепутала паспорта и положила в карман мужа паспорт коня, вместо его паспорта. Тот и проверять не стал, приехал в Евлах, расторговался. А к вечеру пошел устраиваться в гостиницу. Достал и отдал паспорт коня как свой. Женщина, которая занималась оформлением, вернула ему паспорт и сказала:

– Ай дайы, что вы мне даете паспорт коня, дайте свой паспорт.

Гамидулла понял, что дома жена перепутала паспорта, и стал уговаривать администратора дать ему место в гостинице:

– Какая разница, дочка, чей паспорт будет? – объяснялся он, – Конь ведь тоже мой.

Оформила его та женщина, сжалилась над ним, как над инвалидом, наверное. А Гамидулла потом хвастался везде, что оформлялся в гостиницу по паспорту коня.

Кроме дяди Идриса, все сидящие громко засмеялись, а тот, видимо, знал эту историю, поэтому только улыбнулся. Выпивший молодой сосед-негодяй, сидевший до сих пор молча, вдруг заговорил:

– Вот дает, а! Я со своим советским паспортом в Ростове не смог в гостиницу устроиться, две ночи спал на вокзале, а тут с паспортом коня устраиваются.

Возмутился бы он еще, но его резко остановил Кара дайы и обратился к дяде Идрису.

– Идрис, извини, пожалуйста, что перебил, продолжай.

– Я уже забыл, о чем говорил, – задумался дядя Идрис. – О чем я говорил? – спросил он у меня.

– О зате, – напомнил я ему.

– Да, точно. Молодец, внимательно слушаешь, – похвалил меня дядя Идрис и продолжил:

– Зат человека – это его родословная, передающиеся генами привычки, способы и формы поведения. А самое главное и важное – это то, что зат является показателем устойчивости морали. Сейчас вы поймете, почему я об этом так долго говорю. Где у нас колхозные гаражи, чуть ниже, рядом с речкой, до войны жили два брата – Карим и Камил. Такие brave ребята, высокие, симпатичные. Оба охотники, часто наверху в горах пропадали на охоте. Тогда их дом, считалось, стоял на краю Зогаллы. Очень вежливые были парни и почти одного возраста. Если разница и была, то год, не больше. Родители у них умерли в течение месяца, когда старшему было лет пятнадцать-шестнадцать. Сперва мать у них умерла, потом, буквально через месяц, отец. Остались они вдвоем, эти братья. Работали в колхозе, с людьми ладили. Жили, как все – не хуже и не лучше. Сами готовили, сами стирали. Никто и никогда от них плохого слова не слышал. Но домик у них был очень маленький – одна комната и все. Родители у них были не зогаллинские, приезжие, я даже не помню, когда и откуда они прибыли. Поэтому и дом их был с краю. Хорошие, воспитанные ребята, здоровые, так что зогаллинцы готовы были выдать своих дочерей за них замуж. Но они тянули все с женитьбой, каждый раз шутили, когда им об этом напоминали. То они говорили, что им надо сперва в армии отслужить, то надо дом достроить. И все соглашались. А тут, вдруг, месяца за два до начала войны по Зогаллы пополз слух, что у братьев во дворе появилась молодая женщина. Кто-то из братьев вроде женился. Немножко взгрустнули зогаллинские девушки, которые были влюблены в братьев, но надежду не теряли. «Женился, так женился, что сделаешь, возраст подходящий, – думали они. – Один женился, но второй-то еще свободный».

Зогаллинцы решили, что женился старший. Где-то во время охоты в какой-то верхней деревне он увидел девушку и полюбил. Потом братья вдвоем умыкнули ее, а может, она добровольно пошла с ними. Так тоже могло быть, очень красивые были братья. Так рассуждали зогаллинцы.

В первый раз, когда она пошла за водой к роднику, наши женщины поговорили с ней и остались довольны ею:

– Хорошая, жизнерадостная, – сказали. – Девушкой, конечно, не назовешь – молодая женщина, одним словом.

Все бы ничего, но, знаете, через неделю люди между собой стали любопытствовать:

– Интересно, а как они живут в одной комнате втроем?

Говорят, где-то за границей, в какой-то гяурской стране практикуется такое, когда два мужика живут с одной женщиной. Но чтобы в Зогаллы такое было?!

Короче, постепенно разные слухи стали наполнять Зогаллы: то говорили, что братья на двоих взяли одну женщину в жены, то говорили, что она их дальняя родственница, и ничья она не жена, а просто от кого-то прячется у них.

Я видел ее издалека через месяц после того, как она появилась в деревне. Красивая была, как полная луна, что и говорить. Народ ходил взбудораженный, старики уже собирались с братьями поговорить. А тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло – началась война. Люди на время забыли о братьях, каждый думал о себе.

Зогаллинцев на войну забирали тремя списками, то есть в три призыва. Первый призыв ушел в конце июля. И оба брата оказались в первом списке. К сентябрю всех зогаллинцев, которые могли держать оружие, забрали воевать. Остались старики, инвалиды, как я, и совсем юные мальцы возраста покойного Камиля. Вся тяжесть работ в колхозе легла на наши плечи. Наравне с нами работали и женщины.

Первая похоронка в Зогаллы пришла в ноябре. И, не поверите, – она была на старшего из братьев. Как сегодня помню,

всей деревней успокаивали эту женщину. Сказать, что убивалась она, было бы неправдой, просто сидела на крыльце и тихо плакала. Тогда я впервые близко увидел ее. Она подняла голову и посмотрела на меня, прямо в глаза. Не женщина, а ведьма какая-то. Я и так плохо хожу, а тут аж ноги заплелись, чуть было не упал. Вот так я растерялся. Когда уходил из ее двора, я почему-то решил, что вторая похоронка в Зогаллы будет на младшего брата. Сам об этом подумал, сам и испугался, но никому ничего не сказал. Через неделю в Зогаллы пришла вторая похоронка. Но, слава Аллаху, на кого-то другого, сегодня не помню уже, на кого. Я даже обрадовался, что своими черными мыслями не взял грех на душу. А тут через три дня третья похоронка и – на младшего брата! Я ходил по двору и проклинал сам себя. Неужели, думал, это я накликать? Вот такое было мое состояние. Представляете, два месяца назад все приписали ей двух мужчин, а сейчас – ни одного, и она стала вдовой.

Через год погибших зогаллинцев в войне стало больше сорока. Со временем люди привыкли к похоронкам.

Но я хочу о другом рассказать. Я хочу рассказать вам о том, о чем многие в Зогаллы предпочитают не говорить, а молчат, как будто то, что сейчас я вам расскажу, не у нас было. Было все. Уставшие от одиночества и траура молодые и красивые зогаллинские женщины, чьи мужья не вернулись с войны, со временем готовы были любыми силами и способами вскружить головы оставшимся в деревне мужчинам. Не все, конечно, но большинство. Поверьте мне, я знаю, о чем говорю. А из мужчин в Зогаллы, как я уже говорил, не считая стариков, инвалидов и нескольких юношей возраста Камиля, не было никого.

Как-то подкараулила вот эта наша вдова юного Камиля в дальнем переулке. Это сегодня Зогаллы выглядит деревней более или менее современной, с четко обозначенными улицами и дорогами. А тогда дома в Зогаллы были беспорядочно разбросаны по всей деревне, и улицы в сегодняшнем нашем понимании отсутствовали. Люди, как правило, ходили друг к дру-

гу по натоптаным тропинкам и дорожкам для ароб. Дворы каждого дома были огорожены заборами из живой колючки, а вместо ворот использовались чачхаи. Оставленные без ухода, эти заборы за три года войны разрослись так, что видеть, что происходит во дворе соседа, стало практически невозможно. И наша бесстыжая вдова воспользовалась этим и заманила юного Камилля к себе во двор, попросив зарезать старого петуха. Время было военное, а Камилль совсем юный был, как говорят у нас, место усов только-только начинало потеть. Но в других местах с волосами, видно, все было в порядке, раз он не растерялся и не подкачал. Эта бесстыжая подкараулила его в переулке и попросила:

– Камилльчик, нарежь моего старого петуха, пожалуйста, а то он совсем обленился – кур не топчет, куры мои вот уже два месяца не несутся. Куда это годится.

Так говорила эта бесстыжая, когда Камилль, наивный тогда юноша, ни о чем не подозревая, свернул с дороги во двор, – чтобы при живом петухе куры страдали.

И уже во дворе, приблизившись к Камиллю на очень неприличное расстояние, она сказала, потершись своей большой грудью о Камилля:

– Мы не меньше кур сейчас страдаем, Камилль, тяжело нам, женщинам, Камилль, очень тяжело без мужиков.

И уставилась на Камилля так, словно готова была съесть его.

– Где петух? – пропустив слово «старый» спросил застенчивый и недогадливый тогда Камилль, для которого возраст птицы в деле отрезания ей головы не имел никакого значения. А у этой бесстыжей глаза горели ярким пламенем, а большие груди так и вырывались на свободу из-под кофточки.

– Да вот, Камилль, я его запираю в курятнике с утра, может, думаю, вспомнит свои обязанности, – и как-то кокетливо и многозначительно засмеялась. – Вспомнит, Камилль, как ты думаешь?

Камилль покраснел, не знал даже, что и ответить. Откуда Камиллю было знать, вспоминают старые петухи свои обязан-

ности или не вспоминают, если их с утра запереть в одном помещении с молодыми курами? Время было военное, все думали о войне, а эта бесстыжая думала о петухе.

– Стар он уже, не вспомнит, наверное, – сама и ответила эта стерва, пошла вперед и повела Камиля в курятник, который находился за домом. Камиль последовал за ней, невольно засмотревшись на прыгающие под длинной юбкой окружности этой молодой вдовы. А эти окружности как прыгали? Одна прыгает вверх, а другая вниз, потом другая прыгает вверх, а первая вниз. Игра без слов. Чугун не устоит перед их движением, а каково было молодому Камиллю, который как раз находился в таком возрасте, когда ничего не стоило остановить движение этих окружностей. Что впоследствии он и сделал, между прочим.

Курятник находился за маленьким сарайчиком, где хранилось высушенное сено. И вот, завела эта стерва Камиля в этот сарайчик, расстегнула пуговицы кофточка, выставила свои большие груди:

– Возьми меня, Камиль, возьми, – яростно сказала она, – и стала стягивать штаны с Камиля.

Глуп тот, кто думает, что испугался Камиль, да взял и сбежал. Как бы ни так! Нырнул Камиль головой в пространство между грудьми, и потянула эта бесстыжая к себе молодого парня.

– Ничего, ничего, – успокаивала она Камиля, когда тот вдруг застонал и успокоился, так и не войдя в нее. Лежа на боку, она гладила и бесконечно целовала Камиля, левой рукой стараясь завести его еще раз:

– Сейчас все получится, сейчас все сделаешь так, как я скажу, и тебе понравится...

Все знала эта стерва, знала, что много времени не надо, чтобы завести пятнадцатилетнего парня. А рука этой стервы все гладила и гладила Камиля между ног, да так нагладила, что через пять минут вдова уже командовала:

– А сейчас давай ко мне, Камильчик. Вот так, вот так, сверху давай. А его вот сюда – медленненько, медленненько, Камилька, молодец, Камилька вот сюда, давай.

На третий раз Камиль сам запрыгнул на нее и еще минут через двадцать вытворял такое, какое вытворяет только свежеспойманная рыба в руках неопытного рыбака. То он выскальзывал из рук этой стервы, то она обратно тащила его к себе, а губы Камиля будто были приклеены к соску этой бесстыжей, а успокоение никак не приходило. А эта стерва все стонала:

– Еще немножко Камильчик, еще чуть-чуть, умираю, Камильчик, давай, Камиль, давай еще, умираю.

Вот так эта стерва обманывала молодого неопытного Камиля: якобы умирала, с одной стороны, а с другой – просила еще и еще. Чтобы нас всех так обманывали, скажу вам.

А когда оба одновременно закричали и, насытившись друг другом, разлеглись на сене отдельно, то находящиеся рядом в курятнике куры закудахтали от испуга так, как будто на них стервятник сверху напал. Куры – безмозглые существа. Спрашивается, чего вы так разволновались? Чем больше эта стерва будет заигрывать с Камилем на сене, тем дольше кто-то из вас будет жить. Разве они это понимают? А их петух старый даже предупредительно крыльями замахал и встал в наступательную позу. Какие куры глупые, такой и петух безмозглый.

А стерва-то наша лежала и все приговаривала:

– Ой, какой ты молодец, Камильчик, какой ты молодец!

Потом встала, видно, насытилась, оделась сама, помогла одеться Камиллю, взяла руку Камиля, положила на свою левую грудь (а может, на правую, кто сегодня помнит?) и только после этого спросила:

– Ты еще придешь, Камиль?

– Ага, – ответил Камиль.

– Приходи, Камиль, когда захочешь, приходи, только чтобы никто не видел. Хорошо?

– Ага, – ответил Камиль и направился на улицу.

Вот так эта стерва совратила Камиля, пригласила его, бесстыжая, старого петуха резать, а в итоге сама легла под петуха молодого.

А Камиллю, видно, тоже понравилось это занятие, а кому такое не понравится? И он зачастил к этой бесстыжей. Изредка днем заскакивал к ней, но в основном под утро заскакивал. А почему и не заскочить, если дело молодое, а поле-то какое? Тут бы трактором пройтись.

Стала замечать жена Гамидуллы, что на глазах худеет Камиль. Это я к тому, уважаемый Кара, что мужчины худеют не только от глистов! –этими словами дядя Идрис как бы давал понять Кара дайы, что есть и более благородные и уважительные причины, заставляющие мужчин худеть. Кара дайы не стал упираться:

– Лучше похудеть от такого занятия, чем от глистов, – согласился он.

– Так вот, Камиль худел на глазах, – продолжил дядя Идрис, – а жена Гамидуллы списала это на его переходный возраст и на недоедание. Работал же Камиль в колхозе с утра до зари. Повсюду, где нужны были мужские руки, Камиля отправляли. А он парень безотказный – целый день пахал, чтобы ночью хотя бы на час, да к ней заскочить. Вот так эта бесстыжая за- гипнотизировала парня, высасывала из него, как пиявка, последние силы. Не знаю, кормила она его хоть чем-то или не кормила. Или, может, что-то мешала в еду, что его все тянуло и тянуло к ней? Не знаю, но, как я уже говорил, жена Гамидуллы забеспокоилась: с чего это Камиль так худеет с каждым днем?

А что делал Камиль? Приходил поздно вечером домой с колхозных работ и выпускал буйволиц в лесок за домом. Корову он не выпускал, потому как волки в первую же ночь растерзали бы ее. А буйволицы волков не боятся, особенно если парой пасутся. Станут задницами друг к другу и защищаются, даже стая волков им не страшна. Сколько волков в ту зиму затоптала эта пара буйволиц – не сосчитать! Пока они топтали

волков, наш Камиль топтал эту бесстыжую. Провожал буйволиц через фундуковый сад, выпускал их в лесок, а сам возвращался, ужинал тем, что Аллах послал, и ложился спать. Спал он до четырех утра, а потом вставал вместе с первыми петухами, одевался и уходил за буйволицами. И так почти каждый день в течение двух осенних месяцев, пока жена Гамидуллы не застучала его у этой стервы прямо в постели.

Он одевался, брал ружье и уходил за буйволицами в лесок через фундуковый сад. А за фундуковым садом сворачивал влево и через пять минут оказывался во дворе этой стервы. Видимо, договоренность у них такая была, и та, видно, ждала его каждое утро. Потому с раннего утра, тоже каждый день, собаку сажала на цепь за домом подальше от чачхачов, чтобы она вдруг своим лаем соседей не разбудила. Вот такая вот хитрюга была, эта стерва бесстыжая. Каждый день, без выходных, доила Камиля как корову. У Мурсала бык племенной, скажем без обиды, и он держит его специально для этого дела. Чтобы коров топтать, имеется в виду. Кормит его усиленно и зимой, и летом – комбикормами, клевером. Но и то больше трех телок в день Мурсал не подгоняет под своего быка и два дня в неделю дает ему выходные, как госслужащим. А тут эта ненасытная без выходных каждое утро заманивала к себе Камиля. Если бы она хоть кормила его, он бы так не худел. Время-то было военное, повсюду голод, есть было нечего. Народ спасался орехами – настолько калорийный продукт, что иной раз съешь очищенных орехов горстку, глядишь, и сыт. Видно, орехами и кормила эта баба нашего Камиля, потому как после орехов любого мужика тянет к этому делу, как кошку на валерьянку. Если бы быка Мурсала можно было кормить орехами, он бы никогда ему выходные не давал бы, вот такую силу имеет орех наш зогаллинский. Поглядите на наших зогаллинских стариков. Почему они ходят зимой с карманами, набитыми очищенными орехами? Не фундуком, нет, а именно орехами. Смотришь: во рту остался последний зуб, и тот шатается, а он жует и жует орехи. Вот так-то, а вы думали...

Орехи орехами, но во всем надо меру знать. А у Камиля был возраст такой, что если его даже на три дня голодным оставить, то он все равно обработал бы эту стерву лучше, чем мы с вами после килограмма съеденных очищенных орехов. Это дело любит молодых. А эта стерва знала все. Тогда только старики остались в Зогаллы, но она почему-то не старика позвала резать старого петуха, а молодого Камиля. Все знала.

С другой стороны, язык иной раз не поворачивается обвинять эту женщину. Корова – животное, и то мычит целыми днями, если вовремя к быку не сводить. А тут живая женщина, сочный плод, только вышла замуж перед войной, месяц побывала с мужем, только-только стала чувствовать всю сладость этой жизни. И вдруг – война, будь она проклята! И через два месяца, как муж ушел на войну, пришло извещение, что он погиб. Плакала, как все, черное носила. Месяц плакала, другой, но сколько можно траур держать? Месяц, другой, третий, четвертый, и не выдержала – заманила Камиля.

Заманить заманила, а меры не знала. Видно, так изголодалась. А Камиль – молодой, тоже, видимо, работал, как водяная мельница в половодье. Работать-то он работал, но худел на глазах. Тут жена Гамидуллы заподозрила неладное: то ли ей подсказали, то ли она сама догадалась, сегодня я уже не помню. И когда в очередное утро Камиль рано-рано оделся, взял ружье и ушел, она встала и стала следить за ним. А долго следить и не пришлось. Через пять минут он уже был во дворе этой бесстыжей, а та выглядывала из открытой двери. Одним словом, Камиль двумя прыжками оказался в объятиях, а затем в постели у этой женщины, забыв о том, что на свете есть еще и родственники, которым твои прыжки могут и не понравиться, и которые могут следить за тобой: куда это ты уходишь каждое утро? Камиль был молодой, а эта стерва – красивая, сочная. Разве будешь в такие минуты думать о родственниках или о Родине? Которая тоже была, между прочим, в опасности, когда немцы находились на подступах к Моздоку, где наши зо-

галлинские мужики и полегли. Какой Моздок, какие немцы, когда тебя такая сладкая ждет с утра? В объятиях такой искусной стервы любой мужик согласится стать шехидом, как наши стали под Моздоком. Что говорить о молодом Камиле, который строчил, как из пулемета.

Только он в то утро начал строчить, открылась дверь, и жена Гамидуллы с хорошей фундуковой палкой в руке залетела в комнату. Увлечшись, они, оказывается, даже дверь изнутри не заперли. А жену Гамидуллы, вторую, наверное, вы все помните? Баба была, конечно, бесстрашная, злая такая, вечно ворчала. Так из-за этих ее ворчаний Гамидулла третий раз женился. Как рассказывал Гамидулла:

– Ворчала, ворчала, – говорил он, – утром ворчала, вечером ворчала, ночью – и то ворчала.

А с ворчливой женой тяжело жить, как говорили наши деды: «Лучше иметь во дворе яловую корову, чем в доме ворчливую жену».

Залетела она тогда в дом этой стервы, сняла с них одеяло и начала этой палкой лупить обоих, как говорится, «что ел, плов с соленьем». Все случилось настолько неожиданно, что растерялись, конечно, оба – и эта бесстыжая, и Камиль.

– А ты разве не за буйволицами уходил? – спросила жена Гамидуллы у Камиля. На что тот с перепугу ответил:

– Я заходил резать старого петуха...

– И наткнулся на молодую курицу, да? – пошутила тогда, оказывается, жена Гамидуллы.

А та стерва молчала, как потом рассказывала жена Гамидуллы, ни слова не сказала, только очень просила, чтоб она никому не рассказывала.

– Ой, опозорилась, ой, опозорилась, – повторяла она, и умоляла, чтобы никто не узнал.

Никто и не узнал, между прочим, а жена Гамидуллы приходилась мне двоюродной сестрой. Долго она болела перед тем, как умереть, и я часто ходил навещать ее. И вот как-то она мне все это рассказала, за месяц до смерти. Не знаю к чему, но в ту

ночь, оказывается, ей приснилась эта стерва и всю ночь просила ее, чтобы она никому о том не рассказывала. Может, прощения просила, я не знаю. А утром я зашел к сестре, она мне все и поведала. А до этого никому ничего не говорила, даже Гамидулла не знал, так и умер. Она даже ему не рассказала, когда тот вернулся с войны. Но ворчливая была женщина, хотя и моя родственница, надо правду сказать. Даже не верится, что при таком характере она никому не открыла эту историю.

После ее смерти я в нескольких местах рассказывал эту историю, один раз при Камиле. Тот слушал и все смеялся, ничего не отрицал. Нашим мужикам очень понравились слова Камилы о том, что он в четыре утра зашел к этой стерве, чтобы резать старого петуха. И сейчас, бывает, какой-нибудь шутник напьется на свадьбе и перед уходом в шутку своим друзьям заявляет:

– Пойду домой, зарежу старого петуха и спать лягу.

Это Камилы слова, чтобы вы знали, Аллах рахмят элясин. Но что я хочу сказать? Война, вокруг нищета, муж погиб на войне. Ай стерва, подожди ты хоть конца войны, как все порядочные женщины: может, ошиблись с этим извещением, может, не погиб твой муж и вернется. Нет, не подождала, значит, у них в зате заложена была неверность. Значит, у них в зате написано, что в их роду у всех женщин ноги скользкие. А вы что думали? Когда корову покупаешь, и то изучаешь родословную. Сулейман не послушался тогда, пошел у мугалов покупать корову, а эта корова чуть Кару на тот свет не отправила. То, что с ним не смог сделать Гитлер, между прочим, за четыре года со своей мощной армией, могла бы сделать одна сраная мугальская корова.

– А финнов забыл? – подсказал ему Кара дайы, до этого внимательно слушавший его.

– Про финнов я вообще молчу, – согласился дядя Идрис.

В этом месте мы все повернулись и посмотрели на Кара дайы, который как никогда остался доволен рассказом и подтвердил его слова:

– А что, правильно говорит Идрис.

– Поэтому обязательно, когда женишься, нужно изучить зат невесты, – подытожил дядя Идрис. – Привели эту стерву братья к себе домой, но зат не изучали, значит. И что в итоге? А в итоге, зат у нее оказался испорченным, потому она так себя и повела. Год потом еще она у нас прожила в деревне, в колхоз ходила, работала молча. А через год исчезла куда-то. Смотрим – день ее нет, второй день нет. Председатель Курбан послал меня узнать, может, что случилось? Прихожу: дома нет никого, и собака голодная на цепи. Собаку я отпустил, и, что интересно, собака через неделю, между прочим, тоже исчезла. «Ай стерва, – сказал я, – раз уходишь так тайно, хоть собаку освободи, зачем бедное животное мучаешь? Собака-то в чем виновата?» Да кому теперь говорить...

Домик пустовал долго, постепенно развалился, никто не хотел войти в этот двор. А когда гаражи строили, забрали двор под гаражи.

– Идрис, а почему она тебя не караулила и тебе не предложила резать старого петуха, – неожиданно для всех спросил Кара дайы. – Ты тоже был молодым.

– Да у него же нога кривая, – вставил под общий смех выпивший сосед-негодяй.

Дядя Идрис почесал затылок, посмеялся вместе со всеми и ответил:

– Знаешь, Кара, видимо, она не была уверена до конца, что я соглашусь на ее соблазны. Я сам не уверен, согласился бы я тогда или нет? Сегодня, конечно, согласился бы, а тогда – не знаю, наверное, отказался бы. Воспитание другое было, – подытожил дядя Идрис и, подмигнув сидящим, добавил, – думаешь, меня не приглашали? И меня приглашали.

– Никто тебя не приглашал! Кому ты нужен был со своей кривой ногой? – шутил дальше Кара дайы.

– Ей нужна была не нога, ей нужно было другое, если на то пошло, – спокойно уточнил дядя Идрис, – там у меня и сегодня ровнее твоего будет.

«Началось», – подумал я. Удержать сидящих от смеха была невозможно. Ей богу, не понять наших зогаллинцев: сидишь на поминках и вместо того, чтобы горевать, слушаешь черт знает что.

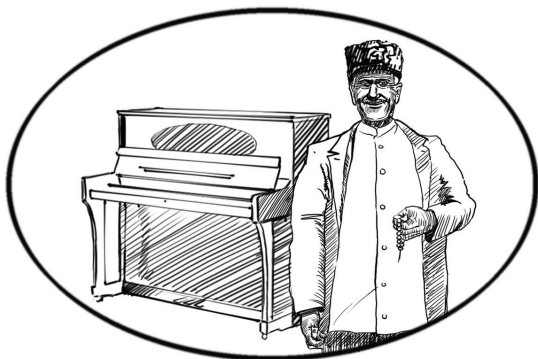
Но Кара дайы тоже был в своем репертуаре:

– Дело, конечно, не в ноге. Прав Идрис, эта стерва гарантированно хотела заполучить мужика. Это как в разведке, нельзя было ошибаться. Ошибся, значит, пропал. Рисковать не хотела она, вот все и вычислила. С другой стороны, давай будем правде в глаза смотреть, ай Идрис. Кому ты нужен был со своей кривой ногой, когда рядом ходил такой юный красавец, как наш Камиль? Аллах рахмят элясин.

Сидящие хором послали рахмят Камилю, но дядя Идрис не хотел сдаваться:

– Если уж ты, Кара, со своей обезьяньей внешностью кому-то понадобился...

«Сейчас начнется», – подумал я, встал и пошел помогать в сервировке столов для приглашенных на поминки дяди Камиля.

ГЛАВА 6

КАРА ДАЙЫ И НЕМЕЦКОЕ ПИАНИНО

Надо же было такому случиться, что именно девятого мая Кара дайы укусила собака по имени Тайсон. Укусила, конечно, громко сказано, – она тихо подошла сзади к медленно идущему после выступления в школе Кара дайы и схватила его за военные брюки. Испугавшись невиданной наглости и дерзости собаки, Кара дайы резко дернул ногу, и в итоге его единственные военные брюки были порваны основательно. Видя свое бессилие перед собакой, Кара дайы побежал от нее, как может бегать мужчина в его возрасте. Благо и Тайсон решил не преследовать его, в противном случае Кара дайы отделался бы не только порванными брюками. Придя домой, он первым делом позвонил в Гахскую полицию и поднял такой шум, будто на него напала целая стая волков. Он жаловался на бродящего по улицам Зогаллы здоровенного, как небольшой буйвол, черного пса, который кусает людей среди белого дня.

– Бросается на всех, – кричал он в трубку, – срочно отправьте наряд и отстрелите его! А то не миновать беды в этот

праздничный день. И меня чуть не разорвал в куски, – в конце сказал он.

Дежурный Гахской полиции, как и положено нашей полиции, первым делом поинтересовался: может, скорую помощь сперва выслать? Тут Кара дайы прервал дежурного и объяснил, что сперва нужно выслать полицию для отстрела этого бешеного пса. А потом можно и скорую, но пока в ней нет нужды, так как зогаллинцам пока удастся сбежать от Тайсона.

Посовещавшись, Гахская полиция все-таки отправила дежурную машину с двумя полицейскими для выяснения сути случившегося.

Когда я пришел к нему около часу дня, чтобы поздравить с праздником и заодно пообедать с ним, полиция уже побывала у Кара дайы.

Не найдя самого Тайсона, который, видимо, спрятался в фундуковых садах, полиция сделала предупреждение хозяйну собаки и, успокоив Кара дайы, уехала. Порванные военные брюки Кара дайы висели на перилах веранды как вещественное доказательство. А сам он ходил по двору, ругая то собаку, то полицию, то хозяина пса.

Я лично впервые встретил Тайсона два года назад. Темным летним вечером мы с приятелем прогуливались по пустынной улице Зогаллы. Внезапно откуда-то вынырнула черная рослая собака, и, подбежав к нам, стала обнюхивать нашу обувь. Мой приятель, зная повадки Тайсона, только и успел тогда мне приказать:

– Тихо и не дергаться!

Продержав нас полминуты по команде «смирно» и не найдя ничего подозрительного для себя, Тайсон отвернулся и решительно удалился. Поэтому я сочувствовал Кара дайы, когда он рассказал мне свою историю.

– Еще говорят, что собака друг человека! – злился Кара дайы, – люди это знают, а знают ли собаки? Я у тебя спрашиваю, – обратился он ко мне – знают ли это собаки?

Вопрос был настолько неожиданным, что я даже не сразу сообразил, как лучше ответить.

– Знают, но не все, – сказал я, оставив место для отхода при его бурном негодовании.

– Не все, не все!.. – как я и ожидал, он остался недоволен моим ответом, – место собаки в конуре, на то и она собака!

Потом он переключился на хозяина собаки:

– Сам ходит голодный, дома жрать нечего, а собаку размером с буйвола держать может! – недоумевал он.

Со временем, когда он почти успокоился, Кара дайы приказал домашним накрыть стол, и мы с ним перешли на веранду. Военный китель, весь увешанный орденами и медалями, он не снял, но был в повседневных дешевых брюках в полоску, заправленных в носки, и в блестящих галошах. Дочка Кара дайы, гостившая у них, принесла нам чай с кизилковым вареньем.

– Вы сами себе наливайте, – извиняясь, попросила она, – а мы там с мамой приготовим обед, – и удалилась под навес, пристроенный к каменному дому.

Варенье было предназначено для меня, потому что в последние годы Кара дайы пил чай исключительно с семечковой халвой, которую хранил в ведре. Чтоб достать халву, он поднялся на стульчик, снял висящее на вбитом в потолок гвозде эмалированное ведро, достал оттуда кусок халвы размером с детский кулак, положил ее на тарелку и точно так же, не спеша, повесил ведро обратно. Заметив мое любопытство при виде столь оригинального способа хранения халвы, он объяснил:

– Чтобы муравьи не собирались, приходится вешать ведро на потолок.

Проходившая в это время мимо нас жена Кара дайы услышала его объяснение и остановилась:

– Ты его слушай, сынок, – сказала она, обращаясь ко мне, – от внуков прячет он свою халву, чтоб подавился! Одной ногой на том свете, а никак не насытится!

К моему большому удивлению, Кара дайы проглотил замечание жены, а я не стал на этом заострять внимание, хотя, как

мне казалось, логичнее было бы держать халву в холодильнике, стоявшем тут же на веранде. Но черт с ними, с этими муравьями, и с халвой семечковой! Я налил нам обоим чаю и в ожидании обеда мы стали наблюдать за курами. И, сам того не ожидая, наблюдая в тот день за его курами, я стал свидетелем всемирного открытия. При мне Кара дайы разгадал феномен бутерброда – почему хлеб падает маслом вниз?

Наблюдение за курами – весьма интересное занятие и очень успокаивает нервы. Меня этому научил Кара дайы, и в своих наблюдениях я пошел дальше него. С тех пор я всегда с удовольствием наблюдаю не только за курами, но и за индюками, утками, гусями, а однажды даже наблюдал за страусами.

– Ты смотри, какая у них организованность, какой порядок и какая армейская дисциплина, – поражался сержант Кара дайы в тот день.

Действительно, белые, серые, пестрые несушки целым взводом совершали беззаботный поход по двору, обнесенному тонкой металлической сеткой. Во главе пернатого подразделения, щеголяя шпорами, чинно шествовал гордый петух, которого Кара дайы звал Кузнецовым в честь своего армейского командира. Со стороны Кузнецов выглядел важным и нарядным, как молодой генерал. Кузнецов зорко следил за личным составом. Время от времени он бросал на заболтавшуюся несушку суровый бойцовский взгляд. Пристыженная курица смущенно умолкала и спешила к гнезду в курятник. По прошествии определенного времени курочка возвращалась из курятника с трудовым рапортом, точнее, своеобразным докладом о снесении ею яйца. Кузнецов удовлетворенно кивал головой. Несколько молодых курочек он потоптал во время нашего наблюдения, не стесняясь чужих взглядов.

С другой стороны сетки за курами наблюдал внук Кара дайы, которому тогда было от силы года три. Кара дайы точно не знал, сколько у него внуков всего, и когда возникал вопрос об их количестве, он, как правило, отвечал:

– Больше тринадцати будет.

Видимо, до этой цифры он старался запоминать число внуков, а после, заметив интенсивную плодовитость своих дочерей, махнул рукой на количество их детей.

Кара дайы также путался и в их именах, он знал лишь, как зовут старшего и младшего внуков. Младшего он назвал своим именем и собирался переписать на него каменный двухэтажный дом, построенный его отцом Нуруллой киши еще в начале двадцатого века. К остальным внукам, чтоб не перепутать их имена, он обращался «Ай ушаг» или «Ай бала».

Старшие внуки, зная строптивый характер дедушки, оставляли без внимания его незнание их имен.

В тот день за курами наблюдал один из младших внуков. Дочка Кара дайы вместе с его женой были заняты приготовлением обеда, и, чтоб ребенок не мешал им, они намазали белым буйволиным маслом кусок хлеба, дали ему в руки и отправили к сетке, чтоб тоже наблюдал за курами. Первый раз ребенок упал, еще не доходя до сетки, и начал плакать, бутерброд вылетел из его рук и приземлился в луже маслом вниз. Я хотел встать и подбежать, чтоб поднять ребенка, но Кара дайы жестом посадил меня на свое место и закричал в сторону навеса.

– Вы что там, глухие что ли?! Не слышите, ребенок плачет.

На его крик дочка ответила:

– Папа, что случилось?

– Они еще и слепые, – сказал мне Кара дайы и закричал дочке, – ребенок упал!

Только после этих слов дочь Кара дайы увидела лежавшего ребенка и побежала к нему.

Через пять минут переодетого мальчика пустили во двор с новым бутербродом. На этот раз до сетки он добрался благополучно, но Кузнецов быстро заметил в руке ребенка бутерброд и в прыжке клюнул его через сетку. Малыш опять уронил бутерброд, и даже с веранды видно было, что он упал маслом вниз. Кара дайы опять заорал:

– Эй, вы! Слышите?

– Да папа, что случилось? – быстро ответила дочка.

– Вы что, совсем глухие и слепые? Ребенок уронил хлеб с маслом, сделайте ему новый.

Дочка вышла к ребенку с новым бутербродом, а старый через сетку бросила курам. Куры с радостью приняли подарок и на время организованно отошли от сетки. Что помешало ребенку на этот раз, я не видел, только заметил, что еще при маме ребенок в третий раз уронил бутерброд и опять маслом вниз.

Наблюдавший за происходящим Кара дайы был похож на ярого быка и стал орать на дочь:

– Чья ты дочь, моя или своей мамы мугалки?! Я у тебя спрашиваю?

– Ну, папа, я виновата, что ли, что он каждый раз падает маслом вниз, – оправдалась дочка, демонстрируя незнание закона падения бутерброда и тем самым выдавая преобладание в ее жилах мугальской крови

– Ты же видишь, что он каждый раз падает маслом вниз! – начал объяснять ей Кара дайы. – Так возьми ломоть хлеба и намазывай маслом не с этой, а с другой стороны! И все! Всю жизнь учу я их, всю жизнь! Как родились мугалами, так и помрут, – жаловался Кара дайы.

– Хорошо папа, так и сделаю, – серьезно ответила дочь и удалилась вместе с ребенком под навес.

Я был поражен! Величайшая бытовая проблема, над которой ломали головы многие умы мира, была решена на моих глазах простым зогаллинским стариком.

Честно говоря, в тот день я приходил к нему в надежде узнать, как все-таки ему удалось привезти из Германии после войны в Зогаллы изящное немецкое пианино, стоящее у него на первом этаже. О других героических фактах времен войны Кара дайы мне не раз рассказывал и в последнее время часто повторялся. Мне приходилось прилагать немало усилий, чтобы дослушать его.

– Я тебе не рассказывал, как немцы звали нас к себе? – неожиданно на этот раз спросил он.

– Кого именно? – я не понял вопроса.

– Нас, советских солдат! Бросали на наши позиции с самолетов листовки, в которых советовали идти в плен. И, что интересно, в конце приглашения писали: «Возьмите с собой котелок и шинель».

– Почему они так писали?

– Это ты у них спроси. Опасались, наверно, что все разом привалим к ним, а у них не хватит ни тарелок, чтобы накормить нас, ни одеял шерстяных, чтобы спать уложить. В общем, заботу якобы проявляли. И это в 1944 году-то. Немцы вроде умный народ, но тоже чудили иной раз. Я тогда служил на первом Украинском фронте, – начал очередную свою историю Кара дайы.

«Неужели я и сегодня не узнаю ничего о пианино?» – подумал я.

– Наши готовились к наступлению. Кругом стояла такая тишина, какая всегда предшествовала крупному наступлению. Даже котелки было приказано обернуть полотенцами и приторочить к шинельной скатке так, чтоб они не могли проронить ни звука. И вдруг из облаков послышалось подвывающее таракание самолета. Первые листочки упали на разведчиков, сидящих километрах в десяти от наших позиций впереди в лесу. Видимо, немецкий пилот ошибся и сбросил их раньше времени, или ветром те листовки к нам отнесло, я не знаю.

Короче, к исходу того же дня наши, преодолев с боями больше сорока километров, остановились возле какой-то деревни на отдых. Мы тоже с ними, конечно. И командир послал нас в деревню на разведку. Еще полдня назад тут был глухой тыл противника, куда даже с попутным ветром не долетали отзвуки боев. Оказывается, до последнего часа в деревне спокойно жили ничего не подозревающие немецкие тыловики, а именно, их подразделение пропаганды, которое как раз и занималось подготовкой тех листовок. Мы уже в деревне, а им хоть бы что, сидят себе, фильм смотрят. Когда ворвались в

дом, увидели четырех гитлеровцев, и тут же, рядом с ними, те самые листовки. Я как гаркнул:

– Хенде хох!

Потом на русском:

– Руки вверх!

Гитлеровцы подняли трясущиеся руки. Один из них скороговоркой прохрипел:

– Гитлер капут! – это чтоб нам угодить.

– Вы нас приглашали? – спросил кто-то из моих ребят и кивнул на разбросанные листовки. – Вот мы и пришли.

– Простите, – вежливо обратился ко мне один из пленных, – а котелки и шинели брать с собой?

– Да, да, пожалуйста, – так же вежливо ответили мы, – а то ресторанов для вас не построили. Гостиниц тоже. Вы уж извините.

Вот такой был случай.

– Да, интересный случай, – согласился я и порадовался, что он так быстро закончил свой рассказ.

– Это еще ерунда, – продолжил он.

«Все, – подумал я, – его уже не остановишь. Тем более сегодня, девятого мая».

– Везло мне в войну, скажу тебе, определенно везло, – продолжал Кара дайы. – Бывало, что шли мы на разведку и не могли взять «языка». Как-то с пустыми руками возвращаемся, все, думаю, как же буду оправдываться перед командиром? На линии фронта я забеспокоился: не отстал ли кто-нибудь из моих? Стал пропускать их мимо себя. Вижу, плетется в конце какой-то чудак. Мои разведчики и я сам в белых маскировочных халатах, а этот завернулся в лоскутное одеяло. И тут я сразу сообразил. И что именно я сообразил, как ты думаешь? – спросил Кара дайы в своем стиле.

Чего я больше всего терпеть не могу в рассказах Кара дайы, так это его неожиданные вопросы, которые он обычно задает, чтобы проверить, насколько внимательно я слушаю.

– И что вы сообразили? – чтобы не показать свое недовольство, я вернул ему его же вопрос.

– Как молния у меня в голове – чужой! Вот что я сообразил! А почему, как ты думаешь?

Кара дайы понесло. Раз ты пришел к нему, то обязан поддерживать разговор, отвечать на его вопросы и восхищаться его сообразительностью и героизмом. Другого не дано. Тем более сегодня, девятого мая, в праздник, я просто обязан его слушать.

– Почему именно вы сообразили? – спросил я, хотя и знал ответ.

– Потому что я был командиром взвода. А командир взвода должен быть самым сообразительным! Ферштейн зи? – задав последний вопрос на немецком, он долго смеялся над моей недогадливостью. Успокоившись, добавил:

– Рванул за край одеяла: так и есть, самый настоящий фриц, твою мать! Оказывается, сперва он принял моих разведчиков за своих, а когда понял ошибку, решил, что ему повезло. Он давно уже мечтал попасть к нашим в плен.

Понятно? Когда я не смог взять «языка», «язык» сам пришел ко мне. Вот так вот.

– Повезло вам, – сказал я.

– Везет всегда умным и сильнейшим! Я был именно таким. Если бы был слабым и тупым, лежал бы сейчас где-нибудь в лесах Белоруссии. А так видишь, жив и здоров, неплохо выгляжу, тьфу–тьфу, и отмечаю праздник с тобой. Я тебе еще не то рассказал бы, но этот пес совсем мне настроение испортил. Шел себе спокойно по улице, кто бы мог подумать? Я сам тоже виноват, потерял бдительность. Возраст уже сказывается.

– Конечно, раз он такой кусачий, надо дома на цепи держать, – согласился я с ним.

– Полицейские тоже хороши, – Кара дайы обрушился на полицию, – послали двух мальчиков, а они вдвоем меньше собаки будут. Я попросил наряд, а они двух молокососов отправили. – Покажите, – сказал мне один из них, – где собака?

– А я откуда знаю, куда она сбежала? Вы сыщики, вы и ищите! – возмутился Кара дайы. – Оставили бы мне пистолет, я бы, может, позже сам застрелил бы пса. Так не оставили же, сколько ни просил. – О чем вы говорите, аксакал, какой пистолет? – удивлялись. – Да вы представляете, что за это начальник с нами сделает?

– А вы представляете, что этот пес с нами завтра сделает? – спросил я у них.

Что мне их пистолет, будто я пистолет не видел. Однажды мы с ребятами в качестве «языка» захватили танк вместе с экипажем. Я тебе не рассказывал?

– Нет, – ответил я. От моего ответа ничего не зависело, если он решил, все равно расскажет.

– Идем однажды по лесу. Слышим немецкий говор. На полянке подвыпившая компания в карты играет. А в кустах – танк. Ну, думаю, сейчас покажем, у кого козыри старше. Дал знак ребятам, потихоньку окружили картежников хреновых. Как закричу: «Хенде хох!» Бросили фрицы карты и кинулись к танку. А там уже мои ребята. Вот так-то вот. Это тебе не Моздок!

– Кара дайы, – не выдержал я, – все и так знают, что вы всю войну только и делали, что фрицев гнали.

– А то, – довольно согласился он, – а ты что думал?

– Я и говорю. Каждый раз собираюсь у вас спросить, но то одно мешает, то другое. А как вы после войны привезли в Зогаллы немецкое пианино? Вот это интересно. Об этом расскажите лучше. А то получается, что все в деревне знают об этом, кроме меня. Тем более, каждый по-разному рассказывает, и ходят про ваше пианино всякие слухи, – с ходу придумал я, чтобы как-то заставить его рассказать историю с пианино.

– Какие еще слухи? – удивился Кара дайы.

Мой ход удался, поэтому я придумывал дальше:

– Говорят, что якобы вы в Евлахе купили его, а не из Германии привезли.

– Вот народ, вот народ, – закипел Кара дайы, – бляди, чего там только не придумывают. И ты им веришь, да?

– Я? Конечно, нет, – тут я опять выкрутился, – но хочется узнать правду, как говорится.

– А если на то пошло, то не я его привозил и пианино не мое, – успокоившись, ответил Кара дайы. – Больше пятидесяти лет прошло, я по сей день жду, когда появится хозяин и заберет свое имущество.

– Немец что ли хозяин? – недоумевал я. – Откуда немцу знать, что его пианино у вас?

– Сам ты немец! У пианино был новый хозяин – майор Кельман, Ефим Савельевич, из Баку был родом. Джухуд была его национальность, вместе в Дрездене в комендатуре служили, вместе и возвращались. По дороге домой его ножом в поезде пырнули. То ли в карты кому-то проиграл, то ли у кого-то выиграл, не знаю. Сняли его, раненого, в Махачкале. Больше я его не видел.

– И что дальше?

– А что дальше? Снял я в Баладжярах пианино и привез в Зогаллы. С того дня жду, когда придет майор Кельман и заберет свое пианино. Пятьдесят три года каждый день вытираю пыль и жду, когда он появится, – задумчиво произнес Кара дайы.

В это время дочь Кара дайы принесла еду на подносе, начала накрывать стол.

– Пусть они накроют стол, а мы пройдем в комнату к пианино, я тебе все там расскажу.

Дверь в комнату, где стояло пианино, как всегда, была закрыта. Это я заметил с первого дня, как стал посещать дом. И сегодня Кара дайы сперва зашел в свою комнату, вернулся оттуда с массивным ключом и, притягивая дверь левой рукой к себе, открыл внутренний замок.

В комнате он, как заправский музыкант сел за пианино, я расположился рядом, на подоконнике.

– Кто только ни приходил за ним, когда узнавали, что я привез старинное немецкое пианино из Германии. Директором у нас в школе после войны работал Гоги муаллим, грузин.

Просил, чтоб я отдал пианино в школу, – я не отдал. Потом из Гаха приезжали, в музей хотели забрать. Мол, выставим как военный трофей. Люди будут ходить, смотреть, любоваться. И даже напишем, кто привез, – убеждали меня.

Не согласился я.

– Какая разница, говорю, где стоит, – у вас или у меня? Если завтра хозяин появится, у вас шиш заберешь! А у меня, – пожалуйста, в целости и сохранности. Появится хозяин, погрузим в машину, заберет и уедет...

* * *

Победу Кара дайы, оказывается, встретил в Дрездене, который, по его словам был полностью разрушен бомбардировками союзников. Город лежал в руинах, напоминая кладбище заживо погребенных. Там же он познакомился с майором Ефимом Савельевичем Кельманом, который после войны работал в дрезденской комендатуре. Майора заинтересовала темная внешность бравого сержанта, поэтому как-то при встрече он полюбопытствовал:

– Ты откуда будешь, боец? – на что Кара дайы гордо ответил:

– Я из Зогаллы Гахского района, что у нас в Азербайджане.

– Надо отвечать в обратной последовательности, – подсказал ему майор, но ответ Кара дайы в целом, видно, понравился ему, – а почему такой черный?

– Не знаю, товарищ майор! У нас в роду все черные, – приврал Кара дайы.

После этого майор Кельман разоткровенничался:

– Земляками будем! Я сам из Баку. Но таких черных азербайджанцев, как ты, вижу первый раз. Не обижайся.

– Да ничего, товарищ майор, я знаю.

– Давно в армии? – интересовался майор Кельман.

– Скоро девять лет, как призвали, – на хорошем русском ответил Кара дайы.

– Девять лет? – удивился майор. – Плохо, тогда тебя не оставят. Это слишком много, не разрешат. Жаль, хотел командиром взвода тебя в комендатуру рекомендовать.

Предложение майора Кельмана настолько пришлось по душе Кара дайы, что при последующей встрече он чуть ли не на коленях стал умолять взять его в комендатуру:

– Всю войну прошел разведчиком! Не подведу! Тем более, меня дома никто не ждет: ни родителей у меня, ни детей, ни братьев, ни сестер, – никого нет. Я круглый сирота! Только дальняя родня! Так что торопиться мне некуда. А служба мне нравится.

Тут Кара дайы соврал второй раз, промолчав о жене. Дело в том, что за два месяца совместного проживания до призыва в армию их отношения с женой не были оформлены официально, и в документах он числился холостым. К слову, в Зогаллы только после войны молодоженам стали выписывать свидетельства о браке.

Но майора Кельмана не так-то легко было провести:

– На кого же ты тогда похож, если у тебя вообще нет близких? – спросил он у Кара дайы.

Тот опять не растерялся и быстро ответил:

– В деревне говорили, что я похож на покойного дедушку. Я сам его не помню, умер он задолго до моего рождения, – соврал очередной раз Кара дайы.

– Хорошо, – сказал майор Кельман, – я постараюсь, только вряд ли что-то получится.

– Вы уж постарайтесь, пожалуйста, – попросил Кара дайы.

Все дело было в том, что к концу войны Кара дайы решил не возвращаться домой в Зогаллы и готов был принять любое предложение, лишь бы дальше служить в армии. От одной только мысли, что дома его ждет, мягко говоря, не очень красивая жена, ему становилось дурно. Всю армию он укорял себя за поспешную женитьбу за два месяца до призыва. Пройдя всю Европу и дойдя до Германии, Кара дайы покорила сердце не одной красавицы. Поэтому где-то в глубине души

Кара дайы надеялся, что мугальская жена, не дождавшись его с войны, вернется домой к своей родне или выйдет замуж за кого-то другого. Но оба варианта по тем временам выглядели довольно сомнительными. Родня жены Кара дайы жила в таких невыносимых условиях и в такой бедности, что никогда не согласились бы принять ее обратно. А шансов выйти замуж вторично у жены Кара дайы практически не было, – мало того, что она была очень непривлекательной на вид женщиной, так еще после войны мужчин в Зогаллы можно было сосчитать по пальцам. Свой шанс выйти замуж, данный ей Аллахом, она использовала однажды и сполна, поэтому сейчас ей оставалось терпеливо ждать возвращения своего мужа.

После того, как в 1943 году единственный близкий родственник Кара дайы, двоюродный брат Гамидулла, вернулся домой в Зогаллы с войны без руки, Кара дайы стал еще решительнее в своем стремлении не возвращаться домой, пока жена не уйдет. Кара дайы был уверен, что его дом не останется без присмотра. Гамидулла обязательно будет следить за ним, тем более они были соседями.

Первым делом он перестал посылать письма жене, стал переписываться только с Гамидуллой. Бедной его жене ничего не оставалось, как приходить в дом Гамидуллы, когда его не было дома и перечитывать письма мужа. Кара дайы в письмах к Гамидулле если и интересовался своим домом, то только в общих чертах, а о жене даже не вспоминал. После прочтения каждого письма она молча клала его на стол и уходила, вытирая слезы. Жена Гамидуллы как могла успокаивала ее, хотя тоже была насторожена таким поведением Кара дайы.

И в разговорах с Гамидуллой она как-то спросила:

– Что с Карой делается? Почему жене не пишет? Может, он женился там?

– Да брось ты, кто за него пойдет, – успокаивал Гамидулла свою жену, но по правде, он тоже не знал, что происходит с Карой. Утешало лишь то, что он жив и здоров и регулярно пишет ему письма.

– Может, она написала ему что-то не то? – как-то предположил он, – может, она чем-то задела его в письме?

– Я спрашивала, – ответила жена, будто ждала этого вопроса, – клянется, что ничего не было. Писал шесть лет, а тут вдруг перестал и все!

– Подождем, – сказал Гамидулла, – все идет к тому, что война скоро закончится, тогда и напишем, что надо. Сейчас нельзя ему писать ничего, учить уму-разуму – под пулями ходит, не дай Аллах еще что. Вот закончится война, тогда и объяснимся.

В первое время после окончания войны Кара дайы на самом деле не знал, когда его отпустят домой, поэтому обещал вернуться к осени 1945 года. Но после беседы с майором Кельманом он в первом же письме намекнул на то, что может остаться служить в армии, тем более якобы ему уже предложили работу в комендатуре.

Гамидулла даже не хотел слышать об этом и стал настаивать, чтоб Кара дайы как можно быстрее вернулся домой, справедливо рассуждая, что девять лет службы в армии – вполне достаточный срок для заслуженного возвращения.

Со временем в письмах Гамидулла стал еще настойчивее:

– Ты свое дело сделал! – писал он ему, – и слава Аллаху, что остался жив. Больше пятидесяти зогаллинцев не вернулись с войны, многие погибли, другие пропали без вести. Вернувшиеся – все инвалиды, как я: без рук, без ног. Дома у тебя молодая жена, девять лет сидит, ждет тебя и никуда не дергается. Так что, не тяни, собирайся и возвращайся домой. Какая может быть работа в комендатуре, когда в деревне работать некому? А тут еще и Камиль подросток, пора его женить. Как без тебя играть свадьбу, что мне народ скажет?

Когда Кара дайы забрали в армию, Камиль, младший брат Гамидуллы, был маленьким восьмилетним мальчиком. А когда и Гамидуллу забрали на войну, он остался один на два дома, не считая шестилетнего Османа, сына Гамидуллы. Камиль и в колхозе работал наравне со взрослыми, косил траву и сушил сено себе и жене Кара дайы, и дрова на зиму заготавливал

тоже на два дома.

А когда после войны Гамидулла собрался женить Камиля, семнадцатилетнего парня, зогаллинцы даже удивились:

– Неужели Гамидулла не дождется возвращения своего брата Кары?

Но у Кара дайы были свои планы. В ответном письме Гамидулле он писал:

– То, что моя жена девять лет сидит дома, ждет меня и никуда не дергается – очень даже хорошо. Но если вдруг решится и уйдет к своим, будет тоже неплохо. Ты ей не мешай, пусть уходит. Только пусть обязательно забирает свои ведра, они мне не нужны, приеду и новые куплю. А свадьбу назначай на осень, к концу лета обязательно приеду. Письмо это ей не давай, прочитай, порви и выброси, а лучше сожги. Если она прочтет, точно не уйдет.

Гамидулла так и сделал, прочитал письмо и порвал его. Успокоился тем, что Кара дайы все-таки собирался к концу лета быть дома, потому и свадьбу Камиля назначил на конец октября. Больше всех радовалась, конечно же, жена Кара дайы, верно ждавшая столько лет своего мужа.

Но Кара дайы и тут обманывал: ко времени, когда писал это письмо, он уже работал в комендатуре у майора Кельмана. Из-за его обманов свадьбу Камиля пришлось переносить еще два раза: сперва на весну, а потом вовсе на осень 1946-го года.

Сам Кара дайы, как ни в чем не бывало, в последующих письмах постоянно интересовался у Гамидуллы, не ушла ли его жена к своим? Если да, то захватила ли она с собой свои ведра? Кара дайы почему-то видел уход жены к своим обязательно вместе с железными ведрами. Видимо, они являлись единственными свидетелями того опрометчивого и поспешного шага, допущенного им при ее похищении, когда она возвращалась с родника.

Однако как-то раз не выдержали нервы у Гамидуллы, и в своем письме он пригрозил Кара дайы:

– Никуда твоя жена не уйдет, чтоб ты знал! Если даже она уйдет, ведра я обязательно оставлю дома, чтоб надеть их на твою дурную голову, когда вернешься!

Кара дайы будто этого и ждал, писал в ответ, ссылаясь на приказы высоких армейских начальников:

– Меня оставляют служить до весны, так что делайте свадьбу без меня. Человек я военный, подчиняюсь приказу!

Так первый раз пришлось отложить свадьбу Камиля. Обиженный Гамидулла целый месяц не отвечал на последнее письмо Кары, а того это, видимо, меньше всего волновало. Ему нравилась работа в комендатуре, несмотря на то, что она была связана с большим риском. Хотя война официально уже закончилась, случалось, что немцы в окрестностях Дрездена еще нападали на патрули комендатуры. В основном это были молодые немцы, никак не хотевшие смириться с поражением Германии. От самого Дрездена остались одни руины. Кара дайы был поражен степенью разрушения города: за всю войну такого он не видел. В городе были разрушены тысячи зданий, уничтожено много культурных и исторических памятников. Взвод, которым командовал Кара дайы, занимался хозяйственным обеспечением комендатуры, находившейся в одноэтажном здании, каким-то образом уцелевшем после страшных бомбардировок.

Оставшиеся в живых дрезденцы, – старики, женщины и несовершеннолетние дети, – целыми днями занимались разборкой завалов. Как-то Кара дайы вызвал к себе майор Кельман и поставил перед его взводом очень «ответственное и секретное задание»:

– Значит, так, – приказал майор Кельман, – завтра с бойцами едете в район оперного театра, там высокий дом стоит, полуразрушенный, без жильцов. Обойдите все целые квартиры и все ценное, что осталось в квартирах, погрузите в машину. Машина грузовая с утра будет здесь. Все понятно?

– Так точно, товарищ майор, – ответил Кара, но спросил:

– А как узнать, что есть ценное, а что нет?

– Утром приедет адъютант генерала, молодой капитан. Вы с ним лично обойдете все квартиры, и он покажет, что надо грузить, а что нет. Понятно?

– Так точно!

С того дня Кара дайы со своим взводом был занят выносом и погрузкой на машину уцелевших после бомбардировок домашних вещей немцев. Грузили они все: и старинную мебель, и картины, и кухонные принадлежности, большие настольные часы, посуду. И вывозили на вокзал. Только через два месяца Кара дайы понял, для каких целей и для кого все это вывозится: победители грабили побежденных! На железнодорожном вокзале каждый день грузились контейнеры с награбленным имуществом и направлялись на восток.

Но весна 46-го года приготовила Кара дайы очередной сюрприз: он познакомился с высокой, как чинара, по его же словам, но с толстой, как дуб, немкой, которая работала врачом в немецкой больнице, находящейся рядом с железнодорожным вокзалом. Знакомство это, с точки зрения поставленной Кара дайы цели, можно было бы назвать совсем неудачным, если бы не одно обстоятельство. Между прочим, в отличие от военного времени, после войны на любовном фронте у Кара дайы были одни неудачи. Но об этом позже.

В последний месяц бойцы Кара дайы работали на разборке рядом с неразрушенным, к удивлению всех, железнодорожным вокзалом и депо. Дело было так: как-то, вынося очередную тяжелую мебель, кто-то из бойцов упал с третьего этажа и получил многочисленные травмы. Солдаты вместе с Кара дайы немедленно отнесли его в больницу, где работала врачом эта немка, благо больница находилась рядом. Каково же было удивление всех, когда она стала говорить с ними на русском языке. Раненому оказали первую помощь, а после обеда его забрали в советский военный госпиталь.

Любовь к некрасивым женщинам, скорее всего, была заложена у Кара дайы в крови и преследовала его не в первый раз. Иначе чем объяснить тот факт, что с того дня Кара дайы

зачастил в эту больницу и, что интересно, немка тоже не стала отвергать ухаживания советского сержанта. Так Кара дайы познакомился с немецким врачом по имени Аделинда. По словам Кары дайы, Аделинду нельзя было назвать красивой женщиной, но в ней было нечто такое, что притягивало Кара дайы к себе. Где у нее находилось это нечто такое, он не может объяснить даже сегодня. По утверждению Кара дайы, это была не любовь, а бурная увлеченность, усиленная приходом весны, когда внутренние физиологические позывы мужчины заставляют его до поры до времени не замечать отдельные недостатки у женщины, если она даже немецкого происхождения.

Позже Кара дайы узнал, что Аделинда родом из чехословацких немцев, поэтому она и знала русский язык. В Дрездене она была чуть более года, приехала ухаживать за больной бабушкой, которая жила на окраине города. Сразу по приезде Аделинда стала работать в одном из многочисленных военных госпиталей, которые находились во время войны в Дрездене. Ближе к концу войны немцы, почему-то будучи уверенными в том, что союзники не будут бомбить Дрезден, который не имел военного значения, стали завозить в город раненых со всех фронтов. Тем неожиданнее и страшнее выглядела бомбардировка союзниками Дрездена в феврале 1945 года, о чем потом Кара дайы рассказала Аделинда. За три дня бомбардировок, по ее словам, в городе были разрушены почти все здания, а раненые госпиталя, где она работала врачом, заживо сгорели. Сама она осталась в живых, потому что в первый день бомбардировки отпросилась на несколько часов домой проведать бабушку, которая больше года лежала в постели. А когда через три дня пришла в свой госпиталь, то кроме разрушенного здания и обгоревших тел ничего не увидела. С июня 1945 года она работала в больнице, находящейся возле железнодорожного вокзала.

Через неделю после знакомства, забыв о мерах предосторожности, Кара дайы предложил Аделинде проводить ее до-

мой. Она после недолгого раздумья согласилась. Дорога к Аделинде домой заняла около сорока минут. Кара дайы все время о чем-то говорил, стараясь очаровать немку, а Аделинда слушала и смеялась. Кара дайы был намного ниже нее ростом, и при разговоре с ней ему постоянно приходилось задирать голову, и особенно тяжело это было делать на ходу. С другой стороны, Кара дайы понравилось, что, в отличие от многих других женщин Европы, Аделинду не отпугивал цвет его лица.

Окна большинства домов на окраине Дрездена были заколочены досками, по соседству с Аделиндой никто не жил. Среди этой мертвой тишины и после городской разрухи маленький двор и дом Аделинды выглядели довольно аккуратными, и в первое время Кара даже растерялся, не ожидая увидеть такую красоту.

Но внутри было не так. В комнате стоял такой противный запах, что Кара дайы чуть не вырвало. Аделинда оставила входную дверь открытой и попросила Кара дайы подождать минут пять на улице, пока она проветрит помещение. Через пять минут Кара вошел в дом и увидел лежавшую в углу на кровати больную, по словам Кара дайы, похожую на ошипанную курицу, бабушку Аделинды. Кара дайы, как истинный зогаллинец, быстро определил «негодность» старушки к дальнейшей жизни, – по цвету лица он дал бы ей не более двух месяцев мирской жизни. Между прочим, впоследствии прогноз Кара дайы оказался точным, бабушка Аделинды умерла в середине мая.

Но в тот день, несмотря на то, что бабушка находилась в постели и, по уверениям Аделинды, ничего не понимала, увидев Кара дайы, она испугалась и стала отчитывать внучку. Кара дайы повезло, что он не понимал по-немецки, иначе стал бы свидетелем неприятного для него разговора:

– Под какими развалинами ты нашла эту обезьяну? – грозно спрашивала бабушка.

– Он русский солдат, – ответила Аделинда.

Ответ внучки привел бабушку в еще большую ярость:

– Это он русский солдат? С каких пор русские стали похожими на негров? Вот такие русские солдаты выиграли войну у Германии?

– Он с Кавказа, – оправдывалась Аделинда.

Ничего не понимающий Кара дайы стоя наблюдал за этой неприятной сценой, при этом догадываясь, что бабушка высказывает свое недовольство внучке за то, что она привела в дом русского солдата.

После нескольких минут разговора бабушка успокоилась, но, недовольная действиями внучки, в знак обиды повернулась в постели лицом к стене. А когда узнала, что обезьяна работает в русской комендатуре, то от испуга ожила и заняла первоначальную позу. Дело в том, что в первые месяцы после войны советские комендатуры в Германии, в том числе в Дрездене, помогали местным немецким администрациям в распределении продовольствия. Но в тот день она не отпустила от себя Аделинду ни на шаг, давая понять, что боится оставлять внучку с Кара дайы.

Второй раз Кара дайы пришел к ним с целым вещмешком, набитым до отказа тушенкой, сахаром, солью, спичками, также там была пачка немецких сигарет для бабушки, которая курила прямо в постели. Обрадованная сигаретами, бабушка наконец-то одобрила выбор внучки и не стала препятствовать им, когда они после ужина с Аделиндой поднялись на второй этаж слушать патефон. Аделинда поставила музыку, в которой Кара дайы ничего не понимал, но он молча просидел до конца. Пришлось ему терпеть и музыку, которую она играла на пианино, стоявшем возле окна. А на остальное, на которое намекал Кара дайы после прослушивания музыки и которое якобы напрашивалось в таких случаях само собой, Аделинда не согласилась, в мягкой форме объяснив ему, что пока не время.

Первая неудача еще больше раззадорила Кара дайы, и он продолжал приходиться к ним минимум раз в неделю и обяза-

тельно с продуктами. Продукты они брали как-то без особого энтузиазма, что немного удивляло Кара дайы. Со временем он даже мог обменяться несколькими немецкими фразами с бабушкой Аделинды, которая с каждым разом выглядела все хуже. Озабоченная состоянием бабушки и знающая, как врач, о ее близкой смерти, Аделинда игнорировала дальнейшие неоднократные намеки Кара дайы на уединение, и после нескольких неудачных попыток Кара дайы потерял к ней интерес.

Через месяц в комендатуре все знали об отлучках Кара дайы, но никто этому особо не удивлялся. Дело в том, что в комендатуре этим же грешил почти весь офицерский состав и младшие командиры. Тяжелее приходилось солдатам, но и они находили выход из ситуации. Командиры журили подчиненных, но до наказаний дело не доходило. А тут майор Кельман как-то вызвал его к себе:

– Ну что, Черный, гуляешь, да? – после перехода Карна дайы в комендатуру Кельман обращался к нему так.

Кара дайы признался:

– Бывает, товарищ майор.

– И как? – спросил Кельман

– А никак! – искренне ответил Кара дайы, – ничего не получается, – бабушка у нее дома.

– Так ты с бабушки и начинай, – посмеялся Кельман.

Но Кара дайы было не до смеха:

– Больная она, при смерти – ответил Кара дайы.

– Значит, бабушка не разрешает, говоришь, да? Это плохо, – сказал Кельман, – очень плохо, – и карандашом тихо постучал по столу. – Ты можешь не успеть, Черный, если она передумает умирать.

– Куда не успею, товарищ майор? – спросил Кара дайы.

Майор Кельман не стал объяснять Кара дайы, куда он не успеет, и перешел к делу:

– Черный, сегодня пятое мая, ровно год нашей победы. Меня готовят к увольнению, со мной уволишься и ты, чтоб знал, – предупредил Кельман.

– Как прикажете, товарищ майор!

– Вот так и прикажем, Черный, готовься! До конца лета будем дома, это в худшем случае. А в лучшем случае, через месяц нас тут нет. Знаешь, Черный, что мне хочется увезти в Баку из Германии? Немецкое пианино. Вот бы если найти хорошее немецкое пианино. Ты там на завалах ни разу не встречал? Найди хорошее пианино, Черный! Пройдись по всем пустым квартирам, может, где найдешь. Я с начальством договорился, вывезем вдвоем с тобой в Баку его. Но чтоб было целое, без единой царапины, чтоб блестело, как у кота яйца!

– Есть найти пианино! – отчеканил Кара дайы. – Разрешите идти?

– Действуй, только чтоб никому не слова! Понял, Черный?

– Так точно!

Звезды всегда покровительствовали Кара дайы, помогли они ему и на этот раз. Именно на такое пианино, которое хотел майор Кельман, как раз перед этим наткнулись в одной из квартир бойцы Кара дайы. Пианино точь-в-точь было похоже на то, что стояло у Аделинды на втором этаже. Бойцы хотели его сломать, чтобы не опускать вниз с третьего этажа из-за его тяжести. Тогда Кара дайы быстро остановил их и сказал:

– Сломать всегда успеем, а если узнают, что специально сломали, сломают нам шею!

Сейчас, когда майор Кельман поставил ему задачу найти пианино, в глубине души он обрадовался, что не дал бойцам ломать его. И еще радовался, что наконец-то он тоже чем-то может помочь майору Кельману.

К вечеру, проверив цельность пианино, Кара дайы радостно доложил майору Кельману:

– Товарищ майор, ваше задание выполнено! Нашли такое пианино, вытерли его так, что поверхность блестящая, как у кота яйца, – понравились Кара дайы эти слова, поэтому он ими же и доложил майору Кельману.

На следующее утро майор Кельман увидел найденное для него пианино, и оно понравилось ему настолько, что он при

бойцах похвалил Кара дайы. А когда поднял крышку пианино, то от восторга он чуть не прыгал:

– Так это же Неуфелд, – зачитал он на внутренней стороне крышки, – с двумя педалями, клавиши из слоновой кости. А подсвечники какие красивые!

Пройдясь по клавишам, внимательно послушав каждую, майор Кельман, видимо, остался доволен звучанием, но сказал:

– Требуется настройки. Но это потом.

Неожиданно возникла другая проблема: куда его вывезти и где поставить до отъезда. Долго думать не пришлось:

– Я знаю, что делать, – уверенно сказал Кара дайы майору Кельману.

– И что надо делать? – обрадованный ответом Кара дайы, спросил майор Кельман.

– Мы закроем эту квартиру, чтобы никто не заходил! Сами тут работаем, будем наблюдать за ней, чтобы ничего не вывезли из нее. Тем более, нам тут еще работать.

Задумавшись, майор спросил у Кара дайы:

– Ты не подведешь? Никто не узнает?

– Никак нет! – твердо заверил майора Кельмана Кара дайы.

По словам Кара дайы, не добрался бы он до Дрездена через всю Европу как разведчик, не будь в его голове при каждой операции запасного варианта. Потому и тут в голове разведчика Кара дайы созрел страховочный план. После ухода майора Кельмана, прежде чем закрыть дверь квартиры, он поднял крышку пианино и записал карандашом на бумаге его название.

После нескольких отказов со стороны Аделинды, Кара дайы больше не тянуло к ней. Но в тот вечер мысли его были заняты другим, и он без раздумья вечером направился за город. Вещмешок, как всегда, был набит под завязку. Бабушка лежала при смерти, ее не обрадовали даже сигареты, которые Кара дайы достал из внутреннего кармана кителя и положил на тумбочку.

– Я думала, что-то с тобой случилось, – сказала Аделинда, которая сидела возле нее у кровати. – Думала, может, ты уехал домой. Сейчас многие уезжают. У нас из окон больницы видно, каждый день отправляются поезда с солдатами в Россию.

А когда Кара дайы собирался достать из мешка принесенную еду, Аделинда рукой остановила его и жестко сказала:

– Не надо, я не хочу! Я не могу это есть, когда вокруг все голодные. А бабушка тем более, – заплакала она.

– Все, все, это в последний раз, больше не буду ничего приносить, – сказал Кара дайы, отнес вещмешок в кухню и оставил там.

– Сейчас сварю кофе, хочешь? – спросила Аделинда.

– Можно, – согласился Кара дайы, – только давай наверху поьем, хорошо? Здесь как-то, – указал он на бабушку.

– Хорошо, ты подымайся, я сейчас принесу, – сказала Аделинда.

Кара поднялся на второй этаж, подошел к пианино, и, подняв крышку, сверил надписи. Один к одному, все подходило, и цвет такой же, черный, и подсвечники, и две педали.

За кофе Аделинда призналась, что в Дрездене ее держит только больная бабушка. Нашлись ее родители, которых она считала погибшими. После смерти бабушки она уедет к ним.

– А дом? Дом кому оставишь? – не выдержал и спросил Кара дайы.

– А дом оставлю тебе, – посмеялась Аделинда.

– Мне? Зачем он мне? У меня хороший дом на родине, каменный, двухэтажный, – Кара дайы вдруг вспомнил свой дом. – Тем более, я тоже, наверно, скоро уеду домой.

– Закрою и уеду, – повторила Аделинда. – Ты знаешь, где я оставляю ключ. Если задержишься, можешь в гости заглянуть.

В этот вечер Кара дайы не стал приставать к ней и ни на что не намекнул. А когда он уходил, она проводила его до калитки. Кара дайы не знал, что в этот теплый майский вечер они видятся в последний раз.

– Я приду, – сказал он на прощанье.

Она не ответила, но еще долго стояла возле калитки, даже после того, как Кара дайы исчез за углом.

Еще через две недели, двадцатого мая, вечером, когда было не очень темно, Кара дайы пришел к ней домой, но дверь в дом была закрыта. Большой замок сиротливо висел на двери. Сперва Кара дайы не хотел заходить в дом, но любопытство разведчика подтолкнуло его проверить, есть ли ключ на месте? Ключ был на своем привычном месте, и он зашел в дом. Бабушки нигде не была, кровать была аккуратно убрана.

– Значит, бабушка умерла. Надо было в прошлые выходные прийти, помог бы чем-то Аделинде, – укорял Кара дайы самого себя.

Поднявшись на второй этаж, он убедился, что пианино на месте. Потом спустился вниз, закрыл дверь, положил ключ в тайник и вернулся в комендатуру.

То, что происходило дальше, по словам Кара дайы, могло произойти только с ним и больше ни с кем, потому что другой бы не смог выкрутиться из ситуации, в которую он попал. Его, как всегда, выручила невиданная сообразительность и удивительная дальновидность, – качества, которые присущи далеко не каждому.

* * *

– Я никому не рассказывал эту историю. Прошло больше пятидесяти лет, но каждый раз, когда вспоминаю, меня берет дрожь. Недавно даже мне снилось все это, как в кино. Тебе расскажу. Значит, на следующий день я все-таки собирался с утра зайти к Аделинде в больницу. Схожу, думал, хоть спрошу, когда бабушка умерла, как похоронила? Но ночью нас разбудили по тревоге, потому что где-то в двадцати километрах за городом, напали на патрульную машину комендатуры и убили троих наших солдат. Вся комендатура в полном составе поехала туда, естественно, и мой взвод в первую очередь. Ме-

стонахождение убийц мы обнаружили быстро, это были молодые ребята, которые и прятаться не собирались. Сидели в старинном замке и палили по нашим. Подъехали и немецкие военные, – новые военные. Окружили замок. Сколько им по громкоговорителю ни говорили, чтоб они сдались, те отказались, стали стрелять еще интенсивнее. По кучности стрельбы и точек обстрела я сразу определил, пока остальные только раздумывали, что там сидят двое. А когда вызвал меня майор Келман, я внутренне был готов идти на них.

– Не жалей их! Уничтожь и все! И будь осторожен! – приказал он.

Легко сказать «уничтожь», а ты попробуй возьми в руки автомат и застрели человека.

Я тебе честно признаюсь, впервые за десять лет службы я тогда испугался. Я почему-то для себя решил, что это будет мой последний бой, и я тут погибну. Не знаю, почему такое пришло мне в голову? Сколько воевал, сколько ходил на разведку в тыл врага, никогда о смерти не думал, а тут такое. Я вспомнил Зогаллы, дом отцовский, наши фундуковые сады. На память пришло самое высокое ореховое дерево Зогаллы, откуда в детстве упал мой ровесник Идрис. Что греха таить, даже жену свою вспомнил, хотя о ней старался не думать. Мне вдруг так захотелось жить, так жить захотелось! Весна на улице, погода теплая, все зеленое. А ты должен идти и кого-то убивать. Другого не дано, в противном случае, он убьет тебя.

Что такое тридцать лет? Только начинаешь все понимать. И в тот день, прежде чем пойти к замку, я для себя решил – если останусь живым, попрошу майора Кельмана на коленях, пусть меня увольняет, если можно, даже раньше себя, и я поеду домой. Хватит, навоевался.

Я взял с собой только одного бойца. Я пошел бы один, но для прикрытия надо было кого-то взять. Зачем рисковать чужими жизнями? Бойцы мои были смелые, но среди них не было ни одного разведчика. В темноте незаметно поднялись в замок. Всю ночь пролежали на сыром полу, чтоб их обна-

ружить и себя не выдавать. Они тоже молчали, оказывается, заснули. Дети еще. А кто знал? С рассветом они проснулись и стали дальше палить. Я обнаружил их быстро. Дождался, пока у них не кончатся патроны, и крикнул из-за колонны метрах в пятнадцати:

– Хенде хох!

И дал очередь поверх их голов. Считаю, что первый раз стрелял после войны, мог, конечно, их уложить сразу, но как увидел, что они совсем юные, не смог и все! Испуганные, они подняли руки, и я их повел к выходу. Народу собралось вокруг замка невиданное количество. Военные полностью окружили замок, и наши, и немцы. А чуть дальше местные собрались, ждут, чем закончится.

Вывели мы их во двор, руки подняты. Идут спокойно.

– Фу, – подумал, – пронесло, обошлось без других жертв.

Только я об этом подумал, как один из них залез в карман, достал гранату, развернулся к своему товарищу и дернул чеку. Взрыв был не очень сильный, но как их разворотило! Внутренности вокруг валялись. Как мучительно они умирали... Все это на наших глазах.

Что я мог поделать? Из толпы выбежали две женщины, видимо, узнали своих сыновей. Такое было, такое было! Я прошел две войны, и многое видел. Но тут...

Два дня ничего не ел я после этого. Ходил по двору комендатуры, как чумной, ночью не мог заснуть. На третий день вызвал майор Кельман, успокоил, как мог:

– Знаешь, Черный, пока мы с тобой еще живы, надо ехать домой. Хочешь домой?

– Сам собирался вас об этом просить. Да хоть завтра, – ответил я.

– Завтра не получится, но в первых числах июня отправится эшелон на Кавказ. Так что готовься. Выезжаем.

– Я всегда готов, как пионер! – ответил я.

– Как там наше пианино? На месте?

Я совсем забыл про пианино. Четыре дня нас не было на разборе завалов. Я честно ответил майору Кельману:

– Товарищ майор, надо проверять. Четыре дня назад было на месте.

– Возьми бойцов своих и машину, аккуратно спустите пианино и выезьте на вокзал, там армейский склад, сдайте от моего имени. Я договорился с начальством.

– Есть! – ответил я и вышел от него.

Приехали всем взводом к дому, только дежурный остался в комендатуре. Предчувствие такое противное. Поднялись на четвертый этаж, двери нашей квартиры открыты. Зашли – пусто, хоть шаром покати. Вывезли все, не только пианино. Кто вывез? Наши и вывезли, а кто еще?

Бойцы уставились на меня:

– Что же будет, товарищ сержант? – спрашивали.

Я им приказал ждать тут, а сам бегом в больницу, рядом же. Сколько ни искал, Аделинду не нашел. Объяснили мне, что больше недели ее нет на работе. Пропала после смерти бабушки. Ходили к ней домой, а там висит замок.

– Уехала, значит, – подумал я, – а дом оставила, значит мне.

Обрадовался даже, как это кощунственно ни звучит сегодня. Вернулся к своим, объяснил им все.

– Если поймут нас, – сказал им, – посадят всех! Не дай бог, если что, все валите на меня.

Немецкая полиция к тому времени стала улицы контролировать. Нас, советских, конечно, не трогали, но дома охраняли от мародеров.

В первый вечер мы вчетвером сходили в дом Аделинды, и за два часа спустили пианино со второго этажа на первый. Тяжелое, никогда не думал, что оно такое тяжелое. Хорошо, что нас было четверо. Поставили возле двери так, чтоб на следующий день быстро погрузить. И заглянул я почему-то на кухню, и своим глазам не поверил: все, что я им приносил, все было выставлено на столе. И тушенка, и мука, и соль, и

даже спички были не тронуты. Кроме сигарет. Все остальное, что я им приносил, все на столе. Ничего не трогали и ничего не ели. А последний вещмешок, который я оставлял в кухне, так и стоял в углу набитый. И записка на немецком на столе лежала. Я взял записку, и каким бы тупым ни был, свое имя, написанное большими буквами, прочитал: «Дорогой Карл...» Она меня Карлом звала. Засунул бумажку в карман, чтоб бойцы не видели. Мы дождались темноты, закрыли дверь и ушли. Ключ я взял с собой, не стал оставлять там.

На следующий день мы вшестером за двадцать минут с большим трудом погрузили пианино на машину и сдали его на вокзале. А на кухне я ничего не оставил, все собрал в вещмешки и вывез. Потом я повесил замок, закрыл его и положил ключ на место.

У нас в комендатуре работали несколько переводчиков, и через день я подошел к одному молодому и попросил перевести записку:

– Нашел на завалах, – сказал, – на столе лежала в одной квартире.

Оказывается, ничего интересного не было в записке.

– Какому-то Карлу пишет, что она уезжает к своим родителям, – перевел мне переводчик, – дом, как и договорились, оставляю тебе. Ты знаешь, где находится ключ.

И все, больше ни слова. Порвал и выкинул записку. Нужен был мне ее дом.

И мы стали готовиться к отъезду.

Эшелон отправился с Дрезденского железнодорожного вокзала шестого июня, ровно в обед. Офицеры ехали в плацкартном вагоне, а солдаты и сержанты в теплушках. В центре эшелона было два почтовых вагона, куда были нагружены все вещи, в том числе пианино майора Кельмана. Это сейчас поезда ходят быстро, а тогда очень медленно ехали, а остановки длились по пять-шесть часов. На станциях выходили, с людьми общались. А так лежали всю дорогу, что оставалось

делать? Военное сопровождение было, как положено, кухня была, кормили два раза в день. Все было. А мысли на остановках, – весна, тепло, купались в речках, в общем, грязными не были. И пили, конечно, всю дорогу пили. Солдаты меньше пили, боялись патруля, – вдруг высадят. Всем хотелось домой. Офицеры никого не боялись, они пили безбожно, не все, конечно, но большинство. Майор Кельман пил постоянно, сколько бы раз ни виделись мы на остановках, каждый раз он был пьяный. Несколько раз через солдат сопровождения вызывал меня к себе и спрашивал:

– Никто тебя не обижает, Черный? – пьяный был, не знал, что спросить.

– Никак нет, – отвечал я и уходил.

Сопровождение знало, что мы земляки.

А еще офицеры играли в карты. На что они играли, не знаю, но на что-то играли точно.

И вот как-то утром Кельман опять вызвал меня к себе. Опять пьяный, он еле говорил:

– Черный, через два дня будем в Баку. Заедем ко мне, завезем пианино, переночуешь, потом уедешь.

– Мешать не буду? – спросил я.

– Я такой же сирота, как и ты, – сказал он мне, – никого из родных у меня тоже не осталось. Брат был, младше меня на два года, погиб в первый же месяц войны.

И все. Потом я часто себя ругал, почему не спросил у него, кому он вез пианино? Точно не для себя. Может, женщина у него была? Не знаю. Майор майором, а по возрасту на два года младше меня был. Хоть бы взял я и спросил: где живете в Баку, товарищ майор? А ничего не спросил. Поговорили еще минут пять, потом я ушел, они опять начали играть в карты.

Через час этот же солдат из сопровождения прибежал ко мне:

– Товарищ сержант, майора с четвертого вагона ранили ножом, ему плохо, срочно вас вызывает к себе.

Я бегом через вагоны, а когда пришел к нему, он лежал на нижней полке, живот забинтован и везде была кровь. На полу, на стенах плацкарты – как будто специально разбрызгивали. Увидел меня, позвал к себе, хотя санитар-ефрейтор не подпускал никого, я оттолкнул его и подошел к майору:

– Через два часа будет Махачкала, – сказал он, – меня там снимут. Что-то худо мне. Вот бумаги на пианино, снимешь в Баладжярах и заберешь к себе домой. Я выйду из госпиталя, сам тебя найду. Бумаги не теряй, сохрани их! – приказал он в конце.

Я взял бумаги, положил в карман, отошел в сторону и стал на него смотреть. Он лежал с открытыми глазами, уставившись в какую-то точку на потолке вагона. У него было светлое лицо, он о чем-то думал и улыбался. Мне даже показалось, что он с кем-то беседовал.

Когда его снимали в Махачкале, он был без сознания. Я стоял в тамбуре и смотрел за солдатами, которые не спеша несли его на носилках в сторону вокзала. Я хотел побежать за ними и поторопить их, но в последний момент меня что-то остановило. Тут, как назло, раздался страшный гудок, невероятно громко застучали колеса и рядом с нашим эшеленом поставили длинный грузовой состав. Перед тем, как этот состав окончательно закрыл мне обзор, я успел заметить, как солдаты поставили носилки на землю и остановились на перекур.

На семнадцатый день после выезда из Дрездена поезд наконец-то прибыл в Баладжяры. И еще через четыре дня я был в Зогаллы.

Пианино я оставил в Евлах в доме у одного солдата-земляка, с которым познакомился в Баладжярах. На войне он был танкистом. На семь лет младше меня был. Аладином его звали, дружили мы потом до последнего дня его жизни. Оказывается, он тоже ехал в нашем эшелоне семнадцать дней, только в другом вагоне, а познакомился в Баладжарах. Сам Аллах послал тогда его мне в помощь, сколько мы с ним натерпелись, пока привезли пианино в Евлах.

В первые месяцы я ждал, что выздоровеет майор и приедет ко мне за пианино, поэтому не торопился забирать его из Евлаха. Был сентябрь, и однажды ко мне прибежали зогаллинские дети:

– Кара дайы, машина приехала, стоит возле сельсовета, дальше ехать не может, водитель вас спрашивает.

После войны машина была редкостью, дорог вообще не было, как он добрался до сельсовета, ума не приложу. Пока я оделся, пока я добежал дотуда, все зогаллинцы, от мала до велика, были возле машины.

Я узнал его издалека. Пусть Аллах его могилу наполнит светом – умер десять лет назад. Смотрю: Аладдин на машине сам привез мое пианино и возле сельсовета застрял.

Запрягли волов, пианино перегрузили на арбу и привезли ко мне домой.

Как поставили пятьдесят три года назад в эту комнату, так и оно там стоит. Старинное немецкое пианино «Неуфелд». Поднимаешь крышку и читаешь надпись. А рядом еще и «Берлин» написано.

Вот так это пианино оказалось у меня. Сейчас все понятно? – в заключение спросил у меня Кара дайы.

– Понятно, – ответил я, – умер тогда, наверное, ваш майор от ножевого ранения.

– Не знаю, умер он или живой? Это пианино его – майора Кельмана Ефима Савельевича. Если завтра приедет, доложу, как хранил, и верну ему его вещь.

– Конечно! За пятьдесят три года не приехал, а завтра возьмет и приедет, – пошутил я.

– Это дело такое, я все думаю, что он приедет. Один раз он приснился мне, просил, чтобы я бумаги на пианино не терял. И все. Бумаги я храню. Положил с документами и храню. В надежном месте, как положено.

– Кара дайы, – спросил я, – а почему дверь в эту комнату всегда закрыта?

– Чтобы не украли пианино, – серьезно ответил он. – И еще, чтобы внуки не заходили. Поломают или чиркнут гвоздем. А он возьмет и завтра приедет, что я скажу тогда? Потому и закрываю.

– А с этой немкой у вас так ничего и не было, да? – я сменил тему разговора.

– И не могло быть! – твердо ответил Кара дайы. – Я на своем горбу через весь город носил им еду, рискуя, можно сказать, своим положением, а они, видите ли, даже пальцем не тронули. Гордые такие, из рук советского солдата не хотели еду брать. Потому и говорю, между нами ничего и не могло быть.

– Так вы же только в самом конце узнали, что они ничего не трогали, когда она уже уехала, – уточнил я.

– Какая разница, когда я узнал? «Еще не время, еще не время», – вся Европа находила для меня время, а она не нашла. Фашисткой была, значит, ждала, пока Гитлер воскреснет. Сержант Советской армии, бывший разведчик, не последний человек в комендатуре, рискуя жизнью, носил им еду, а они даже не трогали. Потому и между нами ничего не было! Все!

Позже, когда мы уже сидели за праздничным столом, и я подарил ему наручные часы, купленные в Украине, Кара дайы внимательно рассмотрел их, проверил, ходят они или нет, поднеся их к уху, и, убедившись в исправности подарка, сказал:

– За часы спасибо! Как ты думаешь, если завтра военкому позвоню, со штанами помогут? У них же должны быть запасные брюки для ветеранов.

Я не знал тогда и сегодня не знаю, обязаны ли военкоматы иметь запасные брюки для ветеранов, но чтобы не расстраивать Кара дайы, уверенно сказал:

– Да конечно, в военкоматах всегда в наличии имеются брюки всех размеров! С ремешками, – добавил я.

– Ремень-то у меня целый, – ответил Кара дайы, – но если с ремнем дадут, тоже не откажусь. А собаку надо будет пристрелить. Тоже мне, друг человека. Сказали бы еще, брат человека.

ГЛАВА 7

БАЛАЕВ, БАЛАДЗЕ, БАЛАЯН

Любимым стихотворением зогаллинских детей и сегодня является то, которое он написал в восьмом классе на учителя музыки местной школы Мераб муаллима.

Мераб муаллим приехал в зогаллинскую школу из Тбилиси преподавать музыку, но с первого дня дети почему-то его отвергли. Дело в том, что, Мераб муаллим приехал в Зогаллы не один, с собой он привез изумительную скрипку. В первый раз, когда он вошел в класс, скрипка спокойно лежала в новеньком, выстланном бархатом футляре, поблескивая свежим лаком. Зогаллинские дети, никогда в жизни не видевшие скрипку, с замиранием сердца стали ждать, что же появится из футляра. Когда Мераб муаллим достал оттуда скрипку, ему показалась, что она так и просится в руки зогаллинских детей, чтобы те играли на ней Моцарта, Паганини и Шуберта. Но дети не ответили скрипке взаимностью, не протянули к ней свои руки. Наоборот, с первого дня они стали высмеивать не только сам инструмент, но и его хозяина, высокого и худого музыканта в

очках – Мераб муаллима. Мераб муаллим первоначально растерялся от такого приема, но понадеялся на волшебную силу своего инструмента. Он неторопливо показывал зогаллинским детям, как надо держать скрипку. Он поднимал скрипку, прижимал ее подбородком и свободно и энергично проводил по поющим струнам смычком. Он показывал им, как во время игры закрывать глаза, чтобы ничто не мешало таинственному погружению в мир сладостных звуков. При первой же попытке погрузиться с закрытыми глазами в мир прекрасных мелодий он получил по голове брошенной кем-то из учеников мокрой тряпкой. Он показывал детям, как склонять голову, чтобы скрипка лежала удобно и надежно. Он показывал им, как отбивать ногой такт, но после этого в течение десяти минут просил детей, чтобы те перестали коллективно топтать.

Зогаллинские дети не приняли скрипку, а виноватым оказался застенчивый учитель музыки Мераб муаллим, который со временем стал еще и объектом насмешек со стороны учеников школы. Зогаллинские дети были далеки от скрипки, им были ближе зурна и балабан.

Однажды на перемене зогаллинские школьники стали свидетелями того, как Мераб муаллим пытался перелезть через деревянный забор, отделяющий двор школы от фундукового сада тети Забиты. Мераб муаллим опаздывал на урок и вместо того, чтобы обойти забор и войти во двор школы через калитку со стороны улицы, попытался сократить дорогу. Держа в одной руке скрипку, другой рукой он подтянулся на самый верх деревянных решеток, но в последний момент, не удержав равновесие, упал во двор школы прямо в кучу мусора на глазах изумленных школьников. Скрипку он все-таки удержал в руке, поэтому быстро, хотя и под смех зогаллинских детей, поднялся, отвернулся от них и стал отряхивать запыленные брюки. Увидев, что брюки Мераб муаллима порвались сзади по шву, школьники начали смеяться так громко, что на шум выскочил сам директор Гоги муаллим, который в присутствии

школьников отчитал молодого учителя музыки и отправил его домой переодеваться.

На следующий день среди зогаллинских школьников гулял стишок на азербайджанском языке «бир киши вар иди, онун шалвары дар иди» (мужчина в тесных брюках). Все попытки директора Гоги муаллима и остальных учителей установить автора стихотворения остались безрезультатными, хотя многие догадывались, что их написал ученик восьмого класса, единственный отличник во всей зогаллинской школе Абид Балаев.

Он был лучшим учеником не только в классе, но и во всей школе. Вторая волна грузинизации Зогаллы, почти через сто лет после первой, была более продуманной и на этот раз была направлена на насильственное насаждение грузинского языка среди зогаллинских детей. С этой целью в 1938 году Зогаллинская школа была переведена на обучение на грузинском языке.

Сразу после окончания школы Абиду Балаеву, как отличнику, Гоги муаллим предложил учебу в Тбилиси, на что тот согласился без раздумий. Он очень хотел учиться дальше. И его без экзаменов приняли на филологический факультет Тбилисского университета. Он был патриотом родных мест, очень любил свой язык, но в университете изучал грузинский язык и грузинскую литературу. По окончании университета он вернулся в родную деревню не только с красным дипломом, где красовались одни пятерки, а также с измененной в дипломе на грузинский лад фамилией Баладзе.

Абид муаллим был первым жителем Зогаллы с высшим образованием. По возвращении в деревню после учебы он начал агитировать способных учеников сельской школы на учебу в институтах Грузии. В первые три года он лично повез в Тбилиси и без экзаменов определил в разные вузы восемь выпускников зогаллинской школы. Среди них были будущие учителя, врачи, бухгалтеры, агрономы.

Однако все это не помешало ему после смерти Сталина первым начать агитацию среди зогаллинцев против препо-

давания в школе на грузинском языке и добиться, чтобы его фамилию в дипломе исправили на более общепринятый для азербайджанцев лад – Балаев.

После того, как в зогаллинской школе вновь стали преподавать на азербайджанском языке, он всю жизнь до самой смерти обучал местных детей родному языку и литературе.

Абид муаллим любил муллу Джуму, который когда-то учился в соседней Марсанской школе, и наизусть знал многие его ашугские стихи. И сам, будучи натурой творческой, тоже писал. Его стихотворения часто печатались в районной газете «Шелале» под литературным псевдонимом Бал Абид, что в переводе означает «мед Абид». Псевдоним он взял себе из первых трех букв своей фамилии, но в целом он соответствовал его отношению к жизни. В жанре прозы он отдавал предпочтение жалобам, которые без устали катал на руководителей всех рангов Гахского района об имеющихся недостатках в их работе. В отличие от других жалобщиков того времени, анонимок он не писал, подписывался своим именем под всеми письмами, поэтому считался самым храбрым критиком во всем районе. А когда он возглавлял Зогаллинский сельсовет, еще и был самым смелым из руководителей на местах, потому что не боялся критиковать первого секретаря райкома Исаева, за что в итоге и поплатился. Он всю жизнь боролся с мелким и средним начальством Гахского района, а в восьмидесятые годы – даже с самим первым секретарем Исаевым. Он никогда не был коммунистом, и в период распада советской империи и коммунистического режима Абид муаллим частенько ставил этот факт себе в заслуги. Однако, по словам старых зогаллинских коммунистов, некоторое время после окончания университета он очень даже хотел вступить в ряды партии, но желающих дать ему рекомендацию, зная его конфликтный характер, среди зогаллинцев не нашлось.

Он был мужчиной ниже среднего роста, полного телосложения, с короткими руками и ногами. Возможно поэтому, что-

бы придать своему телу некоторую гармонию, он почти всегда ходил в костюме. На голове у него зимой и летом красовалась шляпа, такая, какие в те времена носили руководители партии и правительства, а под мышкой он держал папку. Ходил Абид муаллим довольно быстро, мелкими шагами. Незнакомец увидел бы в нем усталого человека с морщинами на вечно неспокойном интеллигентном лице. Абид муаллим был типичным представителем сельской учительской интеллигенции того времени, которых из-за отсутствия других образованных кадров время от времени выдвигали на партийную или хозяйственную работу.

Абид муаллим был талантливым руководителем. Он был новатором во всех сферах деятельности, пылал страстью к обновлениям. Вечно заряженный какими-то идеями, он без устали носился по районным кабинетам. Нередки были его походы и к самому первому секретарю Исаеву. Он мог достать любого руководителя, мог ходить по одному и тому же вопросу десятки раз, пока этот вопрос не разрешится. Уставшие от похождения Абид муаллима районные руководители иногда даже закрывались у себя в кабинетах, чтобы не вести с ним разговор.

– Если бы он умел иногда перевести дух и немного умерить свое административное рвение, – высказался как-то один из них, – чудесное спокойствие установилось бы не только в Зогаллы, но и во всем Гахском районе.

Бывало, что Абид муаллим рано утром приходил на остановку возле магазина в Зогаллы и в ожидании первого автобуса в Гах ходил возле решеток, отделяющих двор правления колхоза от остановки, и разговаривал сам собой, не замечая никого. Большинство зогаллинцев догадывалось, что таким образом Абид муаллим репетировал предстоящий разговор с каким-то районным начальником, и не мешали ему. Не подозревающие об этом зогаллинцы почтительно с ним здоровались, а более смелые, среди которых преобладали тупые мугалы, даже спрашивали у него:

– Добром ли, Абид муаллим, с утра опять в Гах направляетесь?

Разбуженный неожиданным вопросом Абид муаллим резко останавливался и отвечал:

– Добром, добром. Есть один маленький вопрос. Требуется решения, надо бы кое с кем поговорить.

Главной ценностью Абид муаллима было то, что он умел разрешать противоречия между собственными интересами и нуждами деревни, отдавая преимущество последним. Отчасти поэтому Абид муаллим и остался в доброй памяти зогаллинцев.

Годы процветания Зогаллы приходятся на те времена, когда Абид муаллима второй раз назначили председателем Зогаллинского сельсовета. При первом своем назначении он успел пробыть на этой должности ровно год. К окончанию этого срока, к его большому разочарованию, первым секретарем райкома в Гахе назначили Исаева. И по сложившейся традиции, он в течение двух месяцев сменил не только руководителей всех районных учреждений, но и председателей колхозов и совхозов. Из председателей сельсоветов первым пострадал Абид муаллим. Ему не простили безобидного приглашения в форме телефонограммы на открытие зогаллинской бани, отправленного лично им в райком на имя Исаева. И через несколько недель, под предлогом невыполнения населением Зогаллы плана сдачи государству мяса, его попросили сдать печать сельсовета. Печать Абид муаллим сдал, как послушный руководитель, но с того дня начал борьбу за восстановление в своей должности.

Как только Абид муаллим в первый раз стал председателем сельсовета, то буквально через полгода добился решения о строительстве новой бани и нового здания сельского клуба. Идея о строительстве бани очень нравилась ему самому, но пугала добрых и престарелых зогаллинцев своей неизвестностью. Зогаллинцы никак не могли понять, зачем им нужна была баня с высокой дымящей трубой, когда они могли спокойно греть воду на очаге и купаться за домом.

– Пора, пора мыться, хватить грязными ходить, – говорил Абид муаллим, встречаясь с зогаллинцами и убеждая их в необходимости строительства бани в деревне.

Тяжелее всего было с аксакалами, которые сидели целыми днями на лавочке перед правлением колхоза и обсуждали этот вопрос, не находя единого ответа. Кто-то из сидящих стариков как-то нечаянно уронил:

– А неплохо было бы у Кары спросить, как-никак он всю Европу видел. Пусть он нам скажет правду, как там моются? Все в куче в бане или каждый у себя дома по отдельности?

Только старик сформулировал свое предложение, неожиданно возле них остановилось такси, и из него неторопливо вышел Кара дайы.

– Вот и Кара, легок на помине, – сказал другой старик, – только о тебе говорили, – обратился он к Кара дайы. – Неужто так важно иметь в деревне баню?

Кара дайы не спешил с ответом, движением руки он остановил старика. Он сказал, что сперва надо расплатиться за такси, а у него денег нет.

Старики общими усилиями собрали шесть рублей и отдали Кара дайы, чтоб тот расплатился. Нашелся среди них и недозвольный:

– Денег нет, не садись в такси, кто тебя заставляет?

– Значит, вы про баню спросили, да? – и Кара дайы начал свое выступление.

Через двадцать минут все сидящие зогаллинские аксакалы пришли к единому мнению о необходимости строительства бани в деревне и дали добро Абид муаллиму.

Воодушевленный «добром» аксакалов, Абид муаллим дневал и ночевал на строительстве. Стройки бани и клуба шли одновременно и полным ходом, и благодаря Абид муаллиму задержек с финансированием не было. Он не давал спуску строителям из «Межколхозстроя». Сам лично съездил за трубой для котельной бани в Евлах, оттуда же привез и саму ко-

тельную. Собрал по десять рублей с каждого зогаллинского двора для бурильщиков артезианской скважины. Те приехали из Баку и, заметив организаторские способности Абид муаллима, решили воспользоваться этим. Когда они начинали бурить скважину, здание бани было почти готово. По проекту, вода для бани должна была поступать из артезианской скважины, а место для бурения находилось в двадцати метрах от здания. Бригада бурильщиков обследовала местность, и старший бригады, русский по имени Виктор, отозвал Абид муаллима в сторону и сказал:

– Муаллим, бурить будем, это наша работа. Раз приехали, то будем бурить. Но гарантий, что ваша баня не уйдет под воду, дать не можем. Грунт тут рыхлый и скользкий.

Абид муаллим возразил:

– А что, грунт в Зогаллы не везде одинаковый, что ли? Возле школы десять лет назад пробурили, и все нормально, школа не ушла под воду.

– Муаллим, мое дело предупредить вас, а там смотрите сами, – сказал тогда ему Виктор, а на что должен был смотреть Абид муаллим, не уточнил.

На том и разошлись в первый день. В ту ночь Абид муаллим почти не спал, а когда заснул под утро, ему снилась маленькая, тонущая в Тихом океане, баня. Заподозрив неладное, с раннего утра он направился к старому клубу, на сцене которого были выделены места для ночлега прибывшим из Баку бурильщикам. Киномеханик Абульфаз был очень недоволен этим обстоятельством: рабочие лежа бесплатно смотрели с другой стороны белого полотна фильма, которые он крутил по вечерам. Шустрая зогаллинская молодежь быстро оценила преимущество просмотра фильмов лежа и подкупила приезжих рабочих, на что те с радостью согласились. За бутылку хорошего местного вина те с удовольствием уступали свои кровати зогаллинцам на время просмотра, а за двухсерийный индийский фильм, бывало, даже требовали две бутылки за койку.

Абид муаллим, как мог, успокоил тогда Абульфазу, который сразу предупредил его, что с такой утечкой зрителей на другую сторону экрана он месячный план не выполнит.

– Потерпи, потерпи, – говорил он тогда Абульфазу, – пробурят и уедут, это же ненадолго.

Сошлись на том, что после отъезда бакинских бурильщиков они еще на какое-то время оставят кровати на сцене, чтоб Абульфаз мог как-то возместить свои финансовые потери, продавая билеты на лежачие места за рубль вместо обычных сорока копеек.

Но мы отвлеклись. Когда Абид муаллим утром поднялся на сцену старого сельского клуба, бурильщики еще спали. На полу валялись водочные бутылки, свидетельствующие о том, что гости неплохо отметили свой приезд. Увидев бледное от бессонницы лицо Абид муаллима, Виктор даже испугался. Он взял его под руку, и в одних трусах спустился в зал и начал успокаивать Абид муаллима:

– В принципе, муаллим, всегда можно найти выход, не стоит так близко к сердцу принимать рабочие проблемы. Все вопросы решаемы, если конечно, постараться.

После этих намеков Виктора Абид муаллим немножко пришел в себя и на ломаном русском языке сказал:

– Так найди выход, Виктор. Мы со своей стороны будем стараться помочь.

Тогда Виктор начал объяснять Абид муаллиму технологию бурения артезианской скважины. Те буры, которые якобы у них сейчас есть, при бурении дают осадку грунта. А чтоб не было осадки, надо менять буры на другие, которых у них с собой нет. Но это тоже не проблема, эти буры есть на базе. И если бурить бурами, которые нет у них, но есть на базе, тогда риска не будет. Одним словом, бакинские буры, которые сейчас у них есть, надо менять на казанские, которые имеются на базе. А чтоб взять казанские буры, надо на базе платить за них, потому что они дорогие.

Изложив технологию бурения артезианских скважин, Виктор еще раз внимательно посмотрел на Абид муаллима, но не стал рисковать здоровьем председателя Зогаллинского сельсовета и назвал ровно половину той суммы, которую изначально собиралась взять с доверчивых зогаллинцев бригада бурильщиков из Баку. Но и этих денег не было у Абид муаллим, и тогда он обратился за советом к Кара дайы. Тот посоветовал собрать с каждого зогаллинского двора по десять рублей, а с мугальских деревень, относящихся к Зогаллинскому сельсовету, денег не брать.

– Чтоб они не думали, что мы не можем сами без них построить баню, – сказал Кара дайы, и, достав из внутреннего кармана свернутый платочек, первым отдал десять рублей.

Абид муаллиму самому пришлось пройтись по домам зогаллинцев и собрать по десять рублей на новый казанский бур. Процесс сбора денег затянулся на три дня, каждому зогаллинцу приходилось объяснять назначение собранных денег. В каждом дворе Абид муаллим рассказывал об опасности ухода почти готовой бани под воду, если пробурить бакинским буром, о необходимости приобретения нового бура. В конце он ссылался на Кара дайы, который первым и без вопросов отдал деньги. В большинстве своем зогаллинцы так и не понимали, о чем идет речь, но молча давали десять рублей.

– Раз надо, значит надо, – говорили они, – тем более, если Кара дайы отдал, значит, действительно надо.

Несколько зогаллинцев, в крови которых имела место примесь мугальской, отказались сдавать деньги. Один из них даже сказал:

– Пусть лопатами роют, раз им нечем рыть. Я во дворе сам себе колодец копал вот этой лопатой, и ни у кого по десять рублей не просил. Если надо, лопату могу одолжить, а деньги не дам.

Бурить начали через неделю, и, судя по ежедневным пьянкам, которые устраивали Виктор и его друзья, видно было, что на новый казанский бур ушли не все собранные Абид муал-

лимом деньги. С другой стороны, Виктор сдержал свое слово, с новым буром действительно все получилось лучше: и вода пошла чистая и холодная, и баня не ушла под воду, осталась на своем месте.

Состояла баня из двух отдельных номеров и общей части. Четные дни недели в бане были отведены мужчинам, а нечетные – женщинам. Понедельник решили делать выходным. Хотя кое-кто из зогаллинских острословов предлагал сделать и понедельник рабочим днем, и пускать туда мугалов из окрестных сел по двойному тарифу. Но его предложение никто из зогаллинцев не поддержал.

Когда здание бани было готово, а это было в самом начале сентября, Абид муаллим организовал ее торжественное открытие. Лично позвонил в приемную Исаева и оставил телефонограмму об открытии бани в Зогаллы. Говорят, когда Исаев почитал телефонограмму, он долго смеялся и интересовался личностью Балаева.

Передовиков колхоза и ветеранов труда и войны Абид муаллим обходил лично и приглашал каждого в отдельности. Попадались и колеблющиеся:

– Абид муаллим, может, как-нибудь без нас, а? – говорили некоторые. Тут Абид муаллим кипел, взрывался.

– Хорошо, – отвечал он им, – если вы не придете, Кара дайы не придет, я не приду, кто же там будет? Для кого мы все это строили? Это что, только мне, Абид муаллиму, нужна это баня? Сам новый первый секретарь обещал приехать из Гаха, а вы тут два шага не можете сделать.

После таких слов соглашались все:

– Хорошо, хорошо, Абид муаллим, придем, – говорили.

И Абид муаллим уходил, бурча под нос:

– Ей богу, интересный народ, как будто я лично себе построил эту баню. Приходите, посмотрите, что такое баня. Помойтесь хоть по-человечески, а то мимо некоторых невозможно пройти, воняет, как черт знает что.

Были и другие трудности. Право первой помывки в бане Абид муаллим предлагал Кара дайы, но тот в последний момент сослался на цвет кожи и отказал:

– Не обижайся, Абид муаллим, я бы с удовольствием, конечно, помылся бы первым. Но ты пойми правильно, зайду я черным в баню, и выйду оттуда черным – что народ скажет? Из бани человек должен выйти чистым, побелевшим, – а по мне такого не скажешь. Так что ищи другого.

Несколько других ветеранов тоже отказались, в том числе мой дедушка, который сослался на отсутствие одной руки:

– И как же я одной рукой буду мыться? Кто будет мне тазик держать, спину тереть? – сказал дедушка. – Если профком колхоза выделит кого-нибудь из женщин бухгалтерии, чтоб помочь мне, то я с удовольствием зайду, – отшучивался он. На что бабушка быстро ответила ему:

– Кяфан²⁰ выделит тебе профком, и бесплатно помочет перед похоронами, старый бык, чтоб тебя грязным похоронили.

Махнув рукой, Абид муаллим ушел. Одному Аллаху известно, как он уговорил старика Искандера, сегодня уже никто не знает. Старик Искандер жил со своей старухой Гюльсум нане, и судя по их внешнему виду, купались они не очень часто. Старика Искандера скорее подкупили бесплатное мыло и полотенце.

Открытие получилось на славу. От зогаллинской средней школы пришли все младшеклассники и все с цветами. Пришли и ветераны войны и труда во главе с самим Кара дайы, и передовики колхоза, которых Абид муаллим приглашал лично. Было тут и почти все правление колхоза во главе с председателем. Среди присутствующих нельзя было не заметить и нескольких мугалов. Мугалы никак не хотели верить, что зогаллинцы могут построить у себя баню, и чтоб убедиться в этом, послали своих представителей. Хотя они и стояли молча в сторонке, по глазам их зогаллинцы видели предвкушение каких-то неполадок при запуске бани – это могло бы стать поводом для последующих их насмешек над зогаллинцами. В назначенное время, к десяти часам, приехал и сам Исаев.

После поздравительных речей Абид муаллим, председатель колхоза и Исаев торжественно разрезали ленту, тут же запустили старика Искандера в баню. Открытие бани прошло гладко и без эксцессов, от этого мугалы приуныли. Но повод для насмешек над зогаллинцами в тот день Аллах им все-таки послал. И не только мугалам.

Как-то неуверенно зашел старик Искандер в отведенный ему номер. Это потом вспомнили и Абид муаллим, и заведующая баней Зухра, что не объяснили старику, как пользоваться кранами. Оказывается, бедный старик Искандер, зайдя в номер, так и не понял назначение кранов, а один из них был не до конца закручен. Из него шла холодная артезианская вода. Оказавшись первый раз в жизни в бане, старик Искандер этой холодной водой и мылся, не догадавшись о назначении другого крана и о наличии горячей воды.

На выходе его ждали зогаллинцы и корреспондент районной газеты «Шелале» с фотоаппаратом. Он первым и набросился на замерзшего старика:

– О, аксакал, всегда в чистоте, как вам баня?

Недовольный старик Искандер от неожиданности не нашел ничего лучше, как ответить:

– Хорошая баня, спасибо Абид муаллиму! Хорошая прохладная вода, вода нашей бани, скажу вам, прохладнее воды Капычая будет.

Река Капычай протекала рядом с Зогаллы, и считалось, что ее вода самая холодная в окрестностях.

Еще что-то буркнул старик Искандер, но его никто уже не слушал, зогаллинцы поняли, что он не открыл кран с горячей водой и мылся только холодной. Тут всех зогаллинцев охватил такой неудержимый смех, что от неожиданности сам старик Искандер тоже начал смеяться, чем немного разрядил ситуацию.

Больше всех веселились, конечно же, мугалы, и, посмеявшись с полчаса, сели на свои мотоциклы и уехали в свои мугальские деревни, должно быть.

Растерянный Абид муаллим старался что-то объяснить заведующей бане Зухре, но та молча улыбалась.

Надо заметить, что тут еще немножко повезло Абид муаллиму, потому что Исаев не стал дожидаться, когда старик Искандер помоеется. Поздравив зогаллинцев с открытием новой бани, он сел в свою «Волгу», посадил рядом с собой председателя колхоза и уехал смотреть кукурузные поля.

Как бы там ни было, сегодня от той зогаллинской бани, которую построил Абид муаллим, не осталось ничего, даже фундамента. Кроме бурлящей рядом артезианской скважины, пробуренной Виктором казанским буром. И когда сегодня речь заходит о бане, зогаллинцы вспоминают и покойного Абид муаллима, и покойного старика Искандера, а мугалы еще ехидно смеются, приговаривая, что «самой прохладной баней» в мире была баня у зогаллинцев.

Запустив баню, Абид муаллим направил все усилия на строительство клуба. Все бы ничего, но осенью его сняли с работы. Строительство еще с месяц продолжалось по инерции, потом выпал первый снег, на этом все и остановилось. Буквально через месяц после увольнения «Шелале» напечатала стихотворение Бал Абида «Не получилось» («Алынмады»). Обиженный поэт дал полную волю своим эмоциям. Он жаловался на происки врагов, на непонимание со стороны окружающих, намекал на ранний приход зимы, хотя зима в том году действительно пришла раньше обычного. Но в стихах, как и в жизни, он оставался глубоким оптимистом, последние два куплета подчеркивали, что он не сломлен, это сегодня у него не получилось, а завтра точно получится. Не всегда же зиме приходится раньше времени, восклицал он, ведь есть еще и весна, она может начаться и в феврале.

Мы виделись с ним в ноябре, через месяц после увольнения, и через три дня после публикации его стихотворения в «Шелале». Я не знал ни о том, что он уже не работает председателем, ни о напечатанном его стихотворении. Встретились

мы днем возле магазина, и после того как поздоровались, он сразу отвел меня в сторону. Привычка отводить в сторону для разговора была в то время присуща многим мелким и средним руководителям Гахского района, в том числе Абид муаллиму. После короткой церемонии на ногах «хош, беш», Абид муаллим сразу спросил у меня:

– Слышал? – и внимательно стал смотреть на меня в ожидании ответа.

Я хотел бы разъяснить моему не очень догадливому читателю, в число которых обязательно войдет большинство мугалов, смысл церемонии «хош, беш» в зогаллинской среде.

В нашем с Абид муаллимом случае «хош, беш» был короткий, на ногах и начинался со следующего:

– Ооо! – воскликнул на радостях (якобы на радостях) Абид муаллим. – Кого я вижу? Каким ветром?

После того, как мы обнялись и расцеловались, он добавил:

– Хорошо выглядишь, машалла, машалла, давно приехал? Как дети? – и сразу же, не дожидаясь ответа, дополнил вопрос в специфически зогаллинском стиле:

– Большие наверно уже, да? Сколько их у тебя? А, двое, да? Один мальчик и одна девочка, да? Мальчик старший, да? Чтоб Аллах берег их.

И только после того, как я поинтересовался его здоровьем, дочкой и внуками, «хош, беш» закончился, и мы перешли к основной части разговора. Я мог бы, конечно, не подсказать, где закончился наш «хош, беш», но, зная характер мугалов, вынужден это сделать.

– Вчера вечером приехал, – ответил я, – как у вас, Абид муаллим, слышал, баню запустили?

– Баню-то запустили, а вот достроить клуб не дали, – загрустил Абид муаллим.

На самом деле я не знал ничего, поэтому стал смотреть на него сочувствующим взглядом, чего он от меня и ждал. Потом он отвел меня еще дальше и начал:

– Как только он приехал, – указал рукой в сторону Гаха, – начал наезжать.

Я догадался, что речь идет об Исаеве.

– Колхоз не выполняет план по мясу, и он начал давить на меня, давай собери с населения. Первый раз, с огромными трудностями, собрал с людей тридцать четыре головы бычков, почти пять тонн сдали живым весом. Через неделю Исаев опять позвонил:

– Балаев, давай еще две тонны.

Хотел было возразить, но он даже не дал мне рот открыт:

– Две тонны, понял, Балаев?

Опять прошелся по дворам, уговаривал людей. Сдали семь старых лошадей. Телок и бычков больше не осталось в деревне, весной все сдали. Думал, все, больше в этом году не будет. В деревню не мог выходить, столько я сделал для Зогаллы, а народ меня во двор не пускал, собак натравливал. Я их понимал: до чего дошло, на свадьбах людям резать некого, за мясом на Алибадский рынок стали ездить. Когда такое было? Так вот, уже и сам задумал уйти, думал, построю клуб и уйду. Вернусь в школу, пусть кого хотят, назначают в сельсовет.

Ровно неделя прошла, как отгрузили лошадей. Было воскресенье, я поздно пришел домой. Осенью у нас в Зогаллы свадьбы начинаются, я как раз на свадьбе был, и выпил немножко, конечно же. Ложусь спать, где-то в первом часу звонит телефон. Дома я один, жена поехала к дочери. Я очень боюсь ночных звонков, не за себя боюсь, а за близких, за дочку, за внуков, они ж не со мной живут, сам знаешь. И заснул как-то быстро, неохота было вставать. А телефон все звонит и звонит. Все-таки встал, пошел, взял трубку:

– Спал, Балаев? – спросил. По голосу слышу, что злой. Видно, целый день звонили, искали. А я в одиннадцать часов дня как пошел на свадьбу, так и застрял там. А сельсовет по выходным не работает.

– Ты целый день где гулял? – дальше спросил.

– На свадьбе гулял, – ответил. – Близкий родственник сына женил, был на свадьбе, по-другому не мог, – говорил, – а то обиделись бы.

– Был, гулял, – повторил Исаев мои слова, – пока ты там гулял, мы тут сидели и считали, сколько же твой сельсовет мяса должен еще сдать в этом году.

У меня в горле пересохло, я думал, в этом году больше не тронут. А он все давил:

– Сдал последний раз семьдохлых лошадей, думаешь, план выполнил?

– Думал, что выполнил, – осмелившись, ответил я.

– Он думал. Так ты еще думаешь, оказывается. А кто ты такой, чтоб думать, а, Балаев? – говорил мне оскорбительным тоном, – а я думал, ты только на свадьбах гуляешь.

Я молчал в трубку, но не боялся, честно тебе говорю. Не боялся и все. Но молчал, ждал, чем закончится. Ну, конечно, я ж выпивши, и еще от этого немного смелый.

А он спрашивает:

– Ну, и чего ж молчишь, Балаев? Или опять думаешь?

– Я вас слушаю, Расим Халыгович, – ответил.

– Тогда слушай внимательно, завтра к десяти утра надо одну тонну, – и засмеялся как-то издевательски в трубку.

– Больше в Зогаллы животных не осталось, – ответил я ему, – одна дойная живность, и все. Так что, Расим Халыгович, я не смогу выполнить ваш приказ, извините.

– Во-первых, Балаев, это не мой приказ, а приказ из ЦК, сверху нам дали эту цифру, а во-вторых, всего одну тонну живым весом ты найдешь, да, Балаев? – смягчил тон разговора после моего резкого ответа

– Нет, – ответил, – не найду. Потому что нет.

А сам такой смелый, видно, от выпивки свадебной. Что удивительно, все люди после выпивки почему-то смелеют, я тоже, конечно, не исключение. Но я его и без выпивки не боюсь. А он продолжал давить:

– Тогда завтра же партбилет положишь на стол, – начал кричать он. – Думаешь, мне нравится в час ночи звонить лично по деревням, а? Или я не хочу гулять на свадьбах?

«Ага – думаю, – он не знает, что я не коммунист. Это хорошо» – но не выдал этого, а продолжал отвечать ему:

– Так гуляйте, кто вам мешает? – говорил. – Если бы мы знали, что вы тоже хотите гулять на свадьбе, и вам приглашение отправили бы, – прикидывался дурачком, – Хорошая была свадьба сегодня.

И начал про свадьбу ему рассказывать. Он молча слушал меня.

– Правда, – говорил, – за мясом пришлось ездить на алиабадский базар, потому что резать было некого. – Делал акцент на том, что мяса в деревне нет, ситуация такая, что даже на свадьбу приходится покупать мясо на базаре. – А в остальном очень даже весело было. Вино свое, зогаллинское, пьется как компот. После него утром голова не болит.

Тут он прервал меня и закричал в трубку:

– Балаев, ты что, издеваешься надо мной, что ли?

– Да пусть Аллах упасет вас, как я могу себе такое позволить? – ответил я.

– Или у тебя с головой не все в порядке, – сказал он мне, – много пил наверно, да?

– Как все, – ответил, – родственник сына женил, почему бы не пить. Вино наше, зогаллинское, пьется как компот, – повторял я. – А главное, утром после него голова не болит, сколько ни пей. А то бывает, купишь у грузин вина на свадьбу, утром голова трещит. Один шайтан знает, что они добавляют в свое вино, сахаром разбавляют, наверно. То вино, что на продажу, у грузин никудышное, а то, что себе делают, тут, конечно, вопросов нет, – заливался я как соловей. А он молча слушал.

– Хорошо, хорошо, хватит, Балаев, – начал смеяться Исаев.

Чувствовал я, что нравится ему со мной говорить, а то стал бы он в час ночи столько беседовать со мной по телефону. А сам про себя подумал, ну и слава Аллаху, пронесло, наверно.

Куда там! Он начал говорить серьезно, главное, стал давить, я чувствовал:

– То, что у тебя с головой не все в порядке, я догадался тогда, когда ты телефонограмму отправил в райком про открытие бани. Но ничего, – сказал он, – мы твою голову вылечим окончательно, если завтра к десяти часам утра не соберешь животных на одну тонну. Понял, да, Балаев? А если не соберешь, в одиннадцать я приеду в Зогаллы, посажу тебя в свою Волгу, повезу лично в Шеки и сдам тебя на мясокомбинат вместо животных! Понял, Балаев?

Я внимательно выслушал его, с полминуты молчал. Хотел, как русские обычно делают в таких случаях, послать его подальше. Хотел сказать: «Да пошел ты!». Потом подумал: все-таки райком, как бы боком потом не вышло, немножко струсил, честно говоря.

– Забрать у людей животных, это вам не орехи собрать, Расим Халыгович, – залез на дерево, потряс и собрал. Попробуй-те войти во дворы, когда на вас собак натравливают. Тем более что у бедного народа почти не осталось живности. Поэтому можете не приезжать, – ответил, – у вас в райкоме столько толстокожих и упитанных животных, так что грузите кого хотите и сдавайте!

И положил я трубку. Клянусь тебе, сынок, я положил трубку первый. Сколько можно издеваться над простыми людьми, а?

Разве я мог уснуть после этого, а еще и дома никого нет. Посмотрел на часы, – половина первого, я оделся и обратно пошел на свадьбу. Что будет, то будет. Посторонние все разошлись, остались свои, те, кто свадьбу обслуживал. У нас, сам знаешь, близкая родня в рот капли спиртного не возьмет, пока всех гостей не обслужат. Обслужат всех, а уже потом сами садятся и пьют, сколько влезет. Ну, я присел к ним. Они сразу догадались, что со мной что-то не так. Спрашивали:

– Абид муаллим, что случилось?

Я им ответил, все в порядке, мол, что-то не спится, вот и вернулся, так что наливайте. Не помню уже, сколько с ними пил, под утро пришел домой, лег и заснул.

Не помню и сколько спал, а где-то в одиннадцать часов секретарь Муса будил меня:

– Абид муаллим, Абид муаллим, вставайте, райком приехал, вас ищет. Сам сидит в сельсовете, а меня за вами послал.

Я быстренько выскочил, Мусе объяснил, ты давай бегом к нему в сельсовет, скажи, что я у родственника, который вчера сына женил, сегодня, мол, «узачды³²», а я, как близкий родственник, должен быть там.

И он побежал, а я еле встал, голова болит. Обычно после нашего зогаллинского вина голова утром не болит, тут у меня голова круглая. Посмотрел я в зеркало и не то что испугался, но, мягко говоря, испытал острое недовольство собой. Смотрел на свою нелепую физиономию и не знал, как показаться в таком виде Расиму Халыговичу. Не за себя боялся, нет, боялся, что он плохое о зогаллинцах вдруг подумает. Помылся быстренько, оделся, для солидности и галстук нацепил и попер в сельсовет. Но его не боялся – что будет, то будет, думал.

Подошел к сельсовету, черная Волга стояла возле калитки. Подумал, неужели за мной приехал? Аж плохо стало. Струсил я и тут немножко, с вечера это уже второй раз, хотя его и тогда не боялся и сейчас не боюсь. С другой стороны, когда на тебя власть давит, не то что испугаешься, но и в штаны наложишь, скажу я тебе. Но ночью я был смелее, потому что хмельной еще был, и голова не болела. А сейчас хмель улетучился, добавок и голова болит. Зашел, а он сидел у меня в кабинете и ждал. Сидел злой такой, смотрел на меня и смотрел внимательно так. Ну, думаю, смотри, мне ж не замуж за тебя выходить, я ж не баба. С другой стороны, как-то нехорошо получается, когда тебя как пидора рассматривают, извини меня. Держался уверенно и не боялся, только при виде Волги немножко струсил и все. А он все рассматривал меня и рассматривал, как тот шекинский задолуб, который после войны нашего покойного

Алескера рассматривал, чтобы опозорить. Я держался, думал, кто первым начнет. Начал он:

– Проснулся, Балаев? – спросил.

– Давно, – ответил я.

Приврал, конечно, немножко, а что оставалось делать? Догадывался, что мне тут дальше работать он не даст, поэтому держался, как положено, и не боялся.

– Волгу видел? – рукой на улицу указал.

– Стоит, – ответил, – грязная, однако.

Смеялся. Видно, все-таки нравилась ему моя смелость. Я тебе скажу, начальству тоже иногда нравятся смелые люди. Не всегда, конечно, а иногда. Знаешь, почему? Потому что вокруг одни холуи бегают, которые готовы при первом же случае начальнику лизать задницу. А как я, чтоб за себя постоял, за свои слова отвечал, – таких мало. Потому и начальству иногда интересно общение с такими людьми, как я.

– В Шеки не хочешь ехать? – намекал на ночную угрозу. Я сделал вид, что не помню.

– А что там делать? У родственника, который вчера сына женил, сегодня «узачды», надо бы быть там, свадьбу надо бы, как положено, закончить, – сказал.

– Что, опять будете пить? – удивился он, видно, недоумевал. А почему недоумевал? Потому что приезжий, не знает наши обычаи. Наши-то, гахские, знают, что в Зогаллы на свадьбах всегда пьют свое вино, после которого утром даже голова не болит, пьется как компот. А он приезжий, он не знает наши обычаи.

– Да, – ответил я ему, – сегодня «узачды», соберемся мы, близкие родственники, выпьем в обед немножко своего зогалинского вина и завершим свадьбу.

– А тонну животных собрал? – как-то так очень мягко он спросил, хотя знал, что не собрал.

– А где ее собрать, Расим Халыгович, где? Нет мяса в деревне. Вот сегодня у моего родственника «узачды». Соберутся

близкие люди, их кормить надо? А как без мяса накормишь? А ему резать некого, так он мало того, что на свадьбу купил двести килограммов мяса на алибадском рынке, так сегодня с утра послал своего младшего сына на мотоцикле туда же, чтобы купил еще двадцать пять килограмм мяса, чтобы перед людьми не позориться.

Молча слушал он. Я ожидал, что сейчас начнет шуметь. Но Исаев сидел и смотрел на меня. Потом сказал:

– Знаешь, Балаев, при желании я мог бы, конечно, тебя выслать в течение часа не только из Зогаллы, а вообще из Азербайджана. И пил бы ты свое вино где-нибудь в других местах.

– Я не алкоголик, – ответил я. – А вы упрекаете меня за то, что на свадьбе близкого родственника, который сына женил, пил вино. В Зогаллы, сколько я себя помню, все свадьбы отмечают так, и не мне менять эту традицию. А так, можете высылать, куда хотите, вы власть, делайте, что хотите. Но я не боюсь. Это в Азербайджане я Балаев, а в Грузии я Баладзе, в Армении – Балаян. Меня везде знают.

И как-то так я высказался, что он долго смеялся после этих моих слов.

– Балаев, Баладзе, Балаян, – повторял и смеялся. Потом встал и решительно сказал:

– Так вот, Балаев, Баладзе, Балаян, с завтрашнего дня ты не председатель. Напиши заявление и до свидания.

Я при нем и написал заявление от завтрашнего числа. Он дал указание моему секретарю Мусе, чтоб тот завтра в три часа дня собрал депутатов, и обещал сам приехать. А мне сказал:

– Готовь дела, завтра будешь сдавать.

На следующий день он сам не приехал, отправил женщину–грузинку, третьего секретаря. А та приехала к вечеру, депутаты с обеда ждали. Взяли и освободили меня якобы за срыв сдачи государству мяса, выбрали нового председателя. Ни один депутат даже не пикнул, сидели, на пол смотрели. Мугалы-то понятно, пятеро депутатов из мугальских дере-

вень, а наши чего молчали, я не понял тогда и сейчас не понимаю. И вместе с участковым потом прошлись по деревне и со скандалом забрали животных у людей, у тех, конечно, у кого смогли.

Вот такие дела, сынок...

Расстройству Абид муаллима не было границ. Видно было, что внутренне он не был готов к увольнению с работы.

– Сейчас в школу вернулись? – спросил я.

– Никуда я не вернулся, как было у меня четыре часа в неделю, так и осталось. Наверно, раньше надо было уходить, хоть с людьми остался бы в нормальных отношениях. А то почти со всеми переругался. Ходить и отнимать у людей животных, думаешь, легко?

– Что-нибудь платят хоть за мясо? – спросил я.

– Копейки, совсем копейки. По рублю и десять копеек мясокомбинат покупает килограмм мяса, еще и с весом обдурят, а на базаре потом меньше, чем за три пятьдесят не возьмешь.

– И чем сейчас занимаетесь?

– Ничем, два раза в неделю хожу в школу, занятия у меня. А так дома, хозяйством. Вот «Шелале» мое стихотворение напечатала, не читал? – после этих слов к Абид муаллиму вернулось прежнее настроение.

– Не видел, только вчера приехал, – ответил я.

Он быстро залез во внутренний карман пиджака, достал оттуда свернутую вчетверо газету «Шелале» и протянул мне.

– Почитаешь дома, у меня еще есть.

– Абид муаллим, все будет хорошо, – успокоил я его, – все равно опять вас пригласят, лучше вас никого в Зогаллы не найти.

В это время кто-то позвал Абид муаллима, да и меня тоже ждали. На том и расстались

– Увидимся еще, Абид муаллим, – сказал я на прощанье, – недели две я еще в деревне.

– Обязательно, – бодро ответил Абид муаллим и добавил:
– Не забудь почитать.

Видно, ему очень важно было узнать мое мнение.

– Что за вопрос, сейчас пойду домой, и первым делом прочту, – успокоил я его.

– А то они думают, – взглядом и движением головы он указал в сторону Гаха, – что я буду молчать. Ошибаются. Я им еще покажу.

По дороге в родительский дом я все думал о том, как же в «Шелале» напечатали стихотворение Абид муаллима, который попал в опалу? Тут было два варианта. Или они не были в курсе происходящего в зогаллинском сельсовете, или же стихотворение сильно понравилось редактору. Придя домой, я первым делом развернул газету и прочитал стихотворение Бал Абида «Алынмады» («Не получилось»), помещенное в рубрике «Час поэзии» на четвертой странице. За этим чтением меня и застал наш зять, который работал бригадиром в колхозе, и к тому же еще и был депутатом сельсовета. Увидев в моих руках газету «Шелале», он засмеялся и спросил:

– А что читаешь?

Я показал ему стихотворение Бал Абида.

– А, значит, виделась с Абид муаллимом, да? – он еще больше засмеялся. – Что, «Алынмады» читаешь, да?

– Ну да, – говорю, – а что?

– А он все рассказал? – спросил зять.

– Недоволен очень, – ответил я.

А зять все смеялся, потом спросил:

– И рассказал, как его уволили?

– Да, – сказал я, – вроде приехали из райкома, собрали сельсовет, и его по собственному желанию освободили.

– И больше ничего он не рассказывал? – продолжал смеяться зять.

– Больше ничего, – ответил я.

Тогда зять подсел ко мне:

– Давай я расскажу, как было, а то он, по-моему, тебе не все рассказал. Когда в воскресную ночь Исаев напугал Абид му-

аллима, что вместо коров сдаст его в Шекинский мясокомбинат, он встал и вернулся на свадьбу. Мы как раз только-только сели за столы, нас было человек пятнадцать, кто обслуживал свадьбу. Поэтому, как только народ разошелся, мы накрыли хороший стол для себя и сели. Голодные все и уставшие. Абид муаллим, хотя и родственник, мужчина в возрасте, к тому же председатель, поэтому он не участвовал в обслуживании. Но целый день пил то с одним, то с другим гостем. Дома один оставался, жена к дочери поехала, так он никуда и не спешил. Сядет с кем-то, выпьет немножко, проводит его, постоит с нами, походит, потом опять с кем-то сядет. На правах старшего ходил меж рядов, смотрел, чтобы столы не пустовали, давал указания, что нести, что убрать. Так к вечеру он был навеселе, но не пьяный. Ушел примерно в половине двенадцатого вместе с большинством гостей. Сам ушел, не шатался, нормально ушел, но видно было, что уставший. А мы уже убрали все столы, посуду отдали женщинам на мойку, сами накрыли себе хороший стол, как обычно у нас делают обслуживающие, мы их называем «людьми, которые на ногах». Не знаю, почему так, но до нас так называли и мы так называем. В принципе правильно называют, если внимательно присмотреться: ве сидят, едят, пьют, только обслуживающие постоянно на ногах, бегают между рядами.

Короче, я был на той свадьбе старшим из «тех, кто на ногах». Сам знаешь, у тех, «кто на ногах», на свадьбе обязательно есть старший. Он сам не ходит по рядам, не обслуживает, а только командует, встречает гостей и рассаживает их. Но тоже считается «тем, кто на ногах».

Одним словом, только мы накрыли для себя столы и собрались есть, смотрим, Абид муаллим вернулся. Черный, как уголь, примерно как Кара дайы. Сразу видно было, что с ним что-то случилось. Я и спросил:

– Абид муаллим, забыли что-то, вернулись за чем-то? – как-то так сказал, покультурнее, чтобы не обидеть его. Может,

человеку хочется дальше гулять, свадьба как-никак, тем более он не чужой, поэтому я и задал такой вопрос. Он помотал головой, мол, все в порядке, просто ему не спится, а он дома один. Не помню, сколько он сидел с нами, может, час, может, два, но то, что пил наравне, я точно видел, потому что следил за ним, чувствовал, что что-то не так. Когда он ушел, мы еще сидели. Я еще спросил у него:

– Может, кто-нибудь из ребят проводит вас, Абид муаллим? Он не согласился:

– Сколько тут идти, два метра. Я сам пройду, не волнуйтесь.

Действительно, дома-то рядом находятся, конечно, не два метра расстояние, но рядом.

Дошел он до калитки скотного двора, потом вернулся и позвал меня. Я встал и подошел. Он был так глубоко чем-то озабочен, что даже мне в лицо не смотрел, положил руку на плечо и сказал:

– Ты мне завтра очень нужен будешь, если можешь, сильно не напивайся.

Я опять спросил у него:

– Абид муаллим, что-то случилось?

– Завтра, завтра все скажу, – тихо ответил и ушел.

Ребята у меня еще поинтересовались, мол, что он хотел? Я пожал плечами, дескать, сам не понял.

На следующий день, когда я пришел на «узачды», то его там не увидел. Я еще удивился: время обеденное, а Абид муаллима не видно. Он же режим соблюдает. Все в Зогаллы знают – ровно в час он садится обедать, пусть хоть молния ударит в стол. А где же ему обедать, как не здесь – жены-то дома нет. Поинтересовался я у ребят, не появлялся ли Абид муаллим? Но никто его с утра не видел.

– Да спит он, наверное, – не помню, кто сказал, – сейчас припрется.

Это уже потом кто-то сказал, что Исаев приезжал в Зогаллы, был в сельсовете, поговорил с Абид муаллимом и уехал.

После этого разговора Абид муаллим закрылся у себя в кабинете, даже Мусе дверь не открывает. Тут же кто-то из стариков сказал мне:

– Рафаэль, сбегай, узнай, что случилось? Ты же у нас депутат.

Когда я пришел в сельсовет, секретарь Муса сидел в приемной и пил чай. У нас помещение сельсовета состоит из двух комнат – приемной, где сидит секретарь Муса, и кабинета председателя.

Я поздоровался с Мусой и спросил:

– Что случилось?

– Первый приезжал, – спокойно ответил Муса.

– И что?

– Не знаю, поговорил с Абид муаллимом полчаса на повышенных тонах и уехал. Завтра в три опять приедет. Мне приказал собрать депутатов.

– А он?

– У себя, чай пьет.

– Так я зайду? – спросил у Мусы.

– Это с каких пор ты у меня стал разрешения спрашивать? – удивился Муса.

Действительно, не только мы, депутаты, но и ни один зогаллинец никогда у Мусы разрешения не спрашивал, когда заходил к Абид муаллиму. Большинство зогаллинцев призывали к тому, что дверь в кабинет Абид муаллима всегда открыта. Не надо ни стучаться, ни разрешения войти спрашивать. В открытую дверь он сам зогаллинцев видит раньше, чем они его. Иной раз немного растерянный зогаллинец в приемной оглядывается по сторонам, а Абид муаллим уже кричит из кабинета:

– Что ты хотел? Заходи!

А сегодня дверь закрыта. Закрытая дверь в любой чиновничий кабинет по определению требует стука. Так я и поступил, и сразу из-за двери послышался голос Абид муаллима:

– Да заходи, Рафаэль, заходи.

Оказывается, он слышал наш разговор с Мусой.

– Все уже знаешь? – спросил Абид муаллим у меня, как только я присел напротив.

И, не дождавшись моего ответа, начал сам:

– Рафаэль, сколько можно терпеть? Вчера ночью по телефону ругались, сегодня с утра приехал сюда. Я не выдержал, написал заявление и отдал ему в руки. Не хочу больше! Завтра в три часа приедет, и вы меня снимете.

– Из-за мяса, да? – я в принципе знал о том, как райком каждый день прессовал Абид муаллима. На самом деле Абид муаллим прав, нет в деревне живности. Раньше, когда деревенское стадо вечером возвращалось с пастбища, то растягивалось до километра. Пасли впятером, и все равно не справлялись. Сейчас два человека пасут и успевают.

– А из-за чего еще, – подтвердил Абид муаллим, – по другим вопросам проблем нет. Только из-за него.

Потом он наклонился ко мне и тихим голосом сказал:

– Я их не пойму: с одной стороны целый день по радио и телевизору вещают, что надо развивать подсобное хозяйство, увеличивать поголовье скота у населения, с другой стороны, каждый день им подавай мясо. Коровы же не кролики, чтоб размножаться каждый месяц. Разве дело первого секретаря райкома проверять, у кого сколько живности? Сидел вот тут, на моем месте, и листал книгу, где мы ведем подворный учет животных. Наткнулся на мугала Шабана, видит, у него две коровы, и говорит мне:

– Почему у него две коровы? У всех по одной, а у него две. Может, он твой родственник?

– Да, – говорю, – родственник, только не мой, а военкомата.

– Не понял, – говорит, – Балаев, причем тут военкомат?

– А что тут понимать, – ответил я ему. – Одиннадцать детей в семье у него и все мальчики. Каждый год по одному уходят в армию. Их же кормить надо до армии?

Смеется, а что ему остается. Говорит:

– Не поверю, чтоб в такой большой деревне нельзя было тонну мяса к утру приготовить. Живым-то весом, Балаев, – говорит, – три-четыре коровы.

– Хоть живым, хоть мертвым, – ответил, – нет мяса в деревне.

Подумал, подумал он и сказал:

– Тогда заявление на стол.

Сказать честно, он ждал от меня слов, мол, извините Рахим Халыгович, ну нет в деревне мяса, будь оно проклято. Не стал я унижаться, взял бумагу, хотел было написать заявление, только не знал, на чье имя писать. И спросил у него:

– На ваше имя писать заявление?

Он тоже, наверное, не знал. И задумался, позвонил в райком кому-то. Вот такие дела иногда происходят в жизни, с одной стороны, хотят избавиться от человека, с другой стороны, не знают, как.

– Пиши, – сказал, – на имя своих депутатов, какого там у вас созыва?

– Девятого, – ответил я ему.

– Вот так и пиши, – сказал, – на имя депутатов зогаллинского сельсовета девятого созыва.

И добавил:

– По собственному желанию.

– По собственному, так по собственному, – ответил я ему.

И написал.

– Число какое ставить?

Опять он позвонил в райком, в организационный отдел, наверное, посоветоваться с кем-то:

– Ставь завтрашнее число.

Поставил число я, отдал заявление ему. Он прочитал, еще и посмеялся надо мной:

– У тебя, – говорит – Балаев, подпись министерская. Тебе бы министром работать с такой подписью.

– В сельсовете работать не даете, – ответил я ему, – кто мне даст министром работать.

Исаев посмеялся опять.

– Интересный ты человек, Балаев, – сказал он в конце, – будь немножко поумнее, работали бы мы тобой.

Потом позвал Мусу и дал ему указание, чтоб завтра после обеда тот собрал депутатов. А мне приказал подготовить дела...

– Окончательно решились, да, Абид муаллим? – спросил я, давая ему понять, что если бы он сам не решился на уход, лично я, как депутат, поддержал бы его. Я, конечно, лукавил.

– Все, все, с меня хватит! – утвердительно ответил Абид муаллим, в свою очередь давая мне понять, что если бы он сам не решился, никакие требования райкома он бы якобы не выполнил.

А ведь он не лукавил.

Конечно, мне стало очень стыдно, а что я мог поделать? Так устроен мир, все вокруг лукавят, и я не исключение. Как я мог пойти против первого секретаря, даже не представляю. Только при одном его появлении в зале у меня начинался страх. Абид муаллим, конечно, другой человек, он на самом деле не боится никакого начальства.

То, что он показал мне потом, вообще уму непостижимо.

– Готовлюсь к сдаче, поэтому закрыл дверь, – начал он. – Рылся в бумагах, все ненужное убрал. Когда открыл сейф и увидел печать сельсовета, в голову пришла хорошая идея. Ты только никому пока не говори. Перед уходом хочу первому секретарю объявить выговор и занести все это в нашу сельсоветовскую книгу.

Первое, что пришло мне в голову – встать и уйти. Я понял, что для меня наша сегодняшняя беседа с ним добром не закончится.

Увидев мое состояние, он усмехнулся:

– Что, испугался, да? Я о тебе был лучшего мнения.

– Абид муаллим, – сказал я, – вы в своем уме?! Где это видано, чтоб председатель сельсовета объявлял выговор первому секретарю райкома?

– А ты думаешь, я об этом не знаю? Или думаешь, я такой тупой? А как мне бороться, Рафаэль? – ответил Абид муаллим.

Потом он встал, держа бумагу в руке, обошел стол и подошел ко мне. Я сидя наблюдал за ним. Подойдя ко мне сзади, положил левую руку мне на плечо, а правой протянул лист бумаги:

– Да ты, Рафаэль, не бойся, это все наши с ним вопросы. Вот, набросал текст приказа, почитай.

А мне ничего и не оставалось, как прочитать. Больше всего я боялся, что кто-нибудь сейчас зайдет и увидит меня за этим занятием. Я взял лист и прочитал: «За необоснованное и неоднократное вмешательство в дела местных органов власти, в частности в дела Зогаллинского сельсовета, объявить выговор первому секретарю Гахского райкома партии Исаеву Расиму Халыговичу». И внизу его министерская подпись.

Я как дочитал, сразу встал, протянул листок ему обратно и сказал:

– Абид муаллим, как хотите, только, пожалуйста, без меня. И хотел уйти. А он не отпускает.

– Да сядь ты, тоже мне депутат. Сядь и успокойся. Я вот хочу с тобой посоветоваться. Как лучше, обычный выговор или строгий? Никак не определюсь, как ты смотришь, если я его строгим выговором оформлю?

«Точно, ненормальный», – подумал я

– Куда он хотел вас сдавать? – спросил я у него, – на Шекинский мясокомбинат, да?

– Видишь, – не растерялся Абид муаллим, – разве нормальный руководитель района позволит себе такие угрозы в адрес местных руководителей? Какое сейчас время, чтоб он меня пугал мясокомбинатом? Дай сюда листок! – С этими словами он забрал у меня бумагу, которую я, дрожа, держал в руках, и быстро вернулся на свое место напротив. Достал из внутреннего кармана пиджака ручку, что-то исправил в приказе, сложил листок вчетверо и сказал:

– Решено! Только строгий выговор! И обязательно занесу в книгу!

– В какую книгу? В книгу подворного учета поголовья скота? – я таким образом старался пошутить, хотя уже чувствовал себя соучастником какого-то преступления.

– Увидишь, если не напишу этот выговор в книгу сельсовета, не буду Балаевым!

Но я все-таки хотел отговорить Абид муаллима от этого опрометчивого шага:

– Одумайтесь, Абид муаллим, с мясокомбинатом шекинским, возможно, он и пошутит, но в дурдом шекинский он вас точно оформит. И будет прав! Запомните мои слова!

– Все, хватит меня пугать! Пусть попробует! Не боюсь я никого!

Потом он еще несколько раз про себя говорил: «Мясокомбинат, дурдом. Не боюсь я никого, вот и все!».

– Я вижу, ты уже наложил в штаны, – повернулся ко мне.

– С чего это вы взяли? – я хотел возразить.

– Как с чего? Слышно, – ехидно засмеялся и демонстративно открыл окна кабинета.

– Сейчас ты свободен, Рафаэль! Только пока никому ни слова. Если услышу от кого-нибудь, пеняй на себя, скажу, что с тобой посоветовался! Мне терять нечего.

Я вышел весь мокрый. Хорошо, что Мусы не было в приемной, он курил на улице. Проходя мимо него, я махнул рукой, не дав ему поинтересоваться нашим разговором. Через минуту я услышал сзади зычный голос Абид муаллима:

– Завтра в три, не забудь!

Как мне повезло, что в тот же день вечером председатель колхоза отправил меня за посевным зерном в Агдаш. Так что, когда его снимали, меня не было. Оказывается, сам Расим Халыгович не приезжал, вместо себя отправил третьего секретаря райкома, женщину-грузинку, забыл, как ее зовут. Перед отъездом в Зогаллы он дал ей указание, чтобы она выбрала и назначила председателем кого-нибудь поумнее, если это, ко-

нечно, возможно, и помоложе. Короче, прочитали заявление Абид муаллима, он при всех сдал новому председателю печать, книги, ключи от сейфа. И, не попрощавшись ни с кем, ушел. Все это, говорят, заняло полчаса, не более.

А новый наш председатель, Нураддин, в прошлом году сельхозинститут закончил в Кировабаде, ветеринаром у нас в колхозе работал. Ты его знаешь. Сам он неплохой парень, но тупой. У нас в Зогаллы все почему-то считают, что самый тупой человек в деревне – это скотник Мадат. Так я тебя уверяю, Мадат умнее Нураддина будет, тот хоть всех коров в стаде поименно знает, а этот в них вообще не разбирается, хотя и в институте на ветеринара учился. Учился на отцовские деньги, все в Зогаллы об этом знают. Буквально недавно у меня бычок, которого я держу на зиму, начал поносить не знаю с чего. День поносил, второй поносил, и пошел я за Нураддином. Рассказал ему все, а он смотрит на меня и спрашивает:

– Так, а почему он поносит?

– Нураддин, – говорю ему, – если бы я знал, почему он поносит, к тебе не пришел, сам бы и вылечил.

– Дома есть виноградная водка? – спрашивает.

– Есть, – отвечаю, – и тутовая, и кизиловая есть. Только зачем это ты спрашиваешь? Ты сперва вылечи моего бычка, потом какую захочешь, такую и поставлю на стол.

– Нет, – говорит, – виноградная лучше будет, – Лечить будем, говорит, по дедовскому методу.

Короче, пришел он ко мне. Завязали ноги и завалили бычка, дети держали за ноги, я открыл ему рот и залил Нураддин в него, не поверишь, грамм двести виноградной водки, в которой градусов семьдесят, не меньше. Первый раз видел, как бычки плачут. Вот такие слезы текли у него, как тутовые ягоды. Потом, правда, сразу и водой напоили. И развязали. Бычок как выскочил, пробежал метров десять, ноги заплетались у него, как у пьяного, и рухнул посреди двора, как будто кто-то пулеметом строчил по его ногам. Не поверишь, когда упал, сломал переднюю ногу. И сегодня передняя нога в шине.

Правда, к утру перестал поносить. Вот такой у нас ветеринар, оказывается, надо было хотя бы часа три держать бычка лежа, с завязанными ногами, и постараться хоть чуть-чуть покормить, чтоб хмель ушел. Но он не знал этого, а мы тем более. Сейчас он у нас новый председатель сельсовета.

Так вот, захожу как-то через неделю в сельсовет, не помню по какому делу, Мусы в приемной не вижу. Да, пока не забыл, этот наш Муса – вечный секретарь сельсовета. Председатели меняются, а он остается. И главное, со всеми ладит, потому что ни на что не претендует. Поэтому и сидит вот уже столько лет. Во всех соседних сельсоветах секретари женщины, только у нас мужчина, Муса. А у него кличка из-за этой работы, знаешь какая? За глаза все его зовут тетя Муса и не иначе. Скажу тебе, не каждый согласится работать на его месте, работа неблагодарная, зарплата маленькая. А он работает, когда ни зайдешь, он там. Поэтому еще я удивился, когда не увидел его в приемной. Открываю дверь кабинета, сидит Нураддин. Абид муаллим всегда сидел с открытой дверью. А этот сидит закрытый. Я лично так понимаю: если Муса в приемной, еще полбеды, закрывайся, но когда Мусы нет на месте, сиди с открытой дверью, чтоб видеть – кто заходит, кто выходит. Красть-то, конечно, в приемной нечего, кроме сломанного стола и нескольких старых стульев. Да, еще со всех сторон обклеенный скотчем телефонный аппарат, который выглядит как забинтованный мотоциклист после аварии.

А Нураддин закрылся и сидит, людей стесняется, что ли? Увидел меня, обрадовался, быстро поднялся навстречу.

– Ой, Рафаэль, – сказал, – хорошо, что зашел. Мне нужен твой совет.

– Что случилось? – спросил, – чем смогу, тем и помогу.

– Когда твой бычок болел, – говорит, – я сразу пришел и помог. Сейчас помоги ты. Только между нами.

– После твоей помощи, – пошутил я, – мой бычок не ходит, а прыгает как лягушка.

– Ну, кто ж знал, что он у тебя такой бешеный, – обиделся немножко Нураддин, – точно так же я вылечил корову Сулеймана, так тот потом жаловался, что корова три дня лежала и не вставала. А твой сразу вскочил.

– Ну хорошо, – говорю, – выкладывай, что случилось?

Нураддин достал из сейфа сельсоветскую книгу, сел напротив меня и говорит:

– Стал я просматривать вот эту книгу, думаю, посмотрю, что к чему. Смотри, что он написал на последней странице.

И протягивает мне книгу.

Я сразу догадался, о чем пойдет речь, но себя не выдал. Решил поиздеваться немножко над ним.

– Кто написал? – спрашиваю.

– Кто, кто? Абид муаллим, конечно же, – обидчиво произнес Нураддин.

– И что он написал?

– А ты почитай, – говорит, – взял и первому секретарю объявил выговор в день, когда его сняли. Где это видано, а, Рафаэль? А наши все удивляются, за что его сняли? Зачем такое делать, не пойму? Он же меня подставляет, как будто я ничего не знаю. Я, между прочим, не напрашивался на его место. Хоть бы предупредил.

Тем временем я не спеша открыл книгу и точно так же не спеша прочитал содержание приказа. Один к одному, как Абид муаллим мне показывал, так и записал.

– Да, действительно, но ты не волнуйся, это обычный выговор, вот если бы был строгий, то другое дело, – начал я свою игру.

– Какая разница – строгий, не строгий, – возмутился всегда спокойный Нураддин.

– Разница большая, – ответил я ему, – Абид муаллим тебя пожалел. За строгий выговор тебя точно кастрировал бы Рахим Халыгович, как ты быков колхозных кастрируешь.

– Не знаю, что делать? – не слушал меня Нураддин, – как увидел этот приказ, ночами не сплю.

– А с ним не разговаривал? – я хотел как-то успокоить его, а потом уже высказать задуманное.

– Говорил я с ним. «А ты, – говорит он, – чего боишься? Если что, с меня спросят».

– Да, действительно, а ты чего боишься? Не ты же написал. – Делаю вид, что ничего страшного в этом я якобы не вижу.

– Ты что, Рафаэль, – начал кричать на меня Нураддин, – не понимаешь, что ли?! Завтра с меня спросят, куда я смотрел, когда принимал дела?

– Да, – соглашаюсь, – могут спросить.

– И что тогда мне будет?

– Снимут с работы и обратно переведут в колхоз, – спокойно отвечаю.

– Хорошо, если только снимут, – уныло согласился Нураддин.

Не стал я больше тянуть резину и предложил свою игру – будто эта идея только что пришла мне в голову.

– Знаешь, – сказал я ему. – Ты об этом больше никому не говори. Лучше возьми книгу, и завтра же езжай в Гах к первому. Так и так, мол, я молодой, неопытный, не знал, что проверять, и никто не подсказал. Вали все на Мусу – что столько лет работает, мог бы и посоветовать. И покажи все это Расиму Халыговичу. Он поймет, я думаю. Если сейчас не поставишь его в известность, а завтра он как-то сам узнает об этом, тогда тебе не поздоровится точно. Так что, будет лучше, если ты все сам покажешь. Он все равно должен ознакомиться с приказом и расписаться, так что не медли.

* * *

Вход в административное здание всегда напрягает среднего руководителя, а мелкого – даже пугает. Но в случае с Нураддином эти законы бюрократии не сработали. Красный ковер, постеленный на лестнице, ведущей на второй этаж задания райкома к кабинету Расима Халыговича, должен был означать,

что он уже находится в другом измерении. Но Нураддин всего этого не замечал.

Когда он заходил в приемную, секретаря там не было, но в ожидании приема сидело несколько человек. Единственный свободный стул находился рядом с дверью в кабинет Исаева, и Нураддин вынужден был сесть именно там. Присев, Нураддин положил дипломат, в котором находилась сельсоветовская книга с выговором, на колени и, словно трофей, крепко сжимал его. Вернувшаяся в приемную женщина-секретарь среднего возраста заметила нового посетителя и сразу спросила у него:

– Как ваша фамилия? Откуда? По какому вопросу?

Оказывается, у первого секретаря был приемный день. Нураддин уверенно назвал свою фамилию, представившись новым председателем Зогаллинского сельсовета. Секретарь райкома и сидящие в приемной посетители могли бы и без представления определить, что он из Зогаллы, потому что Нураддин говорил с грубым зогаллинским акцентом. Но тут надо отдать должное Нураддину, ему хватило ума и догадливости громко не афишировать цель своего приезда. Встав с места, он подошел к столу секретаря и достал из дипломата сельсоветовскую книгу. Открыв нужную страницу, тихо сказал:

– Надо бы ему показать.

– Вы что там, в Зогаллы, совсем с ума сошли? – Тихо произнесла секретарь после прочтения выговора. – Ждите.

Нураддин пожал плечами, не зная, что ответить. Положил книгу обратно в дипломат, вернулся и сел на свое место. В этот момент из кабинета Расима Халыговича вышел посетитель, и секретарь быстро встала и направилась к первому. Прежде чем открыть дверь кабинета, она посмотрела на Нураддина и грозно предупредила:

– Сейчас держись!

Нураддин с замиранием сердца стал ждать вызова в кабинет, и когда через три минуты открылась дверь, он даже облегченно вдохнул. «Что будет, то будет», – решил он. Секретарь, а за ней и сам Расим Халыгович вышли в приемную. При виде

Исаева Нураддин резко поднялся и от волнения уронил дипломат. Сидящие в приемной тоже поднялись. Расим Халыгович посмотрел сперва на дипломат, потом на Нураддина, почему-то улыбнулся и спросил:

– Это ты будешь из Зогаллы?

– Да, я новый председатель Зогаллинского сельсовета.

– Ну, тогда пошли, – сказал Расим Халыгович.

Быстро подобрав дипломат с пола, Нураддин зашел в кабинет. В кабинете Расим Халыгович по-отечески обнял Нураддина за плечи и посадил за стол.

– Ну-ка, расскажи, что там у тебя? – указал на дипломат.

Успокоенный таким приемом, Нураддин, не знал с чего начать:

– Знаете ли, стал я просматривать наши книги сельсоветовские, надо ж как-то знакомиться с делами, и вот что обнаружил.

С этими словами он быстро залез в «дипломат» и достал оттуда большую сельсоветовскую книгу. Расим Халыгович изумленно ждал, что же все-таки обнаружил в книге новый председатель зогаллинского сельсовета. Нураддин полистал книгу на столе Расима Халыговича, куда он перебрался, обойдя длинный стол, поставленный перпендикулярно столу первого секретаря. И торжественно заявил:

– Вот что я обнаружил, почитайте.

Как утверждает Кара дайы, у любого человека в жизни бывают моменты, когда он вынужден что-то делать, но со временем становится ясно, что лучше бы он этого не делал. То же самое случилось с Расимом Халыговичем. Он взял книгу и прочитал, потом прочитал еще раз, а потом еще раз. Лучше бы он не читал этот приказ.

– Он что, совсем сдурел, что ли? Может, у него на самом деле с головой не все в порядке? Зря я его тогда в мясокомбинат не сдал.

– То же самое я говорил Рафаэлю, – осмелел и Нураддин, – где это видано, чтоб председатель сельсовета объявил выговор самому райкому?

– Какому еще Рафаэлю? У Вас в Зогаллы еще и Рафаэль есть? Вы у себя в Зогаллы говорить по-человечески не можете, а имена себе аристократические умеете брать! – сарказму Расима Халыговича не было предела, – И кем он у вас работает, этот Микеланджело?

– Микаилов, – поправил Расима Халыговича Нураддин. – Фамилия его Микаилов. Бригадир в колхозе, к тому же депутат.

– Ну хорошо, пусть Микаилов будет.

– А он успокоил меня, сказал, хорошо, что не строгий. Обычный, сказал, через полгода снимается.

– Что снимается? – спросил ошеломленный первый секретарь.

– Выговор, – ответил Нураддин, – если он не строгий, через полгода автоматически снимется. Так Рафаэль мне объяснил.

– А как головы снимаются за такие дела, он тебе не объяснил? – грозно постучал кулаком по столу Расим Халыгович.

Нураддин ответил как наивный ребенок:

– Больше он ничего не говорил.

Исаев был в полном недоумении. Столько лет на партийной и хозяйственной работе, всякое он видел, но чтоб такое?!

«Они даже нормально говорить не могут на азербайджанском, – рассуждал о зогаллинцах Расим Халыгович, – чтобы их понять, переводчик нужен. А тут таким почерком и на всю страницу. Один старый дебил написал, другой, помоложе, привез мне показать».

– У вас в деревне все такие? – спросил он у Нурадина.

– Не знаю, – ответил Нураддин, – разные все, как и везде.

– А ты работал ветеринаром в колхозе, да?

– Да, после института. Я, честно говоря, не хотел на эту работу. Я привык работать с животными. А тут надо с людьми работать. Работа с людьми и животными, сами понимаете, разные вещи.

– У вас в деревне это скорее одно и то же, так что не волнуйся, у тебя все получится, – Расим Халыгович начал понимать, с кем он имеет дело. – Продолжай.

– То же самое третий секретарь сказала. Ты, сказала она, молодой, мы тебе доверяем ответственную работу. Так что, давай, не подведи. А я никогда с людьми не работал. Год, как окончил институт, работал в колхозе. Только начал понимать животных. Не то, что Абид муаллим.

«Да, тот поумнее тебя будет», – подумал Исаев, слушая Нураддина. А слушать дальше его у Расима Халыговича не было ни желания, ни терпения.

– Ну вот что, ты оставь эту книгу мне, и никому ни слова, понял?

– Да, конечно, – подтвердил Нураддин.

– Заведите себе новую книгу и начинайте работать. А с ним я сам разберусь.

Прием у Расима Халыговича длился не более десяти минут. Без книги дипломат показался Нураддину таким легким, что после выхода из здания райкома он несколько раз перебросил его из одной руки в другую, и каждый раз дипломат описывал в воздухе все большую траекторию. Когда очередной бросок оказался неудачным и дипломат упал на асфальт, Нураддин прекратил цирковое представление.

Он был доволен, как может быть довольным неопытный минер после установки сложнейшего взрывного устройства на путях возможного продвижения вражеского состава. Вражеским составом, естественно, ему виделся Абид муаллим. В ожидании предстоящего взрыва он и вернулся назад в Зогаллы.

А взрыв так и не произошел. Скорее всего, мудрый Расим Халыгович не пожелал больше портить себе нервы из-за зогаллинского чудака и решил не запускать взрывной механизм.

* * *

С конца октября строители стали все реже и реже появляться на стройке клуба, а в ноябре, ссылаясь на непогоду, совсем перестали выходить на работу. Возмущенный Абид муаллим ходил и удивлялся:

– Вот люди, а? В ноябре на непогоду жалуются. Где это видано, а? Непогода в ноябре – это нормальное явление в Зогаллы.

Но его никто не слушал. С приходом зимы световые дни стали короче, и строительство зогаллинского клуба окончательно заглохло. Предприимчивые зогаллинцы по ночам стали разбирать стены оставленного без охраны недостроя. С каждым днем худеющие стены словно звали на помощь. Единственным во всей деревне, кто услышал этот крик, оказался именно Абид муаллим. Каждое утро он начинал с обхода недостроенного клуба, при виде которого у него болело сердце. Утешением для Абид муаллима служил черный дым, выходящий из высокой трубы зогаллинской бани, куда в последнее время зачастили даже мугалы. А когда крики о помощи стали не давать ему по ночам спать, он не стал пить успокоительные и снотворные таблетки. И не предупредив никого, в темноте, пешком вышел на трассу Закатала – Баку и проходящим ночным автобусом поехал в столицу.

Только через день зогаллинцы обнаружили пропажу Абид муаллима. Зогаллы – тихая, спокойная деревня, а тут самым неожиданным образом пропал не кто-нибудь, а сам Абид муаллим, бывший председатель сельсовета. По деревне поползли слухи, что это дело рук Расима Халыговича. Что он, узнав о выговоре, посчитал себя глубоко оскорбленным, и его люди ночью вывезли Абид муаллима на расправу. Нашлись даже зогаллинцы, которые в ночь пропажи Абид муаллима якобы слышали шум двигателя машины возле его ворот. Многие вспомнили об угрозе со стороны Расима Халыговича сдать Абид муаллима на мясокомбинат. Аксакалы, как могли, успокаивали людей, призывая их к терпению:

– Подождем еще день-два, если не появится, тогда подумаем, что делать, – говорили они.

Аксакалы оказались правы. На третий день Абид муаллим вернулся из Баку, и визит его, видимо, был удачным. По приезде он первым же делом посетил зогаллинскую чайхану и недвусмысленно дал понять, что поименно знает всех расхитителей стройматериалов из недостроенного клуба, и когда будет нужно, выложит весь список.

– Так и передайте всем, – объявил свой ультиматум воодушевленный поездкой в Баку Абид муаллим в зогаллинской чайхане, – в нужное время я их всех выдам! Или они прекращают разбирать сельский клуб и возвращают все назад, или потом за все ответят!

Настороженные зогаллинцы в первое время после предупреждения Абид муаллима действительно перестали по ночам разбирать стены клуба. О выполнении второй части ультиматума, конечно же, не могло быть и речи, чем бы она ни грозила зогаллинцам.

Время шло, но действий со стороны Абид муаллима не было. Благо, наступление холодов и выпадение обильного снега затруднили замыслы некоторых зогаллинцев о возобновлении процесса разборки стен сельского клуба, которые сочли ультиматум Абид муаллима обыкновенным блефом. Однако сразу после Нового года в первом же номере республиканского журнала «Кирпи» был опубликован язвительный фельетон учителя родного языка и литературы Зогаллинской средней школы Гахского района Абида Балаева «Сверху строят, снизу разбирают» («Устдан тикирлар, алтдан сокурлар»). Фельетон сопровождался большой карикатурой, где деревенские мужчины таскали – кто на спине, кто на тачках – стройматериалы из недостроенного здания сельского клуба. По Зогаллы поползли слухи, что лица мужчин на карикатуре были нарисованы по описаниям Абид муаллима, и якобы многие зогаллинские несуны узнавали себя

Каким образом Абид муаллиму удалось убедить руководителей влиятельного в то время республиканского журнала напечатать этот фельетон, и по сей день является тайной. Но факт остается фактом, буквально через три дня после выхода фельетона к сельскому клубу подогнали всю строительную технику Гахского «Межколхозстроя», а еще через несколько дней возобновили строительство клуба, предварительно очистив площадку от снега. Окрыленный успехом, Абид муаллим в первый же день поставил ультиматум уже перед строителями:

– Халтурить не позволю! – заявил он директору «Межколхозстроя», который и так не собирался халтурить, понимая, как опытный руководитель районного масштаба, всю серьезность ситуации. Как и в случае с баней, Абид муаллим каждый день приходил на стройку и давал необходимые указания строителям. На стройке ему не нравилось все: то кладка неровная, то раствор неправильно замешан. Получившие инструкцию не конфликтовать с ним, рабочие молча исправляли указанные Абид муаллимом ошибки. Однажды он придрался даже к неустойчивости козлов, которые те сбили из досок для высотных работ. Увидев шатающееся под ногами рабочих самодельное сооружение, он снизу покричал им:

– Козел, козел укрепите хорошо!

То ли рабочие услышали только начало предложения Абид муаллима, то ли он уже надоел им своими подсказками, стоящий наверху бородатый строитель ответил ему:

– Сам ты козёл! Иди отсюда, надоел уже!

Ответ был настолько неожиданным для Абид муаллима, что он повернулся и ушел. Абид муаллим не умел бороться с рабочими, его стихией было начальство.

После этого случая он все равно продолжал ходить на стройку, но перестал давать указания. Он мог часами наблюдать за работой строителей, изредка покачивая головой, словно говоря, что как бы они ни старались, в их работе есть недостатки, и что он кое-чем все равно недоволен.

Как-то на стройку приехал Расим Халыгович и застал там Абид муаллима как раз во время его очередного молчаливого наблюдения. Обойдя стройку, Расим Халыгович заметил Абид муаллима и сам подошел к нему.

– Салам, Абид муаллим, салам! – так дипломатично он поздоровался с ним.

Абид муаллим тоже протянул руку и тоже дипломатично ответил:

– И вам саламлар, Расим Халыгович!

– Стоило ли, Абид муаллим, – спросил Расим Халыгович, – поднимать шум на всю республику? И так достроили бы.

– С шумом быстрее получается, – не растерялся Абид муаллим.

Расим Халыгович, как всегда, куда-то спешил, поэтому часто посматривал на часы. Взглянув на них в очередной раз, он грозно спросил у своего помощника:

– Вы его предупреждали, что в три часа я приеду на стройку? – стало ясно, что Расим Халыгович имеет в виду директора «Межколхозстроя», который должен был быть на стройке, но почему-то отсутствовал.

– Так точно, Расим Халыгович, – смиренно ответил помощник, – предупреждали.

– Так где же он? Что он себе позволяет? – буркнул Расим Халыгович.

– Наверное, что-то с машиной у него, – ответил помощник.

Таким ответом он не только выгораживал директора «Межколхозстроя», который никогда не отказывал ему в его просьбах, но и давал понять Расиму Халыговичу, что об игнорировании его приказов и речи не может быть.

Успокоившись после такого ответа помощника, Расим Халыгович в очередной раз посмотрел на часы и сказал:

– В принципе тут и без него есть, кому контролировать стройку. После чего, посмеявшись, он похлопал по плечу Абид муаллима, сел в машину и уехал...

...Абид муаллим, как никто, ждал открытия клуба, а когда стал известен этот день, с утра записался в баню. Перед этим с вечера он сходил в единственную зогаллинскую парикмахерскую, которая находилась во дворе правления колхоза возле речки Пушта, где попросил даллак Сейфаддина постричь и побрить его. Абид муаллим всегда брился дома сам, а стричься предпочитал в Гахе. Дело в том, что, несмотря на большой стаж работы, даллак Сейфаддин так и не научился не только нормально стричь, но и аккуратно брить клиентов безопас-

ным лезвием. Стриг он только налысо, проходясь по голове клиента машинкой для стрижки, не утруждая себя работой ножницами и расческой. Основными его клиентами являлись зогаллинские школьники, и в ответ на просьбы не стричь их наголо, даллак Сейфаддин обычно ссылался на тайное указание директора школы Шариф муаллима, который, якобы, разрешал ему стричь школьников исключительно под ноль. Старшеклассники ездили для стрижки кто в Гах, кто в Загаталу, но младшим школьникам ничего не оставалось, как приходиться со своим рублем к нему. После стрижки он обычно гладил школьника и на прощание награждал его несильным щелбаном по лысой голове. Взрослых зогаллинцев Сейфаддин стриг той же машинкой, но с насадкой два миллиметра. Поэтому, если головы зогаллинских школьников издали напоминали гладкие дыни, то головы взрослых были похожи на хорошо подстриженный газон. С другой стороны, если у школьников Сейфаддин за стрижку брал один рубль, то взрослым зогаллинцам он к этой сумме добавлял еще один рубль за одекolon «Шипр», который те даже не нюхали.

Брил он еще хуже, поэтому уважающий себя и свою физиономию зогаллинец к даллаку Сейфаддину никогда не заглядывал. Но, по сложившейся в Зогаллы традиции, он брил всех родственников покойного зогаллинца на сороковой день его смерти в доме покойника. Бритье поминальной бороды в Зогаллы почему-то считалось исключительно делом даллака, потому в поминальные сороковины, за неимением другого в деревне, приглашали даллака Сейфаддина. Мужчины в Зогаллы строго придерживались церемонии оставления бороды на срок дней после смерти близкого, но к самому процессу бритья и его качеству они были не столь требовательны. Потому израненные после бритья даллаком Сейфаддином зогаллинцы, как правило, смеялись друг над другом без особых претензий к самому Сейфаддину.

Удивленный неожиданным появлением Абид муаллима, даллак Сейфаддин даже растерялся и спросил у него:

– Как вас стричь и брить, Абид муаллим?

– По-человечески! – коротко заявил тот.

– Это мы можем, – сказал любопытный даллак и сразу поинтересовался:

– Добром ли, Абид муаллим, к чему так усиленно готовитесь?

На этот раз Абид муаллим радостно ответил:

– Конечно, добром, завтра в четыре часа открытие клуба.

– А вы слово скажете, Абид муаллим? – спросил настойчивый даллак, прежде чем приступить к своим прямым обязанностям.

– Если дадут слово, то обязательно скажу, – подстраховался Абид муаллим

Даллак Сейфаддин поработал над Абид муаллимом так, как он умел это делать. Если не считать десятка порезов на лице, то в целом после стрижки головы с единственной насадкой-двойкой Абид муаллим выглядел очень даже молодо.

Даллак Сейфаддин приклеил к порезам кусочки ваты и нагло рапортовал:

– Хотя в Верховном Совете сейчас можете выступить, Абид муаллим.

Абид муаллим в некоторой растерянности осмотрел свою израненную физиономию, посчитал количество приклеенных кусков ваты и в итоге, не найдя ничего опасного для жизни, с некоторой оговоркой согласился с ним:

– Да, но разве что по вопросам хлопководства.

Всю ночь до утра в поисках сладкого сна он крутился под одеялом. Сон так и не нашелся, зато приклеенные к порезам кусочки ваты расклеились и отпали. Утром, глядя в зеркало, Абид муаллим увидел знакомое, но опухшее от бессонницы лицо с маленькими красными точечками. В надежде на их исчезновение во время банных процедур, он направился в «свое детище».

После бани большинство кровавых пятен действительно исчезло, и довольный Абид муаллим медленно прошелся до-

мой, благо стояла хорошая апрельская погода. Кого бы он ни встречал по дороге, всех предупреждал:

– В четыре часа не забудьте прийти в клуб.

Ровно в час он сел за обеденный стол и плотно поел.

Когда он вышел из дома и направился в новый клуб, не было еще и трех часов. В самом клубе заведующий Рза и несколько его работников усиленно готовили сцену и проверяли исправность аппаратуры. В президиуме они установили большой стол для торжественных событий. Стол накрыли праздничным кумачом. В центре водрузили хрустальную вазу для цветов, принесенную заведующим клубом из дому. Поздоровавшись с ними, Абид муаллим сел в первый ряд в центре и о чем-то задумался.

Абид муаллим очень хотел выступить с трибуны нового зогаллинского клуба. Но не тут-то было. Выступили все: и Расим Халыгович, и председатель колхоза, и директор сельской школы. Даже заведующему клубу Рзе дали слово для выступления. Последним выступил председатель сельсовета Нураддин, который с трибуны нового клуба призвал жителей Зогаллы к активной сдаче мяса государству в знак благодарности руководству района. На призыв Нураддина зал неодобрительно загудел. Почувяв неладное, Расим Халыгович хотел быстро объявить о закрытии официальной части. Молча сидевший до этого момента, Абид муаллим резко сорвался со своего места и направился прямо к трибуне. Все было настолько неожиданно, что никто даже не смог ему мешать. Кто-то в зале аплодировал, когда Абид муаллим поднялся на сцену и он, пройдя мимо президиума, встал за трибуну. В зале воцарилась тишина:

– О всемогущий Аллах, – философски начал свое выступление Абид муаллим, – есть ли предел человеческому желанию? Если для власть предержащих этого мира выступление с высоких трибун парламентов и съездов – обы-

денное занятие, то для меня, как для бывшего председателя сельсовета, учителя и простого жителя этого села Абид муаллима, который в силу своих возможностей всегда готов делать для Зогаллы что-то полезное, сегодня нет ничего более желанного, чем выступление перед своими земляками в новом сельском клубе. Почему? Потому что с трибуны этого нового клуба сегодня я наконец-то сказал бы всем, что когда гигиенические устремления жителей Зогаллы росли не по дням, а по часам, мы построили им баню. А когда просто музогогаллинцу стало тесно культурное обогащение в старом клубе, мы решили построить новый клуб и сегодня присутствуем на его открытии. Спасибо вам большое, зоггаллинцы, спасибо всем, кто хоть как-то причастен к строительству этих двух зданий!

Кто-то из зала покричал:

– А нам за что спасибо? Это вам большое спасибо, Абид муаллим!

И вдруг весь зал как по команде поднялся и стал аплодировать Абид муаллиму хором, благодаря его:

– Спасибо, Абид муаллим!

Абид муаллим побледнел, на лбу показалась теплая испарина. Он вышел из-за трибуны и встал во весь рост перед своими земляками. Как заправский монах из далекого Непала, сложив руки на груди, он дважды поклонился залу, затем под бурные аплодисменты своих односельчан медленно спустился с трибуны и пошел к выходу.

Читатели-недоброжелатели из числа мугалов и близких им людей, наверное, в этом месте ждут от меня трагических вестей о том, как стало плохо Абид муаллиму в тот вечер после выхода из клуба. Я разочарую всех: ничего подобного в тот вечер с ним не случилось! В тот вечер Абид муаллим до глубокой ночи пил со своим соседом зоггаллинское вино и хвастался перед ним:

– Как я им врезал, а?

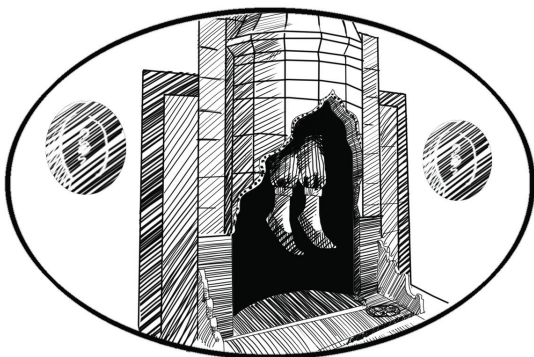
Что странно, сосед, который быстро опьянел, каждый раз соглашался с Абид муаллимом, но почему-то каждый раз при этом у него спрашивал:

– Обидно, да, Абид муаллим?

Прав был пьяный сосед. Конечно, обидно. И мы в свою очередь говорим:

– Еще как обидно!

Сегодня, когда представители почти неизученных племен из самых дальних джунглей Африки и Латинской Америки оказываются на высоких трибунах ООН и ЮНЕСКО, когда им дают слово и хотят их слышать, разве не обидно, что первому зогаллинцу с высшим образованием и бывшему председателю сельсовета у себя дома не давали слова на открытии нового сельского клуба? Воистину обидно, да!

ГЛАВА 8

КАК КАРА ДАЙЫ ЗАСТРЯЛ В БУХАРЕ

Тяжелый послевоенный голод в Дагестане заставлял многих горцев перебираться в наш Гахский район через труднопроходимые горы. Ничего не останавливало людей в поисках куска хлеба: ни вечно заснеженные и скользкие горные тропы, ни вероятность обморожения в пути. Большинство среди них составляли женщины, оставшиеся вдовами после большой войны, и их малолетние дети. В первое время беженцы жили в окрестностях деревень в наспех построенных лачугах. Местные жители помогали им едой и одеждой. Многие в Зогаллы и сегодня помнят женщин с детьми, обходящих дворы в поисках работы, чтоб прокормиться. А когда количество беженцев стало увеличиваться с каждым днем, местным партийным органам пришлось регулировать размещение незваных гостей по деревням.

В те дни в одну из комнат своего каменного дома на первом этаже Кара дайы по настоянию председателя сельсовета Абузара определил одинокую горскую женщину по имени Фа-

тимат. Попытки жены опротестовать решение Кара дайы не увенчались успехом, он даже пригрозил помочь ей в воссоединении со своей родней:

– Будешь учить меня, вернешься в свою мугальскую деревню с теми двумя ведрами, с которыми пришла сюда, – грозил тогда Кара дайы, тем самым давая ей еще раз понять, что кроме этих двух ведер в доме ей больше не на что претендовать, все остальное принадлежит ему.

Под угрозой выселения жена Кара дайы быстро успокоилась и согласилась с решением своего мужа. Тем более, места в доме хватало. Фатимат они выделили пустующую комнату, а сами продолжали занимать вторую комнату там же, на первом этаже, по соседству с беженкой.

В решении поселить в своем доме молодую женщину со стороны Кара дайы преобладала не только жалость к одинокой и бездомной Фатимат, как потом признался он, а еще кое-что, о чем можно было только догадываться. В послевоенные годы местные административные и партийные органы Гахского района по указанию верхов проводили активную работу среди «боеспособных» мужчин для более активного проявления ими своих способностей. В деревнях председатели колхозов и главы сельсоветов открыто намекали оставшимся в живых мужчинам на возможность безнаказанных походов:

– Не бойтесь жалоб, все вопросы уладим! – говорил Абузар, председатель сельсовета, – нравится кто-то, действуйте! Договоритесь и действуйте! Это дело богоугодное, и власти не против. Погибших больше не вернуть, оставшимся надо дать жить.

Власти откровенно подстрекали вернувшихся с войны мужчин к донжуанству.

– У немца выиграла, а тут пасуете, – говорили они, стыдя их.

Решиться на смелость с овдовевшими зогаллинками Кара дайы не мог и не хотел, а тут сам Аллах послал ему такой по-

дарок. Тем более что отношения с женой после возвращения с войны были натянутыми. Откровенно говоря, никаких отношений не было. После десяти лет службы в рядах Советской армии Кара дайы был настроен на развод со своей женой, но объявить об этом ей напрямую не решался. Еще после войны в письмах к Гамидулле он намекал, что был бы не против, если бы жена ушла к своим, не дождавшись его, и больше не вернулась. Но против этого решительно возражал Гамидулла. Тогда в резких выражениях в письме он отчитал Кара дайы, и тому пришлось вернуться к жене, которую он когда-то сам же и похитил.

В деревне все знали о натянутых отношениях Кара дайы с женой, возможно, из этих соображений Абузар и определил Фатимат в дом к Кара дайы.

Национальности Фатимат Кара дайы сегодня уже не помнит. Он и тогда, скорее всего, ее тоже не знал, хотя при упоминании имени Фатимат Кара дайы и сегодня застенчиво улыбается и признается, что, как разведчик, тогда он действовал необдуманно и не довел дело до конца. Представители горских народов, пришедшие в нашу сторону, внешне не отличались друг от друга, и разобраться в их языках и национальностях было делом невозможным. Так, по словам Кара дайы, в горских языках шайтан ногу ломает:

– Они сами не знают, на каком языке говорят, – пошучивал он.

Но разве дело было в национальности или в языке? Дело было в Фатимат. Эта молодая круглолицая горянка «с гордой походкой» сразу заворожила Кара дайы, сама об этом в первое время и не догадываясь. Или делала вид, что не догадывается, потому что, как утверждает Кара дайы, разобраться в тайнах души горской женщины очень тяжело. Как Кара дайы должен был выразить глубину своих чувств к этой женщине, пришедшей с гор с заснеженными вершинами, он не знал. С первого дня он стал крутиться вокруг нее подобно единственному дворовому петуху, недовольно крутящемуся вокруг курятника,

дверь которого хозяйка по неосторожности закрыла, лишив его доступа к молодым курочкам.

Вернувшись с войны, по его же выражению, истинным ценителем женской красоты и покорителем дамских сердец Европы, Кара дайы в первое время растерялся от такого подарка и, можно сказать, даже влюбился в Фатимат.

Второй этаж каменного дома пустовал, он был предназначен для гостей. К этому времени не только сельсовет, но и правление колхоза в Зогаллы имели свои отдельные помещения. А других советских организаций, которые могли бы напроситься на временно пустующую жилплощадь Кара дайы, в деревне не было. Несмотря на это, Кара дайы постоянно держал двери комнат второго этажа закрытыми, а ключи прятал на первом этаже у себя под кроватью. Со временем глава сельсовета безуспешно пытался поселить на второй этаж две семьи из числа новых горцев, но Кара дайы дал решительный отказ, в противном случае пригрозил выселить и Фатимат. Видя твердость Кара дайы, Абузар отступил. На самом деле Кара дайы блефовал, ни о каком выселении Фатимат не могло быть и речи. Буквально за неделю пребывания Фатимат в его доме, он был насколько увлечен ею, что не только стал плохо спать по ночам, но и перестал ругаться с женой, напроочь перестав ее замечать.

Для полноты картины надо бы отметить, что в то время у Кара дайы детей еще не было. Старшая дочь Кара дайы родилась в 1951 году, через четыре года после его возвращения домой. О причинах столь позднего появления детей в семье Кара дайы можно только догадываться, но главной из них были его непростые отношения с женой после войны. Задержка с возвращением тоже была связана с надеждами Кара дайы на то, что жена, устав его ждать, возможно, вернется к своим родным, тем самым освободив его от дальнейших обязательств. Как он когда-то признался, после красивых женщин России, Украины, Польши и Европы, которые якобы сохли по нему, он в первое время не мог даже смотреть в сторону жены.

– Я лучше вернулся бы назад и воевал бы столько же, чем спал с ней, – говорил он как-то.

Поначалу Кара дайы, может быть, действительно ждал начала какой-нибудь новой войны, чтобы вернуться и воевать, лишь бы не спать с женой. От исполнения своих прямых семейных мужских обязанностей он уклонялся под разными предлогами, в основном ссылаясь на какое-то ранение, после которого на восстановление якобы требуется несколько лет. Жена Кара дайы без слов переносила восстановительный период мужа, хотя исподтишка, для ускорения процесса этого восстановления, подмешивала мужу в чай какие-то травы, посоветованные ей мугальской старушкой.

– Все у меня было в порядке, – позже признавался Кара дайы, – но как я представлял себя в одной постели с ней, так мне сразу казалось, что я захожу тушить огромный бушующий пожар голыми руками и сгораю там.

Со временем, не дождавшись войн и постепенно привыкнув к обожженному лицу жены, которое больше всего и отталкивало Кара дайы, он «восстановился» и, видимо, согласился войти в этот «пожар», как он называл свою общую постель с женой, и начал тушить его голыми и, будем считать, не только руками.

Но еще до «тушения пожара» в период «восстановления» в его жизни была почти романтическая и, как положено в таких случаях, неудачная увлеченность Фатимат. История эта имеет трогательный, но не очень счастливый для Кара дайы конец. Многие в Зогаллы и сегодня считают этот конец даже позорным, если брать во внимание, что исполнителем являлся вчерашний командир разведывательного взвода. Но я лично с ними не согласен, и не потому, что он главный герой наших рассказов и мой родственник, а потому, что ради достижения своей искрометной цели, Кара дайы без испуга бросился в бездну. Где и застрял. Ситуация интересна еще и тем, что все это происходило в его же доме и чуть ли не на глазах у жены.

Увлеченность была с одной стороны настолько бесшабашная, а с другой стороны, поддерживаемая извне, что ее неудачное завершение надолго заставило Кара дайы забыть постоянные рассказы о своих военных подвигах.

Но давайте по порядку, тем более что история слишком деликатная и касается, как мы уже говорили, личной жизни нашего героя. Об этой истории я слышал давно и искал случая спросить у него самого о ее деталях. Каждый раз, когда я бывал у него в гостях, меня так и тянуло поинтересоваться внутренним строением имеющихся в комнатах каминов, которые зогаллинцы называют бухарами. Начав с внутреннего строения бухар, я мог бы, как мне казалось, со временем выспросить у него и о том, как он когда-то застрял в одной из них. Естественно, все это должно было случиться во время очередного нашего с ним застолья. Потому что спрашивать такие подробности у него в трезвом виде я стеснялся – он для меня был и остается слишком уважаемым человеком.

И тут помог случай: в конце восьмидесятых годов, в период открытости и гласности, по совету какого-то «умника» на трассе Шеки – Загаталы возле деревни Байдарлы, что у нас в Гахском районе, установили большой придорожный щит с указанием места гибели Хаджи Мурата, героя одноименной повести Льва Толстого. Установили в лучших традициях старой системы – неожиданно и без учета мнения населения. Эта оплошность во многом определила будущую судьбу первого секретаря Расима Халыговича: в момент массовых его «проводов» из района ему припомнили, помимо всего прочего, и историю с этим щитом.

На следующий день после установки кто-то из зорких зогаллинских водителей, проезжая мимо, увидел стоявший возле дороги на видном месте новый щит огромных размеров. Несмотря на то, что надпись была хорошо видна издали, любопытство взяло верх, водитель не поленился и тормознул машину. Внимательно прочитав содержание щита, он поста-

рался его запомнить и в тот же день донес эту информацию до сведения Абид муаллима. Абид муаллим уже не работал председателем Зогаллинского сельсовета, а преподавал родной язык и литературу в школе. Тем не менее, он продолжал считаться самым смелым критиком в районе. Справедливости ради надо сказать, что Абид муаллим и до периода гласности особо никого не боялся, а уж с началом перестройки он, по меткому выражению первого секретаря Гахского райкома Расима Халыговича, «совсем обнаглел».

Как только водитель рассказал ему о дорожном щите, Абид муаллим первым же делом потребовал отвезти его туда, несмотря на жалобы водителя на отсутствие бензина в баке.

– Лично заправлю в павильоне, – пообещал ему Абид муаллим. Он съездил к месту установки и дословно переписал себе в блокнот содержание надписи на щите. Обойдя вокруг указателя, он несколько раз плюнул к его основанию, что должно было означать полное презрение не только к этому сооружению, но и к тем, кто дал указание об его установке. Проявление Абид муаллимом столь демонстративного недовольства еще больше утвердило водителя в правильности своих действий, хотя по дороге отдельные ноты сомнения все-таки тербели ему душу. Дело в том, что уважаемый всеми зогаллинцами Абид муаллим в факте установки щита нашел знаки косвенных притязаний на нашу землю со стороны представителей горских народностей. Поэтому он намеревался поднять тревогу, о чем первым был проинформирован водитель, который вез его домой в Зогаллы:

– Я это дело так не оставлю! Я всем покажу, кто тут похоронен!

Отметил Абид муаллим и бдительность водителя:

– А ты молодец – вовремя все заметил и вовремя все сказал.

Ничто человеческое не чуждо и водителям. Похвали Абид муаллим его при людях, он бы гордо выпячивал грудь и рас-

правлял бы плечи: как-никак тоже внес свою лепту, действовал слаженно и оперативно. А сейчас в кабине машины, кроме них двоих, больше никого не было. Но водитель был настолько воодушевлен похвалой Абид муаллима, что за свои деньги заправил машину, стесняясь напомнить ему о его обещании. По словам водителя, остальную дорогу Абид муаллим молчал, лишь иногда негромко высмеивая кого-то.

– Ну хорошо, сегодня вы поставили щит, завтра захотите поставить памятник, да? Что завтра будет? Что будет завтра? – спрашивал он.

Не зная точного ответа, водитель промолчал, но догадался, что уже в машине Абид муаллим начал генеральную репетицию предстоящего разбора на высшем уровне.

Водитель не ошибся. Для уточнения отдельных деталей Абид муаллим решил посоветоваться с Кара дайы, как со знатоком истории нашего края. Разговор с Расимом Халыговичем предстоял непростой, поэтому надо было быть во всеоружии. В тот же вечер после посещения места установки щита Абид муаллим явился домой к Кара дайы.

Кара дайы в это время ужинал, ел шепоти – любимый фасолевый суп зогаллинцев. В зогаллинской кухне вообще очень много блюд из фасоли. Фасоль зогаллинцы едят не меньше, чем поляки или англичане. Зеленую фасоль зогаллинцы любят подавать на стол в жареном виде. Ни одно зогаллинское застолье в сезон не обходится без жареной на сковороде зеленой фасоли со взбитыми яйцами. А на зиму зогаллинцы заготавливают сушеную фасоль в таких количествах, что ее, как правило, хватает до апреля следующего года. Вареные и немного подсолненные зерна фасоли зогаллинцы подают на стол к домашнему вину. Шепоти тоже готовят из зерен фасоли, а еще в этот суп добавляют жареный лук и немного муки. В силу определенных причин шепоти является сугубо семейным блюдом и считается целесообразным употребление его только на ужин. Определенными причинами, заставляющими есть ше-

поти только в ужин и сугубо в семейном кругу, считаются его расслабляющие кишечник свойства, которые через некоторое время после его употребления могут привести к неожиданно-му выпуску воздуха человеком, иногда в очень громкой форме. Именно для того, чтобы исключить нежелательные залпы при чужих, зогаллинцы едят шепоти в узком семейном кругу и на ужин. Поэтому шепоти для зогаллинца, как спиртное для водителя: покушал – сиди дома, выпил – не садись за руль. Шепоти, приготовленное из некоторых сортов фасоли, иногда вызывает такие оглушительную газовую канонаду, что зогаллинец после хорошего ужина может даже пошутить сам над собой:

– Поел шепоти и можно идти на зайцев охотиться.

Случаи выпуска воздуха зогаллинцами при других обстоятельствах считаются позорным и присущим только мугалам действием, хотя некоторые зогаллинцы нет–нет, да и ссылаются на рекомендации врачей-хирургов о нежелательности сдерживания выпуска воздуха после операции:

– Люди с высшим образованием советуют не сдерживаться, – говорят они, тем самым находя оправдание своим мугальским действиям.

Из каких сортов фасоли был изготовлен шепоти в тот вечер в доме Кара дайы, мы не знаем, но на его приглашение поужинать Абид муаллим ответил резким отказом.

– Не могу, мне еще в одно место надо сходить, – сказал он, подчеркивая несовместимость употребления шепоти с его дальнейшими планами на вечер. – Я по делу, – продолжил Абид муаллим, когда наконец-то Кара дайы отодвинул тарелку в сторону

– Вижу. И что случилось? – спокойно поинтересовался Кара дайы.

– Ничего хорошего. Послушайте, – с этими словами Абид муаллим залез в карман брюк и достал оттуда блокнот. Обильно смочив конец указательного пальца слюной, он полистал блокнот, нашел нужную страницу и, уставившись на Кара

дайы, медленно зачитал ему надпись со щита. Закончив чтение, он загнул уголок блокнотного листа, чтобы быстро найти ее в дальнейшем, закрыл блокнот, положил его обратно в карман брюк, и только после этого спросил:

– Что будем делать, Кара дайы?

Кара дайы внимательно слушал Абид муаллима, однако в прочтенном им он ничего не понял, в чем честно признался и попросил Абид муаллима еще раз, но помедленнее, прочитать написанное на щите.

– Только помедленнее, Абид муаллим, пожалуйста.

Абид муаллиму пришлось заново лезть в карман брюк и доставать блокнот. Нужную страницу на этот раз он не искал, а сразу нашел лист с загнутым углом. После повторного чтения Кара дайы задумался, но затем откровенно признался:

– Ни того, ни другого не знаю. Первый раз слышу. И где, говоришь, установили?

– Прямо на въезде в Байдарлы, – ответил Абид муаллим.

– До войны из Байдарлы я знал нашего Героя Советского Союза Мамедали. А этих я не знаю, первый раз слышу о них.

Абид муаллиму пришлось объяснить Кара дайы, что он их и не должен знать, что на самом деле они не наши, один из них – русский писатель, а другой – с той стороны горы, воевал с русскими. И часто переходил в нашу сторону, убегая от русских, но как-то казаки поймали его возле Байдарлы и отрубили ему голову, затем отрезанную голову повезли в Шеки показать своему начальству, а труп бросили там, где отрезали голову, в рисовом поле. А местные жители взяли тело и там же недалеко похоронили. Вот сейчас якобы нашли эту могилу.

– Русские это могут, – подтвердил Кара дайы, – значит, что-то против русских имел этот Мурат твой, раз ему отрезали голову. В то время русские, особенно казаки, очень не любили, когда им не повиновались.

– Не Мурат, а Хаджи Мурат, это его полное имя, – поправил Абид муаллим, – Но я пришел к вам, Кара дайы, не для того,

чтобы узнать, могли русские это сделать или нет. Я и без вас знаю, что могли.

– Вот и я говорю, что могли. Я еще ребенком слышал от наших стариков, сколько наших мужчин русские казаки тогда обезглавливали так же, как этого твоего Мурата. Знаешь, сколько? Это когда наши поднялись против христианизации. Очень много тогда наших полегло, рассказывали старики. Ты не слышал про алибадское восстание? Сперва поднялись алибадцы, потом наши с тасмалинцами. Веру у наших тогда отняли с обманом, анассыны!

Абид муаллим не раз слышал от Кара дайы историю восстания наших земляков против насильственного насаждения христианства в прошлом веке. Но сегодня его беспокоил щит, установленный возле дороги на въезде в Байдарлы. На этот раз он задал вопрос прямо:

– Ну, Кара дайы, с нашими все понятно, многих тогда русские казаки перебили. А что вы скажете насчет этого щита? Насколько это правильно?

Но Кара дайы был на своей волне. Подумав с полминуты, он ответил:

– Ничего тебе не понятно, что с нашими, что не с нашими. Если бы было понятно, ко мне не пришел бы.

– Так я за советом.

– Я знаю, где наших захоронили. Наши все похоронены недалеко от сельского кладбища в общей могиле. В Байдарлы нет наших захоронений. Может, твой Хаджи Мурат и является героем повести этого, как его, Толстого, но нашим героем он точно не является.

– Какой же он мой, Кара дайы? Был бы он мой, пришел бы я к вам? Вот я и хочу спросить у вас, зачем мы должны чужим людям какие-то указатели ставить?

– Да, своим бы на место захоронения какой-нибудь камень установить. Завтра я помру, и место захоронения некому будет вам показывать.

– Что мне делать, Кара дайы?

– Чья это работа?

– Чья же еще? Исаева, конечно. Без его согласия в этом районе уборщицу на работу не принимают. А тут целый указатель на главной дороге.

– Сходи к нему, – коротко порекомендовал Кара дайы.

– Пойду, – так же коротко ответил Абид муаллим.

– Скажи, что народ против! Если что, ссылайся на меня, не бойся.

– И скажу! Никого я не боюсь, Кара дайы, вы знаете.

– Это я на всякий случай.

– Хорошо, – сказал Абид муаллим, и в темноте пошел в другой конец длинного двора Кара дайы, где были железные входные ворота. Через минуту Кара дайы услышал стук железной калитки, которую закрыл за собой Абид муаллим. Еще через минуту, он, убедившись, что рядом никого нет, громко выругался:

– Анаассыны! С таким руководством скоро мы сами тут чужими будем.

После этого он придвинул обратно тарелку с шепоти и взялся за ложку.

На следующее утро зогаллинцы увидели Абид муаллима на остановке в его неизменной форме. У него был торжественный вид: темный костюм, хрустящая накрахмаленная белая рубашка и широкий короткий галстук, откровенно портящий общую картину. Ему не хватало белого платочка, который бы кокетливо выглядывал из наружного кармана пиджака. Тогда бы своим ультраторжественным видом он подходил бы на дипломата, вручающего верительные грамоты, или на юбиляра, в самом худшем случае – на председателя тиражной или выборной комиссии. К сожалению, нечищенные туфли, старая шляпа на голове и потертая папка под мышкой выдавали в нем неряшливого сельского интеллигента. После бессонной ночи все лицо у него было помятым, если не считать крупного и

широкого носа с множеством синеватых прожилок, которые пересекались как подъездные пути большой узловой станции. После усердного утреннего бритья эти прожилки виднелись еще отчетливее, словно тщательно очищенные пути после обильного снегопада. Абид муаллим нервно ходил вдоль решеток двора правления колхоза в ожидании первого автобуса в Гах и на приветствия односельчан почти не отвечал. Ситуация требовала его немедленного вмешательства, и как всегда Абид муаллим чувствовал ответственным за все происходящее в районе именно себя.

Ему повезло, первого секретаря Расима Халыговича он застал на месте. Несмотря на громкие протесты секретарши, решительно открыл дверь кабинета и вошел. Секретарша хорошо знала Абид муаллима и недолюбливала его. Она тоже забежала за ним в кабинет Расима Халыговича, стараясь показать первому секретарю, что такое несанкционированное посещение. Объясняется отнюдь не потерей бдительности секретарши, а исключительно дикостью и наглостью сельского учителя. Но Абид муаллим опередил ее – махнув рукой, он дал ей понять, что она свободна. Ошалевшая от такой наглости Абид муаллима секретарша застыла в дверях и стала тупо смотреть на первого. Тот улыбнулся, кивком головы успокоил ее. Только после этого она закрыла дверь.

Интеллигентный Расим Халыгович подошел к Абид муаллиму и поздоровался с ним за руку, как со старым знакомым. Расиму Халыговичу нравились смелость, решительность и постоянная активность Абид муаллима. В частных беседах в своем кругу Расим Халыгович для хохмы часто вспоминал о выговоре, который влепил ему Абид муаллим в последний день своей работы на должности председателя Зогаллинского сельсовета, и о том, как этот же чужак приглашал его на открытие зогаллинской бани. С другой стороны, с началом перестройки молодых болванов в районе стало столько, что по сравнению с ними Абид муаллим выглядел образцом скром-

ности. «Перспективный болван всегда опасней болвана, который уже достиг чего-то», – считал Расим Халыгович, явно относя Абид муаллима ко второй категории.

– Давно вас не слышно и не видно, Абид муаллим, добро пожаловать ко мне! Машаллах, хорошо выглядите, бодро, машаллах, машаллах! А как решительно зашли ко мне в кабинет! Как говорится, вашу бы энергию да в мирных целях, Абид муаллим! Вам бы цены не было.

Абид муаллиму было не до шуток, но ни в одном из всех отрепетированных за ночь вариантов у него не был предусмотрен такой теплый прием со стороны Расима Халыговича. Во всех ситуациях, которые представлялись ему, его, как правило, не пускали в кабинет первого секретаря, и он врвался туда и доказывал свою правоту. Только этим можно было объяснить его прорыв через секретаршу в кабинет Расима Халыговича.

После такого приема Абид муаллим даже замешкался, но это заняло всего несколько секунд. Когда оба сели за стол, он коротко изложил свою позицию:

– Вы, конечно, извините, Расим Халыгович, человек вы приезжий: сегодня вы есть, завтра вас нет. А нам и нашим детям тут жить. Я не знаю, чья эта инициатива, но люди недовольны.

– Чем люди недовольны? – спокойно спросил Расим Халыгович.

– Указателем.

– Каким указателем?

– Тем, что возле Байдарлы установили, на дороге.

Расим Халыгович задумался.

– А что тут такого? Я не понимаю причину недовольства.

– И кто вам это посоветовал? – спросил Абид муаллим.

– Какая разница? Это же наша история, – резко ответил Расим Халыгович.

– Это не наша история! – не менее резко ответил Абид муаллим, но при этом почему-то опустил глаза вниз. Груз авто-

ритета Расима Халыговича и строгость кабинета первого секретаря давили.

– Хорошо, Абид муаллим, Вы учитель литературы, наверное, читали Толстого? Мы так и написали, «герой одноименной повести Толстого». Не более.

– Да, я читал Толстого. Да, я учитель литературы и родного языка, потому я и здесь. Произведение Толстого не может являться основанием для установки сомнительных указателей на нашей земле. Мы не можем на своей земле увековечивать чью-то историю.

Беседа приобретала серьезный характер. Расим Халыгович не ожидал от Абид муаллима таких категоричных рассуждений, но пока не находил оснований для беспокойства:

– Знаете ли, Абид муаллим, не раздувайте, пожалуйста. Одним указателем историю не перепишешь. Вот недавно я читал, что в Эфиопии поставили памятник Пушкину и считают его своим. Но от этого Пушкин не перестал быть русским.

– Вы, наверно знаете нашего аксакала Кара дайы? – Абид муаллим перебил его.

– Знаю, знаю, – посмеялся Расим Халыговича, – кто же его не знает.

– Вчера я ходил к нему, то же самое он сказал. Вы поймите правильно, наша земля не может являться частью истории сомнительных походов чьих-то героев только потому, что они хотели у нас отсидеться и спрятаться.

– Это вы уж слишком, Абид муаллим. Указатель установлен для туристов, и никаких других целей тут нет. Не стоит так драматизировать ситуацию, нет тут подводных камней. Я понимаю вашу озабоченность, но это не тот случай.

– Извините, Расим Халыгович, я приехал сказать вам, что народ недоволен. Завтра грузины захотят установить памятник под джарским мостом, где наши отцы прикончили царского наместника в Закатале Симона Шадикошвили. Что им скажете? Чем не история для вас? – закипел Абид муаллим.

– Никакого Шаликошвили я не знаю и знать не хочу, – парировал Расим Халыгович.

– А Хаджи Мурата знали, да? Расим Халыгович, надо своим устанавливать памятники. Знаете, сколько наших погибло от рук русских казаков и солдат Шаликошвили, когда они подняли восстание против насильственной христианизации? Знаете? Не знаете. Почему бы им не установить памятник, почему возле дороги не поставить указатель их массового захоронения? Только потому, что о них Толстой не писал? И с каких пор Толстой стал авторитетом для нас?

– Абид муаллим, успокойтесь! Если вы опять под меня копаете, это другой вопрос – как веяние времени, я это пойму. Но если вы меня подозреваете в подкупе какими-то чужими силами – я этого не приму. Что касается ваших героев, – так давайте им тоже поставим, увековечим их память. Вот вы, как учитель, как сельская интеллигенция, соберите материал, выступите с инициативой, мы рассмотрим, обязательно решим положительно.

– А кто же собирал материал по Хаджи Мурату, интересно? Может, потомки Толстого попросили вас? – съязвил Абид муаллим.

– Это уже слишком, Абид муаллим! Ваши предложения, ваши конкретные предложения, пожалуйста. Что вы предлагаете?

– Надо указатель убрать! Вот такое наше предложение. Что касается наших героев, мы обязательно соберем материал и выступим с инициативой.

– Вот и хорошо. Собирайте. Но чтоб убрать указатель, оснований не нахожу! До свидания! – Расим Халыгович резко встал, чтоб выпроводить Абид муаллима. Но тот уходит не собиравшись.

– Какие еще нужны основания? С чего вы взяли, что найденная могила принадлежала именно Хаджи Мурату? То, что труп был без головы, – это ни о чем не говорит. Раньше столько народу обезглавливали и хоронили без голов.

– Все, Абид муаллим, все, это уже демагогия. Если есть дельное предложение, – пожалуйста, если нет – до свидания, мне надо работать.

– Есть предложение, – уверенно сказал Абид муаллим.

– Так давайте, только не тяните резину.

– Предлагаю перенести указатель наверх в Сарыбаш и поменять его содержание.

– И?

– Установить табличку там, где завершается горная тропа, ведущая из Дагестана к нам. И написать: «По этой тропе муриды времен народного сопротивления в Дагестане под руководством Шамиля переходили на азербайджанскую сторону». В скобках можно написать «в том числе Хаджи Мурат, герой одноименной повести Льва Толстого» Это будет правдиво и безболезненно. Они и потом переходили, между прочим. А после войны, знаете, сколько народу перешло к нам – тысячи! И сегодня переходят. Другой же дороги нет. А туристам даже интереснее будет. И на горы подымутся.

Расиму Халыговичу было сложно определить, насколько серьезно говорил Абид муаллим. Из того, что он сейчас рассказывал, многое ему было неизвестно.

– После какой войны тысячами перешли? – спросил он у Абид муаллима.

– После последней, – ответил Абид муаллим. – Щли с 1946-го по 1950-й годы. Знаете, как много? Большинство так и осталось тут, дома построили, живут. От наших не отличишь. И пусть живут, кто против? Это я к тому, чтобы они тоже не забыли, по какой тропе и откуда пришли к нам. А если завтра вдруг забудут – мало ли что бывает с памятью людей, – то мы им тут же покажем табличку и скажем: «Пожалуйста, смотрите, вот по этой тропе». Тропа – это то же самое, что дорога, пусть узкая, пусть тяжело по ней ходить по горам, она не только сюда ведет, но и туда. Это я к слову. Мало ли что – указатель нужен там, в Сарыбаше.

«Нет, – подумал Расим Халыгович, – этот сельский учитель не так прост, как я думал. Это еще тот учитель».

– Можно торжественно установить, – продолжал Абид муаллим, – собрать людей, пока многие помнят, как переходили, снять на камеру, записать. Оставить память будущим поколениям, как говорится.

«А я смеялся над ним, когда он меня приглашал на открытие бани. И когда выговор написал», – продолжал удивляться Расим Халыгович.

– Хорошо, Абид муаллим, договорились. Мы подумаем над вашими предложениями. Спасибо за то, что пришли, успокойте ветерана вашего, пусть не волнуется, все исправим. А вы собирайте материал про своих героев, собирайте.

Оба встали. Расим Халыгович проводил Абид муаллима до двери. Абид муаллим пальцем указал на приемную и сказал:

– Вы предупредите ее, чтоб пустила меня, когда будут готовы предложения. А то к вам не пробиться.

– Сейчас предупредим, – ответил Расим Халыгович, – только пусть наш разговор останется между нами, Абид муаллим, никому ни слова, это раз. Никакой самодеятельности по отношению к указателю, – это два. Я вас предупреждаю, передайте всем. Мы подумаем, как лучше поступить. И, в-третьих, ветерана успокойте и людей успокойте, все будет хорошо.

Они вместе вышли в приемную, где в ожидании приема уже собралось много народу.

– Запомни его, когда он приедет ко мне, пустишь без очереди, – Расим Халыгович дал указание секретарше. В ответ та язвительно усмехнулась:

– Что его запоминать-то? Его тут каждая собака знает.

– Только без комментариев, – предупредил Расим Халыгович. На этот раз секретарша покорно ответила:

– Да, Расим Халыгович.

Абид муаллим остался доволен своим визитом, о чем по возвращении и известил Кара дайы:

– Подставили его, по-моему, это не его инициатива. Я сразу заметил.

– И что, снимут указатель? – спросил Кара дайы у него.

– Не скажу, что завтра снимут. Но он сильно задумался.

– Раньше надо было думать. А сейчас что думать – убирать надо, – подытожил Кара дайы.

Абид муаллим ни слова не сказал Кара дайы о том, что предложил Расиму Халыговичу перенести указатель в Сарыбаш. Также промолчал он и о том, что Расим Халыгович в принципе не против установки памятника на место захоронения зогаллинцев.

При этом Абид муаллим не торопился собирать материалы о зогаллинцах, погибших от рук русских казаков.

«Одних рассказов Кара дайы будет мало, – в принципе справедливо решил он, – надо будет съездить в Тбилиси и посмотреть архивы. Закончим с указателем, возьмемся за архивы», – определился он и стал ждать новостей от Расима Халыговича.

Новости пришли с другой стороны, через четыре дня после их разговора с Расимом Халыговичем. Утром в доме Абид муаллима зазвонил телефон. Звонили из Гахской милиции. В резкой форме Абид муаллиму сообщили, чтобы он немедленно прибыл в райотдел, в противном случае грозили доставить силой. Все попытки Абид муаллима узнать причины столь срочного вызова остались без ответа.

– Приедете, на месте узнаете, – сказали ему.

В милиции с ним не стали церемониться, и молодой следователь сразу спросил:

– Зачем надо было это делать?

– Что делать? – удивился Абид муаллим.

Следователь коротко рассказал ему о случившемся. Ночью какие-то неизвестные облили указатель краской и пытались его повалить. И, что интересно, первым все это безобразие увидел Расим Халыгович, возвращавшийся с фермы в Байдар-

лы, куда он ездил на утреннюю дойку. По прибытии в Гах он позвонил начальнику милиции и рассказал об увиденном. Потребовал немедленно найти виновных и наказать.

– Начните с зогаллинского учителя Балаева, – оказывается, сказал он начальнику милиции, – он сильнее всех кипятился.

Большая часть зогаллинской интеллигенции сегодня с тоской вспоминает времена перестройки. Действительно, им позволялось тогда говорить все – и правду, и неправду. И никакой ответственности за это они не несли. А флагманом у них являлся Абид муаллим, к тому времени избавившийся от двух ненужных ему фамилий – Балаяна и Баладзе, – и везде представлявшийся просто как «Абид муаллим».

После того, как стала известна причина его вызова, Абид муаллим стал смелее и даже позволил себе ехидно посмеяться над павшими на него подозрениями и поиздеваться над молодым следователем:

– Краска чьего производства? – спросил он у следователя, – и какого цвета будет?

Неожиданный вопрос застал следователя врасплох: он не знал, какой краской и какого цвета облили указатель.

– Машина с экспертом скоро вернется, и узнаем, какая была краска.

– Вот сперва узнайте, потом задавайте вопросы, – ответил Абид муаллим.

Допрос приобрел бы обратный характер, но следователю хватило ума доложить о поведении допрашиваемого начальнику милиции.

Через минуту в кабинете следователя появился начальник:

– Дай ему бумагу, пусть напишет, где был и чем занимался вчера после шести часов вечера и до сегодняшнего утра. Потом отпусти домой.

Начальник, видимо, догадывался, что это не дело рук Абид муаллима, поэтому поручил его допрос молодому следователю.

– Как-никак расстояние от Зогаллы до Байдарлы восемнадцать километров, и это немало. Ехать в такую даль и облить

краской указатель? Вряд ли. Скорее это дело рук кого-то из местных. Но за хамское поведение ответит, – решил он.

После того как Абид муаллим красивым почерком написал объяснительную, его еще два часа продержали в коридоре и только потом отпустили домой.

На следующий день после обеда ему позвонил Расим Халыгович:

– Балаев, мы так не договаривались! – закричал он в трубку.

– Расим Халыгович, не моя это работа! Вы сами подумайте, не лень мне было бы восемнадцать километров чесать, чтоб облить указатель? Мне такое и в голову не пришло бы.

– Балаев, если выяснится, что это твоя работа, тогда пеняй на себя!

– Ничего не выяснится, потому что это не моя работа! И хватит меня пугать! Я вам не ребенок!

– Хорошо, Балаев! Имей в виду! – и первый секретарь бросил трубку.

Абид муаллим был в полном недоумении: кто же мог это сделать? Он ходил по комнате и мучительно вычислял – чья же это работа? Ничего хорошего от случившегося он не ждал, кто-то явно хотел подставить его...

...То ли от неважной погоды, то ли после звонка Расима Халыговича он в какой-то момент почувствовал себя сильно уставшим. На улице стоял апрель, дни стали настолько длинными, что ждать, когда потемнеет, он не стал. «Отдохну немножко» – решил Абид муаллим и лег на кровать, стоящую возле окна. И слушая шелест чинар под окнами своего дома, Абид муаллим уснул. Ему приснилось, что в окно бьется заблудившая ласточка.

– Открывать нет смысла, – говорил он себе во сне. – Конечно, это интересная птица, воспетая поэтами. Так-то оно так. Однако, влетев в комнату, она может наделать в гостиной много неприятностей. А если начнет еще гнездо строить в углу потолка в гостиной? И что я жене скажу? Забыл окно закрыть? А может, все-таки впустить ее? Красивая птица. Нет, перелетная

все-таки птица. Жена не любит перелетных птиц. Она к воробьям лучше относится, чем к ласточкам. А мне самому без разницы – я всех птиц люблю, и перелетных тоже. Нет, все-таки нет, а то впущу, и она начнет гнездиться. Приедет жена, возьмет швабру, станет на стульчик и разобьет гнездо.

В самый разгар сна Абид муаллим проснулся. Он был весь мокрый. Со скотного двора слышались голоса вернувшихся с пастбищ коровы и овец.

– Надо животных определить по местам, – сказал Абид муаллим, встал с кровати и пошел на скотный двор...

...Злопамятный начальник милиции стал каждый день вызывать Абид муаллима в Гах. Как правило, тот же молодой следователь задавал ему один или два ничего не значащих вопроса, и его отпускали домой. Прежде чем попасть к следователю, ему приходилось по несколько часов сидеть в коридоре. Столь долгое ожидание следователь объяснял загруженностью и спецификой его работы. Со временем ежедневные вызовы в милицию настолько утомили Абид муаллима, что он даже перестал надевать костюм. Однажды он не взял с собой и свою старую кожаную папку, чем удивил не только зогаллинцев, видевших его в тот день на остановке, но и водителя рейсового автобуса Гах – Зогаллы. Увидев его без папки и галстука, водитель не удержался и спросил:

– Абид муаллим, сегодня вы что-то налегке. Небось, по дороге сойдете?

– Поеду до конца, – сухо ответил ему Абид муаллим, – ты не отвлекайся, смотри на дорогу.

Водитель, извиняясь, развел руками, подняв их от руля.

...К моменту его прихода к Кара дайы за советом, Абид муаллима вызывали в Гах по его же подсчетам то ли четырнадцать, то ли пятнадцать раз. Ошибку в количестве вызовов он объяснял их частотой.

– А черт его знает, если бы знал, что такое будет, считал бы с первого дня. А так по памяти. А может, даже больше, – жаловался он Кара дайы.

В тот вечер мы с Кара дайы сидели в той самой комнате, где когда-то останавливалась Фатимат, и пили красное вино. После некоторых замечаний Кара дайы о задержавшемся визите к нему после прибытия в Зогаллы, в этот раз я решил не откладывать встречу и в первый же вечер отправился в гости. Когда Абид муаллим появился в доме Кара дайы, он сильно удивился, увидев у него меня. Бывая в Зогаллы, я по возможности встречался и с Абид муаллимом.

– Ого, кого я вижу? – в традиционном для себя стиле он выразил свое удивление моим появлением в Зогаллы и присутствием в доме Кара дайы. Эти же слова передавали не только удивление Абид муаллима, но и его искреннюю, будем считать, радость встрече. После приветствия он обратился ко мне с некоторыми обязательными среди зогаллинцев вопросами, и я ответил ему: что в Украине все хорошо, что у меня все хорошо, и дома, и на работе все хорошо, что дети благополучно растут. И по традиции интересовался, а как у него? Тут Абид муаллим замешкался, и его ответ не вписался в установленную процедуру первой встречи:

– Как сказать? Дома все в порядке, на работе тоже вроде нормально, только вот милиция сильно невзлюбила меня, каждый день в гости приглашает. Пришел с Кара дайы посоветоваться.

И посмотрел в сторону Кара дайы.

Кара дайы почти не реагировал на слова Абид муаллима, будто заранее знал, что он придет к нему с этим вопросом. Мне даже показалось, что мое присутствие как-то их сковывает, и Кара дайы не хочет при мне обсуждать это вопрос.

– Если я мешаю, я оставляю вас, – сказал я им обоим, – пойду наверху телевизор посмотрю.

Телевизор в доме Кара дайы стоял в одной из комнат на втором этаже, а спальня у них была на первом. По словам Кара дайы, на втором этаже телевизор лучше принимал сигнал и лучше показывал. Сколько раз я сам был свидетелем того, как Кара дайы с женой медленно карабкались на второй этаж, что-

бы посмотреть какой-то концерт. А потом точно так же медленно спускались в спальню на первом этаже. С телевизором Кара дайы одно время долго мучился:

– Ставлю в комнату, где мы спим на первом этаже – грузинские каналы показывают лучше, чем наши. Поэтому поднял на второй этаж...

Я не особо верил этому утверждению Кара дайы, потому что, куда бы он ни поднимал свой старый телевизор, в Зогаллы хороший прием сигнала зависит от наружной антенны: где она установлена, правильно ли подобрана. При перемещении телевизора Кара дайы с первого этажа на второй и обратно наружная антенна всегда оставалась на месте. Так что, эти разговоры скорее были рассчитаны на жену. Судя по всему, Кара дайы хотел смотреть телевизор без нее и потому придумал такую версию, так как в последние годы она сильно сдала и тяжело поднималась на второй этаж.

– Я мигом, – сказал я, – потом спущусь, – и даже сделал попытку выйти, но тут Кара дайы остановил меня.

– Сиди, ты нам не мешаешь. Так сколько раз уже вызвали тебя в милицию, говоришь? – спросил он у Абид муаллима.

– Я не считал. Вот уже третью неделю езжу. Приезжаю, жду в коридоре два-три часа, потом что-нибудь спросят или нет, дают мне в руку повестку на следующий день и отпускают.

– А почему именно тебя вызывают? – спросил Кара дайы.

Вопросы он ставил настолько уверенно, что если бы Абид муаллим замешкался с ответом, Кара дайы сам в любой момент готов был ответить.

– Указатель в Байдарлы кто-то облил краской, Исаев думает, что я организовал.

– И почему он так думает?

– Кроме меня никто не жаловался на его установку. Вот ему и кажется, что это моя работа.

– Ты же, Абид муаллим, тогда съездил к нему. Может, тогда что-то лишнее говорил?

– Ничего я не говорил! Предлагал снять его и перенести в Сарыбаш. Вот и все!

– Абид муаллим, если честно, я тебя жду вот уже несколько дней. Поэтому не буду тянуть: я в курсе всего. Приезжал ко мне инструктор из райкома на днях, как к аксакалу, – раскрылся Кара дайы, – Знаешь, что он мне сказал?

– Откуда мне знать, Кара дайы, что он вам сказал?

– Аксакал, вы должны всем объяснить, что так нельзя, у нас в районе много живет разного народу, надо быть терпимыми – вот что он сказал.

– Мы и так терпимые, – заметил я, отпивая чай.

– Он сказал, что Расим Халыгович целый час беседовал с вашим Балаевым, – продолжил Кара дайы, – обещал ему, что обязательно что-то придумает. И дал указание Балаеву, чтоб тот подготовил предложение для установки памятника на месте захоронения ваших зогаллинцев. А вместо этого Балаев якобы нанял каких-то юнцов, и те облили указатель краской. Вот так он мне говорил, Абид муаллим, – закончил Кара дайы и посмотрел на него.

– Мало ли, что он говорил. Что касается указателя, – так мне делать нечего, как ехать в Байдарлы и обливать краской.

– Я тебе верю, Абид муаллим, но вот они не верят.

– Это их проблемы. Я ничего не делал, вот и все! Собирался ехать в Тбилиси, думал: посижу в архивах, в библиотеках, может, какой-нибудь материал найду по нашим погибшим, а они каждый день вызывают. Просто не дают мне собирать материал! Чтоб вы знали, Кара дайы, они крайнего ищут! Не получится у них...

Потом мы еще с полчаса сидели втроем, и Кара дайы убеждал Абид муаллима излишне не волноваться:

– Если это не ты, то чего тогда боишься? Не бойся, скажи: не знаю и все!

– А если захотят на меня повесить это дело? – видимо, Абид муаллим испугался всерьез.

– Сейчас у них ничего не получится, – успокоил его Кара дайы, – у власти сейчас нет силы, одна видимость. Не бойся. Но ты будь гибким, потому что гибкость – очень нужное качество. Малограмотные преступники и то проявляют чудеса гибкости на допросе, а ты – учитель со стажем, образованный человек, тем более, не виноват. Только не груби и не нервничай. Не сегодня, так завтра этой власти конец придет. Знаешь, откуда я это знаю? Это я понял, когда из Гаха ко мне этот инструктор приехал. Чтоб кто-то из райкома приехал советоваться с простым народом?! Когда такое было? Такого у них никогда не было! Они только могли тупо командовать. И все. Больше они ничего не умели. А сейчас решили с народом советоваться, только вот народ уже не хочет с ними общаться. Я человек старой закалки, я поговорил, конечно, и чай пили с вареньем, а я люблю пить чай с халвой семечковой, поэтому извинился перед ним: «Нет дома халвы семечковой, придется вам пить чай с вареньем». А он мне:

– Никакая халва, аксакал, не заменит ваше кизиловое варенье.

– Может оно и так, но я очень люблю семечковую халву, – ответил я.

Потом мы долго беседовали. Вино ему предлагал, он отказался.

– С удовольствием выпил бы зогаллинского вина с таким грамотным аксакалом, как вы, – сказал он, – но я на работе. А если я на работе – значит я солдат, лишнего мне нельзя!

Грамотный был парень, и русский язык знал, наверное: когда я несколько раз выругался по-русски, а он смеялся долго. Уходя, еще сказал:

– Аксакал, на свадьбах ваших внуков обязательно выпьем вина, если пригласите.

Смотрю, парень он хороший – не поленился, вышел из теплого кабинета, приехал ко мне. Мы тоже не ослы, пять литров красного налил я ему в канистру и сказал:

– На свадьбе не знаю, а это вот дома выпьешь и оценишь мое вино. Только канистру верни.

Долго благодарил. Через день передал канистру и в пакете килограммов пять халвы семечковой. Так что, и среди них есть благодарные люди, порядочные, в первую очередь, но власть от них ускользает. Так что, Абид муаллим, не бойся! А за халву ему спасибо, ну очень я люблю с чаем ее.

Через полчаса, когда стали подавать еду на стол, Абид муаллим, сославшись на какое-то важное дело, встал и наотрез отказался с нами ужинать. стакан вина перед уходом за мой приезд все-таки он выпил. Минут десять после его ухода мы с Кара дайы молча ели. На правах старшего и хозяина инициатива начать разговор была за ним, поэтому я ждал. Пользуясь затишьем, стал разглядывать бухару, благо сидел лицом к ней, а Кара дайы – спиной. Я заметил, что после зимы поверхность бухары была аккуратно замазана глиной. Увидев мой пристальный взгляд, Кара дайы повернулся назад, поискал взглядом что-то невидимое и спросил:

– И что ты нашел там на стене?

– Я на бухару смотрю, – ответил я, – каким все-таки молодецом был ваш отец, что сто лет назад в такой глуши построил такой дом с такими каминами.

– Построить построил, но кое-чего не учел, видимо. А ты знаешь, что я когда-то застрял в этой бухаре?

«Неужели? – подумал я, – неужели сам расскажет», и засмеялся на радостях.

– Вижу, слышал. Я знаю, в Зогаллы мою историю как сказку друг другу рассказывают – и дети, и взрослые. Если ты когда-нибудь напишешь то, о чем мы с тобой договорились, то знаю, что и об этой истории напишешь. Но со слов других.

– Мы же договорились, Кара дайы: я пишу только то, что от вас слышу, – слукавил я.

– Не надо ля-ля. Я тебя насквозь вижу. Ты еще тот жук, – и тоже начал смеяться.

Я от него и не такие слова слышал в свой адрес, поэтому ждал, чем закончится его веселье. Отсмеявшись, он спросил:

– Не обиделся?

– Нет.

– Не обижайся.

– Хорошо, – ответил я.

– Тогда слушай. В беседе с инструктором райкома я, конечно, защищал Абид муаллима, – начал Кара дайы. – Защищал, потому что знал: не он сделал это. С другой стороны, я его всегда и везде защищаю, поддерживаю, и он это знает. Поэтому, как что, так сразу он ко мне бежит, совета спрашивает. И я ему, чем могу, тем и помогаю. В пределах, возможностей, конечно. Абид муаллим тоже молодец: когда ему тяжело, так он бегом за советом. А так он не всегда советуется со мной, но если уж пришел, то, как правило, слушается. И перед тем, как пойти в райком к Расиму Халыговичу из-за этого указателя, он приходил ко мне вечером посоветоваться. Очень мало таких равнодушных людей, как он, очень мало. Он эту землю любит больше себя. Как услышал про указатель, сел в машину и поехал, чтоб убедиться. Весь район об этом знал, но никто не поехал, никому не было дела, все молчали. Только он поехал, вернулся, пришел ко мне, весь горел. Что будет, Кара дайы? – спрашивал.

– А что будет? – ответил я ему, – ничего не будет. Сходи к первому, поговори. Человек он умный, может, недоглядел, может, недосмотрел. С кем не бывает?

Вот такой был разговор. Видимо, кому-то не понравилось, что он виделся с первым, высказал претензии, вот и вызывают его каждый день в милицию. И будут вызывать, на то и власть. Власть не любит тех, кто недоволен ею.

– И что с ним будет? – я был слишком молод, чтобы понимать, что могут сделать власти с Абид муаллимом, поэтому у меня вырвался такой вопрос.

Кара дайы долго и внимательно смотрел на меня и ответил:

– Сейчас ничего. Раньше – что угодно. Сейчас не станут. Вот так и будут вызывать, заставят сидеть и ждать в коридоре, потом отпустят. Таким образом они хотят унижить таких гордых людей, как Абид муаллим! Мы сами себя унижаем. А ведь Абид муаллим прав – зачем на нашей земле памятники и указатели чужим людям? Сегодня позволим им установить памятник на нашей земле, завтра они на эту землю будут претендовать...

Тут Кара дайы повернул голову и внимательно осмотрел бухару. Проведя пальцем, он проверял, высохла ли глина на поверхности ее стены. «Сейчас начнет», – решил я и не ошибся:

– Ездил я как-то на днях в Гах на базар купить косу, – начал свой рассказ Кара дайы. – Пятьдесят лет косил косой и докосился – нет сейчас у меня косы. А как же в деревне без косы? Купил новую косу, восьмерку, я всегда восьмеркой кошу, приехал домой, стал ее отбивать, а она лезть начала. Наладил как-то, пошел в сад, а она, гадюка, не косит, а жует траву, как буйволица. Поехал еще раз в Гах, купил другую косу, привез домой, снова стал отбивать, а она почти расклеилась. Когда поехал за третьей косой, встретил на базаре одного человека, перешедшего из Дагестана на нашу сторону после войны. Дамир его зовут. Хороший здоровый мужик, от медведя не отличишь! Первое время после перехода он с женой около года жил в Зогаллы, потом поднялись в Гах, получили землю, построились и живут. Пусть живут, на здоровье, нам-то что. С тех пор помним друг друга и каждый раз, когда видимся, здороваемся, обнимаемся. Вот и тогда: хош, беш, о том, о сем, спрашиваю, как семья, как дети? А он мне жалуется, что дети все в России, живет один с женой, тоскуют сильно. Я спрашиваю у него:

– Почему они в России? Хотя бы младшего оставил дома.

Я знаю, что у него четверо сыновей. А он мне отвечает:

– Когда маленькие были, я их всех в русскую школу отдавал. Окончили, уехали учиться в Россию и остались там.

– Надо было одного хоть в нашу, азербайджанскую школу отдавать, – говорю я ему, – учился бы в Баку, остался бы с тобой.

Он так изумленно на меня посмотрел:

– Как в азербайджанскую, Кара дайы? В азербайджанской школе им тяжело было бы учиться. Вот если бы была школа на нашем языке, тогда отдал бы. А так, только в русскую школу.

Я в их языках не разбираюсь, не знаю, какую он хотел школу? Но логика его понятна тебе? Я человек прямой, не выдержал.

– Когда ты пришел в Зогаллы, – сказал я ему, – мы всей деревней тебя от вшей чистили. Или ты забыл? А сейчас, видите ли, тебе не нравится наша школа?

Короче, высказал все, что я о нем думаю. Народ смотрит на меня, думали даже, деремса, что ли? Но он смолчал, а потом обнял меня:

– Кара дайы, вы меня не так поняли, я не то хотел сказать.

– А как тебя понимать-то? – ответил я тогда, – хотелось тебе школу на своем языке, собрал бы своих и шел бы обратно, откуда пришел. Вернулись бы к себе, учились бы хоть на немецком.

Я, конечно, наговорил тогда много лишнего. И пока я говорил, он обнимал меня и успокаивал:

– Все, все, Кара дайы, извините, говно собаки я поел, что такое сказал.

И чтоб как-то меня успокоить, этот Дамир неожиданно спросил:

– А вы свою Фатимат помните, Кара дайы?

Я моментально успокоился. Как же не помню? Сколько лет прошло, но я все помню.

Я знал, что она вышла замуж за кого-то из своих, что несколько детей у нее, а старший сын водителем работает на рейсовом автобусе Гах-Зогаллы. Такой черный, вечно грязный парень, весь в мазуте. Рамазаном зовут его. Очень смешной, шепутной парень, никогда плохого слова от него не услышишь, всегда шутит. Кто-то из зогаллинцев, оказывается, Рамазану рассказал нашу историю с его матерью. Так вот, как-то сажусь я в автобус, еду в Гах, как раз в его автобусе. Но я тогда

не знал, что он сын Фатимат. Сел впереди, возле двери и всю дорогу он со мной шутил. В автобусе все смеются, все, оказывается, знают, что к чему, кроме меня. Хотя по справедливости, разговор начал я:

– Чего ты такой черный? – спросил я у него.

– В вас пошел, – ответил он мне.

Я сразу не понял, что он имел в виду. В автобусе все затихли, нас слушают и смеются. Я решил, что парень с юмором, думаю, почему бы не пошутить:

– Что-то не помню, чтоб я с кем-то пошалил, – говорю ему.

А он сразу мне:

– А хотели ведь, но не получилось.

Все смеются, и он смеется, только я ничего не пойму.

– Чтоб я хотел и не получилось? Такого не может быть! – ответил я ему. И только я сказал эти слова, как весь автобус хором:

– Может, может, Кара дайы, – запели.

Только тогда я начал вспоминать свою историю с Фатимат, но не пойму, при чем тут водитель автобуса? Парень молодец, не стал меня мучить догадками:

– Я – старший сын Фатимат. Помните такую? – спросил у меня.

Я растерялся, а в автобусе затихли все и ждут, что я отвечу. А я смотрю на парня и не знаю, что сказать. Потом, правда, взял себя в руки:

– Помню, все помню – ответил, – как же не помнить?

И все, больше ни слова. Он тоже не стал продолжать, и сидящие в автобусе почувствовали мое состояние, промолчали. Сейчас, бывает, сажусь в его автобус, а он кричит:

– Отец, иди садись впереди, возле меня!

Вот такой шутник этот Рамазан, любого прогоняет и сажает меня возле себя. И обращается исключительно «отец».

А Фатимат я с тех пор ни разу не видел, уехала от нас в Гах, вышла замуж за своего земляка, и постепенно я забыл ее. А тут Дамир тащит меня на другой конец базара:

– Не злитесь, Кара дайы, – говорит, – пошли, я вам лучше Фатимат покажу.

Я бы никогда не узнал ее, если бы встретились где-нибудь сами. Может, даже и встречались, и я проходил мимо, не узнавая ее, район-то маленький. Все может быть. А тут как показал мне Дамир ее с десяти метров, и я сперва даже не понял, какая из трех бабушек, которые торговали зеленью, – она.

– Та, что с краю, ближе к нам, – сказал Дамир.

Я уставился на нее издалека, но она меня не видела. Сидящие рядом старушки заметили мой пристальный взгляд в их сторону и тоже стали смотреть на меня. Но быстро сообразили, что я не на них смотрю, а на сидящую рядом с ними Фатимат. Одна из старушек локтем толкнула Фатимат, и она повернулась в мою сторону. Узнала, конечно же, сразу, разве меня можно не узнать? Я один на весь район такой. После этого хотел я повернуться и уйти, но какая-то сила повела меня прямо к их прилавку. Подойдя поближе, я увидел старую, неухоженную и неряшливую старушку, каких можно встретить только на базарах. Глубокие морщины на ее лице напоминали свежевспаханное поле. Пучки масляных волос торчали из-под платка, а когда она говорила с покупателями, рукой прикрывала рот, стесняясь отсутствия зубов.

– Поздоровались? – спросил я у Кара дайы.

– Не стал я подходить к ней и здороваться, развернулся и ушел. Потом долго жалел, что вообще согласился на нее взглянуть. Понимаешь, в моей памяти она осталась молодой, сочной женщиной. А тут какая-то дряхлая старушка...

* * *

В мае 1950 года, когда Кара дайы в первый раз увидел Фатимат, она была удивительно хороша собой. Высокая брюнетка с пышными прямыми волосами, а лицо задумчивое, всегда серьезное. У нее были печальные бархатно-серые глаза и длинные ресницы. Больше всего Кара дайы тогда поразил ее прямой и изящный, можно даже сказать, гордый нос. А губы

были большие, но четко вылепленные и чуть-чуть припухлые. И вдобавок ко всему, нежный, словно обрисованный пастелью, овал лица цвета белого яблока зимнего сорта.

Веяло от ее облика искренней и неподдельной скромностью и какой-то теплотой. Словно ангел, спустившийся на землю, она была настолько безобидна и невинна, что, однажды увидев ее на улице, любой уважающий себя мужчина шел бы за ней на почтительном расстоянии и следил, чтобы ее случайно не обидели...

А на ловца, как говорится, и зверь бежит. С самого начала весны, после того, как растаял снег на горных тропинках, в Зогаллы опять, как и в прошлый год, стали приходить горцы из Дагестана. Председатель сельсовета Абузар как-то днем постучался в дверь Кара дайы, отозвал его в сторону и сказал:

– Надо поселить молодую женщину. Не женщина, а полумесяц в светлую ночь. Муж у нее погиб на войне, одна осталась, никого на этом свете нет. Возьми ее к себе, у тебя есть место. Имей в виду, предлагаю тебе, потому что мы не чужие. Не возьмешь – не посмотрю, что у меня дома две жены, заберу к себе, потом не обижайся. А так – тебе в самый раз.

– Красивая, говоришь?

– Даже не сомневайся.

Но Кара стали все же терзать сомнения – а что жена скажет? Абузар будто прочел его мысли:

– Жены боишься? Тоже мне! Прошел такую войну, смерти не боялся, а у себя в отцовском доме жены боишься? Какую-то мугалку, извини меня, лепешку обожженную боишься?

Никого Кара дайы не боялся, о чем вы? Может, где-то в Европе, которую он освободил от фашистов, он и видел равноправие в семьях, но в его семье все решал он сам, если можно было бы назвать семьей его проживание в одном доме с мугалкой. Бедная женщина только молча покорялась. По глубокому убеждению Кара дайы, мужа для того и были созданы, чтоб всем управлять, а жены должны повиноваться.

После десяти лет разлуки, вернувшись с войны, Кара дайы не прижимал встречающую его жену к бурно вздымающейся груди, а готов был в тот же день отправить ее обратно в отцовский дом. А вы говорите!

– Да не боюсь я! Жалко ее, – сказал он, посмотрев в сторону двора.

– Да брось ты мне говорить! Тебя кто-нибудь жалел, когда ты ребенком родителей потерял? Мое дело предложить, желающий взять ее всегда найдется. Все равно кого-то возьмешь, заставят – вон, сколько их переходит. По мне, лучше молодая одинокая женщина, чем мать-одиночка с четырьмя детьми. Решай сам.

– И что, много их у тебя таких? – спросил Кара дайы.

– Одна она такая, таких много не бывает.

– Где она? – поинтересовался Кара дайы.

– Сидит в сельсовете. Как привезли, я первым делом к тебе.

– Хорошо, сейчас отправлю жену, придет, заберет.

– Только не тяни, а то, клянусь здоровьем моих двух жен, заберу ее к себе и даже «уф» не скажу! Будь мужиком! – сказал Абузар и ушел.

Зайдя во двор, Кара дайы долго не решался отправить жену в сельсовет за молодой женщиной. Сделав два круга вокруг курятника, где жена хлопотала над недавно вылупившимися цыплятами, он направился в скотный двор и оттуда закричал ей:

– Абузар приходил!

Услышав голос Кара дайы, жена вылетела из курятника и встала возле калитки в скотный двор по стойке «смирно». Кара дайы повторил:

– Абузар приходил. Я знал, что и до нас дойдут, – сказал он, переводя теленка на более сухое место.

Жена Кара дайы в принципе знала о том, что перешедших из Дагестана временно распределяют по домам. К тому времени в домах зогаллинцев проживали более десяти семей горцев.

Поэтому она не особо удивилась словам мужа.

– Сходи в сельсовет, приведи домой. Абузар сказал, что пробудет до зимы.

– Сколько их? – спросила жена.

– Не знаю, вроде одна сирота, – буркнул Кара дайы, – я ему сказал, что больше одного не возьму.

Наивная и доверчивая жена Кара дайы вышла на улицу и направилась в сельсовет.

Если бы тогда жена Кара дайы знала, за кем муж послал ее в сельсовет, может быть, на большой развилке в центре Зогаллы она повернула бы налево и пошла бы пешком в свой родительский дом, подальше от этого позора. С другой стороны, только после неудачного случая с Фатимат ее муж Кара дайы постепенно вернулся к нормальной семейной жизни. Кто его знает, может, Фатимат была послана именно для спасения семьи этой бедной женщины, с рабской покорностью служившей всю жизнь своему мужу.

Как бы там ни было, как только жена ушла, любопытство взяло верх, и Кара дайы, взобравшись на чердак хлева в скотном дворе, стал наблюдать за дорогой, ведущей из сельсовета в сторону его дома.

Абузар был прав. Еще издали по походке он понял, что Аллаха оценил его четырехлетнее воздержание и в лице Фатимат послал бальзам его душевным терзаниям. А когда они приблизились, засветились его карие глаза, и он заметил, что молодая женщина просто без изъянов, и любой мало-мальски уважающий себя поэт воспел бы ее.

Кроме этого, Кара дайы также успел заметить недовольное лицо своей жены, которое от волнения стало еще более красным. Но в тот день это его волновало меньше всего.

Когда они зашли во двор, Кара дайы еще ковырялся на чердаке. Жена Кара дайы открыла калитку скотного двора, пропустила вперед Фатимат, потом прошла сама, и они вдвоем стали ждать, когда с чердака спуститься Кара дайы. За происходящим, как вы уже догадались, Кара дайы наблюдал из чердака,

в какой-то момент ему стало даже неловко перед женой, но он быстро прогнал из головы дурные мысли, тем более красота Фатимат убивала наповал. Он приторился, что не заметил их, но при этом сам стал медленно спускаться с чердака по узкой лестнице.

– Что-что, а ноги дрожали у меня. Это точно. И волнение было такое, будто школьником к доске вызывают, – признается сегодня Кара дайы.

На дрожащих ногах он спустился с чердака, поднял голову, сделав вид, что только заметил их, и хотел было выразить удивление, но жена опередила его:

– Вот тебе сирота, забирай ее и засунь себе в глаза, чтоб они ослепли у тебя вместе с глазами Абузара, раз вы положили глаз на чужую женщину!

Впервые за столько лет пребывания в этом доме жена Кара дайы высказалась так резко, а после этих слов тихо повернулась и, вытирая мокрые глаза, направилась в дом.

«Неужели за ведрами пошла?» – с надеждой подумал Кара дайы, сиюсь вспомнить место их нахождения.

Ничего не понимающая Фатимат осталась стоять на скотном дворе в ожидании дальнейших действий со стороны Кара дайы.

Но Кара дайы ничего не слышал и почти не видел. Перед ним стояла фея, спустившаяся с гор и напрямиком направившаяся в его объятия. Растерявшись, он даже непроизвольно спросил у кого-то:

– А что, женщину дали, да?

Ответа не последовало. Дело в том, что жена Кара дайы, как мы уже говорили, после язвительных и необоснованных, по сегодняшнему утверждению Кара дайы, обвинений, с льющимися как лейсан²¹ слезами, сразу ушла в сторону дома – в лучшем случае, за ведрами, чтоб навсегда покинуть этот дом, как того тогда хотелось Кара дайы. Что касается Фатимат, в первое время она плохо понимала местный азербайджанский

язык. Вернее, обычный азербайджанский язык она-то, может, понимала хорошо, но вот тот выговор, на котором говорят зогаллинцы, считающие себя истинными азербайджанцами, – плохо. Поэтому она виновато наблюдала за происходящим, в глубине души сочувствуя жене Кара дайы.

Тут мы должны описать некоторые особенности разговорного языка зогаллинцев и перешедших через горы из Дагестана гостей. Переход зогаллинской школы на грузинский язык обучения привел к постепенному внедрению грузинских слов в разговорный язык зогаллинцев, а также к произнесению азербайджанских слов на грузинский манер. К пятидесятым годам из разговорного языка зогаллинцев исчезли даже некоторые гласные буквы. Со временем в зогаллинском диалекте эти гласные стали заменяться теми, которые употребляются в грузинском языке. Кроме того, в быту при разговоре молодые зогаллинцы стали употреблять грузинские слова, что придало разговорному языку зогаллинцев такую уродливую форму, что и по сей день приезжим в Зогаллы приходится очень внимательно слушать зогаллинцев, чтобы понять их.

Грузинизация не коснулась мугальских деревень, поэтому язык жены Кара дайы на фоне языка зогаллинцев выглядел как родник с кристально чистой водой среди городских нечистот, если, конечно, такое встречается в природе.

Разговорный азербайджанский язык представителей горских народов у зогаллинцев вызывает легкую насмешку при снисходительном к ним отношении. Чем это объясняется, никто из зогаллинцев не знает, хотя, по словам Кара дайы, только за то, что горцы ко всем мужчинам обращаются со словами «джан гардаш⁹», а к женщинам «джан баджы», им можно простить все остальные языковые шероховатости.

Наша Фатимат тоже не была исключением, в первое время она плохо говорила по-азербайджански. Но это не помешало ей сразу заметить неоднозначный взгляд Кара дайы в ее сторону.

– Джан гардаш, – сказала она ему, – если женщина (она себя имела в виду) не нравится, я уйду, только чтоб баджы не плакала.

– А кто сказал, что, женщина не нравится, – Кара дайы стал смелее, – женщина очень даже нравится. А баджы поплачет-поплачет и успокоится.

– Джан гардаш, я очень не хочу в чужом доме дава-далаш¹³ из-за меня. Если баджы будет плакать, я уйду.

Кара дайы не ожидал от Фатимат такой решительности.

– Да не будет баджы плакать, с чего ей плакать? – успокоил он ее.

– Я не знаю, джан гардаш, баджы очень неодобрительно смотрела на меня. Если баджы против, я уйду.

Нависла реальная угроза ухода Фатимат, чего Кара дайы никак не мог допустить, поэтому стал действовать более решительно. Забрав маленькую хончу³⁵ из рук Фатимат, он приказал ей:

– За мной! – и направился к каменному дому.

Комната, в которую Кара дайы намеревался поселить Фатимат, была закрыта на замок.

– Ключ где? – через весь двор закричал он жене, которая полола что-то в огороде.

Жена, не услышав крик мужа, продолжала полоть, не поднимая голову. Повторный крик был настолько громким и грозным, что напуганная женщина прибежала вместе с тяпкой и вынесла ключ из их комнаты. Отдав ключ мужу, она почти с такой же скоростью вернулась в огород.

Кара дайы открыл дверь комнаты на первом этаже, находящейся рядом с комнатой, где они с женой жили, и впустил туда Фатимат. В дальнем углу комнаты красовалось огромное черное немецкое пианино с подсвечниками, посередине комнаты в стену была вмонтирована бухара, а напротив пианино стоял старый сундук со сложенными на него одеялами и матрацами, накрытыми белым пледом. Постельных принадлежностей в

доме Кара дайы было так много, что в каждой комнате второго этажа на таких же сундуках их красовались целые горы. Кровати в комнате не было, в то время в Зогаллы в домах кроватей не было, люди спали на полу, постелив на пол ковер, а потом на него толстый матрац из шерсти. Одеяло, подушку и мутакку зогаллинцы тоже делали из шерсти.

В комнате Кара дайы первый раз решил пошутить с Фатимат. Он поднял крышку немецкого пианино, одним пальцем прошелся по нескольким клавишам, потом двумя руками сымитировал игру на нем и спросил у нее:

– Играешь на пианино? – при этом подмигнул ей левым глазом.

Фатимат не стала лукавить:

– Джан гардаш, я таких вещей не знаю, я таких вещей не видела. Вы не бойтесь, я не буду туда даже подходить, – и показала на пианино.

Кара дайы не стал расстраиваться из-за музыкальной неграмотности Фатимат, но допустил, как потом оказалось, первую ошибку. Он вынул длинный ключ из замочной скважины, протянул его к Фатимат и сказал:

– Держи ключ, устраивайся. Я тебя потом научу играть на пианино.

– Джан гардаш, я такие вещи не знаю, – продолжила упираться Фатимат.

– Научим, всему научим, – сказал Кара дайы, довольный ходом событий.

– Джан гардаш, почему баджы плакала? Почему она ушла? – спросила Фатимат.

– Сейчас придет, – ответил ей Кара дайы, – и все остальное тебе объяснит.

Выйдя на веранду, он все тем же громким и грозным голосом повторно позвал жену. Затем вернулся в комнату и сказал Фатимат:

– Сейчас она придет и все объяснит по дому. А на пианино я как-нибудь научу тебя играть, – продолжал шутить Кара

дайы, обрадованный и довольный находкой удачной шутки игрой на пианино.

На этот раз жена пришла без тяпки. Кара дайы позвал ее в комнату и поставил задачу:

– Объясни все по дому – что, где и как! Она будет жить в этой комнате.

К великому невезению Кара дайы, женщины быстро нашли общий язык и к концу недели общались, как близкие подруги. Они вместе ходили на колхозные работы, вместе и возвращались. И по дому все работы делали вместе. Такое сближение женщин в корне противоречило планам Кара дайы. Изначально он планировал сыграть на их противостоянии. По его задумке, жена должна была враждовать с Фатимат, не давать ей жизни в этом доме, и тогда он, после нескольких устных предупреждений, окончательно расстался бы с ней. А после этого он намеревался постучаться в дверь Фатимат.

Но жена Кара дайы проявила чудеса женского понимания – мало того, что она подружилась с Фатимат, вдобавок она стала еще теплее относиться к Кара дайы. При этом каждое ее движение выводило его из себя, а Фатимат все хорошела и хорошела.

Буквально через неделю после поселения Фатимат председатель сельсовета Абузар, встретив Кара дайы на улице, спросил:

– Ну как там, получается?

– Пока нет, – честно ответил Кара дайы.

– Ты давай, не робей! Тем более что государство сейчас против этого ничего не имеет.

Дело было не в государстве – уж сколько государств Кара дайы освобождал в Европе, не счесть. Дело было в том, что Кара дайы не знал, как объяснить Фатимат свои глубокие и даже незаурядные чувства. Может, он объяснился бы, но поймать Фатимат одну ему никак не удавалось. Фатимат с женой Кара дайы были неразделимы, словно сиамские близнецы. Утром они одновременно поднимались и шли за водой, вместе доили коров, подметали двор, а вечером жена Кара дайы ложи-

лась спать только после того, как Фатимат запирала длинным ключом дверь своей комнаты и, мало того, закрывала на железную щеколду. Комната, где спала Фатимат, превратилась в недоступную крепость, прорваться туда через окна тоже было невозможно, на них стояли железные решетки.

Тем временем Кара дайы, не теряя надежды, продолжал наблюдение за Фатимат с чердака на скотном дворе. В течение дня Фатимат, как прекрасное и неуловимое видение, мелькала то в одном месте двора, то в другом, держась на близком расстоянии от жены Кара дайы.

«Сговорились они, что ли?» – мучился раздумьями Кара дайы, потому что другого объяснения такому дружному поведению женщин он не находил. «Если по-доброму не получится, придется силу применять! Имел я вашу женскую солидарность!» – в конце концов решил Кара дайы.

Через месяц Кара дайы все-таки под вечер подстерег Фатимат одну в фундуковом саду, извините за правдивое описание, когда она возвращалась с длинными дровами для кюра, сложенными на стену туалета. Жена Кара дайы была на улице – забирала из общего зогаллинского стада возвращающихся после дневного выпаса овец и баранов. Бывшему разведчику ничего не стоило подкараулить Фатимат в кустах фундука и, когда она проходила мимо, одним прыжком обнять ее и закрыть ей рот рукой. Напуганная Фатимат уронила дрова на ноги Кара дайы. Но тот был неудержим и успел задрать подол длинного тумана Фатимат, но что-то необъяснимое остановило его изнутри. А когда Фатимат узнала в своем похитителе Кара дайы, она встала на колени и начала умолять:

– Джан гардаш, лучше возьми нож и убей меня! Но не позорь меня тут!

На ресницах Фатимат бриллиантами заблестели слезы. Заметив колебания Кара дайы, горянка применила еще и хитрость:

– Не позорь меня тут, в кустах, – повторила она, – лучше по-человечески.

И в первый раз в своей боевой биографии славный разведчик Кара дайы дал промашку – отпустил пойманного с таким трудом языка. Не смог он насильно овладеть Фатимат, поверил ей и в самом деле решил, что будет лучше, если по-человечески. Он хотел даже извиниться, но Фатимат, поправив подол длинной юбки, убежала.

Растерянный Кара дайы подобрал рассыпавшиеся дрова, отнес их обратно к будке туалета и прислонил к стене. Не думая долго, пошел за лошадь, привязанной в конце фундукового сада возле небольшого ручья, иногда пересыхающего с приходом жаркого лета. Когда он вернулся во двор, жена в дальнем углу скотного двора доила недавно отелившуюся буйволицу, а Фатимат рядом держала рвущегося к вымени матери теленка. Он отвел лошадь на место под специально оборудованный для нее навес, поверх которого складывал высушенную на зиму траву. Потом, так же молча, прошел через весь скотный двор и вышел на улицу, ведущую к магазину и правлению колхоза, где по вечерам собирались для бесед мужчины Зогаллы.

Тем, кто считает поведение Кара дайы некрасивым, хочется напомнить, что во все времена и эпохи женщина была объектом атаки со стороны мужчины. И очевидно не зря. Женщина – это всегда прекрасная и таинственная крепость, к счастью, не всегда неприступная. Все мужчины страстно стремятся овладеть этой крепостью. И всегда ли любовь движет ими? А может, любопытство или инстинкт? И большинство женщин, как бы организованно ни защищали свою крепость, как правило, не могут устоять перед натиском мужчин и сами в нужный момент отворяют ее ворота. Если бы все были такими!

Вернулся Кара дайы поздно ночью и, проходя по веранде мимо комнаты Фатимат, проверил ее дверь: она была закрыта наглухо, будто гвоздями заколочена. Их комнату жена оставила открытой, ключ торчал изнутри в замочной скважине. Керосиновая лампа на самом слабом огне стояла на подоконнике, на полу была отдельно застелена его постель. Рядом была

постель жены, которая уже спала. Он закрыл дверь на замок изнутри, тихо разделся, чтоб не разбудить жену, потушил лампу и лег в свою постель. Так повторялось каждый вечер вот уже четыре года. С тех пор, как он вернулся с войны, они спали отдельно. И жена Кара дайы за эти четыре года научилась засыпать, не дожидаясь мужа.

Когда июньское палящее солнце начало подниматься в зенит, Кара дайы стало совсем невыносимо. То ли жара, то ли внутренние позывы буквально перекрывали ему дыхание. Уверенность в собственных силах и невозможность применения их, с одной стороны, и продолжающаяся недоступность Фатимат – с другой, угнетали его. Ему плохо спалось в лунные ночи – казалось, что луна светит ярче обычного и прямо в глаза через открытое окно в их комнате. В те счастливые часы, когда ему удавалось-таки заснуть, он видел один и тот же сон: кто-то насильно удерживал Фатимат, которая со всей силой стремилась к нему. И каждый раз, просыпаясь от такого тяжелого сна, кроме спокойно спящей рядом жены, он никого не видел.

Пылкая любовь всегда сопровождается необдуманными поступками. Приняв призыв Фатимат во сне как сигнал к действию, Кара дайы решил, что пора ответить ей взаимностью. Но как быть с замками в двери? Отец Кара дайы, Нурулла киши, при строительстве дома установил такую многоступенчатую систему затворов, что через много лет его сын, бывалый разведчик, никак не мог проникнуть в одну из комнат дома, где каждый вечер с наступлением темноты закрывалась горская женщина по имени Фатимат.

Тогда Кара дайы стал думать о других путях взятия комнаты, а заодно и Фатимат. Конечно, можно было сломать дверь, но неизвестно, как бы отреагировала на это его жена? Нет-нет, без ночного крика и шума тут не обошлось бы, и еще неизвестно, как повела бы себя напуганная Фатимат? Можно было спилить железные решетки на окнах с боковой стороны дома. Но у Кара дайы не было инструмента для этого. Таким образом, наземный подступ к комнате был исключен. Тогда Кара

дайы решил пробиваться из подвала. Спустившись туда днем, когда женщин не было дома, он попробовал выбить одну из досок в комнату Фатимат. Но толстые дубовые доски, распиленные когда-то нанятыми отцом Кара дайы мугалами, были настолько крепко забиты гвоздями, что после каждого удара молоток отлетал, как после удара о гранитную стену. Точно так же он не смог оторвать доску на втором этаже над комнатой Фатимат.

И тут в голову Кара дайы пришла простая по сути, но гениальная идея – а что, если спуститься в комнату через бухару? Может, покойный отец, когда строил дом, специально предусмотрел их во всех комнатах, думая, что когда-нибудь они могут понадобиться его сыну и для других целей? Может, и такое ему виделось? Как бы там ни было, но Кара дайы настолько увлекся этой идеей, что в тот же день взобрался на чердак дома и стал проверять возможность проведения этой дерзкой операции, которая должна была привести к капитуляции Фатимат. Он заглянул в широкое выходное отверстие бухары и убедился, что спокойно может спуститься по нему. Нужна была толстая веревка или даже канат. Он вспомнил, что буквально вчера у Гамидуллы во дворе видел новый длинный канат, купленный на базаре в Шеки вместо колхозного, который порвал его сын Камиль во дворе мечети, когда хотел показать свои способности канатоходца. Взамен Гамидулла купил новый, но отдавать его в колхоз не спешил, выторговывая для себя порванные куски. Кара дайы повезло еще тем, что Гамидуллы дома не было, он с пятнадцатилетним сыном Османом торговал грушами в Евлахе, а Камиля на днях назначили бригадиром на свиноферму, и он целыми днями пропал там. Кара дайы решил взять веревку без спроса днем, пока жена Гамидуллы была на колхозных работах, а после ночной операции на следующий день вернуть ее и повесить на место.

Веревка оказалась подходящей и по длине и по прочности. Тренировочный спуск с чердака на второй этаж по бухаре прошел удачно, если не считать, что Кара дайы вышел оттуда весь

в саже, впервые за пятьдесят лет очистив таким образом дымоход бухары. Несложно предугадать реакцию жены и Фатимат, если бы они увидели Кара дайы в таком виде. Но и тут ему повезло – в это послеобеденное время дома никого не было, женщины нанизывали табак возле плантации. Убедившись, что никто не увидел его в таком виде, Кара дайы прошел через фундуковый сад к речушке, Там он помылся и постирал свою одежду. Через час она высохла на солнце, и он оделся. Но не обошлось без потерь. Были небольшие ранения в виде порезов и ушибов ступней и пяток обеих ног об острые края камней, торчащих внутри стены бухары. Поэтому для решающего спуска он решил надеть на ноги шерстяные вязаные носки, но спускаться без одежды, в одних подштанниках.

Фотографию Кара дайы в таком виде, если бы таковая имелась, непременно пожелали бы поместить у себя многие юмористические журналы мира. Будучи реалистами, мы не говорим и не пишем о фотографии после спуска, так как спуск получился неудачным и вызывающим смех во всем округе и без фотографии и по сей день.

На землю Зогаллы опустилась июньская ночь. Она благоухала спящим Ганыхом, зарослями поздней крапивы и призывала к героизму.

Ночь перед спуском прошла спокойно, но в комнате, где спали Кара дайы и его жена, было душно. Его с самого вечера тянуло на чердак, но он решил провести операцию под утро, перед самым рассветом. Сказывалась армейская привычка: ранним утром противника легче застать врасплох.

Летом в Зогаллы светает рано. Поэтому в три часа ночи Кара дайы встал. Жена крепко спала рядом. На цыпочках он подошел к двери и, бесшумно открыв ее, выскользнул на веранду. Проходя мимо двери Фатимат, он убедился, что она как всегда закрыта на все замки, и решительно поднялся на чердак. Привязанная к стропилу чердака веревка лежала возле выходного отверстия бухары как закрученная змея, а на ней – пара зимних шерстяных носков, которые вязала Кара дайы

его жена. Кара дайы не спеша снял брюки и надел носки. В последний момент он решил спускаться в рубашке, хотя в предварительном варианте она не была предусмотрена. Он в последний раз проверил крепость узла привязанной веревки.

– Йа Аллах, – произнес Кара дайы и, крепко взявшись двумя руками за веревку, стал спускаться вниз.

В жизни всегда есть место везению, и всегда были люди, которым везло. Разве не везло Наполеону, который завоевал полмира, или Дон Жуану, который завоевал сердца стольких женщин? Председателю Зогаллинского сельсовета Абузару тоже везло: и на войну он не пошел, и держал дома двух красивых жен. Но больше всех повезло Кара дайы: пройти две страшные войны и вернуться домой через десять лет без единой царапины – это ли не везение? Но, как ни грустно, всякое везение имеет свои пределы.

Неприятности начались сразу. Как только Кара дайы влез в бухару, раздался треск. Зацепившись ногой, он оторвал от стены небольшой камень, который упал в комнату Фатимат прямо на жестяное основание бухары. В ночной тишине раздался такой шум, будто кто-то пальнул по комнате из пушки. Крепко спавшая Фатимат выскочила из постели и подошла к бухаре. Вслед за крупным камнем стали сыпаться мелкие, в комнату влетела пелена пыли. Фатимат быстро оделась и зажгла керосиновую лампу. Вдруг из бухары показалась пара ног в зимних вязаных шерстяных носках. За ногами послышался возглас человека, старавшегося освободиться от чего-то.

Напуганная до смерти Фатимат бросилась к двери:

– Джан баджы, джан гардаш, помогите, воры в комнате!

С трудом, но ей все-таки удалось отворить все замки двери и выбежать на веранду. Там она стала еще сильнее кричать:

– Джан баджы, джан гардаш, помогите, воры в комнате, сверху идут.

Через пару минут на крики Фатимат из соседней комнаты выбежала жена Кара дайы. В первое время ей показалась, что Фатимат чего-то испугалась во сне, поэтому она сбегала за водой:

– Пей водички, не бойся, у нас воров не может быть.

Воду Фатимат выпила, но после этого потянула жену Кара дайы в комнату.

Кара дайы застрял в самый последний момент. Начало спуска было очень обнадеживающим, он удачно миновал уровень второго этажа, стал спускаться дальше. И когда до заветного пола оставалось полметра, его ноги каким-то образом проскочили между торчащими из стены огнеупорными кирпичами, а тело отказалось войти в это маленькое пространство. Любое движение стало доставлять такую сильную боль, что в какой-то момент он даже испугался. А когда до него стали доходить крики Фатимат, Кара дайы решил вернуться назад, то есть, подняться наверх, чтобы не выдать себя. Но не тут-то было!

Вошедшее по грудь в узкое пространство голое тело Кара дайы отказывалось двигаться куда бы то ни было. Но решение подняться наверх уже было принято.

– Вот осёл, дверь чердака не закрыл, – успел пожурить сам себя Кара дайы и предпринял очередную попытку вырваться из объятий кирпичей, клещами впившихся ему в бока, хотя в его сознание уже стала формироваться какая-то безысходность, соседствующая с предсмертным отчаянием. Такого с ним никогда не было, даже в самых тяжелых ситуациях на войне он не терял оптимизма, всегда выходил победителем из невысказанно тяжелых ситуаций. А тут...

В это время в комнату вошли Фатимат и жена Кара дайы.

– Джан баджы, вот они, носки торчат из бухары, – указала Фатимат на висящие ноги Кара дайы, болтающиеся в тщетной надежде найти опору. Жена Кара дайы керосиновой лампой осветила бухару и узнала вязанные собственными руками шерстяные носки. Нагнувшись, она стянула один носок с ноги Кара дара дайы, и, убедившись, что в бухаре застрял ее муж, решила не выдавать его и сказала:

– Валлах Фатимат, носки наши, но ноги чьи, я не скажу.

– Джан баджы, – умоляла Фатимат, – не уходи, я боюсь, – вдруг ноги спустятся вниз.

– Да не спустятся вниз, они сейчас быстро наверх пойдут, чтоб никто не знал. А то сейчас столько народу соберется на твой крик, – громко говорила жена Кара дайы, давая понять своему мужу, что ему надо торопиться. Кара дайы отчетливо услышал последние слова жены и понял, что она защищает его от этого позора. Через секунды каким-то невероятным усилием он вырвался из тисков державших его по бокам кирпичей, и его ноги исчезли из видимой части бухары. Одновременно с этим вниз упали белые подштанники Кара дайы, которые сразу подобрала его жена. Дальше он поднимался сравнительно легко.

Когда Фатимат кричала на веранде, оказывается, она разбудила и соседа Гамидуллу, поздно ночью вернувшегося с сыном Османом из Евлаха. Тот сперва решил, что Кара дайы очередной раз повздорил с женой и даже бьет ее, а Фатимат зовет кого-то в помощь. Но когда отчетливо услышал слова «вор в доме», Гамидулла захватил в скотном дворе вилы и прибежал к каменному дому. Когда он забежал в комнату Фатимат, ног Кара дайы в бухаре уже не было видно. Увидев Гамидуллу, жена Кара дайы вышла на веранду и спрятала вязаный носок и подштанники мужа. А Фатимат сразу бросилась к нему и указала на бухару:

– Джан гардаш, вот тут висели носки, один носок баджы сняла.

– А второй носок? – спросил Гамидулла.

– А второй носок наверх пошел с ногами, – ответила Фатимат.

Гамидулла все понял и еле удержался от смеха. Выйдя на веранду, спросил у стоящей возле колонны жены Кара дайы:

– А сам где?

– Наверх пошел, – спокойно ответила жена Кара дайы, движением головы указав его путь. Взяв керосиновую лампу, Гамидулла стал подниматься по лестнице на чердак. Ни о чем до сих пор не догадавшаяся Фатимат снизу его предупредила:

– Джан гардаш, будь осторожен.

– Хорошо, – успокоил ее Гамидулла и залез на чердак.

На чердаке он увидел странную картину: голый Кара дайы старался отвязать от пояса накрепко завязанную веревку. Услышав шум, он повернулся, увидел Гамидуллу, затем при свете керосиновой лампы не спеша развязал веревку и стал натягивать на грязное тело лежавшие рядом брюки. И тут Гамидулла задал ему вопрос, которого Кара дайы меньше всего ожидал:

– Где веревку взял?

Хотя Кара дайы и сделал вид, что не расслышал вопроса, заподозривший неладное Гамидулла положил лампу на пол и поднес веревку к свету. Один конец ее была до неузнаваемости запачкан сажей, а другой конец выдавал ее новизну. Узнав свою веревку, Гамидулла в глубоком гневе повторно спросил:

– Где веревку взял? Я у тебя спрашиваю!

– Где, где? У тебя взял, – ответил Кара дайы, не забыв упрекнуть Гамидуллу в неоправданной придирчивости к мелочам. – Я тут чуть было не погиб в бухаре, а он про свою веревку. Тоже мне брат. Твою мать!

Ответ подействовал на Гамидуллу, он немного успокоился, но по поводу веревки остался при своем:

– Где взял, туда и повесишь! В каком виде взял, в таком виде и вернешь! Разведчик хренов.

Потом он взял лампу и пошел к лестнице, ведущей вниз. Но в последний момент остановился и, повернувшись, тихо сказал Кара дайы:

– Подожди полчаса, потом спустишься. А я пока твоих успокою и закрою в комнатах.

Уже внизу, отдавая лампу Фатимат, Гамидулла объяснил ей:

– Ушел, через чердак ушел. Наши бы не залезли, наверно, кто-то из безмозглых мугалов был. Закрывайтесь в комнатах и спите. Не бойтесь.

Стоявшая рядом жена Кара дайы молча слушала Гамидуллу, но когда он и тут задел мугалов, она не выдержала:

– Да конечно, куда там вашим, – и ушла в свою комнату.

Но Гамидулла настоял на своем, обратившись к Фатимат, он сказал:

– Зайди к себе, закройся изнутри, я проверю. Потом уйду.

Убедившись, что Фатимат закрыла дверь на все замки, Гамидулла громко сказал:

– Спице и никому не открывайте! – предупредил он женщин, взял вилы и ушел.

Только днем, когда жена Кара дайы в большой тятне для стирки постирала грязную веревку и растянула во дворе, чтобы просушить, наблюдавшая за этим Фатимат подошла к ней и спросила:

– Джан баджы, а где гардаш был ночью, почему он не вставал?

– На чердаке, – спокойно ответила жена Кара дайы, вытирая мокрые руки о подол юбки.

Тут-то до наивной Фатимат и дошло, что никаких мугальских воров ночью в доме не было, и к ней в комнату спускался сам хозяин. Она стала плакать и оправдываться перед женой Кара дайы:

– Джан баджы, я не звала его, это он сам. Вы знаете, как я вас люблю, с первого дня он мне проходу не давал. Я больше не останусь у вас. Я уеду!

После этих слов Фатимат выбежала на улицу, пошла в сельсовет и рассказала председателю Абузару все подробно-сти ночного происшествия, а тот заливался хохотом в течение всего рассказа.

– Застрял, говоришь, да? – переспрашивал он у ошарашенной Фатимат и снова смеялся.

– Ноги голые торчали из бухары, да? – спрашивал он дальше и смеялся еще больше.

А когда Фатимат сказала, что с Кара дайы потом упали подштанники, Абузар упал со стула, держась за живот, и его смех перешел в какие-то нечеловеческие рыдания.

Фатимат поняла, что помощи от сельсовета ей не дожидаться, решительно вышла и вернулась в дом Кара дайы. Жена

Кара дайы чем-то была занята в огороде. Фатимат собрала свои вещи в хончу, завязала ее. Убрала в комнате, потом закрыла ее на ключ и прошла в огород, держа в другой руке хончу.

– Джан баджы, извините за все, – обняла она жену Кара дайы, и обе женщины заплакали, – я тут больше оставаться не могу. Возьмите ключ...

...А в это время Кара дайы, обескураженный ночной неудачей, сидел возле речушки в конце фундукового сада и слушал траурный марш Шопена, передаваемый из сельского репродуктора по случаю смерти какого-то партийного руководителя. Мелодия вполне отвечала душевному состоянию Кара дайы. Рыдающие аккорды марша разносились по всей деревне, влетали в его растоптанную душу и надрывали ее изнутри. Что интересно, Кара дайы при этом ничего не понимал в классической музыке.

ГЛАВА 9

ПЛАЧ ЧЕРНОЙ ЗУРНЫ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ КЁРОГЛУ

Зогаллинцам снятся сны.

Сны видят в Зогаллы все – и старики, и старушки, и дети, и молодежь, а также люди среднего возраста. Таких обильных сновидений, как в Зогаллы, вы не встретите ни в одном населенном пункте земного шара, не говоря уж о близлежащих мугальских деревнях. Сновидения настолько тесно вошли в жизнь зогаллинцев, что перед сном они желают друг другу не крепких снов, как принято во всем мире, а снов сладких. Если зогаллинцу в течение месяца не снился хотя бы один сон, то он считает себя страдающим бессонницей.

– Все люди как люди, по ночам видят яркие и цветные сны, – жалуется он, – один я, как мертвец: сплю, а даже не чувствую, как ночь прошла.

Согласно философии зогаллинцев, ночь есть не что иное, как продолжение активного дня. Потому без сновидения она считается простой потерей времени.

Особо опытные зогаллинцы умудряются видеть сны даже во время короткого дневного отдыха:

– Лягу, отдохну часок, может, что интересное увижу, – говорят они, через час просыпаются и сразу же делятся свежими новостями.

Первые часы утра наступившего дня зогаллинцы посвящают пересказам ночных снов друг другу. Зогаллинские женщины с утра торопятся к артезианским источникам и родникам, чтобы в мелочах пересказать ночной сон другим женщинам, узнать их мнение, а заодно узнать – что снилось другим.

– Сны снятся всем, не только вам, – как всегда, возражают всем недовольные и ко всему придирающиеся мугалы. На это у зогаллинцев давно готов ответ:

– В отличие от вас, мугалов, мы, зогаллинцы, запоминаем свои сны, и утром до последней мелочи можем их пересказать. Попробуйте и вы, если сможете.

Но мугалы не могут по-человечески пересказывать даже то, что днем видят наяву, не говоря уже о снах. Поэтому, зная свою слабую сторону и услышав жесткий ответ зогаллинцев, они на время утихают.

В отличие от мугалов, зогаллинцы действительно в большинстве своем запоминают сны. При необходимости даже самый необразованный зогаллинец может пересказать увиденный им сон месячной давности.

Но мугалы не отступают, а поэтому, придя в себя, язвительно добавляют:

– Зато мы, в отличие от вас, разгадываем свои сны, – и смеются.

Зогаллинцы и тут не теряются.

– Что же вы, интересно, разгадываете, если ничего не запоминаете?! – смеются в ответ зогаллинцы.

Зогаллинские старожилы признаются: по части толкования снов мугалы действительно опережают их. И никто не может объяснить, почему при таком обилии сновидений разгадывание снов в Зогаллы так несовершенно.

Правда, по словам этих же стариков, до войны в нижнем Зогаллы жила одинокая старушка, которая успешно разгадывала любые сны за десяток яиц – не обязательно куриных. Она была не коренной зогаллинкой, а приезжей, но откуда родом – никто в Зогаллы не знал. Когда она начинала разгадывать сны, сперва шептала на каком-то непонятном для зогаллинцев языке странные слова и только потом, не спеша переводила все это на разговорный зогаллинский.

– Говорила вроде на нашем, но никто ее не понимал, – сегодня вспоминают старики.

За свои услуги добрая старушка не прочь была принимать также и гусиные, и индюшачьи яйца. С началом войны зогаллинцы все чаще стали обращаться к ней, но когда после очередных ее разгадок в деревню пришли три похоронки, они перестали ходить к старушке. Хотя видеть сны, естественно, не перестали. Озабоченная отсутствием посетителей, старушка через своих соседок дала знать всем зогаллинцам, что готова разгадывать сны хотя бы за одно символическое яйцо. Оставшиеся в деревне зогаллинцы долго думали, но так и не поняли, что означает символическое яйцо, каковы его размеры, какого оно цвета, а главное – кто его снесет.

– Нет у нас символического яйца! Мы знаем куриные, гусиные, индюшачьи яйца, других мы не знаем! – сказали зогаллинские женщины.

– Бывают еще воробьиные, перепелиные и голубиные. А символического яйца не бывает, – добавили оставшиеся в деревне старики.

– Пусть сама себе разгадывает сны за такое яйцо, если такая умная! – не на шутку разозлились зогаллинцы на старушку.

Скорее всего, зогаллинцы не захотели, чтобы их сны были разгаданы, потому что никто не хотел услышать плохие вести с фронта.

Не дождавшись клиентов, старушка в одну из морозных ночей первой военной зимы сама увидела сон. Утром она вов-

сю проклинала тех, кто выдумал старость, и рассказала соседкам, что скоро она умрет, душа ее якобы висит на ниточке. Зогаллинцы стали готовиться к похоронам старушки, но проклятая ниточка никак не обрывалась. По утрам соседки стали заглядывать к старушке, прикладывали ухо к закрытой изнутри двери, чтобы узнать, не дала ли старушка дуба? Но в доме все еще слышны были оханья, кашель и скрип старушечьих костей. Через неделю разочарованные соседки перестали проведывать старуху, махнули на нее рукой, посчитав ее человеком необязательным.

– Если уж решила помирать, так помирай! Нечего людям голову морочить! – зогаллинцы как-то не жалуют необязательных старушек, решивших умереть, а в последний момент передумавших. Что интересно, зогаллинцев задело не только затягивание ожидаемой смерти старушкой, но и неправильное разгадывание ею собственного сна. Правда, к весне старушка все-таки умерла, но зогаллинцы к тому времени для себя однозначно решили: обманывала она их, сны невозможно разгадывать!

С тех пор зогаллинцы особо и не стараются разгадывать сны, но с удовольствием пересказывают их содержание друг-другу.

Целую книгу можно написать по снам зогаллинцев, но об этой своей идее в разговоре с Кара дайы я пока умалчиваю.

– Ты напишешь, ты, конечно, напишешь, – скажет он, посмеиваясь надо мной. – Ты сперва о жизни зогаллинцев напиши, а потом перейдешь к их снам, – добавит Кара дайы и будет прав.

Поэтому о своей задумке я пока молчу, но интересные сны зогаллинцев собираю. Кара дайы об этом не знает.

Вот, например, буквально недавно я стал свидетелем пересказа увлекательнейшего и поучительного сна. По соседству с домом моих родителей в Зогаллы жил старик с нудным характером. Жил он со своей женой и единственным сыном. Ре-

бенок был у них поздним и рабски подчинялся во всем своим родителям. Потом они женили сына, выбрали невестку воспитанную, из порядочной семьи с хорошим затом. Рассказ этой женщины, то есть невестки этого старика, я услышал через два месяца после его смерти.

Как-то она пришла к нам, чтобы поздравить маму с моим очередным благополучным появлением в родной деревне, что наши соседи в Зогаллы делают каждый мой приезд.

– Ай хала,³⁹ – так она обращалась к моей маме, – даже не знаю, как мне быть? Девятнадцать лет я была послушной невесткой этого горбагора⁴⁰, – рассказывала она свой сон и ругала умершего недавно свекра. – Девятнадцать лет я, как служанка, бегала по дому. С самого утра до позднего вечера только и делала, что заваривала и носила ему чай. Чай, чай, чай, чай. Сколько может человек пить чаю? Все терпела. Четыре самовара меняли за девятнадцать лет. Даже самовары не выдерживали и дырявились. А каково было мне? Но я терпела. Сколько ни давай ему чая, всегда он был недоволен, говорил, что я не умею правильно заваривать чай. На ночь ему в термосе заваривала, ночью вставал и пил. Даже перед смертью попросил чаю, я молча заварила и принесла. Когда умер, да простит меня Аллах, я радовалась в душе, что наконец-то закончатся мои муки. Куда там! Хорошие поминки устроили ему. И три дня, и неделю отметили, как Аллах велит.

Но только справили сорок дней, как стал он мне сниться. Закрываю глаза, слышу его голос: «Хочу чаю!». От этого по ночам просыпаюсь, хожу по комнате. Ложусь, закрываю глаза и только засыпаю, как слышу, он зовет: «Ты чай несешь или нет?». Кому расскажешь, никто не поверит. На днях не выдержала я – пусть Аллах простит меня! – заварила в термосе чай, целую пачку засыпала туда и, когда никого не было дома, пошла на кладбище и кипятком налила ему на могилу. – Вот тебе чай! – сказала в сердцах, – может, сейчас напьешься?!

Две ночи спала спокойно, не снился. Так радовалась, думала – все, успокоился. Не тут-то было! В эту ночь опять увидела

его. – Что-то чай у тебя бесцветный получился, невестка, – сказал он мне во сне. – Заварки пожалела старику, да?

– Нет, ну вы представляете, ай хала? Целую пачку в двухлитровый термос засыпала, и после этого чай у него бесцветный?! Да чтоб он в могиле перевернулся, если эта неправда! Не знаю, что дальше делать? Смех и только...

Мы тогда долго смеялись, а потом моя мама успокоила ее и посоветовала сходить к мулле: пусть он прочитает положенную горбагорам в таких случаях молитву и усмирит его так, чтобы больше не снился и чаю не просил...

К очередной поездке (точнее, внеочередной) на родину меня тоже подтолкнул непонятный сон, который приснился накануне. Должен заметить, что наш род «посохов» в Зогаллы, являясь заметной силой деревни, по части сновидений не уступает другим родам. Мы тоже часто видим увлекательные и не очень сны. Кара дайы, как аксакал нашего рода, тут, конечно, вне конкуренции: иной раз ему снятся такие сны, что потом отличить правду в его рассказах от мистики или фантастики просто невозможно.

Ко снам Кара дайы мы еще вернемся, но, будучи, помимо прочего, людьми еще и мнительными, мы, «посохи», в отличие от большинства зогаллинцев, по утрам все же стараемся разгадать сны. Если честно, не всегда это у нас получается успешно, впрочем, как и у большинства зогаллинцев. Именно неспособность разгадать очередной сон и подтолкнула меня к поездке. А видел я во сне вот что: веселые, празднично одетые жители Зогаллы куда-то меня провожали. Рядом со мной сидели старики, с другой стороны на лавочках теснились аксакалы. Вокруг крутились веселые и взволнованные односельчане. Чтобы хорошо разглядеть происходящее, дети цеплялись за ветки тугового дерева. Сначала я даже думал, что это свадьба, что зогаллинцы провожают невесту в соседнюю деревню. Только потом понял, что люди вышли провожать меня. Провожали на пороге отцовского дома. И тут появился председатель Зогаллинского

сельсовета Абид муаллим, снял с головы шляпу, платочком вытер запотевшую лысину и закричал на моих родных:

– Что вы делаете? Разве так делается? Повесть – это не семейное дело, это общее дело всей деревни. Поэтому всей деревней и будем его провожать! Я так решил! – твердо сказал Абид муаллим. Мои родные смущенно посмотрели на него. – Отведай, сынок! – протянул мне Абид муаллим свежий чурек из тандира. – Кто правой рукой работать не сможет, тот левую скоро за чужим хлебом протянет. Отведай, ты работал не только руками, но и головой. Отведай, халал олсун⁴¹!

– Халал олсун! – закивали головами сидящие на лавочках аксакалы.

– Возьми на язык, – преподнесли мне ложку меда, и в толпе я узнал кривоногого дядю Идриса. – Одинаковые крылья поднимают и муху, переносящую болезнь, и медоносную пчелу, – сказал он.

– Халал олсун! – продолжали качаться на лавочках старики.

– Выпей до конца, – со стопкой в руке подошел ко мне Кара дайы. – Молодец, что наконец-то написал. Сладкую грушу и ребенок может съесть, а то, что из нее получается, только настоящий мужчина достоин выпить, – намекнул он на содержимое стопки.

– Халал олсун, – старики были неумолимы...

...Утром, после долгого анализа ночного сна я не нашел в нем ничего утешительного для себя, поэтому первым делом позвонил Кара дайы и поинтересовался, все ли у него в порядке?

– Все хорошо, готовимся к свадьбе, – закричал он в трубку и положил ее.

Поиски в сонниках, где я хотел найти хоть какое-то толкование моего сна, тоже не дали результатов. Больше всего меня напугали пышные проводы. Что бы это значило? А тут еще и упоминание какой-то повести о деревне? Да, я обещал Кара дайы написать повесть, но ведь ничего не написано.

Одним словом, я немедленно купил билет на самолет и через два дня был в Зогаллы. Была ранняя весна, на улице стоял апрель.

* * *

Если возраст делает большинство жителей планеты мудрыми, то Кара дайы с возрастом становится еще и изобретательным. Даже его жена, которая, как правило, во всех действиях Кара дайы находит недостатки, на этот раз тихо смеется над очередным экспериментом мужа.

Зайдя во двор Кара дайы, я увидел удивительную картину. Огромный двор напоминал территорию маленькой птицефермы – он был полон молодыми курочками белого цвета. Что интересно, крылья у всех птиц были обрезаны, а сами курочки были покрашены фиолетовыми чернилами. Рядом пасся здоровый, жирный и упитанный баран с закрученными рогами, на брюхо которого тоже были обильно нанесены чернила.

Еще издали я заметил, что черный нос Кара дайы стал почти красным.

– До обеда он вроде никогда не пьет, – удивился еще я.

Кара дайы уверенно держится на ногах даже после полулитра грушовки, но красный нос часто выдает его. Как выпьет Кара дайы сто грамм, нос начинает краснеть. Некоторые зогаллинцы в шутку утверждают, что после хорошего застолья, когда нос Кара дайы становится похожим на раскаленный кусок железа, от него даже сигареты можно прикуривать.

За грушевым деревом во дворе стоял еще не убраный стол, а за столом, опираясь на длинный посох, лицом ко мне сидел кривоногий дядя Идрис. Я догадался, что у Кара дайы были гости, раз еще не убрали стол, а дядя Идрис случайно оказался в компании.

Кара дайы не ожидал меня увидеть:

– Ого, – удивился он, – только вчера по телефону говорили, сегодня уже здесь. Самолетом, наверное?

– Да, – ответил я.

– Самолетом, конечно, быстрее будет. А я из Берлина семнадцать дней плелся поездом. – Каждый раз, чем бы я ни добирался домой, время моего нахождения в пути, Кара дайы обязательно сравнивает с собственным возвращением с войны, когда поезд за семнадцать дней доставил его из Берлина в Баку. – А что самолету? Поднимается в воздух, никто ему наверху не мешает, и через три часа ты уже дома, – заодно объяснил он причину быстрого движения самолета.

Я улыбнулся, его жена и дядя Идрис доверчиво смотрели на него.

Заметив мое наблюдение за ощипанными и покрашенными птицами, он сразу стал объяснять:

– К свадьбе внука готовимся. Вот барана держу дома, купил двести пятьдесят штук детдомовских цыплят в Загатале, за ними смотрю.

Детдомовскими Кара дайы называет инкубаторских цыплят, которые, в отличие от домашних, поголовно белые.

– Я своим заранее сказал, – продолжил он, – что на свадьбу внука с меня хороший баран! И вся птица тоже с меня! Надеюсь, штук двести выживет. И сто двадцать литров трехлетнего вина я обещал на свадьбу. Держу в подвале. Естественно, и деньгами помогу, конечно, не без этого.

– Хороший дедушка, – похвалил я его.

Ему это всегда нравится:

– Еще бы! – ответил Кара дайы. – Но я поставил перед ними условие.

– Какое еще условие? – удивился я.

– Свадьбу сыграем по-старинному. С зурной. Они согласны. Я даже музыкантов для свадьбы нашел в Шеки. Сейчас очень тяжело найти музыкантов-зурначей.

Они – это дочь и зять Кара дайы. Двадцать пять лет назад дочь Кара дайы повторила подвиг отца, только наоборот. Взяла да и полюбила парня из соседней мугальской деревни. Кара дайы первое время противился решению дочери, не хотел,

чтобы она вышла замуж за этого парня. Зогаллинцы сильно тогда смеялись над ним:

– Ну что, Кара дайы, должок-то приходится вернуть мугалам, – шутили они, намекая на то, что в свое время тот женился на девушке именно из этой деревни.

Как бы там ни было, Кара дайы в конце концов согласился с решением дочери, и она вышла замуж за парня, которого любила. Потому что у нас в Зогаллы принято, что родители, как правило, всегда соглашаются с выбором своих детей.

– И почему вы их покрасили? И зачем крылья обрезали? – возвращаюсь я к курам.

– Они тоже как зашли во двор, первым делом это спросили.

– А кто они? – спросил я.

– Гости были у меня, только уехали. – Кара дайы указал на еще не убраный стол, – жаль, что не застал ты их. Из редакции приезжали двое, один фотографировал, другой вопросы задавал. Каждый год приезжают перед Днем Победы. Обо мне в газете хотят писать. Как зашли во двор, сразу спросили, почему птицы покрашены? Тоже мне интеллигенция! В курах не разбираются, а газеты писать могут. Объяснил им все. Пришлось с утра накрывать на стол. Тут и Идрис подоспел. У Идриса нюх особый: только я собираюсь в подвал за выпивкой, так он у меня, – Кара дайы повернулся к дяде Идрису и подмигнул. Тот виновато улыбнулся. – Выпили по три стопочки алычовки, и они уехали. Будь их воля, сидели бы до вечера. Каждый год перед Днем Победы приезжают. Одно и то же каждый год спрашивают, но пишут, не пишут – не знаю. Потом обедаем, они уезжают.

В последних словах Кара дайы я почувствовал некоторое недоверие с его стороны по отношению к газетчикам и удивился. Потому что Кара дайы проницательнейший человек. Стоит ему побеседовать десять минут с незнакомым человеком, как он безошибочно определяет его культурные и моральные параметры. С другой стороны, мне не верилось, чтобы газетчики обманывали его.

– Вот как напишете обо мне, возьмете газету и приедете. Покажете мне, посмотрю на свою фотографию, тогда и посидим подольше. Каждый год обещаете, ничего не показываете. А на сегодня хватит, сказал я им, – продолжил Кара дайы. – Все приезжают: то из газеты, то из журнала. Хоть бы раз кто с телевидения приехал. С телевизионщиками интереснее, конечно. С ними я посидел бы, – по привычке он оглянулся по сторонам и, не найдя ничего подозрительного, уверенно добавил, – а что, мне есть что рассказать республике. Кстати, никого не знаешь с телевидения? – неожиданно спросил он у меня.

Я с сожалением покачал головой.

– Я так и знал, – сказал он. – А кого ты вообще знаешь? Кроме двух-трех иванов, никого не знаешь!

Я молча смотрел на него. Успокоившись, Кара дайы добавил:

– Только я так и не понял, зачем эти газетчики вдвоем ездят? Тот, который задавал вопросы, мог бы спокойно и фотографировать.

Я посмеялся и хотел даже спросить у него, неужели ему было жалко алычовки, но воздержался от вопроса. Его ответ мог быть и грубым. С другой стороны, я определил, что Кара дайы в хорошем настроении и при удачном раскладе сегодня расскажет много интересного.

– Вы им рассказали, почему покрасили птиц? – вернулся я к курам.

– Рассказал, а что мне оставалось делать! Такие же недотопытливые, как ты, – повернулся он к птицам и продолжил, – детдомовские, считай, безотцовщина. Пока были маленькие, хорошие были. Как чуть подросли, окрылились. Не сидится им дома. Десятками стали перелетать через заборы – одни к соседям, другие на улицу. Поди потом, собирай их. Поэтому взял и обрезал им крылья: смотрятся смешно, зато никуда не улетают.

– А покрасили зачем? – не успокаиваюсь я.

– Как зачем? Чтобы с соседскими не перепутать. У них своих детдомовских полно. Теперь ясно? – довольно посмотрел на меня.

– С курицами ясно. Вот только с бараном не ясно. Он тоже детдомовский и тоже через забор перелетает?

Услышав мой вопрос, сидевшая рядом и слушавшая наш разговор жена Кара дайы застенчиво засмеялась:

– Совсем старик сдурел, – сказала она.

Посмеялся и Кара дайы:

– Баран свой, тут без вопросов, всю родословную знаю. И никуда он не летает. Барана я покрасил по науке. Обленился он у меня совсем в последнее время. Не дорабатывал.

– Это как? – я ничего не понял.

– А вот так. Осенью три моих овцы не окотились, значит, остались неоплодотворенными. Значит, баран сачковал, правильно?

– Правильно, – соглашаюсь я.

– Сейчас этот номер у него не проходит. Сейчас я по спицам овец определяю, обработал он их или нет. Если есть краска на спине овцы, значит, все в порядке. Нет – закрываю его наедине с этой овечкой на всю ночь. Вроде всех обработал. Осенью проверю, сработал мой метод или нет.

– Хороший метод, – смеюсь я.

– Кара, а ты свой передок закрашивал в войну или нет? – спрашивает дядя Идрис, – или ты не сачковал, обрабатывал всех подряд?

Мы все смеемся. Жена Кара дайы тоже улыбается, при этом прикрывая смеющийся рот уголком цветастой косынки:

– Бессовестные вы, – говорит она старикам, – хоть ребенка стыдились бы.

Говоря «ребенок», она имеет в виду меня.

– Этот ребенок всем нам, старикам, фору даст в этом вопросе, – оправдывается Кара дайы.

Жена Кара дайы встает:

– Бесстыжие, сидите уж. Я сейчас что-нибудь придумаю. А то ребенок с дороги, небось, голодный.

И уходит в сторону кухни.

– Давай, хозяйка, давай, – кричит вслед Кара дайы. – День начался так удачно! Только одних дармоедов накормили и напоили, тут же появился другой! Идрис, это тебя не касается, но ты тоже молодец! Знаешь, когда появляться.

Дядя Идрис громко смеется. Мы все смеемся.

* * *

Красиво в Зогаллы весной! Во дворе Кара дайы расцвели молодые побеги старого грушевого дерева. Вокруг все зеленое, слышно пение птиц. А мы сидим втроем и смотрим на наши горы.

Указать точные географические координаты Зогаллы, что входило в мой первоначальный план при написании этой книги, не разрешил Кара дайы. Как-то в разговоре, узнав о моем намерении, старый разведчик, нахмурившись, почесал сперва нос, потом темный и волосистый, как шея буйвола, затылок, и выдал:

– По нашим координатам вычислят и местонахождение мугалов. А чего это мы их должны афишировать? Оно нам надо?

Действительно, подумал я, оно нам не надо! Я и так о мугалах много пишу, а тут только укажешь, где они живут, так потом, глядишь, вместо благодарности получишь от них еще и упреки. Поэтому я и согласился с Кара дайы. Но, тем не менее, для себя решил, что обязан обозначить некоторые важные моменты географии и природы нашей деревни. Во-первых, кто не знает, пусть узнает, что Зогаллы находится не в горах, а у подножия гор, хотя вся история Зогаллы так или иначе связана с горами. Мимо Зогаллы с правой стороны, если смотреть на эти горы, течет Капычай, а с левой стороны – Лагиччай. Ганых течет сзади. Если Капычай и Лагиччай текут слишком близко, то Ганых протекает чуть дальше. Горы находятся спереди,

они в прямом обозрении зогаллинцев. И еще: каждое утро над Зогаллы восходит солнце, постепенно взбирается на вершину горы и, когда верхушки гор отряхиваются от тумана, оттуда посылает в деревню первый луч. Веселые солнечные лучи сначала вонзаются в высокие зогаллинские чинары и только потом постепенно спускаются на землю.

Но зогаллинец встает не с восходом солнца, а намного раньше. По утрам он просыпается, слушая арии в исполнении местных петухов. Потом петухи умолкают, зогаллинец неспешно одевается и выходит на веранду дома. Утро для рядового зогаллинца начинается с обзора этих самых гор. Увидев на вершине горы снег, зогаллинец тут же отправляется за дровами для печи. Многолетнее соседство с горами научило зогаллинца, что через сутки после выпадения снега в горах, то же самое повторится в деревне. Зогаллинцы редко слушают прогноз погоды по радио и по телевизору, особенно зимой. Горы для зогаллинцев – собственный гидрометцентр.

Оказывается, в первое время после переселения, когда великий шах Аббас дал команду нашим предкам двигаться на север, по словам Кара дайы, зогаллинцы остановились в горах.

– Но так как мир тяготеет к равнине, – философствовал он однажды после изрядного количества выпитого вина, – человечество со временем спустилось с гор на равнину, как обезьяна когда-то спустилась на землю с дерева. Поэтому зогаллинцы относятся к той части человечества, которая спустилась с гор, а мугалы – к той, которая слезла с дерева, – говорил он и ехидно улыбался, радуясь подобному сравнению.

Спуститься-то зогаллинцы спустились, но забывать о горах не стали, потому что однажды побывавший там человек больше никогда их не забудет. Зогаллинцы, по словам Кара дайы, от всех бед искали убежища в горах. Летом, когда зной мучил Зогаллы, горы спасали их от болезней, в первую очередь, от малярии. С наступлением лета зогаллинцы семьями поднимались в горы, оставляя для охраны деревни только мужчин. Поднимались зогаллинцы в горы еще и тогда, когда тяжело было устоять

перед вражескими набегами. И, по словам Кара дайы, в таких случаях всегда находили в горах временное пристанище. Пристанищем Кара дайы называет труднодоступные и скрытые от врага места в горах, где заранее прятались зогаллинцы, узнав каким-то образом о намечающемся нападении на деревню.

– Как правило, наши всегда могли устоять перед врагом, – добавлял при этом Кара дайы. – И не только устоять, но часто еще и достойный отпор ему дать. Но иногда случалось, что они не могли выдержать натиск, силы были неравны. Бывало и такое, что греха таить. И тогда они тоже поднимались в горы, – горестно заключал он и задумывался после этих слов.

А враг, не найдя зогаллинцев в деревне, по словам того же Кара дайы, оказывается, с позором уходил.

Во-вторых, в Зогаллы всегда в изобилии свежий воздух, о существовании которого сами зогаллинцы узнали только около тридцати лет назад. На самом деле, свежего воздуха в Зогаллы так много, что привыкший дышать грязным воздухом житель большого города, попадая в Зогаллы, чувствует себя подобно картежнику, всю ночь игравшему в прокуренной комнате, а наутро выскочившему на улицу подышать воздухом. Так зогаллинцы жили бы себе, дышали этим воздухом, и даже не знали бы, как этот воздух у них называется. Но тут им помог случай, после которого свежий воздух на языке зогаллинцев превратился в объект веселой шутки.

Дело было во второй половине семидесятых годов прошлого века, когда недружественная в то время нам страна Китай взяла да и напала на дружественную в то время нам страну Вьетнам. По всему Советскому Союзу тогда проходили митинги в поддержку вьетнамского народа под лозунгом «Руки прочь от Вьетнама». Именно в те дни по Зогаллы прошел слух, что Кара дайы серьезно болен, что у него нарушен сон, что он по три-четыре раза за ночь встает по маленькой нужде, хотя до болезни ни разу не вставал.

– Черт с ними, с этими вьетнамцами да китайцами, их столько, что если даже повоюют немножко, с них не убудет.

А то, что у нас Кара дайы серьезно болен, вот это проблема, – решили зогаллинцы между собой, и вместо митинга в поддержку Вьетнама поспешили проведать больного.

– Вот уже неделю, как лежит в постели, – передавали зогаллинцы друг другу состояние Кара дайы.

Некоторые при этом удивлялись:

– И даже на улице не выходит, – хотя даже мугалам известно, что одновременно находиться в постели и появляться на улице невозможно.

А кто-то из мугальских родственников Кара дайы, проведав его, даже пустил слух, что, можно, не сомневаясь привязывать годовалого теленка к стойке, мол, Кара дайы не годен для дальнейшей жизни. И при этом якобы даже умничал:

– Значит, столько ему отведено было жить Всевышним.

Мугальского родственника Кара дайы зогаллинцы быстро поставили на место, прогнав с той свадьбы, где он умничал, и указали ему делать подобные прогнозы у себя в деревне и в отношении своего отца.

Не будь Абид муалима, неизвестно, чем закончилась бы вся эта история. Но как только Абид муаллим услышал о болезни Кара дайы, он помчался к нему, через час был возле его кровати, а еще через час вынес вердикт:

– Завтра ночным рейсом едем в Баку к знакомому профессору!

Кара дайы, тихо кивнув головой, согласился. На следующий утро сам встал, оделся и направился в сельсовет. Он и сегодня не может объяснить, зачем ему тогда понадобилась справка с места жительства.

– Подумал, а вдруг в Баку спросят, откуда вы такие приехали? Вот я и решил на всякий случай запастись справкой с места жительства, – оправдывается он сегодня.

А председателем сельсовета в то время работал представитель соседней деревни, ярый мугал, имя которого назвать рядом с именем Кара дайы для меня то же самое, что протянуть руку заклятому врагу. За справки с места жительства этот мугал в то

время брал у простых зогаллинцев по пять рублей. Кара дайы, по его же словам, во-первых, не знал тогда о существовании этой таксы, а во-вторых, даже если бы и знал, то в жизни дал бы за справку ни копейки, тем более – мугальскому председателю.

Когда Кара дайы вошел в сельсовет, председатель не встал с места и даже не поинтересовался его здоровьем, что по зогаллинским обычаям считается верхом хамства и невоспитанности. Да к тому же, надув щеки, стал смотреть на Кара дайы, как медведь в лесу смотрит на огромный кусок отколовшийся дубовой коры. Когда Кара дайы попросил у него справку, тот якобы не услышал его просьбу и официальным тоном спросил:

– Что вы хотели, уважаемый? – таким образом он, оказывается, выманивал деньги у посетителей.

Кара дайы не понравился тон председателя, но он не растерялся и в ответ командирским тоном приказал:

– Нарисуй-ка мне справку с места жительства!

Тут председатель счел себя униженным, резко вскочил со стула и начал кричать на Кара дайы:

– Что вы себе позволяете! Я что вам, художник что ли, чтобы справку рисовать?! Это государственная контора, а не мастерская!

Что интересно, даже при этом Кара дайы спокойно наблюдал за дикой выходкой мугальского председателя и не догадывался, что весь этот сыр-бор имеет цену – пять рублей. А председатель тем временем гремел дальше:

– Я хоть и маленький, но все-таки представитель советской власти, а не какой-нибудь свободный художник – натюрморист!

– Что значит натюрморист? – что-то оскорбительное для себя нашел Кара дайы в этом слове, встал и разъяренно ринулся было к председателю, но в последний момент нашел в себе силы остановиться. – Так ты рисуешь или нет, представитель-юморист?!

Председатель только после этого сообразил, что его крики могут не закончиться для него добром (а до мугалов всегда все

поздно доходит), потому решил применить хитрость:

– Налетают тут, справки им подавай! Тем более в такое время! – начал он юлить, – весь мир в глубоком волнении ждет, чем все закончится, устоит ли Вьетнам перед китайцами? Вы, как ветеран, лучше всех должны это понимать. Международная обстановка серьезная. Надо ждать смягчения напряженности. Приходите через неделю.

По рассказам очевидцев, в дальнейшем больше никто не слышал голос председателя. Дальше говорил только Кара дайы. Встав с места и приняв позу черной пантеры, готовящейся к прыжку, он в резких выражениях (скажем так) обозначил не только место самого председателя в этой жизни, но и указал на ничтожность всего мугальского сообщества. От Кара дайы заслуженно досталось Китаю, инициатору вооруженного конфликта, при этом, как ни странно, пострадал также ни в чем не повинный Вьетнам.

– Анаассыны и Китая, и Вьетнама! – заключил Кара дайы.

Напуганный председатель дрожащими руками «нарисовал» ему справку с места жительства, и Кара дайы пошел домой готовиться к поездке в Баку.

В Баку знакомый профессор Абид муаллима на деле оказался не столь уж знакомым. Несмотря на все старания Абид муаллима, он так и не вспомнил его. К тому же, когда Абид муаллим положил под стол сумку с зогаллинскими гостинцами, он даже испугался и спросил:

– А что в сумке?

Абид муаллим с присущим ему остроумием ответил:

– Сувениры из Зогаллы.

Среди сувениров из Зогаллы, следует отметить, преобладал очищенный и поджаренный фундук. Тут же в сумке находилось несколько килограммов сушеной фасоли, тушка большого петуха со двора Кара дайы и три литра вина.

– Приехали к вам, как к опытному профессору, – сказал Абид муаллим.

– Опыт, конечно, есть, – не стал спорить профессор и громко приказал, – веди больного!

Увидев Кара дайы, профессор от неожиданности присел и жестом остановил Абид муаллима, который собирался оставить их с Кара дайы вдвоем. Он долго смотрел на Кара дайы, при этом несколько раз, оказывается, даже менял очки. И что-то на неизвестном Кара дайы языке бурчал себе под нос.

– Я внимательно слушал его, но так и не понял, на каком языке он говорил. Азербайджанский – нет, русский – нет, грузинский – нет, немецкий – нет! – позже удивленно рассказывал Кара дайы, как знаток многих языков мира. Первые три языка Кара дайы на самом деле знает сносно, но что касается немецкого, тут он преувеличивает свои способности. По-немецки Кара дайы знает десяток слов, но считает этого достаточным, чтобы поговорить на любую тему. Однажды, встретив в Загатале немецких туристов, он не удержался от соблазна продемонстрировать свое знание немецкого, подошел к ним и якобы свободно заговорил на их родном языке:

– Гуттен таг, геноссе! – сказал он и застрял. Хорошо хоть, вовремя заметил молодую девушку-переводчицу:

– А ты, дочка, переводи им, что я хочу пригласить их в Зогаллы ко мне в гости. Показать им мой дом, заодно угостить зогаллинским вином.

Гости мило улыгнулись, но культурно отказали Кара дайы, сославшись на отсутствие времени. Кара дайы даже не думал обижаться на них и целый год потом рассказывал об этой встрече:

– Битте, битте, сказал я им, и мы простились, – добавлял он.

На каком языке бурчал профессор, Кара дайы так и не определил, а тот со временем убедившись, что перед ним стоит все-таки человек, разрешил Абид муаллиму уходить.

– Как здоровье? – первым делом спросил профессор, на что Кара дайы ответил сердито:

– Тебе бы такое здоровье!

– Ну, не сердчай, не сердчай, – успокоил его профессор, – сейчас проверим. Давно болеете?

– Еще две недели назад я был сильным, здоровым мужчиной. Спал, как нормальный человек, видел нормальные сны. Две недели назад все рухнуло.

– Что же все-таки произошло? – полюбопытствовал завороженный профессор.

– Если бы знал, что произошло, не приехал бы к тебе, – ответил Кара дайы.

– Что болит, что вас беспокоит? – спросил профессор.

– Беспокойств хоть отбавляй, – махнул рукой Кара дайы. – Мало того, что я потерял сон, но даже когда удается заснуть хоть на часок, снятся одни кошмары.

Профессор засмеялся, уложил Кара дайы на кушетку, послушал его.

– Курите?

– Нет!

– Если курите, надо бросать.

– Сказано не курю, значит, не курю, – недовольно ответил

Кара дайы.

– Жирное едите?

– Все ем.

– Жирное есть не надо!

– Хорошо, – согласился Кара дайы.

– Пьете?

– Да!

– Надо бросить

– Не буду! – твердо сказал Кара дайы.

– Тогда бросьте есть жирное!

– Хорошо.

Не найдя ничего опасного для жизни в болезни Кара дайы, профессор предписал ему покой, свежий воздух и стакан гатыха по вечерам перед сном.

Выйдя из кабинета профессора, Кара дайы первым делом спросил у Абид муаллима:

– С покоем и гатыхом все понятно. А что означает свежий воздух?

Абид муаллим долго смеялся над вопросом Кара дайы. Позже Кара дайы, вспоминая рецепт профессора, в свою очередь, часто смеялся над его наивностью:

– Если бы профессор знал, откуда мы приехали, он бы нам свежий воздух не прописывал, – говорил он, – у нас и так этого воздуха навалом!

С тех пор в зогаллинской среде словосочетание «свежий воздух» используется для обозначения некомпетентности врачей. Бывает, что зогаллинец встречает на улице другого зогаллинца, который буквально на днях ездил в Гах показаться врачам. – Ну, что тебе врачи предписали? – еще издали спрашивает он. – Небось, свежим воздухом дышать порекомендовали?

А Кара дайы, в свою очередь, часто подшучивает сам над собой, рассказывая о том, как бакинский профессор за пять килограммов обжаренного фундука, три килограмма сушеной фасоли, тушку петуха и три литра вина разрешил ему и дальше дышать свежим зогаллинским воздухом.

Будем до конца справедливы: Всевышний одарил Зогаллы не только чистым воздухом, но и красивой природой, и разнообразной растительностью. С середины июня деревья гнутся от плодов, тающих во рту и напоенных сладким соком. Тут есть и яблони, и груши, и слива, и алыча. А какие осенью виноградные талвары? Не пропадает ни один плод – хозяйственный зогаллинец аккуратно собирает их в бочку и перерабатывает. Продукты переработки в виде сливовки, алычовки, тутовки и кизилочки зимой появляются на столах гостеприимных зогаллинцев. Высохшие стволы и ветки деревьев обрезаются и складываются на дрова. А с помощью молодых веточек кизила, сливы и алычи многие зогаллинские родители, не обремененные высшим педагогическим образованием, и по сей день

энергично внушают малолетним детям уважение к старшим и любовь к знаниям.

Но, при всем разнообразии окружающей природы, жизнь зогаллинцев немислима без гор. В горах зогаллинцы видят свободу, горы пробуждают в них чувство гордости, ощущение собственной значимости. Любовь к красоте загадочных и таинственных снежных вершин дает зогаллинцам жизненную силу. Магической, притягательной силой удерживают наши горы зогаллинцев, не выпуская их из своих объятий.

Особенно это чувствуется ранней весной, когда набухают первые почки и слышится журчание первых ручьев. На крыше каменного дома Кара дайы, темпераментно воркуя, сидят дикие голуби. В высоком небе над Зогаллы медленно плывут легкие облака. В ожидании обеденного стола мы сидим у Кара дайы во дворе под старым грушевым деревом и смотрим на горы.

На горы смотрим только я, Кара дайы и дядя Идрис, медленно попивающий чай. Жена Кара дайы занята подготовкой обеденного стола.

* * *

...Когда-то, лет десять тому назад, мы с Кара дайы точно так же, как сегодня, осматривали наши горы. И, что интересно, и тогда за столом присутствовал дядя Идрис. В тихой спокойной обстановке, тогда в мою голову пришла бредовая идея – в шутку я решил выяснить у Кара дайы дату рождения наших гор. Вопрос сам по себе непростой, тем более он был поставлен тогда мной неожиданно и некорректно. Я хотел даже прикусить язык, но было поздно, вопрос уже сорвался. Потом я долго удивлялся, почему такое пришло мне в голову. Что интересно, Кара дайы тогда не удивился моему вопросу, моментально сделал серьезный вид и, как мне показалось по движению его губ, в уме даже произвел какие-то арифметические расчеты. И только после этого, подумав еще с полминуты, назвал цифру с очень многими нулями:

– На сорок–пятьдесят лет могу ошибиться, – уточняя, заметил он и добавил, – я с детства помню возраст наших гор.

Потом резко вскочил с места и побежал за отвязавшимся бараном.

– Удивительная легкость для такого возраста, – отметил я тогда про себя, а потом трижды сплюнул через плечо, чтоб не сглазить.

Когда я с этим же вопросом обратился к дяде Идрису, тот без раздумья выпалил такую цифру, что возраст наших гор в ответах двух зогаллинских аксакалов разнился в несколько миллионов лет. Справедливости ради, дядя Идрис в конце еще сказал:

– Ты у Кара лучше уточни, он хорошо знает такие вещи. Я могу ошибиться.

«Ничего себе ошибка», – подумал я, но не стал углубляться дальше и больше не возвращался к вопросу о возрасте наших гор.

А при уточнении возраста Зогаллы ответы аксакалов были приблизительно одинаковы:

– Около трехсот лет! – твердо ответил дядя Идрис.

– Больше трехсот будет, – немного увеличил года вернувшийся Кара дайы. При всем уважении к нему, я не стал ничего добавлять к трехсотлетнему возрасту нашей деревни и для себя принял версию дяди Идриса...

... Так вот, и сегодня сидим мы с Кара дайы у него во дворе, с нами, как и в тот раз, дядя Идрис, который пьет чай, и все вместе мы смотрим на горы. Вершины гор все еще покрыты белым снегом, но в Зогаллы по-весеннему тепло. Молча сидим и смотрим. Первым начинает Кара дайы:

– Мы всегда и за все благодарим наши горы. Я сам часто этим грешу. Только вот, смотрю я сейчас на них и думаю, во всем ли горы помогли нам, а? – спрашивает у меня Кара дайы. Нос его буквально горит.

– Не думаю, – отвечаю я. – Во всем они не могли помочь.

– И правильно думаешь, – продолжает Кара дайы и обращается уже к дяде Идрису, – запомни, Идрис, горы нам давали только физическую защиту, чтобы ты знал. А когда душе было тоскливо и тревожно? Как горы могли помочь тоскливой душе, а, Идрис? Ты сам лучше меня знаешь, как наверху, в горах, еще тоскливее.

– Да, скучно там одному, – соглашается дядя Идрис. – Но если не один, да еще с хорошей выпивкой, то не очень скучно, – тут же поправляет себя.

– Да ну тебя, Идрис! – злится Кара дайы. – Что нам помогало, когда душе было тоскливо, я спрашиваю? В чем народ находил успокоение в таких случаях? А ты как думаешь? – опять поворачивается он ко мне.

Раз пошел разговор, надо отвечать.

– Вино, кизилровка, наверное, – отвечаю я. – Очень хорошо помогают тоскливой душе, – шутя, добавляю при этом.

– Да, конечно, – с сарказмом отвечает мне Кара дайы, – особенно, если пьешь на халяву.

Достоинно принимая укор в свой адрес, я начинаю смеяться. Мой смех выводит его из себя:

– Вот, пожалуйста, Идрис, – горячится Кара дайы, – я у него серьезно спрашиваю, как у человека с высшим образованием. Вот вам ответ человека, который закончил институты в Русете. Чему вас там учили, не пойму? – качает головой он, непонятно к кому апеллируя при этом.

Я стараюсь успокоить его:

– Что же, интересно, помогало нашим «посохам», когда у них на душе было тоскливо? – спрашиваю у него.

В разговорах с Кара дайы лучше не отвечать ему, а в какой-то завуалированной форме вернуть его же вопрос.

– Запомни! От тоски наши люди всегда находили спасение только в чарующих звуках заунывной черной зурны! – твердо ставит жирную точку Кара дайы.

– Надо же, какие поэтические выражения, – удивляюсь я, – тут явно не три стопки, тут минимум поллитра, – определяю

при этом, – за обедом ожидается настоящий концерт, – и радуюсь в ожидании чего-то невероятного.

О том, что Кара дайы любит черную зурну, я знаю давно. Но чтобы до такой степени? А он продолжает философствовать:

– Когда нашим душам было тоскливо, мелодия черной зурны, как вечерний прохладный ветер, ласкала нас. Как оголенные нервы зуба не дают спать здоровому мужику, так черная зурна наши страдания передавала от поколения к поколению, не давая стираться из памяти. Даже каменные сердца становились мягкими, подобно детским, когда играла черная зурна. Мы не только радовались, но и плакали под музыку черной зурны. Только она позволяла излить печали до конца, – качает головой Кара дайы, уставившись на горы.

– Слишком глубоко, Кара дайы, – продолжаю подшучивать я.

А он все смотрит на горы, не слышит меня, потом поворачивается и спрашивает:

– Сколько я лет давал нашим горам, когда ты у меня их возраст спрашивал?

Я называю цифру со многими нулями и смотрю на него.

– Добавь еще сто лет, не ошибешься, – говорит Кара дайы и с серьезным видом оглядывает меня, ожидая моей реакции.

– Кара дайы, – смеюсь я, – Вам же еще нет ста!

Кара дайы остается доволен моим ответом и тоже улыбается:

– Слава Аллаху, видно, не зря учился, – потом опять делает серьезный вид:

– Но ты все-таки добавляй!

– Хорошо, добавлю, – отвечаю я.

– Не забудь только, – предупреждает Кара дайы.

– Считайте, что добавил, – смеюсь я.

Тем временем жена Кара дайы накрывает хороший обеденный стол, за которым, я уверен, Кара дайы расскажет не только о черной зурне, но и любимом его герое Кёроглу.

Сегодня, по утверждению Кара дайы, когда мы живем в эпоху больших перемен, многие прежние взгляды, обычаи, каноны, представления в корне пересматриваются. Неизменным, по его мнению, остается утверждение мугальских аксакалов – любителей дымящего самовара и ароматного чая – о том, что на домашние, бытовые и другие темы лучше всего беседуется за вечерним чаем в грушевидных стаканчиках с кизилковым вареньем, пахлавой¹¹, шакярбурой¹².

– Как я появился на этот свет, они пьют чай. Я их по-другому и не представляю, – говорит Кара дайы, и удивляется, как можно пить столько чаю.

С мнением мугальских аксакалов в последнее время нет-нет, да и соглашаются и некоторые зогаллинские старики. Но, как вы уже, наверное, догадались, Кара дайы не входит в их число. Хотя он никогда не оспаривает данное утверждение, но резко парирует при подобных предложениях ему:

– Хотите чаю, идите в чайхану и пейте, я свою заварку ни на что не променяю, – твердит он.

«Своей заваркой» Кара дайы называет домашние напитки собственного изготовления, которые он с удовольствием подает на стол гостям. Честно признаться, я в этом вопросе тоже целиком на стороне Кара дайы, видно, родственные гены дают о себе знать.

Если вам когда-нибудь посчастливится, и вы побываете в гостях у Кара дайы, то обязательно прислушайтесь к моему совету. О том, что человек он гостеприимный, я писал не раз, тут слов нет. Будете садиться с ним за стол, он вам предложит выпивку на выбор. Ни в коем случае не соглашайтесь на виноградную водку, которую он, между прочим, чаще всего и предлагает:

– Водка из винограда у меня в этом году получилась на загляденье, – скажет он, склоняя вас именно к ней, – сейчас при-

несу, и сами убедитесь. Вот с ней мы и поговорим, – любимое выражение Кара дайы, прежде чем садиться за стол.

Не поддавайтесь, сразу же отказывайтесь. С виноградной водкой на столе он с вами поступит примерно так, как поступает опытный тореадор с безмозглым и ярым быком на корриде. После двух стопочек он будет дразнить вас, высмеивать каждое ваше утверждение, со временем начнет издеваться, а в самом конце обзовет нецензурным словом. Это в лучшем случае. А если вы еще и не понравитесь ему, то он нанесет и последний удар, подобно тому тореадору, который в конце представления убивает быка. Встанет он из-за стола, черной рукой многозначительно погладит маленькие усы, потом укажет на калитку в конце двора:

– Мне пора отдохнуть, – скажет, и, не прощаясь, поднимется на второй этаж смотреть телевизор.

А вам ничего не останется, как собрать вещи и уходить. После многолетней дружбы с ним я сделал для себя некоторые выводы, которыми с вами и делюсь. С виноградной водкой Кара дайы становится настолько агрессивным, что у него моментально проявляется чувство превосходства над всеми сидящими за столом. Я бы сказал даже, – «лжепревосходства». Что интересно, мне иногда кажется, что он сам об этом прекрасно догадывается, и все это специально разыгрывает. Нравится ему это состояние, и все. Иначе, чем можно объяснить тот факт, что он даже и мне, как правило, сначала предлагает виноградную водку, когда бываю у него в гостях? Хотя прекрасно знает, что я откажусь от нее, это раз, а во-вторых, я и без виноградной водки никогда не ставлю под сомнение его превосходство в беседах со мной. Потому-то он со мной так откровенен. Зная его поведение после виноградной водки, я отказываю ему быстро и культурно:

– Я только с дороги, – говорю я, как правило, – Кара дайы, давайте что-нибудь полегче.

Не нравится ему такой ответ, он недовольно бурчит под нос:

– Полегче, полегче, – повторяет он мои слова, но уходит за грушовкой. Потому и вам советую сразу отказаться от виноградной водки. Тогда ему ничего не останется, как выставить на стол что-нибудь другое. Грушовку он вам точно не принесет, можете не ждать. Он всегда жалуется, что ее мало, и при каждой нашей встрече он напоминает об этом мне и предупреждает, чтобы я у него не просил грушовку для себя. За столько лет дружбы я у него вообще ничего не просил: что поставит на стол, за то и благодарен. И если вы откажете ему так же культурно, как это делаю я, то ему придется выставлять другой напиток. Не угощать вас он в принципе не сможет, потому что по натуре, как я уже говорил, очень гостеприимный старик. Запомните: Кара дайы в начале застолья, во время застолья и в его конце – это три разных человека. Принесет вино – значит, вы должны быть готовы к тому, что весь вечер он будет, хвастаясь, рассказывать о своих боевых подвигах. Не исключено, что в конце добавит несколько эпизодов о своих любовных похождениях во время войны, рассказ о которых, как правило, он завершает философским умозаключением:

– Рядом одни гибли, а другие (это он себя имеет в виду) в это время занимались черт знает чем. А что делать, время было такое, – многозначительно подытожит, сначала укоряя себя за это, а потом как бы оправдываясь за свои похождения в боевых условиях.

За столом он вам слова не даст, это уж точно. Обязательно придется выпить, стоя вместе с ним, за светлые души его товарищей, погибших на войне. При этом он обязательно отдельно отметит своего командира Кузнецова, именем которого одно время он звал любимого домашнего петуха. Отдельным тостом помянет погибших в Моздоке зогаллинцев. Несколько уколов за время ужина в адрес соседних мугалов с его стороны считаются в порядке вещей. Но это еще не все: с вином Кара дайы – герой. Я еще не помню случая, чтобы мы пили с ним вино, и чтобы при этом он не вспомнил Кёроглу. Кёроглу – его любимый герой, настолько любимый, что иногда увле-

ченный Кара дайы начинает сравнивать себя с ним. А там, где Кёроглу, там и черная зурна. Надо честно признать: Кара дайы большой знаток черной зурны. А черная зурна настолько тесно связана с именем Кёроглу, что по-другому и не может быть. Большинство мелодий на черной зурне так или иначе связаны с именем Кёроглу.

Если будет напиток еще покрепче, скажем, тутовка, тут у вас больше шансов и самому высказаться. Тутовка действует на него успокаивающе, он становится смиренным, тихим и послушным. С тутовкой Кара дайы почти не ругается. Улыбается вместе с вами, временами может даже в чем-то соглашаться. Когда на столе тутовка, такое ощущение, что студент (то есть гость, то есть вы) пришел домой к уважаемому профессору (то есть к нему) обсуждать актуальную научную проблему. Говорить напрямую, что вы не правы, профессор (то есть Кара дайы) не станет по причине сугубой интеллигентности, а смеяться исподтишка над вашими необоснованными научными притязаниями ему не позволяет аристократическое воспитание. Вот такой он у нас, Кара дайы.

Еще об одном наблюдении я обязательно скажу. Сколько бы народу ни собиралось у него дома за столом, водку он носит из подвала исключительно в поллитровой бутылке из-под гахской минеральной воды. И не больше. Поставит поллитровую бутылку, разольет по стопкам и через десять минут недовольно спускается в подвал с этой же бутылкой. Что интересно, кроме него в его доме никто в подвал за спиртным не спускается. Жене и дочерям Кара дайы в этом вопросе не доверяет. Помню, как-то в течение вечера, когда за столом было много гостей, он раз шесть или семь спускался в подвал за выпивкой с той самой поллитровой бутылкой, каждый раз при этом напоминая гостям, что это последняя бутылка и больше в подвале этой водки нет.

Еще был забавный случай. Мы с ним сидели вдвоем, и когда он второй раз спустился в подвал за грушовкой, в доме

неожиданно отключили свет. В темноте в подвале он головой ударился обо что-то. И набил себе большую шишку на лбу. Вернулся Кара дайы очень злой. Увидев его в таком состоянии, сообразительная жена быстро удалилась. Мне же тогда пришлось туго: Кара дайы кого только не обругал! Больше всего пострадала советская власть с ее недоразвитой электрификацией и, как ни странно, ни в чем не повинные мугалы.

В следующий свой приезд я подарил ему фонарь на батарейках, в расчете на то, что он оценит мою сообразительность. Но не тут-то было: вместо благодарности он отчитал меня, указав, что раз уж я решился, по его словам, на «такую щедрость», надо было купить фонарь на аккумуляторах, который подзаряжается от сети.

– А твоя игрушка, – сказал он тогда мне, указывая на фонарь, – будет жрать батарейки похлеще моей лошади, объедающей всю зелень во дворе.

И последнее. В конце любого застолья, сколько бы он ни выпил, Кара дайы обязательно пьет чай с халвой из семечек подсолнуха. Чай ему подают, заваренный отдельно в чайнике. Он не любит, когда ему наливают заварку и кипяток по отдельности. У него дома есть большой светло-синий чайник, в котором ему и заваривают чай. Гостям даже не стоит претендовать на чай из этого заварника, им подают отдельно в стаканах. А Кара дайы сам себе наливает чаю и пьет его с халвой. При этом я не помню случая, чтобы он предложил угоститься халвой хоть кому-то из присутствующих.

Вот такой он у нас, Кара дайы. Если хочешь душевного разговора с ним, – на столе должна быть грушовка, это я уже для себя давно определил. Грушовка наводит на него грусть, он ударяется в воспоминания, агрессия исчезает, и еперд тобой добрый и отзывчивый старик. С грушовкой он культурен, разговорчив, мягок. Единственный минус грушовки для него – чрезмерная его требовательность к подаваемым блюдам, особенно к их ассортименту. Мне каждый раз приходится терпеть

эту несправедливость и еще краснеть, поскольку он, как правило, отчитывает при этом свою жену.

За грушовкой с Кара дайы можно беседовать о чем угодно. Но грушовку он пьет только с избранными, в число которых вхожу и я, что является результатом особо теплого его отношения ко мне.

* * *

Бремя славы – вещь не такая уж тяжелая. Редко кто отказывается от этой ноши. Любой человек не прочь подняться на ступеньку пьедестала почета. Кара дайы не исключение, в Зогаллы и в окрестных деревнях известнее его не найти. Все его знают и слышаны о его героизме в годы войны. Повсюду его любят и уважают. А ему этого мало. Ему хочется все выше и выше. Но куда ему еще подниматься? И в его-то возрасте?

Слушая Кара дайы, я начинаю понимать, что возраст – не помеха стремлению к еще большей славе. Иначе чем объяснить участвовавшие в последние годы упорные сравнения Кара дайы самого себя с Кёроглу?

Сегодня на столе алычовка. Я не ожидал, что алычовка так поднимет настроение Кара дайы и настолько возвысит его в собственных глазах. Он начал вести себя, как герой, опять, как я и предполагал, начал сравнивать себя с Кёроглу. Сначала мне показалось, что Кара дайы под воздействием алычовки шутит, часто апеллируя к внешней схожести с народным героем. Как известно, Кёроглу тоже был довольно темнокожим. Но через час стало ясно, что некоторые моменты своей армейской жизни Кара дайы всерьез сравнивает с героическими эпизодами из жизни Кёроглу. С другой стороны, если быть до конца справедливым, надо отдать должное Кара дайы: в своих рассказах он обязательно придерживался паритета. Расхваливая себя, он не забывал и о Кёроглу, приписывая ему доселе никому в истории не известные героические поступки. Кара дайы рассказал несколько анекдотов о своем любимом герое. Стало ясно, что

из семи тысяч семисот семидесяти семи бойцов Кёроглу, которых он называл делибашами⁴⁴, Кара дайы больше всех уважает Дали Гасана, Демирчиоглу и Исабалу.

– Но разве только они одни воевали? – тут же добавляет он, чтобы остальных делибашей не обидеть, и начинает перечислять имена некоторых других. – Разве полохо воевали Чоппур Сафар⁴⁵, Горхуганмаз⁴⁶, Дилбилмаз⁴⁷, Алайпозан⁴⁸, Топдагыдан⁴⁹, Тохмагвуран⁵⁰, Геридонмаз⁵¹?... Разве всех перечислишь? – сокрушается Кара дайы. – Что ни имя, то герой!

В одном Кара дайы не соглашается с Кёроглу:

– Не должен был Кёроглу брать в свой отряд Танрытанымаза⁵²! Не должен был, и все! С людьми, далекими от Аллаха, лучше не связываться! Предадут!

Я все уважительнее смотрю на него и отчетливо понимаю, что без упоминания имени Кёроглу тяжело представлять долгую жизнь Кара дайы.

– Мне иной раз кажется, – тем временем радостно фантазирует Кара дайы, – что мы с Кёроглу даже родственники. Рассуди сам, – обращается он ко мне, – очень много общего у меня с ним. Как и он, я тоже немало воевал и очень даже, как мне кажется, неплохо. Притом, мы оба с ним были командирами, правда, подчиненных у него было намного больше. Но он командовал исключительно своими, если не считать Гюрджуоглу⁵³, а у меня во взводе народ был разных национальностей. Это раз. Во-вторых, что он умыкал свою жену, что я. Сходится? – смотрит на меня вопросительно.

– Немножко не сходится, – отвечаю я, – он умыкал дочь шаха, а вы – никому не известную мугалку. Есть разница? – я спрашиваю у него.

– Кто кого украл – это вторично, – злится Кара дайы. – Главное – сходство в подходах к этому делу. Понимаешь?

– Понимаю, – соглашаюсь я с ним.

– На то он и Кёроглу, чтоб украсть дочку шаха. Ты понимаешь, ему по статусу ниже нельзя было. Первый раз он женил-

ся, чтобы ты знал, на дочери Араб паши из Дербенда Мовмине ханум, – подсказывает мне Кара дайы, – Ох и умная женщина была! Когда после свадьбы Кёроглу предложил ей поехать с ним в Чанлыбель⁵⁴, она отказала ему. И знаешь, что ответила?

– Не знаю, – отвечаю я.

– Я, сказала она ему, не оставляю родной земли и никуда не поеду! Кёроглу сколько ни убеждал её, а она – «нет» и все!

– В чем же она была умная? – не понимаю я.

– Нормальная женщина никогда не бросит шахские хоромы и не поедет в горы, понял?

– Понял, – отвечаю я покорно, при этом вставляю, – а вот Нигяр ханум почему-то согласилась.

– Конечно, Нигяр ханум согласилась. Ей деваться было некуда. Кёроглу был красавцем, он мог любую женщину уговорить. А я кто? Я Кара из Зогаллы. Даже при этом, я, между прочим, первым из зогаллинцев женился на мугалке.

Первый раз слышу, что Кара дайы женитьбу на мугалке ставит себе в заслуги. Он сегодня на своей волне:

– А потом, – продолжает он, – мы оба с ним черные. Об этом нашем сходстве тебе любой зогаллинский школьник расскажет. Но и это не главное. Главное – что Кёроглу, как и я, был большим любителем хорошего застолья. В этом деле мы с ним, почитай, братья родные.

– У Кёроглу не было родного брата, – вставляю я, чтобы его раззадорить.

– Да знаю я, знаю, – опять злится Кара дайы, – у меня тоже не было никого, ни брата, ни сестры. А ты знаешь, сколько он мог за один присест скушать?

– Сколько? – спрашиваю я.

– Дастаны⁵⁵ надо читать национальные, понял? – горячится Кара дайы.

– Понял, – спокойно отвечаю я, и он продолжает учить меня.

– А то, кроме «Иванушки-дурачка», небось, ничего не читал, – говорит Кара дайы, а мне только и остается, что опу-

стить вниз, на привычные места, свои подпрыгнувшие от удивления на лоб глаза.

Смеется Кара дайы. Нравится ему, когда удастся удивить меня.

– А ты что думал? Что сидим мы тут в Зогаллы и не знаем твоих героев?

– Какие они мои герои, Кара дайы? – делаю я обиженный вид.

– Хорошо, хорошо, – успокаивает меня он. – За один раз, чтобы ты знал, Кёроглу ел по полтуши семи баранов, плов из семи батманов⁵⁶ риса, хлеб из семи батманов муки и семь бурдюков вина пил! Вот так вот, понял?

– Понял, – отвечаю я.

– Я, конечно, столько не ем, – продолжает Кара дайы, – но за хорошим зогалинским вином просидел бы с ним весь вечер и пил бы! Вот в чем еще наше с ним сходство.

Я слушаю его внимательно и не могу определить, насколько искренен Кара дайы, насколько серьезно он говорит. А он смотрит на горы, как когда-то оглядывал Чанлыбель великий Кёроглу. И я начинаю понимать, что он не шутит.

Любовь к Кёроглу у Кара дайы подкрепляется еще и тем, как я уже говорил, что он – большой поклонник черной зурны. А большинство мелодий, которые исполняются на черной зурне, так или иначе, связаны с именем Кёроглу. Любимой мелодией Кара дайы, под которую, оказывается, он неистово танцевал на зогалинских свадьбах, является «Возвращение Кёроглу» («Короглунун гайытмасы»). Кара дайы часто вспоминает зогалинские свадьбы, где играла черная зурна. Оказывается, в год смерти уста Ибада, по словам Кара дайы, «лучшего зурначи в Зогаллы во все времена», у него родился внук, и на его похоронах Кара дайы дал себе слово, что если останется живым, свадьбу внука он организует с черной зурной. Об этом своем обещании со временем он часто напоминал и дочке и зятю:

– И слава Аллаху, они не против! Вот приедешь на свадьбу летом и услышишь красоту зурны! – гордо заключает он.

– Приеду! – решительно заявляю я.

* * *

Кара дайы мгновенно застывает, когда по телевизору или по радио передают музыку в исполнении зурначей. Ему часто снится один и тот же сон, где он на зурне играет на своей свадьбе. Подробности этого сна он лично не рас пересказывал мне, притом каждый раз – в разных вариациях. Но неизменным каждый раз оставалось одно: во сне вечно ему мешал слепой Абдул, который играл на ана косе (большой нагаре⁵⁷), громко бухая по ней. Слепой Абдул был одним из членов знаменитого зогаллинского ансамбля зурначей, куда, кроме него, также входили главный зурначи уста Ибад, который непосредственно исполнял мелодии, демкеш – второй зурначи Джабраил, который аккомпанировал ему, поддерживая его ровными выдержанными звуками, держа зуй (зуй тутан), а также играющий на бала косе (маленькой нагаре) второй нагарист Сададдин. Удары по нагаре в коллективе зурначей наносятся не голыми руками, как в современных ансамблях, а особыми прутиками, предназначенными и изготовленными специально для них. Ана кос вешается на лямку через плечо, и музыкант, поддерживая его одной рукой под углом, другой рукой наносит размашистые ритмичные удары по центру нагары длинным прутиком, с концом, спирально закрученным на один виток. Прутик для удобства маленькой ляжкой привязывается к среднему пальцу нагариста. В отличие от большой нагары, маленькая – бала кос – подвешивается на шею музыканта и находится на уровне его живота. Удары по маленькой нагаре наносят двумя прутиками аналогичного вида, но меньшими размерами, чем для большой нагары. Частота и ритмичность ударов на маленькой нагаре намного больше, чем на ана косе.

По утверждению Кара дайы, за всю историю Зогаллы сильнее этого коллектива музыкантов–зурначей никого не было.

– Так уж и не было, – выражаю свое несогласие я, – откуда вы знаете? За триста лет много народу играло на зурне, – зная его характер, я тем самым вызываю его на откровенность.

Он горячится:

– Что ты понимаешь? – кричит на меня. – Ты хоть раз в жизни держал в руках зурну? – спрашивает при этом.

– Нет, – отвечаю я, – зачем мне держать в руках зурну, если я не умею на ней играть?

– А что ты вообще умеешь? Ничего ты не умеешь! Только задарма пить и есть! Вот и все! Зурну в жизни не видел, а мне доказывает, кто лучше играл на зурне!

– Зурну-то, положим, я видел. Но доказывать ничего не собираюсь, – оправдываюсь я, – просто хотел узнать, откуда вам известно, что они были лучшими за все времена существования Зогаллы?

– Вот человек, а? Чему только вас учат в институтах? Если уж ты ничего не знаешь, так сиди молча и слушай, что говорят старшие, наматывай на ус. Если я говорю, что они были лучшие, значит, так и было. Не буду же я в своем возрасте придумывать что-то.

Потом Кара дайы почему-то задумывается, долго рассматривает меня и вдруг смеется:

– У русских тоже есть инструмент наподобие зурны. Флейта называется. Так вот, когда речь пойдет о флейте, будешь говорить ты, а я буду молча слушать. А пока я говорю о зурне, ты будь добр сидеть и слушать. Может, когда-нибудь черкнешь два слова.

Я соглашаюсь. Он опять задумывается, потом что-то вспоминает и улыбается под усами.

– Покойный уста Ибад, между прочим, не только виртуозно играл на зурне, – начинает свой рассказ Кара дайы, – он сам изготавливал их. Сколько раз, бывало, захожу к нему во двор, а он вытаскивает очередную зурну. Вытаскивал и дарил детям. Бесплатно отдавал. Лишь бы зурну не забыли, – говорил он.

– А как зурну забудешь? – отвечал я ему. – Разве можно ее забывать? Зурна нам от самого Деде Горгуда⁵⁸ мирас⁵⁹ осталась. Под мелодии зурны наш народ воевал, сынов провожал на защиту Родины.

– Эх, Кара дайы, – говорил он. – Если бы все думали, как вы. Видите, на чем сейчас начинают играть? Гитара, кларнет...

Уста Ибад очень боялся, что с появлением гитары и кларнета народ бросит зурну. Как в воду глядел покойный.

Опять задумывается Кара дайы, но продолжает рассказ:

– Зурну вытачивают из древесины орехового или тутового дерева. Уста Ибад вытачивал из древесины ореха. Она и называлась «черная зурна» из черного ореха, потому что, какого бы цвета ни была изначально древесина ореха, со временем она темнела. Вот такой у нас орех. Лучшего ореха, чем в нашем Гахском районе, во всем Азербайджане не найти, – переключается Кара дайы на орех, забыв про зурну. – А мебель из ореха какая получается! Особенно стулья ореховые, на загляденье.

Но тут машет головой и быстро возвращается к любимой теме.

– Но зурну вытачивать, я тебе скажу, не стулья сколачивать, и, тем более, не книжки зубрить в Русете. Понятно?

Хотя я и не вижу оснований к такому ехидству, тем не менее, кивая, соглашаюсь с правдивостью его утверждений, поэтому он спокойно и довольно продолжает:

– Как сегодня помню, однажды зурначи Ибад объяснял мне, какая должна быть зурна: «На верхнем конце, Кара дайы, – говорил он, – диаметр зурны должен быть в двадцать миллиметров. – Доставал линейку и при мне мерил. – Видите, Кара дайы, ровно двадцать миллиметров. Внизу диаметр постепенно расширяется до шестидесяти миллиметров. А длина зурны должна быть чуть больше сорока сантиметров».

И все мерил и показывал.

– Откуда ты все это знаешь, Ибад? – спрашивал я у него.

– Учителя у меня были хорошие, – отшучивался он, – наша зурна, Кара дайы, имеет небольшой диапазон, зато яркий и пронзительный тембр.

Я, открыв рот, слушал его. Я же не знал тогда, что означает «тембр», «диапазон»? Да и сегодня, между прочим, не знаю. А Ибад наш покойный, увлекшись, продолжал просвещать меня:

– Вот поэтому, Кара дайы, играют на зурне на открытом воздухе. И ветер подхватывает звук черной зурны, – говорил он, – и слышен этот звук за семь деревень.

Аллах рахмят элясин, знал покойный, под какую музыку я любил танцевать, к нему не надо было подходить и заказывать. В наших краях, начиная от Шеки и заканчивая Белоканом, чаще всего на зурне играли «Дестях Кёроглу». В Шеки уста Аловсар рыдать зурну заставлял. В нашем крае он был лучшим, это правда. А в Зогаллы и в окрестностях лучше зурначи Ибада никого не было. Лучше него никто не мог играть «Агыр Кёроглу», «Уч бармаг», «Дели Кёроглу». Народ становился в круг на свадьбе и крутил «Шеки яллысы». Наши молодые парни любили заказывать «Кёроглунун Шеки сэфери» («Поездка Кёроглу в Шеки»).

Тут я не выдерживаю и моментально перебиваю его:

– Погодите, Кара дайы, это уже слишком. Кёроглу, насколько я знаю, никогда в Шеки не приезжал.

Кара дайы недовольно оглядывает меня и резко отвечает:

– Сиди и слушай, не перебивай! Начитался русских книг, думаешь, все знаешь? Ничего ты не знаешь! Если есть такая мелодия, значит, бывал он в Шеки.

– При чем тут русские книги? – упираюсь я. – Дастан же не русские написали. А там об этой поездке ничего не написано!

– Ты что, мугал, что ли? Я так и знал, что этим закончится. Когда ты хотел жениться на мугалке, я еще тогда твоего покойного отца предупреждал, что ты со временем омугалишься. Осман тогда меня не послушал. И вот тебе результат. Я же по себе знаю, как тяжело оставаться зогаллинцем, живя всю жизнь с мугалкой. Мне еще повезло, что живу с ней в Зогаллы.

А ты на стороне и один. Не выстоял. Как же я был прав, – качает головой Кара дайы.

Он всегда такой, наш Кара дайы – когда у него нет аргументов в споре, он переходит на личности. Я привыкший, потому дальше не спорю, а он добивает меня:

– И что же ты предлагаешь? Кёроглу должен был каждый раз докладывать своим делибашам, куда он собирается ехать, да? А среди них, между прочим, были не только Дали Гасан и Дамирчиоглу. Там еще и Танрытанымаз был, понимаешь? Безбожный он был человек, что ему стоило донести властям. Во-во, а ты что думал? А власти, чтоб ты знал, его не любили. Только этого и ждали, чтобы узнать, куда он на этот раз поедет. Хотели его поймать по дороге. А ты как думал? Потому он и сидел в Чанлыбеле. А когда спускался вниз, объявлял громко, чтобы все слышали. Мол, я поехал в Дербент, а сам как-то раз ехал в Шеки.

В книгах об этом не напишут, потому что, какой бы он ни был герой, власти во все времена не любили тех, кто их обманывал. Хотя, может, сейчас и напишут, я не знаю. Сейчас власти не проведешь, найдут и достанут – и Чанлыбель не поможет. Так что слушай и не перебивай.

Я киваю.

– Так вот, молодежь танцевала «Кёроглунун Шеки сэфери», а я любил танцевать «Возвращение Кёроглу». Уста Ибад покойный знал мой любимый танец, и как видел, что я собираюсь выходить на магар⁶⁰, так сразу переходил на «Возвращение Кёроглу». Услышав мелодию, я стремительно врывался в круг и, гордо держа приподнятую голову, энергично проходил по нему. Правую руку я держал вытянутой параллельно земле, левую прикладывал к уху, полусогнув ее в локоте. После нескольких кругов я двигался в середину танцевального магара, и в самом центре как бы застывал на одном месте. Подтягивал себя, осматривал очарованных моим танцем присутствующих, плавно и неспеша переходил ко второй части танца,

которая называлась «сюзма». «Сюзму» я начинал медленным и спокойным движением, словно лебедь плывет на тихой воде. «Сюзма» – вторая часть танца под мелодии черной зурны, никогда не ограничивалась во времени. Танцевать приходилось столько, сколько танцевала приглашенная на танец женщина. В «Сюзме» я приглашал к танцу кого-нибудь из женщин близких родственников жениха или невесты, как правило, маму или сестру. Одаривал их бумажными купюрами, насколько средства позволяли. «Сюзма» – хотя и считается женская мелодия, но достойно поддерживать женщину во время танца не каждому мужчине дано. Женщины наши танцевали грациозно-плавным движением – со стороны их ноги казались неподвижными. А я как бы обеспечивал их охрану, держась на полшага позади, проходя вместе с ними по кругу. Если первая часть танца под мелодии зурны – это призыв к возбуждению, то «сюзма» под черную зурну – умиротворяющая мелодия, ее успокаивающая составляющая. В третьей части танца зурна опять призывала к темпераменту и стремительности в движениях. Как правило, третью часть я танцевал один, не каждый мог поддержать бурный и энергичный темп мелодии.

Только на зурне играют «Возвращение Кёроглу», всякий «кларнет-мларнет» отдыхает, не получается эта мелодия ни на одном другом инструменте.

И с тех пор, как умер зурначи Ибад, я не танцую на свадьбах «Возвращение Кёроглу». В первое время после его смерти не мог танцевать вообще, каждый раз перед глазами стоял он. Потом постепенно музыканты перешли на электрические инструменты и все забыли. Сколько раз просил нынешних музыкантов: сыграйте мне «Возвращение Кёроглу». Никто из них не знает эту мелодию, только удивляются, когда у них спрашиваешь. Не помню, на какой-то свадьбе парень молодой не удивился, когда я у него спросил, сможет ли он играть «Возвращение Кёроглу»? Сидел он с кларнетом, зажав его между ногами. Долго он смотрел на меня, прежде чем что-то сказать. Мне

даже показалось, что он музыку вспоминает. А он, как я потом сообразил, оказывается, решил поиздеваться надо мной:

– Смотри, какое возвращение Кёроглу, – ответил он, – из Багдада, из Дербента, или, может, из Стамбула?

Я обрадовался:

– Хоть откуда, – сказал ему, – сыграй любое возвращение, сынок. Двадцать лет, как умер уста Ибад, не танцевал я под эту музыку, кости ломаются без танца. Сыграй, сынок!

А он посмеялся издевательски:

– Извини, аксакал, не умею, – ответил мне.

Вместе с ним посмеялись остальные музыканты.

А каково было мне, представляешь? Я уж было настроился на танец. А он, оказалось, не только не знает эту мелодию, но еще и позволяет себе посмеяться надо мной. Над аксакалом, над ветераном войны, над бывшим командиром разведывательного взвода! Твою мать! А зачем тогда спрашивал про Багдад, про Стамбул? Я тогда, конечно, выдал этому молодому невоспитанному ослу.

– Ты не смотри, что я старый, – сказал я ему, – вот возьму твой кларнет и засуну тебе же в задницу!

Тут все встали, мол, зря вы так, аксакал, вы его неправильно поняли, он не хотел над вами смеяться.

– А как прикажете понять его? – спросил я у них.

Короче, подошел старший их, обнял меня, взял микрофон и объявил на всю свадьбу: «А сейчас специально для Кара дайы песня «Мешабайи» (Лесник). Знали ведь, шарлатаны, что я в последнее время эту песню танцую на свадьбах. Тоже неплохая песня для стариков. Но мне ближе по душе «Возвращение Кёроглу»».

– Да, «Мешабайи» легкая песня, под нее хорошо танцуется, – соглашается дядя Идрис, молча сидевший до этого.

– Ничего я против «Мешабайи» не имею, ай Идрис. И «Мешабайи» наша мелодия, и «Возвращение Кёроглу». Я не понимаю нынешнюю молодежь. Никто не умеет на зурне играть.

Представь только, сегодня, чтобы начать свадьбу, целый грузовик техники привозят. Усилители, колонки, микрофоны и всякую ерунду. А если нет света, они отдыхают. Сидят и ждут, пока свет дадут. Хоть свадьбу отменяй. А «Возвращение Кёроглу» не умеют играть. Спрашивается, зачем мне эта гора техники, если вы не знаете «Возвращение Кёроглу»?!

А раньше было не так. Уста Иабд доставал из внутреннего кармана свою зурну, надувал щеки – и свадьба начиналась. На вид худой и суховатый, но никем не превзойденный уста Ибад, лучший исполнитель на зурне в Зогаллы за последнее столетие. Кроме музыкального таланта, уста Ибад обладал особыми дыхательными способностями. Когда он брал в руки зурну и начинал играть на ней очередную свадьбу, он так надувал щеки, что потом три дня без остановки дул в зурну, не вынимая ее изо рта. О чем это говорило? Это говорило с одной стороны, о большой любви уста Ибада к этому музыкальному инструменту, а с другой – о безупречной работе его легких. Как футболисту нужны здоровые ноги, штангисту – здоровые руки, так и зурначи требуются здоровые легкие. А как иначе? Если легкие у тебя никудышные, то ты как хочешь люби зурну, но ничего у тебя не получится. Поэтому для игры на зурне важно иметь здоровые легкие. А здоровые легкие, как известно, Аллахом даны не каждому.

Но к концу свадьбы глаза Ибада напоминали глаза водолаза, полчаса находившегося под водой без кислородного баллона. Что правда, то правда, и об этом надо сказать.

– Конечно, тяжело три дня играть на зурне, – добавляет дядя Идрис, – тут бывает, день свистишь коровам на пастбище, так к вечеру, глядишь, горло болит.

– И хорошие деньги зарабатывали, между прочим, по тем временам, наши музыканты. Особенно они любили ходить на свадьбы в соседний Еникенд. Народ там живет, как сейчас принято говорить, интернациональный, горцев много бесшабашных. Говорят они на своих языках, но музыкантов всег-

да наших приглашали. Музыка наша, а танцевали по-своему. Смех и только. Так они народ добрый и непьющий, но, насмотревшись на соседей, в основном на нас, на свадьбах тоже стали подавать выпивку. Водку магазинную покупали. А пить-то не умели, так после ста-двухсот грамм водки превращались в бешеных быков. Так вот, уста Ибад со своими ребятами часто там свадьбы играл, «шабаш⁶¹» у них был хороший, народ там щедрый в этом отношении. Поэтому уста Ибад всегда безотказно к ним ходил на свадьбы. Но с некоторых пор стали буяннить горцы. Один раз побили на свадьбе наших музыкантов, второй раз побили. А наши молчали, никому не говорили. Деньги-то хорошие зарабатывали, потому и молчали. А когда их побили в третий раз, уста Ибад покойный пришел ко мне за советом. Под левым глазом его красовался большой синяк, сам взволнованный такой. Тогда я им и посоветовал временно не ходить на еникендские свадьбы, а переключиться на «маленькие свадьбы⁶²», которые они до этого игнорировали – на «маленьких свадьбах» и заработки маленькие, и народу мало.

– Езжай, – посоветовал я Ибаду, – в Гах, познакомься с хорошим цирюльником, и он тебе поможет с заказами на маленькие свадьбы.

* * *

Когда в начале прошлого века великий шведский предприниматель Лундберг на личном горьком опыте убедился, что «зарабатывание больших денег всегда сопряжено с большим риском», он разработал теорию риска и при этом наивно предпологал, что все предприниматели мира ознакомятся с этой работой и в повседневной своей деятельности будут руководствоваться его предостережениями. В противном случае, предупреждал их добродушный швед, вы рискуете не только потерей репутации, вас также могут вытеснить из рынка. К сожалению, ровно через пятьдесят лет после обнародования этого учения зогаллинские музыканты-зурначи проигнориро-

вали его. Видимо, потому что они в силу большой занятости (на колхозных полях, будем считать) не удосужились ознакомиться с теорией далекого шведского добродетеля. Тут мне читатели возразят, что поскольку в Советском Союзе не было предпринимателей, не было и надобности в изучении всякого рода рыночных теорий.

Так-то оно так. Но если подходить к вопросу с материалистических позиций, – как учили нас когда-то основоположники марксизма-ленинизма, – то приходится признать, что вопреки всем законам социализма в Зогаллы имелся небольшой (в лице четырех музыкантов) отряд предпринимателей, которые по тем временам зарабатывали неплохие деньги на свадьбах доверчивых односельчан и жителей соседних деревень. Советская система налогообложения, которая всегда беспощадно боролась против «нетрудовых доходов» граждан, к счастью, обошла наших музыкантов стороной. Наверху, видимо, посчитали их заработки на свадьбах трудовыми, и, что интересно, облагать налогами не стали.

Судите сами: зогаллинские музыканты-зурначи за месяц работы в колхозе в начале шестидесятых годов зарабатывали максимум сорок-пятьдесят рублей на человека. Столько же они зарабатывали бы на «маленьких свадьбах», отработав пять-шесть часов в день, но они, как правило, такие свадьбы не обслуживали, считая их малоприбыльными. А вот на больших зогаллинских свадьбах за два дня работы они получали на человека в два-три раза больше, чем на колхозных полях за месяц. И это притом, что зогаллинцы на свадьбах никогда не отличались особой щедростью, а с новыми деньгами, которые пустили в оборот в 1961 году, они стали еще экономнее. Наблюдательные мугалы за такую скупость считали их самыми большими скрягами во всем округе.

Другое дело – перешедшие из Дагестана и проживающие в Еникенде горцы. За десять лет пребывания в Азербайджане, находясь рядом с Зогаллы, они не только скопировали все азер-

байджанские свадебные обряды, но и к большой радости музыкантов, научились пить водку. «Научились пить», конечно, громко сказано: они научились употреблять спиртное, но культура питания, ввиду недостатка опыта, у них хромала. Зогаллинским музыкантам, обслуживающим их свадьбы, в первое время это было на руку. Им особо нравилось, как после ста грамм водки распахивалась широкая душа горца, и он до последней копейки в кармане тратился на свадьбе. На свадьбах горцев зогаллинские музыканты зарабатывали такие деньги, что из нескольких приглашений на свадьбы в один день они без раздумья выбирали горские. Но со временем музыкантов подвело как раз незнание ими теории риска Лундберга, ибо с увеличением доходности свадеб риски тоже стали повышенными. В первое время они как-то еще переносили эти самые риски в виде небольших телесных побоев, полученных на свадьбах. Со временем, видя безнаказанность своих действий, горцы стали еще наглее, а полученные побои стали оставлять на теле и на лицах зогаллинских музыкантов такие следы, что те стали ходить на еникендские свадьбы выборочно, при серьезных гарантиях со стороны хозяев свадеб относительно их безопасности. Что интересно, протрезевшие горцы на следующий день после свадьбы обязательно извинялись перед музыкантами и давали клятвенные обещания, что подобное больше не повторится. И на самом деле, несколько свадеб после таких обещаний действительно проходило без происшествий. Но со временем то ли горцы забывали о своих обещаниях, то ли музыканты теряли бдительность, но все начиналось заново.

Как-то на очередной еникендской свадьбе, хорошо выпивший горец на второй день свадьбы нагло отобрал зурну у второго зурначи Джабраила и сломал ее пополам об колено, недовольный тем, что музыканты якобы кому-то сыграли вне очереди, проигнорировав его заказ. А другой горец, друг первого, который был пьян не менее, одним ударом продырявил большую кос-нагару слепого Абдула. Ввязываться в драку с

горцами зогаллинские музыканты, ввиду неравенства сил, не стали. К тому же хозяин свадьбы, который тоже был, видимо, пьяный, лично отобрал у музыкантов маленький чемоданчик, куда они складывали заработанные деньги, во всем обвинив их. Не считая нескольких пинков, которые музыканты получили вдобавок при выходе со двора, домой они вернулись не только с синяками и без денег, но и без двух рабочих инструментов. В милицию они жаловаться не стали, но дали себе слово, что больше их ноги на еникендских свадьбах не будет.

Правда, на следующий день, протрезвевший хозяин свадьбы привез чемодан с деньгами, и десятки раз извинялся перед зогаллинскими музыкантами за вчерашнее происшествие, каждый раз при этом снимая с головы большую папаху из овчины. Чемодан с деньгами музыканты взяли, но твердо решили: больше не обслуживать еникендские свадьбы.

Музыканты больше всего были потрясены диким отношением еникендцев к их инструментам. Еще долго после той свадьбы они не могли отойти от полученного на свадьбе стресса. Хотя ученые и называют стресс неспецифическим ответом организма на любое предъявленное ему требование, язык не поворачивается назвать ответ зогаллинских музыкантов неспецифическим. Для любого музыканта его инструмент в первую очередь неотъемлемая часть его жизни, без которой он не представляет свое существование. И только потом – оружие для зарабатывания средств.

Одним словом, полученные побои музыканты, возможно, как-то пережили бы, тем более что это случилось с ними не единожды, но вот посягательство на святое, коим являлись их инструменты, они не могли оставить без ответа. Тем более, и стресс не собирался уходить. А так как полная свобода от стресса приходит только со смертью человека, вероятность появления зогаллинских музыкантов на еникендских свадьбах со временем стала равняться нулю.

Но, как гласит азербайджанская пословица, ты играй свое, только оглядывайся изредка, чтобы посмотреть, что судьба

сыграет с тобой. Со временем выяснилось, что не таким уж и сильным был этот стресс, и буквально через месяц зогаллинские музыканты изгнали его из головы, как обычно выгоняют бездомную дворняжку из мечети. А когда на телах музыкантов зажили полученные побои и на кос-нагару Абдула была натянута новая мембрана из молодой телячьей кожи, музыканты стали тосковать по большим еникендским свадьбам.

Привыкшие к неплохим заработкам музыканты стали испытывать недостаток в деньгах. А музыканты, по утверждению Кара дайы, по части любви к денежным знакам в этом мире не уступают никому. Даже депутатам! А иногда их и превосходят. Если полученные на еникендских свадьбах побои били по их честолюбию и гордости, то отказ от свадеб сильно ударил по их карманам. А как показывает опыт, удар по честолюбию музыканты всего мира переносят намного легче, нежели удар по кошельку. Музыканты из Зогаллы не были исключением. Оставшись без дополнительного источника доходов, со временем они готовы были согласиться на любое предложение из Еникенда, даже без гарантий безопасности. Но проявлять инициативу самим и дать знать горцам, что в принципе они не против возвращения на их свадьбы, им не позволяла гордость.

Надо было знать еще и горцев, которые были не менее гордыми, чем зогаллинские музыканты. Обиженные на многочисленные отказы со стороны зурначи Ибада и его друзей, еникендцы со временем перестали приглашать их на свои свадебные мероприятия, можно сказать, даже забыли о наших музыкантах. А, как известно, свято место пусто не бывает: зная о натянутых отношениях между зогаллинцами и соседними мугалами, говоря языком борцов, горцы применили запрещенный прием – назло зогаллинцам стали приглашать на свои свадьбы бригаду музыкантов из соседней мугальской деревни, то есть прямых конкурентов зогаллинцев. Мугальцы, в отличие от зогаллинцев, оказались более практичными и менее требовательными по части соблюдения порядка на свадьбах. По словам очевидцев того времени, оказывается, они с собой

на еникендские свадьбы брали даже запасные инструменты, предвидя возможные последствия, чтобы досрочно не покидать мероприятие.

Оставшись без приглашений, зогаллинские музыканты со временем совсем приуныли и, говорят, неделями могли не смотреть на свои инструменты. А старший музыкант – зурначи Ибад – за время вынужденного простоя не выточил ни одной новой зурны, что говорило о его психологической подавленности. Как бы там ни было, частые совещания, которые проводили между собой озабоченные музыканты, чтобы найти выход из ситуации, ни к чему не привели. Тогда они и решили посоветоваться с Кара дайы, как с уважаемым человеком, имеющим большой кругозор и не меньший авторитет, прогнавшим фашистов аж до далекого Берлина. Они справедливо рассчитывали, что человек, разобравшийся с немцами, разберется и с горцами. Поскольку музыканты не могли сами разобраться в истинных причинах неожиданного сближения жителей Еникенда с мугальцами, они послали к Кара дайы за советом своего старшего – зурначи Ибада.

– Помогите, Кара дайы, как нам быть? – обратился к нему зурначи Ибад, как-то поймав его на улице. – Спасите честь зогаллинской музыки! Мы, музыканты, как-нибудь, может, и пережили бы этот позор, если бы горцы сами стали играть на своих свадьбах. Но дело в том, что они приглашают мугальских музыкантов. Страдает авторитет зогаллинской школы зурначей. С каких пор мугалы стали играть на свадьбах? Все в округе знают, что даже далекий от музыки зогаллинец свистит лучше, чем мугалы играют на черной зурне. Что делать, Кара дайы? – спросил он, и стало ясно, что прав был все-таки далекий швед Лундберг, когда призывал не игнорировать опасность потери рынка.

– Может, нам самим как-то дать понять этим горцам, что мы в принципе не против играть на их свадьбах? – продолжил зурначь Ибад.

Тут Кара дайы, задумавшийся было после первого вопроса, резко перебил его и ответил:

– Вот как раз этого вам и не следует делать! В этом случае пострадают еще честь и гордость зогаллинцев! И как после этого станут относиться к нам?

– А как сейчас относятся? Все только об этом и говорят, что якобы мугалы на зурне играют лучше, чем мы. Потому, мол, еникендцы их и приглашают. Если так и дальше пойдет, забросим мы свои инструменты на чердак, Кара дайы, знайте это! Будете и на зогаллинские свадьбы мугалов приглашать. Ребята стали терять навыки, – пригрозил вдобавок зурначи Ибад. – Забыли, когда последний раз вместе играли. Одна-две свадьбы в год в Зогаллы – разве так годится, Кара дайы?

– Надо набраться терпения и ждать! Вот что я советую вам. Все равно, рано или поздно кто-то из горцев обратится к вам. Тогда и надо будет показать себя и свое искусство во всей красе. А чтобы не потерять навыки, надо играть и на маленьких свадьбах. А как же? А что вы хотели? Вы тоже хороши. Перед кем себя показываете? Начинайте играть на маленьких свадьбах, и все поймут, что вы живы и здоровы. Тогда и начнут опять вас приглашать на большие свадьбы.

* * *

На улице стоял промозглый, холодный зимний день. В парикмахерскую в Гахе, которая находилась на развилке дорог в сторону Шеки, неуверенно вошел непримечательный на вид и худой мужчина. Его привлекла надпись на двери парикмахерской, где корявыми буквами было написано: «БРЕЮ, СТРИГУ, ДЕЛАЮ ОБРЕЗАНИЕ». Вошедшего звали зурначи Ибадом – он был старшим зогаллинской группы музыкантов-зурначей, которые обслуживали большинство свадеб не только в Зогаллы, но и в окрестных деревнях, включая мугальские. Синяк под левым глазом уста Ибада свидетельствовал о своем насильственном происхождении.

В те годы музыканты-зурначи наравне с большими об­служивали и «маленькие свадьбы», которые азербайджанцы называют «суннат тойу» и которые посвящаются церемонии (обряду) обрезания крайней плоти у малолетних мальчиков. Как правило, «маленькие свадьбы» организовывались после самой церемонии обрезания или в тот же день. В отличие от больших свадеб, которые в те времена длились минимум три дня и не всегда заканчивались благополучно для самих му­зыкантов, «маленькие свадьбы» игрались всего один день и отличались от больших свадеб более мирным характером и спокойно прогнозируемым исходом, прежде всего для музы­кантов. Синяк под глазом уста Ибада был не первой травмой, полученной им за свою музыкальную карьеру, но именно этот синяк стал последней каплей, после которой зогаллинские му­зыканты по совету Кара дайы решили: на больших свадьбах играть только у себя в Зогаллы, а в остальном переключиться на «маленькие свадьбы».

В Зогаллы народ очень уважительно относился к музыкан­там Ибада, и фактов рукоприкладства по отношению к ним не фиксировалось. В целом зогаллинские свадьбы проходи­ли мирно и весело, потому как культура питья вина и других спиртных напитков, выработанная десятилетиями, позволяла жителям Зогаллы достойно контролировать себя на свадьбах, сколько бы они ни пили. А все плохое для музыкантов скон­центрировалось в свадьбах в деревне Еникенд.

В парикмахерскую Ибад зашел не стричься и не бриться, а в надежде найти дополнительных клиентов для своей группы. Дело в том, что в те годы гахские цирюльники не только стриг­ли и брили своих клиентов, но, будучи широкопрофильными профессионалами, делали обрезание малолетним мальчикам, а также удаляли больные зубы, выполняя функции стоматолога. Стоматологи, между прочим, первыми в шестидесятых годах отвоевали у цирюльников одну функцию, заставив их положить на полку щипцы для удаления зубов. Позже за сво-

ими коллегами последовали хирурги, лишив цирюльников очередной статьи доходов и полностью монополизировав при-быльное обрезание. А в конце столетия гахским цирюльникам был нанесен почти смертельный удар: их лишили права брить клиентов лезвием, мотивируя это опасностью заражения СПИДом. И сегодня гахский цирюльник с ножницами и расческой выглядит бледной тенью своего некогда многоуважаемого коллеги.

А лет пятьдесят тому назад все было иначе. Делая обрезание ребенку, цирюльник, будучи, например, в хороших отношениях с музыкантами, мог рекомендовать их родителям ребенка. Таковы были и намерения зурначи Ибада – он хотел подружиться с гахским цирюльником, чтобы впоследствии получать заказы на маленькие свадьбы.

– Очень сильное у Ибада было дыхание, – каждый раз повторял Кара дайы, когда речь заходила о зогаллинских зурначих, – а на вид выглядел слабым мужчиной. Откуда он брал столько силы, одному Аллаху было известно, – подытоживал он.

Когда зурначи Ибад зашел в парикмахерскую, то он увидел удивительную картину: жестяная печка цирюльника, стоявшая возле окна, горела плохо, дымила. То ли оттого, что, дрова были сырые, то ли от плохой вытяжки. И, что интересно, цирюльник, весь в слезах от дыма, кого-то брил.

Ибад зашел, сел в углу на табуретке и стал ждать, когда освободится цирюльник, чтобы представиться и поговорить с ним. Тут цирюльник сам повернулся к нему и попросил его:

– Эмиоглу, подуй разочек в печку, пожалуйста, если не тяжело – может, загорится, а то дым совсем глаза выел.

Повернул голову и клиент, в слезящихся глазах которого читалась та же убедительная просьба.

Уста Ибад, не приближаясь к печке, так подул со своего места, что печка моментально разгорелась. Удивленный цирюльник даже бритву уронил и воскликнул:

– Настоящий зурначи!

Хотя он и не знал уста Ибада, но таким образом выразил свое восхищение силе поддува, резонно полагая, что только зурначи могут обладать подобной.

А Ибад в свою очередь почему-то решил, что цирюльник узнал его, и, обрадовавшись, в надежде на клиентов для маленькой свадьбы, ответил ему:

– Ибад меня зовут, из Зогаллы я, маленькие свадьбы тоже играю.

Позже, когда они разговорились, и цирюльник узнал, что уста Ибад на самом деле зурначи, они долго смеялись. Как бы там ни было, уста Ибад настолько понравился цирюльнику, что тот в тот же день пообещал ему содействие в поиске клиентов. И уста Ибад, чтобы не остаться в долгу и в знак благодарности пригласил его в Зогаллы, попробовать зогаллинское вино и отведать то, чем богаты зогаллинцы.

Цирюльники всего мира – очень мобильный народ. Знаменитый цирюльник Фигаро, прописанный в далеком испанском городе Севилье, как известно, всюду успевал и со своей работой справлялся прекрасно. Гахский цирюльник тоже оказался легким на подъем, к тому же простым и отзывчивым человеком. Поэтому он не стал упираться, а согласился хоть завтра приехать к Ибаду в гости.

Гостя встретила вся группа зогаллинских музыкантов в полном составе. И второй зурначи Джабраил, и игрок на ана косе слепой Абдул, и игрок на бала косе Сададдин. Во дворе уста Ибада был зарезан молодой барашек, а Кара дайы был приглашен тамадой на этот вечер, как человек, предложивший идею знакомства с гахским цирюльником. Уста Ибад заранее и настойчиво попросил Кара дайы, чтоб тот вел вечер так, как он это умеет. То есть, по возможности больше говорил и хвалил гостя.

Кара дайы и на самом деле вел вечер во всем своем блеске. Он встал, по привычке оглядел всех сидящих в небольшой комнате и, не найдя ничего подозрительного, поблагодарил

их за высокую честь, которую ему оказали, избрав тамадой за этим скромным дружеским столом. Затем он обратился к гостю.

– Только наивный и далекий от жизни человек может недооценить всю тяжесть и ответственность работы цирюльника, – по-философски начал Кара дайы. – Не каждому человеку государство в наше время доверяет работать с оружием в руках. А цирюльникам доверяет: холодное оружие, каковым является опасная бритва, у них находится не под рукой, а всегда в руках. О чем это говорит? Это говорит о большом доверии государства ко всем цирюльникам и к нашему гостю в частности. Каждый день цирюльники сталкиваются с пройдохами, хамами, лжецами, стяжателями и дебоширами, которые ловчат, лгут, лицемерят, крадут и хулиганят. Мы все с вами знаем их, они живут среди нас. И когда на улице встречаемся с ними, стараемся обходить их, не здороваться с ними. И только цирюльники вынуждены ежедневно не просто смотреть на их бессовестные лица и бесформенные головы, но и работать с ними, подстригая и брея их. И скольких душевных трудов стоит работа цирюльника, когда он в одной руке держит бритву, а другой рукой гладит лицо или голову клиента, зная, что перед ним сидит бандит или вор!

Очень тяжелая и психологически невыносимая работа у цирюльника, – продолжил Кара дайы. – Но цирюльник не прокурор и не милиционер, чтобы наказывать пришедших своими ногами под его нож негодяев. У него работа такая – с оружием в руках обслуживать людей. Или я не прав? – спросил Кара дайы у гостя.

– Еще как правы, чтоб вы знали, – ответил гость. – Иной раз такой негодяй приходит стричься или бриться, что так и хочется чиркнуть его бритвой по горлу. А ведь нельзя.

– Вот именно! – Кара дайы вошел в роль. – Нельзя! Государство, когда доверило вам это оружие, предупредило – вы, цирюльники, должны этим оружием обслуживать людей, но

ни в коем случае не наказывать их, какие бы подлецы среди них ни оказывались! Наказывать их будем мы, – сказала государство.

– Сейчас вы поняли, какая у цирюльников ответственная работа? – обратился Кара дайы к сидящим.

– Да, конечно, кто об этом не знает, – хором согласились зогаллинские музыканты. А гахский цирюльник, первый раз оказавшийся на зогаллинском застолье, от незнания некоторых его тонкостей даже покраснел. Тем временем Кара дайы продолжил:

– Ответственность, дорогие мои, вы хоть знаете, что это такое?

И тут Кара дайы стал объяснять зогаллинским музыкантам суть понятия «ответственность», потому что само собой подразумевалось, что гость и без объяснения должен знать, что это такое, раз он работает на такой работе.

– Представьте себе, что на брюках слепого Абдула всего две пуговицы и одна из них оторвалась. Тогда все бремя ответственности упадет на вторую пуговицу. Вот что такое ответственность! – заключил Кара дайы и сам удивился своей находчивости.

Растерянный слепой Абдул быстро проверил целостность пуговиц на своих штанах и, найдя их все на месте, успокоился. Тем временем Кара дайы перешел к заключительной части тоста.

– В каждом деле нужна голова. Ты настоящий, деловой, знающий свое ремесло мастер, и со светлой головой, – обратился он к цирюльнику. Тот в знак уважения встал, и продолжение тоста слушал стоя. – Сегодня, за этим столом закладывается основа крепкой мужской дружбы. А для мужской дружбы нет препятствий ни на земле, ни в воздухе. Не помеха ей ни дождь, ни стужа. И дай Аллах, чтоб вы дружили всю оставшуюся жизнь с нашими музыкантами. Дружите и будьте дружны! Имейте в виду и помните зогаллинскую пословицу:

«Два ореха всегда раздавят большой орех». Будьте вместе и давите всех!

Первый тост, как и положено было, выпили за гостя.

После такого начала компания быстро подружилась и до поздней ночи пила зогаллинское вино. Было много тостов и пожеланий, а также и рассказов Кара дайы на армейскую тему, которые приезжий гость слушал, открыв рот, поскольку до того не был с ними знаком. Что интересно, из того вечера зогаллинцы сегодня помнят только тост, сказанный игроком на ана кесе слепым Абдулом и обращенный к гостю. Слепой Абдул, как самый старший среди музыкантов, сперва поблагодарил Кара дайы, который так красиво и с юмором вел вечер, а в завершение, обратившись к гостю, сказал:

– Каждый раз, – со стаканом вина подошел он к цюрильнику, – когда ты будешь брать в руки маленький член маленького гражданина, чтобы обрезать его, – большим и указательным пальцами свободной руки слепой Абдул показал его примерный размер, – то прежде чем обрезать, я очень тебя прошу, остановись на мгновенье! Остановись и вспомни нас, своих больших друзей, которые готовы с музыкой завершать начатое тобой дело!

Кара дайы моментально поправил слепого Абдула, заметив, что это тот самый случай, когда размер не имеет никакого значения.

В конце вечера, тронутый теплым приемом, пьяный гахский цюрильник поднялся и в первую очередь поблагодарил Кара дайы за теплые слова и за язык, который по остроте не уступает его бритве. Потом он по очереди расцеловал зогаллинских музыкантов и дал им слово вспомнить их при виде любых членов, с которыми впредь ему придется иметь дело, а заодно и согласился с замечанием Кара дайы. Потому как, оказывается, при обрезании ему не всегда приходится иметь дело с маленькими членами. Иногда, в силу возраста обрезаемого, попадают экзemplяры и покрупнее.

– Но, как верно подметил Кара дайы, – размер тут не имеет никакого значения, главное – человеческие отношения. Надеюсь, это не последняя наша встреча за таким столом, – многозначительно намекнул на что-то гость, будучи доволен приемом и надеясь на повторение, и дал слово дружить с музыкантами до конца своих дней.

Поздно ночью, прежде чем гости разошлись, (цирюльник остался ночевать в доме уста Ибада) Кара дайы произнес последний тост:

– В солдатской жизни есть такое понятие – привал. У охотников тоже бывают привалы. С сегодняшнего дня и у тебя есть привал, – сказал он гахскому цирюльнику. – Когда устанешь от недовольных человеческих лиц, которые ты десятками брешь каждый день, когда устанешь от неправильных форм людских голов, которые ты стрижешь ежедневно, – не стесняйся, спускайся в Зогаллы и сделай привал! И отдохни! И тебе на душе станет спокойно, а нам это только в радость!

Свое слово гахский цирюльник сдержал, дружил он с зогаллинскими музыкантами до последних дней своей жизни. Много клиентов за время дружбы подбрасывал зурначи Ибаду и его команде. А те тоже в долгу перед ним не оставались, часто приглашая его в Зогаллы «на привал», на всевозможные застолья, что больше всего нравилось гостю в этой дружбе.

* * *

В один из осенних дней, – а время было послеобеденное, – зурначи Ибад у себя дома под навесом околачивал специальной зубчатой дубинкой сваленный для естественной сушки в большую кучу урожай фундука. Околачивание собранного урожая фундука является необходимым мероприятием перед его очищением от зеленых шкурок – плюсок. Оно ускоряет процесс очищения, выбивая крепко засевшие в гнездышках плюски орешки, и облегчает их дальнейшее ручное отделение. Увлеченный работой, зурначи Ибад даже не слышал, что

его кто-то зовет со стороны улицы. Младший сын уста Ибада, который в это время играл на улице с детьми, увидев незнакомого дядю в большой папахе на голове, зовущего его отца, моментально примчался под навес:

– Дада⁶³, дада, там тебя зовут.

Отложив в сторону дубинку, зурначи Ибад присел на маленький табурет и спросил у сына:

– Кто зовет?

– Не знаю, – ответил ребенок, – дядя в черной папахе, не из наших.

– Скажи ему, что дада занят, не может выйти. Пусть сам подойдет.

Ребенок побежал на улицу и через минуту вернулся:

– Дада, он не хочет войти во двор. Хочет, чтобы ты вышел к нему.

– Если он так хочет, тогда выйдем, – задумавшись, сказал зурначи Ибад, погладил голову сыну и стал натягивать рубашку. Ребенок помчался на улицу с докладом.

Каково было удивление зурначи Ибада, когда он издали узнал сидящего на черном коне гостя. Это был Нажмутдин из Еникенда, отец большого семейства, участник и ветеран войны. Семью Нажмутдина и его самого зурначи Ибад знал очень хорошо. У Нажмутдина было десять детей: девять дочерей и только последним, десятым родился сын – через год после начала войны.

До войны Нажмутдин с женой и девятью дочерьми жил в небольшом, обкатанном ветром высокогорном ауле на другой стороне горы – в Дагестане. Весть о начале войны до аула Нажмутдина дошла с двухнедельным опозданием. С того дня мужчины аула стали ждать, когда Советы, по их словам, «призывают их на помощь». В первые месяцы войны Советская Армия еще как-то обходилась без помощи мужчин Нажмутдинова аула. К концу лета на фронте, видимо, стало совсем туго, и в конце августа в их аул из райцентра на лошадях поднялись двое

– толстый работник военкомата и грозный на вид милиционер. Первым делом они прикрепили на здании сельсовета написанный на красном материале транспарант с лозунгом «Освободим Родину от немецко-фашистских захватчиков!», только потом прошлись по домам и собрали всех мужчин призывного возраста в центр аула. Вместе с Нажмутдином собралось девять мужчин. Представитель военкомата в своем выступлении призвал мужчин аула помочь Советской армии в деле изгнания немецких захватчиков. Помочь Советской армии согласились все мужчины аула, не забыв при этом упрекнуть представителя военкомата за столь позднее обращение к ним.

– Обратились бы вовремя, давно прогнали бы немцев прочь, – буркнул кто-то из горцев, выразив тем самым несогласие с некоторыми особенностями советской призывной системы. – Сейчас тяжелее будет, но мы поможем! – уверенно добавил он и взобрался на коня. Остальные, в том числе Нажмутдин, последовали его примеру. Но в последний момент, порывшись в своих бумагах, представитель военкомата к удивлению всех, отделил Нажмутдина от группы односельчан, на конях спускающихся вниз для помощи Советской армии:

– У тебя детей много, и все они малолетние, – объяснил причину представитель военкомата. – Аул тоже не можем оставлять без трудоспособного мужчины. И остальным поможешь, и за семьей будешь следить.

Милиционер, уходя, в свою очередь, предупредил всех, чтобы никто не снимал транспарант.

Сорок дней Нажмутдин вместе с двумя стариками аула заготавливал дрова на зиму односельчанам. На сорок первый день толстый представитель военкомата, на этот раз один, опять поднялся в аул и направился прямо в дом Нажмутдина.

– Советской армии совсем тяжело, – сказал он, – без твоей помощи не обойтись. Собирайся!

– Не хотят немцы сами уходить, да? – спросил Нажмутдин у представителя военкомата.

– Неужели за тобой пришли бы, если бы немцы сами уходили? – вопросительно ответил тот.

– Как там наши мужики-то? Ребята вроде все здоровые, у них тоже ничего с немцами не получается?

– Они стараются, но немец тоже еще тот, я тебе скажу, – загадочно признался в ответ представитель военкомата.

Стало ясно, что без помощи Нажмутдина не обойтись. Пока представитель военкомата обедал в комнате, Нажмутдин отвел жену за каменный дом, внимательно посмотрел на ее живот и тихо произнес:

– Ухожу. Война – дело не шуточное, немец еще тот, – повторил жене слова представителя военкомата.

Жена Нажмутдина вдруг так сильно заревела, что через минуту к ней присоединились не только их дочери, но и соседские женщины.

– Хватит вам! – закричал на женщин Нажмутдин, и те так быстро успокоились, будто в болото с беспорядочным лягушачьим хором бросили камень. Но прежде чем садиться на коня, Нажмутдин отвел жену еще дальше:

– Моим девочкам для защиты нужен брат! Но, увы, у меня нет сына! – прослезился было Нажмутдин, но взял себя в руки. – Но будет у меня сын! – уверенно заключил он.

На этот раз жена Нажмутдина тихо пустила слезу. Ясное, как звезда в вечерний час, лицо жены Нажмутдина омрачилось грустью. Но тут Нажмутдин приободрил ее и уверенно добавил:

– Девочки и без брата выживут, за них я меньше всего буду беспокоиться! Будь внимательнее с ним, который еще не родился, – пальцем указал на живот жены. – На этот раз, чувствую, точно мальчик будет! – и опять начал хандрить, – только увижу ли я его? Сбережешь,охранишь его живым, и я тоже вернусь домой живым и невредимым! А если, не дай Аллах, что-нибудь с ним случится, в тот же день брошусь под вражеский танк!

Напуганная предупреждением мужа, жена Нажмутдина, хотя и не знала, что из себя представляет вражеский танк, но, как умная горская женщина, догадалась, что ничего хорошего мужа под танком ждать не может. И сказала:

– Сама умру, но детей твоих сохранию. Не надо никуда бросаться. Добей немцев и вернись домой. Не задерживайся!

– Хорошо, вернусь живым! И ему такую свадьбу устрою, что все в округе только об этой свадьбе и будут говорить, – еще раз указал пальцем на живот.

Потом он по очереди поцеловал дочерей, простился с двумя оставшимися в ауле стариками. И еще минут пятнадцать, сидя на коне, ждал, пока представитель военкомата подкрепится в комнате. Через пятнадцать минут тот наконец-то, поглаживая левой рукой живот, вышел из комнаты и произнес:

– На голодный желудок сильно не повоюешь.

Перед уходом со двора конь Нажмутдина несколько раз стал на дыбы. Худая кляча работника военкомата под тяжестью своего хозяина не смогла повторить движения коня Нажмутдина, и через несколько минут оба они скрылись из вида на извилистой горной тропе.

Три года Нажмутдин помогал Советской армии в деле освобождения Родины от немецко-фашистских захватчиков. Когда Родина была освобождена полностью, и Советская Армия собиралась помочь народам Европы, на границе с Польшей его ранило в правую ногу. Ранение было не тяжелое, но Нажмутдина все равно отправили в госпиталь на лечение. Через два месяца лечения начальник госпиталя спросил у выздоровевшего Нажмутдина:

– На фронт хочешь или домой?

Нажмутдин задумался и спросил у начальника госпиталя?

– Родину освободил?

– Освободил, – без раздумья ответил тот.

– Тогда хочу домой!

– Ну и правильно, – согласился с ним начальник госпиталя, – езжай домой, детки заждались, наверное.

Домой Нажмутдин вернулся в конце сентября 1944 года. Кроме жены и дочерей, его также встретил двухлетний сын Исмаи. Радость встречи с семьей улетучилась буквально на следующий день: в ауле было нечего есть. Повсюду свирепствовал страшный голод. Жители аула со страхом ждали наступления зимы.

Пока Нажмутдин освобождал Родину, один из стариков аула покинул живых и ушел туда, откуда нет обратного пути. Через неделю, опираясь на длинную палку, последний оставшийся в живых аксакал аула пришел к Нажмутдину, но отказался войти в дом. Встав посреди двора, позвал Нажмутдина к себе:

– В низинных аулах ситуация не лучше, – сказал старик, имея в виду находящиеся внизу дагестанские села.

– А что делать? – спросил Нажмутдин.

– Надо перебраться туда, – сказал старик и указал головой в сторону Азербайджана, – там больше порядка. И народ душевный. Там больше шансов выжить. Здесь не выживем.

– Всем аулом? – удивился Нажмутдин.

Старик кивнул головой и повторил:

– Скудны вершины наших гор, хотя именно они и воспитали наш гордый дух. Но одним духом сыт не будешь. Здесь не выживем. Людей надо спасти. Там наше спасение.

– И когда надо переходить? – Спросил Нажмутдин у старика.

– Поспешность всегда вредит поступкам, – тихо добавил старик, – но сейчас не тот случай. Надо торопиться. Пока снег не выпал, надо переходить. Через месяц будет поздно!

Через пять дней все население этого высокогорного дагестанского аула, погрузив имеющуюся домашнюю утварь на лошадей, пригнав всех домашних животных, выстроилось в ряд и стало подниматься еще выше в горы. По единственной горной тропе они направились в сторону Гахского района Азербайджана.

Власти Гахского района в первое время растерялись от количества гостей, перебравшихся с той стороны горы без приглашения, среди которых, большинство составляли женщины и дети. После согласования с верхами власти решили определить всех прибывших в пяти километрах от Зогаллы, выделив им приусадебные участки для строительства домов.

Началось строительство новой деревни, которой дали название Еникенд.

В первые годы прибывшим горцам пришлось очень тяжело. И местные власти, и население близлежащих деревень помогали, чем могли, хотя им самим тоже жилось нелегко. Уже ближе к пятидесятым годам, наслышанные о неплохом обустройстве своих земляков в Азербайджане, в Еникенд потянулись и жители других аулов Дагестана. Еще через десять лет Еникенд был большой деревней с количеством домов более двухсот единиц, где проживали исключительно прибывшие из Дагестана семьи горцев.

В Ениканде Нажмутдина назначили бригадиром в новом колхозе, и за пять лет он построил себе большой по тем временам дом из речного камня.

Будучи человеком дружелюбным, открытым и коммуникабельным, Нажмутдин быстро сдружился со многими зогаллинцами и стал участвовать во многих деревенских мероприятиях. Зогаллинцы часто приглашали его на свои свадьбы, и как-то на одной зогаллинской свадьбе он оказался рядом с Кара дайы, там же они позже и познакомились. Подвыпивший Кара дайы, как всегда, рассказывал о героических эпизодах военной службы, не догадываясь о том, что сидящий рядом гость в большой черной папахе тоже прошел войну. Хорошо знающий Нажмутдина зогаллинец, чтобы насолить Кара дайы, как-то, между прочим, спросил:

– Нажмутдин гонаг⁶⁴, что же вы молчите? Вы тоже прошли войну, расскажите что-нибудь и вы.

Скромный Нажмутдин, стеснясь, ответил:

– Что мне рассказать? Воевал три года, до Берлина я не дошел. На границе с Польшей получил ранение в ногу и вернулся домой.

Любопытный Кара дайы, к тому моменту почти пьяный, с присущей только ему вьедливостью стал интересоваться у Нажмутдина, когда и где именно на границе с Польшей его ранило? А когда тот назвал точный день и населенный пункт, где он получил ранение, изумленный Кара дайы выпалил:

– Именно в тот день, на том самом месте, после обеда мы взяли в плен немецкого снайпера, который, возможно, в тебя стрелял.

На что невозмутимый Нажмутдин спокойно ответил:

– У меня было осколочное ранение.

– Значит, не того взяли, – не растерялся и тихо заключил Кара дайы под веселый смех присутствующих. Еще через десять минут Кара дайы, пожелав благополучия и здоровья Нажмутдину, незаметно покинул свадьбу.

То ли от слабого знания азербайджанского языка, то ли из-за усталости от ежедневного физического труда послевоенных лет, дочери Нажмутдина на уроках в школе плохо наполняли свои головы знаниями. Поэтому и задача продолжения учебы после школы перед ними не стояла. Нажмутдин особо не расстраивался и с начала пятидесятых годов стал по очереди выдавать дочерей замуж. И что интересно, все свадьбы на его дворе отыграла бригада зогаллинских музыкантов во главе с зурначи Ибадом. Полтора года назад, после свадьбы самой младшей дочери, рассчитываясь с музыкантами, Нажмутдин предупредил их:

– Ибад гардаш, гёзел гардаш⁶⁵, спасибо вам большое! Сколько я дышу на этом свете, буду благодарен вам. Дайте мне слово, что до конца будете со мной. Осталось мне сделать последнюю, но самую главную свадьбу на этом дворе.

Зурначи Ибад моментально перебил его:

– Астафруллах⁶⁶ скажи, Нажмутдин, астафруллах! Дай Аллах тебе такого здоровья, чтобы на этом дворе ты организовал

столько свадеб – сначала сыну, потом внукам, потом правнукам, а потом праправнукам – чтобы главный бухгалтер вашего колхоза столько косточек на своих деревянных счетах не считал!

Остальные музыканты согласились с пожеланием своего бригадира, тихо его благословив:

– Аминь, аминь, – сказали они хором.

С тех пор они не виделись. Вернее, нет – виделись. На той последней еникендской свадьбе, где зогаллинцев побили. На той свадьбе Нажмутдин гулял недолго, спешил куда-то. Перед уходом он подошел к ним, поздоровался со всеми музыкантами и напомнил Ибаду:

– Договор дороже денег, Ибад гардаш, – сказал он тогда. – Все остается в силе. Девять свадеб сыграли в моем доме, десятую тоже вы сыграете.

– О чем речь? – ответил ему зурначи Ибад, – Как договорились, так и будет! Ты только не тьяни со свадьбой, а то жизнь такая неверная штука...

Больше полутора лет прошло с той свадьбы. Вот он, добродушный веселый Нажмутдин, сидит на черном коне и не хочет входить во двор уста Ибада. Не хочет, потому что когда уходил из дому, дал себе слово: сдержит свое обещание зурначи Ибад, согласится сыграть его свадьбу, тогда он слезет с коня, как бывало раньше, войдет к нему во двор, выпьет с ним стакан чаю, поговорят о том, о сем, и он уедет. Не согласится уста Ибад – он больше к нему не приедет.

– Что ж так, Нажмутдин гардаш, не хочешь ко мне в дом войти? – Зурначи Ибад начал разговор издали, опережая гостя. – Или зогаллинские музыканты в Еникенде уже не в цене? – а сам в душе радовался, что Нажмутдин приехал приглашать их на свадьбу.

Нажмутдин слез с коня и в ожидании уста Ибада начал гладить вытянутую голову коня с большими живыми глазами и широкими ноздрями. Довольный конь все мотал головой из одной стороны в другую: то вверх, то вниз, то влево, то вправо.

– Нажмутдин хозяин своего слова! – твердо ответил гость, улыбнулся, и обнялись они как старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки.

– Девять свадеб сыграли в моем доме, сыграйте и десятую, Ибад гардаш! Девятерых дочерей своих под музыку твоей черной зурны я проводил из дому. Абидат, Аминат, Асият, Галимат, Загидат, Зулейхат, Калимат, Марзият, Салимат, – всех моих дочерей ты благословил, все они счастливы. Благослови и сына! Благослови черной зурной моего Исмата! Не дашь добро, не войду в твой дом!

– Как тебе откажешь, – сказал зурначи Ибад и потянул Нажмутдина во двор.

Дома, за столом, гость расписал все:

– Девять моих зятьев будут охранять вас! Девять охранников! Со мной десять! Всех собрал вчера и всех предупредил! Ни грамма спиртного в рот не возьмут. Пить будем после свадьбы! Ни один сукин сын на моей свадьбе не сможет даже пикнуть! Вы только зарядите черную зурну на моей свадьбе, на свадьбе моего Исмата, Ибад гардаш. Заказ оплачу в двойном размере, и весь шабаш тоже будет ваш!

– Надо бы с ребятами поговорить, – сказал зурначи Ибад, хотя на лице его уже читалось согласие.

– Поговори с ребятами, Ибад гардаш! – продолжал Нажмутдин и полез во внутренний карман за деньгами. – А это вам задаток. Синенький тебе, Ибад гардаш, – протянул ему свежий четвертак, – а красные отдашь ребятам. Чтоб руки потсохли у тех тварей!

Уста Ибад понял, что Нажмутдин ругает своих односельчан, побивших музыкантов на последней свадьбе.

Через час уста Ибад проводил Нажмутдина, тот сел на раседланного коня и, довольный, пустился обратно в Еникенд.

Уста Ибад тоже оделся и начал обходить своих музыкантов. Сначала он зашел к слепому Абдулу.

– Нажмутдин из Еникенда на свадьбу сына пригласил! Что ты скажешь? – спросил он у слепого Абдула и, не дав ответить,

протянул ему червонец. – А это тебе передал как задаток. Наверное, пойдем. Как ты думаешь? – улыбнулся уста Ибад.

Улыбнулся и слепой Абдул.

– Почему бы и нет! – ответил он.

Потом он зашел к Садедину. Согласился и тот. Не стал противиться и Джабраил.

Зогаллинские музыканты-зурначи давно ждали приглашения на свадьбу из Еникенда.

И в Еникенде многие обрадовались, узнав о том, что Нажмутдин на свадьбу сына пригласил зогаллинских музыкантов во главе с уста Ибадом.

Тем временем музыканты стали готовиться к свадьбе. Впервые за последние десять лет они собрались после работы в фундуковым саду слепого Абдула и репетировали некоторые мелодии в течение двух часов. Изумленные зогаллинские дети окружили их и никак не могли понять, чью свадьбу играют музыканты. Некоторые даже пустились в пляс за кустами.

В последний день, прежде чем отправиться на свадьбу, они собрались у уста Ибада и распределили обязанности каждого при непредвиденных обстоятельствах. В случае возникновения драки маленький чемодан с деньгами должен был подхватить самый молодой из музыкантов – второй зурначи Джабраил – и убежать через фундуковые сады в сторону Зогаллы. Остальные должны были следовать за ним. Слепому Абдулу, который играл на ана кесе, то есть на большой нагаре, посоветовали оставить ее на столе и убежать без нее. Слепой Абдул не хотел соглашаться с предложением товарищей:

– Да вы что, – удивлялся он, – как же я потом без нагары? Шестнадцать лет я бухаю на ней.

– Ты и так плохо видишь, – спокойно аргументировал уста Ибад, – в темноте да еще с большой нагарой далеко не убежишь, поймают. Оставляй на столе и убегай. На следующий день сами привезут или заберем.

На том и сошлись.

Стояла осень, и дни стали короткими. По утрам тусклое солнце всходило все неохотнее, а заходило спеша. Небо над Зогаллы слезилось тоскливым дождем. Мертвые листья ореховых и фундуковых деревьев безвольно падали на мокрую зогаллинскую землю. В назначенную пятницу в двенадцать часов дня зогаллинские музыканты пешком направились в Еникенд. Для этого им пришлось пройти через фундуковые сады зогаллинцев, потом через табачное поле Джанпара, затем они перепрыгнули высыхающую к осени речку Лагиччай. За речкой начинались сады горцев, через них они направились к дому Нажмутдина. Во двор Нажмутдина они зашли тоже через сад, хотя Нажмутдин и зятя ждали их на улице возле распахнутых ворот. И когда из-за дома до них донеслась пленительная мелодия черной зурны, ее чарующие звуки, они сначала замерли на месте и только потом догадались, что музыканты входят во двор с другой стороны, и через весь двор побежали к ним на встречу. По всему периметру Нажмутдиновского двора на благодатной азербайджанской земле выросли стройные чинары.

Тем временем уста Ибад, забыв все на свете, войдя во двор начал играть «Сегях». Это же какую наглость надо иметь, чтобы на черной зурне играть мугам⁶⁷, и тем более начинать им свадьбу? Внутри у уста Ибада сидела не только обида на горцев за последнюю свадьбу. Внутри у него сидела еще и тоска по большой музыке. Отважиться играть на черной зурне «Сегях» суждено не каждому зурначи.

Горцы застыли и, открыв рты, стали слушать его в глубоком восторге.

– Яша⁶⁸, уста Ибад! – не выдержал и закричал кто-то из горцев.

– Никто уста Ибада на зурне не заменит! – добавил другой.

Когда уста Ибад завершил «Сегях», изумленные горцы что-то закричали на своем языке, потом долго аплодировали и в конце, будто сговорившись, хором заключили:

– Баракаллах⁶⁹! Баракаллах!

Счастливым Нажмутдин обнял музыкантов и долго здоровался с каждым из них. А потом уста Ибад зарядил свадебный марш, и за танцующим Нажмутдином музыканты медленно прошли под натянутый для них тент и заняли свои места за небольшим столом.

– Чай принесите мастерам! – приказал старший зять Нажмутдина, который взялся охранять их.

Первый день свадьбы прошел настолько мирно, что привыкшие к крикам и дракам на еникендских свадьбах музыканты от удивления стали играть еще раскрепощеннее. Черная зурна уста Ибада в тот вечер вершила чудеса. То она возвышала дух горцев, то она возбуждала и волновала их, то она печалила их, вгоняла тоску в их души. Поздно вечером в круг для танцев вышел самый старый житель Ениканда. Аксакал гордо проделал три круга, потом попросил музыкантов остановиться. Подойдя к уста Ибаду, он тихо произнес:

– Не могу! Остановите, хватит! Какой протяжный и душевраздирающий стон у твоей зурны! Твоя зурна не дает моей памяти уйти в небытие. Твоя зурна отправляет меня туда, за горы. Она напоминает мне о моих корнях, будто меня зовут оттуда, откуда я перебрался в Еникенд. Наверное, скоро помру, – тихо заключил старик.

– Не спеши умирать, аксакал, – бодро ответил ему уста Ибад. – Сейчас сыграю такую мелодию, что все забудется.

И, закрыв глаза, уста Ибад поменял мелодию. На этот раз звук черной зурны стал ласкать старика, и тот присел на принесенный ему табурет. Разве можно уйти от такой сладостной ласки? Еще никто от ласки не убежал.

И заплакал старик. Собравшиеся еле успокоили аксакала, хотя сами готовы были пустить слезу, чтобы облегчить душу.

Можно ли было заснуть после такого? И как горцы заснули в ту ночь? Никто не знает. Еще не родился на свет человек, который равнодушен к мелодиям черной зурны.

В тот вечер зогаллинские музыканты больше не играли, с хорошим шабашом вернулись в Зогаллы, чтобы поспать, а с утра отправиться обратно на свадьбу.

И второй день свадьбы прошел спокойно. Зятя Нажмутдина по очереди стояли возле музыкантов, принимали заказы на танцы, и следили за очередностью. Сам Нажмутдин тоже часто подходил к музыкантам и интересовался, все ли у них спокойно? Шабаш второго дня превзошел все ожидания зогаллинских музыкантов. Ночью, возвращаясь домой, они даже шутили между собой, сколько денег потеряли за полтора года простоя.

Ничто не предвещало неприятностей и на третий день. Бодрые, выпавшиеся, свежесбрившие музыканты в начищенных хромовых сапогах и каракулевых папах ровно в десять утра начали играть. К двенадцати часам дня куда-то отошел старший зять Нажмутдина, которого, к удивлению музыкантов, никто не сменил. Он вернулся через полчаса с горящими глазами и красными щеками: стало ясно, что не выдержал старший зять испытание и выпил-таки водки. Потом он стал отходить все чаще и к четырем часам дня, когда готовились приводить жениха для поздравлений, на ногах держался не очень уверенно. Что интересно, не видно было и остальных зятьев, которые в первые два дня свадьбы часто стояли возле музыкантов. Потерялся и Нажмутдин, озабоченный огромным количеством гостей и доверивший музыкантов своим зятям, пока сам был занят другими хлопотами.

Обряд выхода жениха к народу или привода его и свидетелей к гостям для поздравлений – на свадьбах горцев Ениканда полностью был заимствован у зогаллинцев и потому был одним из самых интересных моментов свадьбы. О консервативности этого обряда говорит факт соблюдения его в Зогаллы даже в наши дни.

В соседний дом для привода жениха музыканты пошли с «охраной», старший зять Нажмутдина еще держался возле

них. Но когда одетый в специальный длинный черный плащ родственник Нажмутдина выстрелами из ружья известил присутствующих о приводе жениха и свидетелей, музыканты заметили, что охрана пропала, а старший зять неожиданно растворился среди толпы. Музыканты хотя и растерялись, но играть не перестали. Жениха и свидетелей для поздравлений привели из соседского дома под музыку зурны в сопровождении ближайших родственников и друзей. За места для лучшего наблюдения процесса поздравления началась давка и толкотня среди присутствующих. Свадьба гудела, как потревоженный улей. Музыканты с трудом пробрались сквозь толпу на свои места и продолжали играть.

Жених был свеж и румян, в новом костюме, правда, сидевшем на нем несколько мешковато. Густые черные волосы выбивались из-под кепки—«аэродрома», сдвинутой далеко на затылок. Обязательное наличие головного убора в любое время года в то время было главным требованием к одежде жениха. На ногах у него красовались ослепительные узконосые галоши. Жених со свидетелями встали вокруг небольшого стола, установленного во дворе недалеко от музыкантов специально для этого обряда.

Как только жених и свидетели заняли места за столом, у их ног начали резать жертвенных баранов. По словам слепого Абдула, он насчитал двадцать шесть баранов, которых зарезали у ног жениха. Первый баран был из отцовского дома, Нажмутдин лично держал барана, когда его резали. Потом своих баранов привели зятя, к тому времени неуверенно державшиеся на ногах. Остальные шестнадцать баранов были зарезаны соседями и другими родственниками. Процесс резания баранов затянулся настолько, что перед непосредственным поздравлением жениха уже начало постепенно темнеть.

Как и было положено, сначала для поздравлений стали подходить женщины с хончами⁷⁰. Хончи они оставляли на столе, а на шею жениха и свидетелей, по азербайджанским обычаям, завязывали калагайы⁷¹.

Интересное началось позже, когда стали поздравлять мужчины. Определить горца на свадьбе в то время было не тяжело. В грозных папахах, похожих на абажуры, или в модных кепках—«аэродромах», элегантно выбритые с утра, благоухающие «Шипром», черноглазые и голубоглазые – все они издали похожи были друг на друга, как близнецы. А при близком рассмотрении их роднили еще и глубокие морщины – как печальный след ушедших лет. Подходя к жениху, горец доставал из кармана кипу денег, демонстрировал их, затем вынимал из кипы самую крупную купюру, задумывался, возвращал ее на место, доставал другую и засовывал ее под головной убор жениха так, чтоб часть купюры торчала из-под него. Потом он целовал жениха, точно так же, не спеша, поздравлял свидетелей, но куда более мелкими купюрами и путем засовывания в их карманы, так как свидетели стояли без головных уборов. Торчащие из-под головного убора жениха купюры снимались свидетелями и клались в боковые карманы его пиджака. После изрядного количества выпитой водки процесс приобрел соревновательный характер среди зятьев Нажмутдина. На глазах у зогаллинских музыкантов в церемонии поздравления его единственного сына его же зятьями на свадьбе был разыгран удивительный спектакль, к сожалению, завершившийся для музыкантов неблагоприятно. Подходившие для поздравления первые семь зятьев подарили Исмату одинаковую сумму – по двадцать пять рублей каждый. Восьмой зять подарил тоже двадцать пять рублей, но, подумав, добавил еще десять. Девятый без раздумья достал из кармана целый пятидесятку, снял с Исмата кепку, лизнул купюру, приклеил ее ко лбу Исмата и снова накрыл кепкой. Остальным зятьям ничего не оставалось, как пройти по следующему кругу и добавить по двадцать пять рублей под смех и аплодисменты присутствующих. Это сделали все, кроме восьмого зятя. Оказалось, затея была придумана им и поддержана девятым зятем, чтобы развлечь гостей и застать первых семерых зятьев врасплох.

Посмеялись гости, посмеялась присутствующая родня. В завершение поздравления, жениха с очередными выстрелами из ружья, танцами и плясками сопроводили обратно в соседский дом.

Не до смеха было только старшему зятю Нажмутдина. То ли он посчитал себя обманутым действиями восьмого зятя, то ли водка начала действовать, но как только присутствующие стали вместе танцевать, он подошел к музыкантам и со всей силы ударил кулаком по их столу. Обстановка стала напоминать землетрясение – почва стала уходить из-под ног музыкантов. Схватив уста Ибада за плечо, старший зять Нажмутдина, габаритами напоминающий гориллу, остановил зогаллинских музыкантов и что-то прошептал ему, чуть не откусив при этом его левое ухо – по всей видимости, заказал новую мелодию. Музыканты не стали перечить и начали играть его заказ. Как назло, неожиданно объявился восьмой зять, затеявший игру с поздравлением жениха. Тоже будучи изрядно навеселе, он подошел к музыкантам, бросил на стол десять рублей и заказал другой танец. Наблюдавший за ним старший зять не стал медлить, тоже бросил красный червонец на стол и вернул статус-кво – то есть музыканты опять стали играть его танец. И так, как в кино, несколько раз повторилась заказы.

Народ испуганно наблюдал за ними, но выходить и останавливать их никто собирался. Уста Ибад и музыканты почувствовали, что дело добром не закончится, потому маленький чемоданчик с деньгами успели закрыть и передать Джабраилу. Движением глаз уста Ибад дал понять товарищам, что по его команде надо будет удирать.

То ли слепой Абдул не увидел его знака (все-таки у него были серьезные проблемы со зрением), то ли он не понял уста Ибада – сегодня никто не помнит. Но когда после очередных заказов старший зять наградил восьмого зятя звонкой оплеухой, и они схватили друг друга за грудки, запахло большой дракой. Уста Ибад быстро засунул свою зурну во внутренний

карман и мотнул головой, тем самым давая музыкантам команду уйти. Остальные последовали за ним; немножко замешкался слепой Абдул, но тоже дал деру, при этом забыв домашнее предупреждение – при побеге не брать нагару с собой!

То, что потом случилось с ним, сегодня в Зогаллы все рассказывают как анекдот, лишний раз добрым словом вспоминая всех покойных ныне музыкантов, и слепого Абдула – в частности.

Вечер звездным одеялом укрывал Еникенд. За фундуковым садом ярким пятком сияла луна. Тишина прерывалась лишь криками совы. В саду, в темноте, Абдулу с его плохим зрением бежать было тяжелее всех. Тем более что в руках он крепко держал большую нагару с длинным согнутым прутиком впридачу. Попервоначалу он еще успевал за остальными и держался следом, но когда согнутый прутик нагары зацепился за ветку фундука, он от испуга подумал, что его поймали горцы, упал и стал оправдываться:

– Да я готов играть, это уста Ибад не хочет.

Оказывается, со свадьбы никто за ними и не гнался, там зятя разбирались между собой. А слепой Абдул лежал в саду и все повторял:

– Да я хоть сейчас вернусь, уста Ибад не хочет.

Когда остальные музыканты заметили, что Абдул отстал, Джабраила с деньгами отправили в Зогаллы, уста Ибад с Садедином вернулись за Абдулом и нашли его лежащим под ореховым кустом и оправдывающимся:

– Уста Ибад не хочет играть, я хоть сейчас вернусь.

Посмеявшись от души, они выфсвободили прутик из фундуковой ветки, подняли Абдула и вернулись в Зогаллы. Так и осталось за слепым Абдулом дополнительное прозвище: «Я играю, уста Ибад не хочет».

У Кара дайы есть своя версия случившегося, естественно, отличающаяся от общепринятой. Как утверждает Кара дайы, горцы якобы на самом деле догнали слепого Абдула и поколо-

тили его. Не догнав остальных, они бросили Абдула в фундуковом саду и ушли. История с прутиком якобы была придумана остальными музыкантами, чтобы как-то оправдать себя за то, что они оставили товарища «на поле боя». А это, по законам военного времени, утверждает Кара дайы, преступление, карающееся расстрелом. Ни один разведчик своего товарища не оставит на поле боя! С другой стороны, ходить в разведку – это вам не в зурну дуть, многозначительно заключал Кара дайы.

* * *

Кара дайы и дядя Идрис – это две цивилизации одного поколения: модерн и неандертальская. Кара дайы – современный человек, или, по крайней мере, выглядит таковым. Его в этой жизни ничем не удивишь. Возможно, и дяде Идрису хочется не отставать от жизни, однако, любая его попытка шагнуть в ногу со временем оборачивается очередной смешной историей.

В начале восьмидесятых годов прошлого века учитель биологии зогаллинской школы выиграл в лотерею мотоцикл. После этого случая воодушевленные зогаллинцы стали пачками скупать лотерейные билеты. Пятьдесят штук купил тогда и дядя Идрис. Впоследствии, как вы уже догадались, никто из них ничего не выиграл. Но если остальные зогаллинцы спокойно перенесли эту неудачу, то дядя Идрис долго не мог успокоиться. Он жаловался на государство на то, что оно и выигрышные и невыигрышные билеты реализует по одной цене.

– Нет, ты раздели их и скажи народу, – возмутился он и обращался к правительству, – вот эти билеты выигрышные, а вот эти – нет. И пусть выигрышные билеты будут подороже, чем невыигрышные. И пусть народ сам выберет, какую лотерею ему покупать.

С того дня зогаллинцы, покупая лотерейный билет, как правило, в шутку спрашивают у продавца:

– А выигрышные билеты у вас есть?

Вот и сегодня, дядя Идрис спокойно сидел и слушал Кара дайы. Вдруг неожиданно для нас вмешался в разговор и с умным видом заявил:

– Говорят, мука подорожает. Вчера пошел и на всю пенсию купил в магазине четыре мешка муки. А ты не слышал, что ли? – обратился он к Кара дайы.

Кара дайы покачал головой:

– Кто тебе такое сказал?

– Сам догадался. Никто мне этого не говорил. Телевизор надо смотреть.

– И что же твой телевизор тебе сказал?

– Как что? – удивился дядя Идрис. – Пил бы поменьше и смотрел бы по вечерам новости, глядишь, и твой телевизор тебя предупреждал бы, – тут его маленькая голова стала довольно покачиваться в подтверждение сказанному и в ожидании ответа от Кара дайы.

– Хорошо, выкладывай, что знаешь, – Кара дайы удовлетворил самолюбие дяди Идриса, согласившись выслушать его.

– Китайцы поголовно перешли на двухразовое питание, понял?

– Ничего не понял, – снова удивился Кара дайы.

– Что тут непонятного-то? Раньше они ели один раз в день, сейчас стали есть два раза в день. В мире продуктов из-за этого, говорят, не хватает. Вот потому я пошел и купил четыре мешка муки. Сейчас понял? – и он стал довольно смотреть на нас, недогадливых, а чуть позже добавил, – только одно не ясно – куда русские смотрят? – почему-то посчитав русских ответственными за нарушение китайцами исторически сложившегося режима питания.

Я с интересом ждал развязки. Ответ Кара дайы огорчил дядю Идриса:

– Китайцы едят рис. Они вообще хлеба не едят. Поэтому подорожает не мука, а рис. Я еще на прошлой неделе сорок

килограммов купил – по двадцать килограммов круглого и длинного риса.

Я понял, что Кара дайы врет.

– С мукой ты поспешил, Идрис, – подвел итог Кара дайы.

– Ну конечно, – не поверил дядя Идрис, – в первый раз слышу, что где-то в мире хлеба не едят, – и в надежде на опровержение слов Кара дайы он повернулся ко мне. Мне ничего не оставалось, как огорчить его:

– Прав Кара дайы, китайцы едят рис.

– И что, совсем хлеба не едят?

– Может, немножко и едят втихаря, но, в основном, питаются рисом.

Мой ответ настолько расстроил дядю Идриса, что он снял с маленькой головы папаху и начал чесать затылок. К тому же, Кара дайы еще добавил:

– А что касается русских, то они давно за китайцев не отвечают. Одно время отвечали, но после Сталина перестали. Сейчас каждый за себя отвечает, – блеснул Кара дайы своими глубокими познаниями в области международной политики.

Расстроенный столь нецелевым расходом своей пенсии, дядя Идрис жадно закурил «Аврору».

– Я и не подумал об этом, – с досадой сказал он, качая головой. – Интересно, если вернуть два мешка муки в магазин, они обменяют мне их на рис?

– Насчет риса не уверен, а на твои папироски точно поменяют, – пошутил Кара дайы и громко засмеялся.

– Ой-ой-ой, кто бы говорил, – обиделся дядя Идрис. – Ты бы лучше над собой посмеялся. Я курю всю жизнь, а вот ты от одного удара коровы по черной заднице начал курить.

– Разве я курил? – оправдывался Кара дайы. – Так, от безделья баловался.

– Баловался он! Если бы молодежь не высмеивала тебя, дымил бы сегодня рядом со мной. Ты ребят благодари.

– Тут я с тобой согласен, вовремя погасили мою увлеченность, – согласился Кара дайы.

Историю о том, как Кара дайы начал и через три недели бросил курить, расскажет любой зогаллинец. Дело было после того, как его ударила корова Сулеймана. Вернувшись из больницы через три дня, он у кого-то из проводывавших его «стрельнул» сигарету и впервые в жизни закурил. Дальше – больше. Начал «стрелять» сигареты у всех курящих, кто заходил к нему домой. А когда он понял, что увлекся курением, «стрелять» ему, видимо, стало стыдно, и он пошел в зогаллинскую чайхану купить сигареты. В то время в маленькой чайхане группа молодежи пила чай. Зайдя туда, Кара дайы первым делом поздоровался с ними, потом встал перед витриной с сигаретами и, затрудняясь с выбором, начал рассматривать рисунки на пачках. Чайханщик Азиз спросил у него:

– Что вы хотели, аксакал?

– Вот этого захримара⁷² хочу купить, – громко ответил Кара дайы, указывая на ряд с пачками сигарет.

Удивленные ответом Кара дайы и знавшие, что тот в жизни не курил, молодые люди стали ждать, какие же сигареты он выберет. А Кара дайы тем временем разглядывал картинки на пачках. Кто-то из ребят, говорят, поспорил с остальными, что Кара дайы обязательно выберет сигареты «Кэмел» и даже объяснил свой прогноз тем, что по логике вещей его обязательно потянет к этим сигаретам. А логикой вещей зогаллинцы с самого рождения Кара дайы считают его якобы арабское происхождение.

Тем временем Кара дайы после долгого осмотра действительно выбрал пачку сигарет «Кэмел».

– Давай вот эту пачку, с верблюдом, – сказал он Азизу.

Как только Кара дайы произнес эти слова, ребята в чайхане стали так громко смеяться, что растерявшийся аксакал моментально понял оплошность своего выбора. Придя в себя, он рассчитался за сигареты, взял пачку «Кэмела» и отдал ребятам:

– Берите, я хотел вас угостить.

И под продолжающийся смех молодежи покинул чайхану. С тех пор никто его больше не видел курящим.

– Да, курил бы я сейчас вместе с тобой, – дальше соглашается Кара дайы. – Идрис, а ты заметил, сегодня газетчики тоже курили сигареты с верблюдом. Честно признаться, меня так и тянуло к этим сигаретам. Еле удержался.

– Да заметил я, как ты косился на пачку, – смеется дядя Идрис.

– Тот, что фотографировал меня, хороший был парень. Как узнал, что птицы и баран предназначены на свадьбу внука, а сама свадьба будет, как в былые времена, с зурной, стал настаивать, чтоб я рассказал, как проходили свадьбы раньше: мол, аксакал, расскажите, пожалуйста, а мы в газете напишем.

– Я одному шалопаю десять лет рассказываю – я тебя имел в виду, между прочим, – смотрит на меня Кара дайы, – все никак не напишет.

– Напишу, напишу, – бурчу я. – А как свадьбы раньше проходили с зурной, вы мне не рассказывали, Кара дайы.

– А то, что рассказывал, ты уже написал?

– Сказал – напишу, значит, напишу, – я стою на своем. После алычовки я тоже стал смелее. Тем более, чувствую, что дядя Идрис на моей стороне, хотя он частенько засыпает:

– Расскажи, Кара, ребенок просит. Я тоже послушаю, может, что добавлю.

– Хорошо, расскажу. Наливайте только, а то один я говорю, пересохло в горле.

* * *

– А с чего раньше начинались зогаллинские свадебные обряды, знаешь? – спрашивает у меня Кара дайы. Дядя Идрис после очередной стопки моментально засыпает, изредка напоминая о своем присутствии тонким детским храпом.

– Откуда мне знать? – отвечаю я.

– Так слушай, раз не знаешь, – как ни странно, дружелюбно продолжает Кара дайы. – Иногда сажу во дворе под тутовым

деревом и задумываюсь, вспоминая наши свадьбы сорокалетней давности, с зурной. Свадьба всегда хлопотное дело, ее организация, подготовка – процесс длительный. Требуется немало времени. Но мне больше всего нравился, да и сегодня нравится, первый поход людей от жениха в дом невесты и сама свадьба. В Зогаллы первый поход сватов в дом будущей и возможной невесты издавна и до наших дней называется «слово молвить». Это своеобразный ознакомительный и уточняющий поход. Бывает так, что парень на самом деле любит девушку, но без взаимности. Ну не нравится он ей, хоть лопни. А как в таком случае ведет себя умный парень? Как правило, видя безответность своей любви, он переключается на других девушек. Но попадаются и более настырные, которые отказ девушки воспринимают так, будто она любит его, но якобы капризничает. И посылают сватов в дом девушки. Задача сватов состоит именно в том, чтобы убедиться, обоюдная ли любовь у молодых или нет. Поэтому и церемония эта называется «молвить слово» – то есть удостовериться, насколько взаимна любовь у молодых. И если действительно взаимна, то поговорить об этом с родителями девушки, дать им знать, что готовы к свадьбе. А без любви, насильно, никто у нас ни сына не женит, ни дочку замуж не отдаст, сам знаешь.

Помню, как-то пришла ко мне покойная Абида, чтобы сейчас не пришла, она нам дальней родственницей приходилась – мать Наримана, и попросила, чтобы я тоже был в числе тех, кто пойдет «молвить словечко» к дочери Абдулгамиды:

– Ай, Кара дайы, пожалуйста, пойдите «молвить слово», с вами посолднее будет! Вам никогда не отказывают, – попросила Абида.

– Если бы для себя ходил, может, и Абдулгамид не отказал бы мне, – пошутил я тогда, – но я пойду для Наримана. А дочь Абдулгамиды, насколько я слышал, не любит твоего сына. Стоит ли ходить туда, ай, Абида? – спросил я.

Зогаллы деревня небольшая, и все знали о том, что Нариман давно увивается за дочкой Абдулгамиды. А та видеть его

не хочет. И Нариман, видимо, решил взять хитростью, послав к ней сватов.

– Он хоть имел разговор с дочкой Абдулгамиды? – дальше спросил я.

– Да, конечно, Кара дайы, дети друг друга любят, – ответила мне покойная Абида. – В противном случае я не пришла бы к вам.

– Любят так любят. Их дело – любить друг друга, наше дело – женить их, – сказал я и дал согласие. Отказать неудобно как-то, седоволосая женщина сочла меня аксакалом, обращается ко мне «Кара дайы», пришла ко мне. Тем более что отца Наримана я знал хорошо, он погиб в войну под Моздоком.

А когда мы вечером стали стучаться в двери Абдулгамиды – со мной еще был дядя Наримана и Абида покойная со своей сестрой, – так нас даже во двор не хотели пускать. Оказывается, не было никакой согласованности, никто не предупредил ни Абдулгамиды, ни его жену о том, что вечером в их дом придут «слово молвить». А это оскорбительно для родителей девушки: мало того, что она сама не любит парня, так еще без предупреждения родителей в их дом ломаются сваты. Короче, во двор мы еще как-то зашли, но в дом нас не пустили, завернули назад. Абдулгамид даже вилами пригрозил мне, приставив их к моему животу:

– Вы, Кара дайы, аксакал уважаемый, – кричал он на меня. – Но адаты⁷³ наши не я придумывал, их тоже надо уважать. Соблюдайте адаты!

И выгнал нас. И был прав.

Потому что первым делом надо было кому-то из родственников Наримана, скорее всего, Абиде, увидаться с женой Абдулгамиды, поговорить об этом, узнать заранее мнение родителей и самой девушки, как это у нас делается.

– Ай, сестра, – должна была Абида сказать матери девушки, – большая уже твоя дочь, и наш парень не маленький. Все в Зогаллы знают, что любят они друг друга. Мы с тобой тоже

не глухие и не слепые. Если все так, как говорит народ, зачем молодых томить? И вам будет легче: хороший зять сыну подобен, а вы нашего Наримана знаете, вырос на ваших глазах, работяга, целыми днями работает, ни минуты не сидит и вам опорой будет. А в нашем доме появится невестка.

В таких случаях покрасневшая то ли от неожиданности, то ли от радости мать девушки сначала даже не знает, что отвечать. После некоторых колебаний и неубедительных доводов типа «моей дочке еще рано замуж» или «ей еще надо учиться», просит время на обдумывание и на разговор с дочкой. Обещает в ближайшее время дать ответ и, если дочь не против, то и согласие на прием сватов.

Как правило, через несколько дней, если девушка не против, матери молодых согласовывают день первого похода сватов в дом девушки. И только после этого Абида должна была прийти ко мне.

А в итоге получилось нехорошо – считай, опозорился я. Чтобы меня выгнали со двора, когда я ходил «молвить слово»?! Никогда раньше такого не было! Оказывается, дочка Абдулгамида знать не хотела Наримана, не то что любить. А Нариман уговорил маму, и та пришла ко мне в надежде, что меня-то уж точно не выгонят, хоть послушают. И что мы в итоге получили? Выгнали, и еще как!

Я не в обиде на Абдулгамида. Надо соблюдать адаты. Каждый хочет, чтоб его сын женился или дочь вышла замуж и по любви, и по нашим адатам.

Если бы была договоренность сторон, тогда можно было устраивать поход сватов в дом девушки, чтобы «молвить слово».

– Кара дайы, а бывало, что в один дом к одной девушке несколько раз ходили «молвить слово»? – спрашиваю я.

Смеется Кара дайы:

– Ты меня опередил, – отвечает, – я как раз об этом хотел тебе рассказать. Нариман, оказывается, так любил дочь Абдул-

гамида, что целых четыре раза мы ходили в его дом «молвить слово». Когда Абди пришла ко мне во второй раз, я ей сказал: «Стоит ли еще раз позориться, ай Абида? Не любит дочь Абдулгамида вашего Наримана. А что, в Зогаллы девушек мало, что ли? Пусть выберет другую».

– Ай, Кара дайы, – сказала мне Абида, вытирая слезы, – не хочет он ни на кого даже смотреть. Или она, говорит, или никто. Может, на этот раз согласится, я жену Абдулгамида предупредила.

С другой стороны, и мне стало интересно. Как ни крути, меня вилами со двора выставили на улицу, как собаку из мечети, даже в дом не пустили. Обычай обычаем, но и меру надо знать. Я же не какой-нибудь колхозный скотник, а ветеран войны, бывший командир разведывательного взвода. Одним словом, взыграла и моя гордость. Твою мать, подумал я, Абдулгамид, ты решил меня вилами пугать, да? Я на брюхе ползал по минным полям Европы, защищая тебя, а ты мне вилы выставляешь? Короче, согласился я второй раз пойти в дом Абдульгамида «молвить слово».

На этот раз пустили нас в дом, но даже за стол не пригласили для приличия. Дочь спряталась в другой комнате, жена с Абдулгамидом стояли молча и на нас смотрели. Расплакалась мать Наримана, рассказала, как ее сын любит их дочь. А им хоть бы что, стояли молча и смотрели; так пленные немцы в войну обычно ждали прихода переводчика.

Короче, и во второй раз у нас ничего не получилось. При выходе с абдулгамидовского двора я дал себе слово, что буду ходить в этот дом столько, сколько понадобится, пока не получу «добро». Только с четвертого раза дали согласие. Оказывается, их дочь, вертихвостка настоящая, тоже любила в глубине души Наримана, но признаваться стеснялась, потому как Нариман был небольшого роста, а она, якобы, намного выше него.

Но до этого я поймал Абдулгамида на улице и отвел в сторону.

– В меня прямой наводкой целились немецкие танки и пушки, – сказал я ему, – и я не боялся. – А ты что, хотел испугать меня ржавыми вилами?

Растерялся, он, конечно, начал заикаться:

– Вы тоже, Кара дайы, хороши, – сказал он, – пришли без предупреждения. А как я должен был поступить? Вы сами учите людей, что надо соблюдать обычаи, а сами же нарушаете.

Одним словом, был длинный разговор. Упираясь Абдулгамид:

– Если дочь не согласится, вы уж меня извините, Кара дайы, я насильно не отдам ее, – все твердил.

– А ты поговори с ней, – настаивал я, – тогда она согласится.

– Не знаю, не знаю, – покачивая головой, ушел он.

Видимо, поговорил, раз позже дали согласие. Послушал меня.

– Так что, бывали и такие моменты, не все было гладко. А ты как думал? – и Кара лайы посмотрел на меня, словно давая понять, что не пустяковое это дело: быть сватом. – «Молвить слово» – это ответственный момент. Это же не барашка продавать, мол, выбирай, какого хочешь. Тут решается будущее молодых людей, тут нельзя ошибиться. Дали добро – значит все, дальше нельзя отступать от данного слова. Все! Эта девушка принадлежит этому парню! Вопрос решен, а как же иначе?

После получения согласия Абдулгамид и его жены, мы поставили на стол принесенные сладости и подарили калагайы невесте. И только после этого согласились пить чай, предложенный принимающей стороной.

– Да, – согласился я с Кара дайы, – раньше было интереснее. А сейчас все насколько упрощено, что как-то не очень даже.

– А что ты хотел, времена-то меняются, – соглашается со мной Кара дайы, и в его голосе я чувствую какую-то горечь, – сейчас везде дома торжеств, рестораны. Посадили жениха

с невестой во главе стола, погуляли три-четыре часа – и до свидания. Большинство народа на свадьбу приходит не радоваться, а как бы отмечаться. Короче, сейчас не отличишь наши свадьбы от мугальских. Все смешалось. Скоро у зогаллинцев ничего своего не останется!

– Чего именно не останется, Кара дайы? – хочу уточнить я.

– Ничего! Все будет мугальское! Запомни мои слова. На моем веку, может, еще что-то и останется, а дальше все будет мугальское!

– А что, Кара дайы, – спрашиваю я у него, – неужели все так плохо у мугалов?

Смотрит он на меня неодобрительно. Но неожиданно отвечает проснувшийся дядя Идрис:

– Ты его не слушай, сынок. Зациклился он на мугалах, отойти не может. У мугалов, Кара, к твоему сведению, сейчас в каждом дворе вода, в каждом доме газ. А ты как топил дровами, так и до смерти будешь топить.

– И буду топить! – бьет кулаком по столу Кара дайы. Он уже сильно пьян, нос светится, как фонарь. – Вот почему я нашим парням не советую жениться на мугалках? Женитесь на ком угодно, где угодно, говорю я им, только не на мугалках!

– И почему? – спрашиваю я, заметив, что и дядя Идрис тоже ждет ответа.

– Вот послушай, Идрис. Попрошу я своего шалопаю, – показывает Кара дайы на меня, – пороется он в книгах, и найдет, откуда произошли русские, монголы, китайцы. На большее он все равно не способен, – опять меня поддевает, но я молчу. – Откуда зогаллинцы произошли, мы с тобой и без книг знаем. Но про мугалов ничего не известно, и ни один ученый не может объяснить, откуда взялся такой скользкий народ. Может, я не прав, а, Идрис?

– Да, у них непонятный зат, – нехотя соглашается дядя Идрис, плывя на своей волне. Мне иной раз кажется, что кроме зата он больше ничего и не знает на этом свете.

Оба, как по команде, умолкают. А я смотрю на них обоих и начинаю удивляться: с самого утра сидят вместе и еще не поругались. «Тьфу, тьфу – говорю про себя в сердцах, – чтоб не сглазить».

– Кстати, а почему ты так быстро приехал? Ты же недавно уехал, после Нового Года? – спрашивает у меня Кара дайы.

Я начинаю думать, чем, интересно, ему не угодил мой нынешний приезд?

– Сон я видел непонятный. Я же вам звонил. И перерыв у меня на работе. Вот взял и приехал. А что, нельзя было?

– Да хоть раз в месяц приезжай, мне-то что? – смеется Кара дайы. – Не за мои деньги катаешься. Раз уж был перерыв на работе, взялся бы за книгу.

– Сон был слишком странный, Кара дайы. Все равно не смог бы спокойно писать. А вот приехал, увидел всех, с вами повидался, с дядей Идрисом. Слава Аллаху, все живы и здоровы. Теперь приеду и сразу возьмусь.

– Он возьмется! – повторяет мои слова Кара дайы. – Который год уже берешься?

– Я же говорю вам, сон был плохой, не смог бы я писать, – оправдываюсь я.

– И что тебе снилось? – наконец-то интересуется Кара дайы.

– Ерунда какая-то. Как будто всей деревней меня куда-то провожают. Так и не понял, куда.

– И много было народу? – уточняет Кара дайы.

– Почти вся деревня, – отвечаю я. – И во главе с Абид муаллимом.

– Да, – задумывается Кара дайы, – не очень приятный сон, скажу тебе. Тебя загоняют в безвыходное положение. В угол тебя загоняют.

– Ты что ребенка пугаешь? – не выдерживает дядя Идрис. – Тоже мне, гадалка.

– Никого я не пугаю, – отвечает ему Кара дайы и снова поворачивается ко мне. – Но ты выкрутишься, не бойся. Если я в

своем положении выкрутился и ушел от Мисри меча⁷⁴ самого Кёроглу, то ты тем более выкрутишься.

Я смеюсь и думаю: «Что нового он, интересно, придумал?».

– И как же вы выкрутились? – спрашиваю.

– Я тебе не рассказывал?

– Нет, – отвечаю.

– Ну да, это же давняя история. Кроме Идриса и нашей жены никто не знает ее. Но тебе я расскажу, ты меня поймешь, парень ты грамотный.

«А ведь только что был шалопаем», – мысленно отмечаю я.

– Расскажи, расскажи, все равно сидим, – настаивает и дядя Идрис. – Я в принципе знаю, но послушаю еще раз.

– Тогда наливайте и слушайте, – командует Кара дайы.

Возвращение Кёроглу,
или
Сказ о том, как Кара дайы
во сне виделся с самим Кёроглу

Этот странный и удивительный сон приснился мне более сорока лет назад, в ночь, когда я вернулся со свадьбы из древнего города Шеки, где познакомился с лучшим зурначи нашего округа уста Алафсаром, – как всегда по-философски начинает свой рассказ Кара дайы. – Приехал я на ту свадьбу с самого утра, чтобы быстро поздравить хозяев и последним автобусом вернуться обратно в Зогаллы к обеду. Поскольку после обеда из Шеки транспорта в нашу сторону нет.

Когда я заходил во двор, уста Алафсар играл «Сагарляр» («Утра»). Услышав эту удивительно волнующую мелодию в его исполнении, я застыл на месте. «Сагарляр» – это не рядовая песня, не простая мелодия, это гимн начинающемуся дню, ода рассвету. И эта чарующая, прелестная мелодия доставила мне с утра такое наслаждение, будто кто-то сидел у меня внутри и ласкал мое сердце. Что может быть лучше этого? Как малгам⁷⁵ успокаивает незажившую рану, так и эта упоительная мелодия

доставила моей душе приятные мгновения. Я радовался, что очередной день моей жизни начался с этой мелодии.

И я напрямик направился к музыкантам, к уста Алафсару, чтобы поздороваться с ним и заодно познакомиться. До этого я его лично не знал, только слышал от людей и по радио. А тут, совершенно неожиданно, такое счастье свалилось на меня. Я-то ведь давно хотел познакомиться с ним, мечтал пригласить его в Зогаллы.

А он, закрыв глаза, играл. Пока я шел к нему, он сменил мелодию на «Цветок айвы». Я встал метрах в двадцати от уста Алафсара, потому что зурну надо слушать чуть-чуть на расстоянии. Сейчас уже и не помню, сколько я так простоял и сколько мелодий выслушал, очарованный его исполнением. А уста Алафсар все играл. Я следил за его пальцами, которые, виртуозно двигаясь по зурне, рождали на моих глазах новую музыку. Зурна в руках уста Алафсара рыдала! Она то возбуждала меня, то успокаивала, – прослезился Кара дайы.

Я тупо смотрю на Кара дайы и молча его слушаю. Ему это не нравится:

– Ты сейчас хоть представляешь, как уста Алафсар играл на зурне? – смотрит на меня.

– Представляю, – отвечаю я.

– Зурна мертвого поднимет, а каково было мне, живому, с моей любовью к ней? Тебе этого не понять, – машет рукой Кара дайы и продолжает:

– Когда уста Алафсар наконец-то остановился и открыл глаза, я, выждав момент, подошел к нему. Он долго смотрел на меня, потом на свою зурну, потом опять на меня и сказал: «Вы, аксакал, извините меня, я думал, темнее моей зурны на свете ничего и никого нет. А вы, оказывается, еще темнее». Так он пошутил. Все вокруг засмеялись, и я тоже.

– В нашей жизни все, что имеет долгую и основательную выдержку и проверено временем, – ответил я ему содержательно, – всегда темного цвета.

– А вы, оказывается, глубокий человек, – удивился уста Алафсар. – Откуда будете?

– Был бы неглубоким, не стоял бы здесь, – ответил я ему, – а лежал бы в лучшем случае в могиле неизвестного солдата, как лежат миллионы моих сверстников, невинно погибших на войне. – Это я добавил специально, чтобы обозначить себя. Я всегда так отвечаю, когда чувствую, что меня недооценивают. А то ведь многие незнакомые меня всерьез не воспринимают в первый раз, судят по моей черной внешности.

– Так вы у нас еще и ветеран, оказывается? – удивился уста Алафсар. – И долго воевали? – видно, ему все-таки стало интересно. А ответ на такие вопросы у меня уже выработан годами:

– Десять лет – мало это или много? – спросил я у него.

– Десять лет – это жизнь целого героя, – ответил он.

– Вот именно, – согласился я, – сперва с финнами разбирался, потом фашистов гнал до Германии.

– Что, аксакал, небось, и Берлин брали? – я чувствовал, что он все-таки не до конца поверил моим словам, потому и спросил так.

– Берлин брали без меня, – твердо ответил я, – а вот Дрезден я брал.

Одним словом, когда он наконец-то убедился, что перед ним не какой-нибудь писарь из штаба тылового обеспечения, а целый сержант боевого разведывательного взвода, то, конечно, изменился. По глазам я понял, что глубоко зауважал меня уста Алафсар. Похлопал он меня по плечу и спросил:

– Как вас зовут? Что ваша душа желает, аксакал? Может, танцевать желаете? Для такого ветерана любую мелодию сыграю.

Я поблагодарил его и ответил:

– Имя ветерана у него на лице написано – зовут Кара. И этот ветеран имеет привычку танцевать только после того, как угостится за свадебным столом. К сожалению, пока никто

меня туда не приглашает, – так я пошутил и заодно намекнул стоящим рядом, что совесть надо иметь, пора кормить меня. Все-таки я с дороги.

Тут хозяева свадьбы закопошились, быстро отвели меня за стол. Водка, скажу честно, хотя была и магазинная, но хорошая, дорогая. Видно, русская водка была. Не та, которую наши мугалы покупают на свои свадьбы, – дешевая и неизвестно чьего производства, после нее потом три дня, как чумной, ходишь. Одним словом, я плотно поел, хорошо выпил, что положено в таких случаях в виде подарка положил в конверт и бросил в ящик. У нас на свадьбах, сам знаешь, сидит писарь и записывает, кто сколько подарит денег. А у них не так было – на выходе стоял ящик, как на избирательном участке, и все гости бросали туда свои подарки в подписанных конвертах.

А потом я вернулся к музыкантам. Свадьба уже в разгаре была. Заметив меня, уста Алафсар дал знать, чтобы я заказал, что душа желает. А что моя душа желает? Подошел я к столу музыкантов, положил на стол красный червонец и попросил:

– Если можно, «Возвращение Кёроглу» буду танцевать.

– Вам все можно, – ответил уста Алафсар, и зарядил черную зурну.

В Зогаллы, если ты заметил, я всегда хожу в галошах, ногам моим стариковским так легче. Их легко снимать и легко надевать. А когда в город езжу, я обуваюсь в туфли. Туфли, которые ношу сейчас, я купил лет десять назад в Евлахе. На вид они никакие, но, как ни странно, не изнашиваются. И тогда я тоже был в туфлях, только не помню, в каких. Но в туфлях мне тяжело танцевать. Танец под мелодии зурны требует от танцора легкости. И я, недолго думая, на глазах у изумленных шекинцев не спеша расшнуровал туфли, аккуратно положил их под стол музыкантов, чтоб дети в шутку не утащили, и в новых безразмерных носках вышел в круг.

Это надо было видеть. Уста Алафсар, который всегда играл на зурне с закрытыми глазами, и тот открыл их, чтоб наблюдать за моим танцем. Я, конечно, старался. И старался так, что

сразу после танца меня опять пригласили за стол, хотя я собирался уходить. Одним словом, на той свадьбе я шесть раз станцевал «Возвращение Кёроглу». После последнего танца уста Алафсар не выдержал и громко объявил:

– Сейчас я поверил, аксакал, что вы настоящий сержант. Советская армия потому и победила немцев, что имела в своих рядах таких бойцов, как вы!

– И финнов тоже! – поправил я его и простился со всеми.

И только поздно вечером, какой-то попутной машиной, а машины тогда были большой редкостью, я добрался в Зогаллы. Видимо, я был насколько под впечатлением свадьбы, что мне и приснился вот какой сон.

Вижу, что я в наши дни пасу в горах Чанлыбеля большое стадо овец. Сперва удивляюсь, почему я в горах, почему вдруг стал чабаном? Я же никогда это дело не любил. А тут в руках у меня здоровенный чабанский посох, рядом собаки-гурдбасары⁷⁶. Ничего не пойму. И якобы кто-то мне говорит: мол, ничего удивительного не произошло, Кара, все твои прадеды были чабанами, потому ваш род называется и «посохом». Так что не удивляйся, а следи лучше за стадом.

С другой стороны, я радуюсь, что нахожусь в Чанлыбеле, где каждый камень напоминает о славных походах великого Кёроглу, моего любимого героя.

Одним словом, я отпустил стадо пастись на склоне, а сам прислонился к одному такому камню и вроде бы заснул. Заснул, потому что был уставшим, а собаки у меня такие, что ни один волк не подступит к моим овцам и баранам, поэтому я был спокоен за стадо.

Это все сон во сне; не знаю, сколько спал, только вижу, что одна из моих собак стоит над моей головой с бутылкой вроде из-под шампанского в пасти. И будто я спрашиваю у собаки:

– Что за бутылку ты мне принес, Утюг? – так песика моего звать. И что интересно, все мои собаки-гурдбасары, – здоровые, с большими головами, с плоскими и широкими лбами. А Утюг тоже вроде гурдбасар, но своей продолговатой мордоч-

кой и острым носом утюг напоминает. Поэтому я его Утюгом зову. Так вот, этот Утюг мне человеческим голосом отвечает:

– Наверху нашел, возле источника, внутри джинн сидит, не вздумай выпускать его, – предупреждает меня собака и добавляет, – исполнит он все твои желания.

– Серьезно? – спрашиваю я Утюга, потому что первый раз в жизни вижу джинна.

– Серьезно, – отвечает, – ты загляни в бутылку.

Я еще сонный, но смотрю внимательно и вижу: на дне бутылки сидит джинн с длинными ушами и с хвостиком. Твою мать, думаю, что за наваждение? А Утюг опять предупреждает меня:

– Не вздумай выпускать его! Исполнит он все твои желания.

Постепенно я прихожу в себя. Посох свой чабанский подтянул поближе, Утюгу тоже дал понять, чтобы далеко не уходил. Поскольку сразу видно, что этот джинн очень шустрый малый. Все бьется об стенки бутылки и просит меня:

– Чабан гардаш⁷⁷, отпусти меня, дома дети ждут, жена ждет, сто лет назад один бессовестный закупорил меня в эту бутылку, так я целый век не виделся с ними. Наверное, сильно соскучились, я сам тоже соскучился. Отпусти меня домой.

– Не вздумай! – опять предупреждает Утюг.

– Да успокойся. Никто его не выпускает, – отвечаю я Утюгу и спрашиваю у джинна:

– Как тебя зовут-то?

– Джинн я, джинн. Так меня и зовут. Отпусти меня домой, чабан гардаш. Сто лет дома не был, – опять ноет он.

Я уже пришел в себя, меня жалостью не возьмешь:

– Ну и что? – говорю я ему. – Меня тоже десять лет дома не было. Пока фашистов не победил, не отпустили домой. Так что сиди пока. Сделаешь свое дело, отпущу домой. Не сделаешь, будешь еще сто лет сидеть в бутылке.

Мой ответ Утюгу понравился, и он довольно заскулил. А я продолжаю допрос, только протокола не хватает:

– Откуда будешь? – а Утюг на меня так смотрит, мол, чего ты тянешь, оно тебе надо?

А мне все интересно, потому и спрашиваю. Первый раз пленного джинна вижу. Десять лет войны прошел, подобного не видел. Пленных немцев видел, румынов видел, финнов видел. А джинна не видел.

А Утюг жалостно смотрит на меня, просит, чтобы я не тянул:

– Достань его, возьми за ухо, прикажи что-нибудь мясного, костей побольше попроси! Сутки ничего не ели, все собаки голодные. Тебе что, лежишь и спишь, а нам стадо охранять. На голодный желудок твои собаки на волка не пойдут, – предупреждает меня Утюг.

Только тут я понял, что спал, оказывается, долго, целые сутки. И собаки проголодались.

Джинн все бьется об стенки бутылки, но мне отвечает:

– Я нездешний, я издалека, с той стороны горы. Выпусти меня, чабан гардаш, очень тебя прошу, в бутылке дышать нечем. Если не выпустишь, задохнусь и помру. Тут хуже, чем в газовой камере Аушвица.

«Ну и денек, – думаю, – джинн, а про Аушвиц знает, что за наваждение такое?».

– Будешь шуметь, еще хуже будет, сиди спокойно, сейчас что-нибудь придумаем, – говорю ему.

– Хорошо, хорошо, – отвечает джинн.

А Утюг не отстаёт:

– Не вздумай! Выполнит он все твои приказы. Достань его из бутылки, возьми за ухо, проколи булавкой его ножку. И все, никуда он не сбежит. А потом что хочешь, то и прикажи. Но сперва, если можно, еду для собак.

Тут меня, конечно, задевают слова Утюга:

– Только о себе и думаете! – выражаю я свое недовольство, – или думаете, только вы голодные? Я тоже, между прочим, сутки ничего не ел!

– Себе тоже прикажи доставить еду, кто тебе мешает, – виновато отвечает Утюг, – только не забудь булавкой ему проколоть ножку. А то сбежит.

Короче, я так и сделал – вынул пробку, за уши достал джинна и моментально проколол булавкой его ножку. Когда проколол, он так закричал, бедный:

– Больно же, чабан гардаш, больно!

– Терпи, – ответил я ему, – исполнишь мои приказы, – переночуешь дома. Не исполнишь – загоню обратно в бутылку вместе с булавкой!

– Только не приказы, чабан гардаш, – поправил джинн меня. – Мы исполняем только желания.

Тут лопнуло терпение Утюга:

– Какая разница, желания или приказы? Попроси у него кушать что-нибудь, а то сдохнем с голоду. А потом уже, сколько хочешь, приказывай – он все выполнит! Ты не слушай его.

– Так не получится, – опять подправляет джинн, – больше трех желаний я не могу исполнить.

– А это еще почему?! – заорал уже я.

– Так у нас положено, – спокойно отвечает джинн. – Больше не получается. У нас, у джиннов, так заведено. Или я исполняю всего три желания, или помру у вас на руках! Решайте.

Утюг сразу:

– Начни с еды, дальше видно будет.

То, что потом случилось, я и сегодня не могу объяснить. В голове у меня вдруг все перевернулось и даже не знаю, откуда такое пришло в мою дурную голову. Я загорелся бредовой идеей: а что, если попросить джинна организовать мне встречу с Кёроглу? Он же все может. Тем более я сейчас в Чанлыбеле.

Вот такое у меня появилось желание – увидеться с Кёроглу и все! Хоть убейте! И, не обращая внимания на просьбы Утюга, я скомандовал:

– Хочу увидеть самого Кёроглу! Хочу, чтобы он на своем Гырате⁷⁸ вот так мимо меня проскакал! – показал рукой. – Вот это мое первое желание!

– Почему именно Кёроглу? – спросил еще у меня джинн.
– Их же, этих его героев, там много. Семь тысяч семьсот семьдесят семь. Давай кого-нибудь другого. Кёроглу как-никак старший у них. Может, не стоит его беспокоить?

– Сказано, Кёроглу, значит Кёроглу, – я был неумолим, – давай выполняй!

– Мое дело было предупредить тебя, чабан гардаш, – ответил джинн, – что ж, готовься.

Не прошло и секунды, как я услышал топот конских копыт и из-за горы появился сам Кёроглу. На большой скорости ураганом пронесся он метрах в двадцати от нас на Гырате! Все это произошло так неожиданно и быстро, что я не смог даже нормально разглядеть его. Что интересно, проходя мимо нас, Кёроглу пригрозил мне:

– Кара, не балуйся, получишь!

Я застыл. Утюг от страха спрятался черт знает где, и тогда я понял, что никакой он не гурдбасар, а настоящая дворняга. Только джинн невозмутимо сказал мне:

– Я тебя, чабан гардаш, предупреждал.

Но было поздно, я собой уже не управлял:

– Слушай мое следующее желание, – приказал я джинну.
– Давай его второй раз, только чуть помедленнее и веди его поближе, чтобы он проходил не далее пяти метров от меня! А то я его совсем не разглядел.

Бедный джинн только хотел открыть рот и что-то сказать, я перебил его:

– Исполни!

На этот раз Кёроглу появился с другой стороны горы. Величественный, на коне-красавце Гырате, в правой руке он держал Мисри меч и легкой рысью двигался в нашу сторону.

«Неужели это он сам?», – еще подумал я грешным делом.

На этот раз он прошел в пяти метрах. Дойдя до меня, он чуть притормозил, крикнул своим знаменитым криком и еще и Мисри мечом помахал в мою сторону:

– Кара, твою мать! – в горах эхом пронесся его крик. – Других делибашей не знаешь, что ли?! Что я тебе плохого сделал, Кара? Попадешь в мои руки, голову отрублю!

И исчез. Оглянулся я, никого вокруг нет.

«Ай Аллах, – подумал я, – что это со мной происходит? В руках держу джинна, который готов исполнить любое мое желание. Зачем я беспокою народного героя? Может, попросить у джинна сто листов шифера, а то крыша скотного сарая нукуда не годится. Когда дождь идет, вода просачивается повсюду. А может, все-таки попросить еду для собак?».

Оглядываюсь, а Утюга нигде не видно. Все живое прячется, увидев издали Кёроглу. Только я один, как дурак, сижу и издеваюсь над героем.

В общем, я все еще держу за уши этого самого джинна и спрашиваю у него:

– А могу я с Кёроглу поздороваться?

Джинн серьезно отвечает:

– Не советую. Голову он тебе отрубит. Не будет Кёроглу с тобой церемониться. Одним ударом отправит тебя на небеса.

– Но я хочу с ним за руку поздороваться, – продолжаю твердить.

– Имей в виду, чабан гардаш, это последнее желание. Как только я исполняю его, сразу исчезаю. Так что подумай. Может, лучше все-таки халвой семечковой возьмешь? Ты же халву любишь. Могу сделать сколько угодно. Зачем старика беспокоить, пусть отдыхает себе.

– Будешь много говорить, загоню в бутылку, – пригрозил я, на что тот сразу:

– Только не в бутылку! Я же для тебя стараюсь. Отрубит тебе голову Кёроглу, вот посмотришь. Не успеешь даже пикнуть. Как скажешь.

– Погибнуть, так от рук Кёроглу, – отвечаю я. – Тем более я свое, считай, прожил. Пусть я стану шехидом⁷⁹ на этой священной горе Чанлыбель. Веди его, хочу с ним поздороваться.

А что джинну оставалось делать? Не выполнит мое желание, заgonю обратно в бутылку, и будет сидеть еще сто лет. А туда он не хотел. Кто захочет сидеть в бутылке сто лет? Его маленькие глазки горели в ожидании предстоящей свободы, как новогодние свечи в темноте. Но прежде чем он исполнил мое последнее желание, успел-таки меня предупредить:

– Будь осторожнее, чабан гардаш, – сказал он и растворился.

Когда Кёроглу появился в третий раз, я сразу понял, что добром это для меня не закончится. Он спокойным аллюром двигался на меня и смотрел с такой злостью и решительностью, что стало ясно: ног мне не унести. Я хотел убежать и, как Утюг, спрятаться за каким-нибудь камнем. Только куда убежишь от его рук? Еще не родился на свете человек, которому когда-то удалось уйти от возмездия великого Кёроглу. Я сидел на камне и как загипнотизированный ждал своей смерти. При этом успел даже себя пожурить:

– Тебе и этого мало, Кара, – сейчас получишь.

Кёроглу медленно двигался на меня и перед неминуемой смертью я наконец-то разглядел его: такого большого человека я в жизни не видел. Как бедный Гырат мог носить такого громилу? С другой стороны, если он за раз ел по полтуши семи баранов, плов из семи батманов риса и хлеб из семи батманов муки – то только таким он и мог быть. Закрученные усы его уходили за уши, наверно, они были узлом завязаны на затылке.

Когда до меня оставалось метров двадцать, или, может, чуть больше, Кёроглы как закричал:

– Сейчас я с тобой поздороваюсь, Кара, готовься! Как поздороваюсь!

«Чтоб меня молния сразила – подумал я, – зачем я это сделал?! Зачем я трогал его?».

Еще одно мгновение – и он оказался возле меня.

– Ну, здравствуй, Кара, ты ведь хотел со мной поздороваться, да? Давай поздороваемся. Ха-ха-ха! – смеясь и играючи

Мисри мечом, он изо всей силы хотел рубануть мне по шее. Как мне удалось убрать голову, уже не помню. Реакция-то еще с войны у меня отменная, как бы не похвастаться. Одним словом, убрал я голову и, видно, в этот момент от испуга проснулся и закричал. Провел рукой по горлу, чтобы проверить, на месте ли голова. Она была на месте, но пальцами я почувствовал, что по шее течет что-то теплое и липкое. Судорожно дернулся я в постели и резко вскочил. В темноте понюхал руку – это была кровь, ее запах я мог определить среди сотен запахов, столько в войну я нанюхался ее.

Провел второй раз рукой по горлу – из шеи все еще текла кровь. Когда включил свет и встал перед зеркалом, то глазам своим не поверил – видимо, все-таки задел меня Кёроглу острым клинком своего меча, и Мисри меч скользящим движением оставил на моей шее резаную рану длиной более десяти сантиметров. Хорошо еще, что не были задеты крупные сосуды, в первую очередь, сонная артерия. Хотя кровь продолжала течь.

Еще с армии я помнил, как надо останавливать кровь при резаных ранах. Бинта, естественно, под рукой не было, но рядом с кроватью на стульчике висел платок нашей жены. Так я быстро схватил его, обмотал вокруг шеи и крепко держал. Что интересно, наша жена проснулась только после этого, посмотрела на меня, полусонная, и не могла понять ничего. А потом, узнав свой платок на моей шее, спросила:

– Вешаться собрался, что ли, старый дурак, посреди ночи? – и хотела перевернуться на другой бок дальше спать. А в постели уже лужа крови. Увидев кровь, наша жена выскочила из постели так, как новобранец после команды «Подъем!»

– Может, ваша жена во сне поцарапала вас, Кара дайы? – не выдержал я. Потому что верить очередной его сказке уже не было сил.

– Чем поцарапала, ногтями? – посмотрел на меня Кара дайы недоверчиво. – Ты видел ее руки? Ты что, с Луны сва-

лился? Будто не в Зогаллы вырос. Какие могут быть ногти у женщины, которая всю жизнь работает с табаком? О чем ты говоришь? Это был Кёроглу, это он хотел отрубить мне голову. Вовремя я ее убрал.

Мне ничего не оставалось, как одобрительно кивнуть. А он продолжил:

– Правда, что интересно, зажила рана быстро. Через три дня снял платок, и еще через неделю, считай, рана высохла. Только шрам остался толщиной в палец, и длиной тоже не меньше.

В подтверждение сказанному Кара дайы расстегнул верхние пуговицы рубашки, откинул воротник и показал мне шею. Действительно, на шее у Кара дайы слева я увидел толстую линию длиной около десяти сантиметров. Худое, черное, мужественное лицо Кара дайы на фоне этого шрама смотрелось еще красивее.

– Кроме нашей жены и Идриса никто не знает эту историю, – подытожил Кара дайы. – Но наша жена не верит мне. Неделю потом бурчала из-за запачканного кровью платка и постели. В конце я не выдержал и сказал ей:

– Ты радуйся, старая, что я еще остался жив! Бурчишь, бурчишь, повторяешься, как заевшая пластинка! А если бы он отрубил голову мне, было бы лучше, да?

– Меньше, – ответила она мне, – надо было пить! Если еще раз придешь в таком виде домой, я сама буду держать твою голову, чтоб он больше не промахнулся.

Вот так я свиделся с Кёроглу. Уже потом, через месяц, я понял свою ошибку. Не надо было его трогать. Вызвал один раз, и хватило бы. А я три раза вызывал! И разозлил его. Конечно, будет злиться человек. Иной раз бывает, разбудишь кого-нибудь ночью, пусть даже по делу, так он все равно от недовольства готов тебя сожрать. А тут такого героя беспокоить, вызывать три раза с того света, и не одного, а с Гыратом. Это не в нарды играть на улице, скажу я вам. Мне еще повезло. Будь он поточнее, утром нашли бы меня с отрубленной головой.

– А на кого подумали бы, Кара дайы? – спрашиваю я и смеюсь, и даже ответ знаю.

Задумывается тут Кара дайы.

– На нашу жену вряд ли. Она еле ходит, отрубить человеку голову – это не курицу зарезать. На нее не подумали бы. Списали бы на мугалов, наверное, среди них много тех, которые меня не любят за мое отношение к ним.

– Опять мугалы? – продолжаю смеяться я.

– Видишь, – смеется и Кара дайы, – вовремя убрал голову и не только себя спас, но мугалов тоже.

– Если честно, Кара дайы, как-то не очень верится, – говорю я ему.

– Конечно, не верится, – сразу реагирует он, – куда там Кара дайы до Кёроглу, так думаешь, да? Первое время я и сам не верил. Но факты имеются, – показывает он на горло. – После того случая я чувствую себя виноватым перед ним. Зачем надо было мне беспокоить его? Как подумаю, что он меня все равно достанет и рано или поздно отрубит голову – так жутко становится. Я же его знаю, он это дело так не оставит. Он меня и после смерти достанет. Наверно, потому я так долго и живу, что боюсь умереть. Не знаю. Смерти не боюсь, нет, смерть от Аллаха. Но как подумаю, что после смерти он найдет меня на том свете и перед строем Мисри мечом отсечет мою дурную башку...

Сколько раз после того случая я на ночь молился и просил Аллаха, чтоб еще раз увидеться с ним во сне – все впустую. Хочу извиниться, может, простит меня. Подойду, стану на колени и буду просить прощения.

– Это что-то новое, Кара дайы, – смеюсь я, – чтоб человеку снилось продолжение сна? Я такого не слышал.

– Вот ты смеешься, а я верю, что обязательно увижусь с ним еще раз до моей смерти. Был момент, когда я мог увидеть его второй раз, все совпадало. Но не повезло.

– Когда? – ничего не понимаю я.

– Как-то, буквально через год после того сна, меня опять пригласили на свадьбу в Шеки. По дороге я так радовался –

почему-то решил, что Аллах сегодня даст мне еще один шанс увидеться с Кёроглу. Один к одному повторил ту свадьбу – выпил магазинную водку, танцевал вдоволь «Возвращение Кёроглу». Думал, приеду домой, засну и, даст Аллах, увижусь с ним. Куда там! Со мной еще покойный Алескер был, молодой тогда. Я тебе рассказывал, по-моему, как на той свадьбе один шекинский бинамус⁸⁰-задолуб приставал к нашему Алескеру. Рассказывал? – спрашивает у меня.

– Что-то не помню, – отвечаю я в надежде на более подробный рассказ, хотя эту историю в Зогаллы знают все.

– Алескер покойный был здоровым парнем. Пока я танцевал, стал, значит, этот задолуб приставать к нему. Алескер – наивный, деревенский парень, в первое время не понимал, что тот хочет от него. А тот, оказывается, возьми да и пригласи подвыпившего Алескера к себе домой – он жил по соседству. И когда он там дома у себя стал, извини меня, лапать Алескера, тот одним ударом разбил ему череп. На крик собрались соседи и вызвали милицию. Короче, всю ночь тогда мы с Алескером просидели в шекинской милиции. Пока все написали, объяснили – уже было утро. Хорошо хоть с Алескером был я. А то парнем он был очень темным, читать-писать не умел. В детстве у него был такой лоб, что даже Гоги муаллим, увидев его в первый раз в школе, оказывается, не выдержал и сказал:

– Он будет либо самым умным, либо самым глупым.

Слова Гоги муаллима позже оправдались. Но, к большому сожалению, сбился второй вариант его предсказания. Всего три года Алескер ходил в зогаллинскую школу и бросил ее, объясняя тем, что не хочет учиться на грузинском. Хотя, по словам одноклассников, в классе Алескер был чемпионом среди тупиц. Когда он отвечал у доски, простые тупицы якобы чувствовали себя отличниками. Бросил он школу и всю жинь пас коров в колхозе. А здоровый был такой, что одним ударом мог быка завалить. Кулаки у него размером с речные камни средней величины – такие же темные и твердые. Вот такой был Алескер: добрый, наивный, но уж больно здоровый.

А я все тогда объяснил в милиции.

– Этому педерасту не череп надо было разбивать, а член отрезать, – сказал я тогда начальнику милицию на русском. Смеялся начальник, хороший был мужик.

– Вы, аксакал, правду говорите, вы мне понравились, – сказал он тогда. – Любой на месте вашего земляка так поступил бы. Но вы поймите правильно, и ему объясните, что по закону не положено вершить самосуд. Он должен был сообщить сразу нам, в милицию. Он не должен был бить его.

– И что вы предлагаете, товарищ подполковник, – не выдержал я. – Мой земляк сперва должен был подставлять свою задницу этому задолбю, чтобы только потом вы ему поверили, да? Удовлетворить, извините меня, животную похоть этого негодяя, чего, между прочим, тот и хотел, и только потом взять его за член и позвонить вам? Вы нас извините, товарищ подполковник, не знаю уж, как шекинцы, но зогаллинцы такого не могут себе позволить!

Одним словом, поездка в Шеки обошлась тогда Алескеру в три желтых мешка фундука. Правда, начальник шекинской милиции хотел пять мешков, но я не согласился, выставил хорошую защиту и сразу дал понять, кто я есть. Спасибо ему и на этом, а то Алескер, оказывается, одним ударом превратил лицо этого негодяя в хашил⁸¹. А когда мы уходили, начальник при всех громко сказал:

– Можете спокойно ехать домой! Как выздоровеет, – указал он в сторону камеры, где временно сидел задолбю, – брошу нечестивца в кошару⁸² с такими же, как он сам. Будет знать, что значит приставать к приглашенным из Зогаллы гостям.

Хороший был начальник. А Алескер всю дорогу плевался:

– Где увижу шекинца, голову буду разбивать, – грозился.

Я его, как мог, успокоил и объяснил, что нельзя так думать обо всех шекинцах:

– Не стоит жечь ковер из-за одной блохи, – объяснил я ему.

Ведь мог я в ту ночь увидеться с Кёроглу, но не получилось. В жизни всегда так, между прочим. Как только намереваешься

сделать что-то нужное, необходимое, так какой-нибудь задолго обязательно помешает. Так и живешь: с одной стороны – твои благие намерения, с другой стороны – пакостные замыслы задолголюб. Ох, как сейчас много стало этого племени, чтоб ты знал.

– Какого племени? – неожиданно спросил проснувшийся дядя Идрис. – Ты опять про мугалов?

– Причем тут мугалы?! – заорал Кара дайы. – Ты или спи, или слушай и не мешай.

– Так, а что ты рассказываешь? – не отставал дядя Идрис.

– Я сон рассказал, как Кёроглу чуть было мне голову не отрубил.

– Так и сказал бы, а то орешь. То, что человек видит во сне, скажу я вам, в жизни потом происходит наоборот. Я уж точно знаю, – начал умничать дядя Идрис. На лице Кара дайы проявилось явное недовольство.

– Это как? – спросил он.

– А вот так. Как-то во сне за мной всю ночь гнался наш колхозный бык, которого на цепи на ферме держали, помнишь?

– Ну? При чем тут колхозный бык и Кёроглу? – Кара дайы злился еще больше. Я чувствовал, что скоро наступит развязка.

– А притом, – спокойно продолжил дядя Идрис, – всю ночь гнался бык за мной. Под утро чуть было не догнал меня. Хорошо хоть, я от испуга проснулся.

Кара дайы ничего не понимал. Я тоже, между прочим.

– И что? – он уже в ярости.

– И ничего. Через три недели председатель колхоза разбился на машине, – спокойно завершил дядя Идрис.

Все, чувствую, Кара дайы закипел:

– Ты в своем уме? – заорал он. – Кому ты лапшу на уши вешаешь? При чем тут бык колхозный, и причем председатель? Это тебя-то, кривоногого Идриса, колхозный бык не догнал, так? Да тебя беременная черепаха догонит. По-человечески ходить не можешь. А его, видите ли, колхозный бык за восемь часов сна не догнал. Придурок!

– Сам ты придурок! Контуженный! Каким контуженным вернулся с войны, таким и остался!

Вот и финиш. Рано я радовался.

Кара дайы было не остановить:

– Нет, я-то черт с ним, я от тебя слышал и не такое, послушал бы и сегодня, промолчал бы. Но сидит с нами грамотный человек, институты в Русете закончил. Ты хоть человека уважай, перед ним не позорься! А то несешь ерунду!

Вот этого я как раз и не ожидал. И не понял, как себя вести. Но дядя Идрис тоже был не промах:

– Он-то как раз сидит спокойно и слушает меня. А ты, как бешеный пес, рвешься из цепи. Заорал! Видите ли, ему Кёроглу может сниться, а мне колхозный бык нет, да? Контуженный!

– Колхозный бык его не догнал, – повторял Кара дайы и саркастически смеялся. – А через три недели председатель колхоза разбился на машине. И где тут логика? Все, все, Идрис, вставай и иди домой! Весь вечер ты мне испортил! Шайтан кривоногий!

Дядя Идрис встал, но без ответа уходить он был не намерен:

– Ты на себя посмотри! Ха-ха-ха! Кёроглу, видите ли, не смог его обезьянью голову отрубить! Плевать я хотел на такого Кёроглу, и на тебя! Тьфу!

– Крууугом! – скомандовал Кара дайы.

Дядя Идрис взял свой посох, повернулся и медленно направился на другой конец двора, на улицу.

Я смотрел на пьяного дядю Идриса. Его сильно шатало, к тому же сказывалась кривизна левой ноги. «Хорошо хоть с посохом он идет», – подумал я.

А Кара дайы никак не успокаивался:

– Шагом марш! – дальше командовал он. –левой, левой! – продолжал Кара дайы.

И тут на моих глазах произошло чудо: дядя Идрис выпрямился и строевым шагом ушел со двора...

...Ой Аллах, прости меня грешного, и зачем я столько пил?..

После ухода дяди Идриса мы еще около часа сидели с Кара дайы, причем большую часть времени жена Кара дайы отчитывала мужа. Тот даже не противился, ответил лишь один раз, при этом опять сослался на меня:

– Приехал человек черт знает откуда, ты же хоть следи за тем, что говоришь, – как бы обращался он к отсутствующему дяде Идрису.

– И поэтому ты его выгнал, да? Ты не человек, буйвол ты черный! – в конце концов сказала жена.

Кара дайы проглотил и это, только перед моим уходом тихо произнес:

– Да, как-то нехорошо получилось...

...То же самое сказал я дяде Идрису, когда виделся с ним случайно на остановке, уезжая из Зогаллы. Он сидел на лавочке, опираясь на свой посох, и смотрел в нашу сторону. Я не мог не подойти к нему.

– Здравствуйте, дядя Идрис! – поздоровался я с ним, подойдя поближе. Узнав меня, он привстал.

– Уезжаешь? – спросил он.

– Да, пора ехать, – ответил я и извинился за тот вечер. – Вы уж извините меня, как-то нехорошо получилось.

– А ты тут причем, сынок? – успокоил он меня. – Это у нас не первый раз с ним. Человек он контуженный, я на него не обижаюсь. Когда заводится, никого не слышит, кроме себя.

– Ну да, – согласился я, чтобы не обидеть дядю Идриса.

– Даже не дал мне договорить.

«Неужели он все помнит?» – удивился я.

– То, что ты видишь во сне, в жизни случается наоборот! Запомни, сынок. Во сне колхозный бык гонялся за мной, и не догнал. А кто у нас бык в колхозе был? Конечно, председатель. Вот и погнался наш председатель за смертью и нашел ее через три недели. Разве Каре это объяснишь? Он любит сам рассказывать сказки. А других слушать не хочет.

Я не удержался от соблазна:

– Дядя Идрис, а то, что у него с Кёроглу во сне, это правда?

– А кто его знает. На следующий день после той ночи Кара пришел ко мне, рассказал свой сон и показал обмотанную шею. Поди после этого не поверь. Я верю, сынок. Я всем верю. Людям надо верить. А Кара никому не верит, кроме себя. Контуженный он, что мы хотим от него...

* * *

Предостережение Кара дайы о том, что скоро меня загонят в угол, стало сбываться в бакинском аэропорту перед самым вылетом, когда я проходил таможенный контроль. Два молодых таможенника, обнаружив в моем багаже четыре литра зогаллинской кизиловки, наотрез отказались выпустить ее из страны. Они отвели меня в сторону, загадочно посмотрели на литровые пластмассовые бутылки из-под гахской минеральной воды и, узнав про их содержимое, вынесли вердикт:

– Вывоз спиртных напитков домашнего изготовления из республики запрещен!

Сначала я растерялся и даже покраснел. Рука моя уже готова была полезть в карман, но я ее остановил. Зато вспомнил, вторую часть расшифровки моего сна Кара дайы.

«Но ты выкрутишься, не бойся!», – зазвенели в ушах его слова, и я спокойно разделил четыре бутылки на две части:

– Два литра республике, а два мне, – предложил я торг, пошел на компромисс, в итоге был вознагражден.

Таможенники оказались добрыми людьми и тоже пошли на уступку, но спросили, не отравлю ли я их? Тогда я собрал бутылки в одну кучу и сказал:

– Если республика боится, то лучше не рисковать.

Посовещавшись, республика согласилась взять свою долю и выпустить меня за рубеж.

«Кара дайы еще и неплохой толкователь снов», – подумал я, уже сидя в самолете.

Хотя Кара дайы в глаза часто называет меня недотепой, но все же очень любит, и в мое отсутствие часто хвалит, а временами даже гордится мной. Я это хорошо знаю, поэтому не приехать на свадьбу его внука не имел права. Тем более что о моем обязательном участии в этой свадьбе Кара дайы напоминал мне много раз. В апреле, когда последний раз мы с ним виделись, он рассказал мне, что, возможно, летом сделает внуку свадьбу с черной зурной:

– На мои похороны можешь не приезжать, – сказал он мне, – но чтобы на свадьбе внука был. Кара дайы тебе покажет, как надо танцевать «Возвращение Кёроглу», – тогда он еще верил, что ему все-таки удастся организовать свадьбу с черной зурной.

Приехал я в Зогаллы за три дня до свадьбы, рано утром. А в обед младший брат по секрету сказал мне:

– Друг твой сегодня кувшин откроет, который держал на свадьбу внука. Сто двадцать литров красного вина. Советую проведать его именно сегодня, не прогадаешь. Только имей в виду – он без настроения.

– Что случилось? – поинтересовался я.

Брат рассмеялся и сказал:

– Он сам все тебе расскажет.

Идея мне, признаться, очень понравилась, и сразу после обеда я позвонил Кара дайы и поставил перед фактом.

– Здравия желаю, товарищ сержант! – доложил я. – Прибыл на празднование свадьбы вашего внука. Вечером могу поступить в ваше распоряжение.

На том конце провода возникла небольшая пауза, и после некоторых раздумий последовал утвердительный ответ. Мне показалось, что согласие он дал с неохотой. Зная характер Кара дайы, я не стал заострять на этом внимание, логично связав его неприветливость с предсвадебными заботами.

Я пришел к нему вечером, когда летняя зогаллинская жара сменилась приятной прохладой. Большинство зогаллинцев в это время находились на пыльных улицах и были заняты отбором своих овец и баранов из общего стада, вернувшегося после дневного выпаса.

Кара дайы встретил меня на скотном дворе. Не стесняясь в выражениях, он загонял животных в отведенное для них огороженное место. Овцы и бараны упорно не хотели ограничивать себя в свободе передвижения и не соглашались идти в открытую калитку. При виде меня Кара дайы улыбнулся и стал ждать, когда я к нему подойду. Он сам никогда не идет гостю навстречу, так было и на этот раз.

– Раньше, бывало, только открою калитку, сами бегом и заускаивали. А сейчас, чтобы загнать их в стойло, приходится битый час тратить. Чтоб волки их растерзали, – еще издали жаловался Кара дайы на своих животных.

После того, как мы обнялись, я помог ему загнать животных в открытое стойло, он не спеша закрыл калитку и вдруг выпалил:

– Вот за меня зогаллинки не хотели выходить замуж, поэтому я и женился на мугалке. А ты какого черта женился на мугалке, а?

Я покраснел от такого вопроса. Какими бы откровенными ни были наши отношения, до этого он никогда так резко не акцентировал внимание на том, откуда родом моя жена.

– Ты же мог взять за руку любую зогаллинку, – продолжил он, – и она побежала бы за тобой хоть на край света, а не только в Русет.

Вопрос был очень неожиданным для меня, я даже не знал, что ответить. Но он стоял как вкопанный и ждал.

– Так получилось, – наконец ответил я и, обняв его, спросил:

– Что опять случилось, Кара дайы? Чем вы расстроены?

Оказалось, что за месяц до свадьбы старшая дочь Кара дайы и зять, которые всегда соглашались с его желанием ор-

ганизовать свадьбу внука с черной зурной, вдруг резко высказались против:

– Да ты что, отец, – сказала дочь, когда Кара дайы в очередной раз напомнил им о свадьбе с черной зурной, – не смейши людей. Как все, так и мы. Времена черной зурны давно прошли.

Озабоченный предсвадебными хлопотами зять высказался еще категоричнее, когда Кара дайы обратился к нему:

– Нам только черной зурны не хватает сейчас!

После такого ответа Кара дайы самыми изощренными словами обругал зятя с дочерью и чуть ли не выгнал обоих со двора. Разговор этот произошел за месяц до самой свадьбы, и именно с того дня Кара дайы, оказывается, сильно скис и ходил без настроения.

– Вот что случилось, теперь понятно? – сказал Кара дайы. – Я-то думал, хоть дочка поддержит меня, согласится со мной. Куда там? Не зря пословица говорит: куда идут передние колеса телеги, туда идут и задние, – как я понял, под передними колесами он разумел зятя, а под задними – свою дочь. – Но я не расстроен, нет! А что сейчас расстраиваться? Двадцать пять лет назад надо было мне, старому ослу, думать об этом, а не сейчас. Сейчас ничего не изменишь, поздно уже.

– Если бы я знал, что вы не в духе, сегодня вообще не пришел бы, – я знал, что надо говорить, чтоб он разоткровенничался.

– Вот так они отказались делать свадьбу с черной зурной. Другого от мугалов я и не ожидал, – выдохнул он. – Когда купили в магазине водку на свадьбу, я не вмешивался, – Кара дайы резко остановился посреди скотного двора и начал перечислять другие причины своего недовольства, – что хотите, то и покупайте. Чтоб завтра мне не говорили ничего. Делают сок гранатовый, чтоб запивать эту самую водку, – я опять не вмешиваюсь. Пожалуйста, хоть томатным соком запивайте, я в стороне. Но когда они отказались забрать вино, обещанное мной внуку на свадьбу, вот тогда я не выдержал.

– А что, – сказал я зятю, – мое вино хуже твоей магазинной кислоты будет? Ты это хочешь сказать, да?

– Причем тут кислота, Кара дайы, – ответил мне он. – Ваших ста литров все равно на всех не хватит, будет лучше, если на столах поставим водку.

– Не хватит моего вина, так езжай у грузин покупай, – стал настаивать я. Но кто меня слушает? – покачал головой Кара дайы.

– Кара дайы, – сказал мне зять, – вы не волнуйтесь, водку купили, сколько надо, всем хватит. Только не делайте, пожалуйста, трагедию из ничего. Ваше вино выпьем после свадьбы. Соберемся всей родней и выпьем.

Тут, конечно, я не выдержал.

– Нет уж, – сказал я ему, – на свадьбе своего внука, я, как и обещал, буду пить вино! И после свадьбы – тоже. А вы пейте то, что купили.

– Вот такой у нас получился разговор. Гранатовый сок им подавай, – продолжал возмущаться он. – Каждый день что-то новое придумывают, – и его седая голова сокрушенно закачалась.

Потом он плотно закрыл калитку скотного двора, и мы медленно пошли к дому. Под тутовым деревом он опять остановился, повернулся ко мне и спросил:

– А какую водку в Украине пьют на свадьбах? Самогон пьют?

– В основном, магазинную, – ответил я, – но самогон тоже пьют.

Мой ответ немного развеселил Кара дайы, и он довольно улыбнулся, при этом всем своим видом давая понять, что и без моего ответа знал, что пьют на свадьбах украинцы, и что этот вопрос имел чисто контрольный характер.

– Я много пил самогона в войну. Он получше, чем спирт будет. Спирт мне не нравился. Лучше голым задом садиться на огонь, чем пить спирт.

Потом он подошел к рукомойнику, прибитому на старом грушевом дереве. Но прежде чем вымыть руки, повернулся в мою сторону и добавил:

– Больше поляков никто в мире не пьет! По крайней мере, я таких не встречал. Вот кто пьет, так это они. Брагу пьют, у них даже не хватает терпения дождаться, чтобы выгнать из нее самогон.

Я засмеялся и стал смотреть, как он умывается. Между прочим, я каждый раз получаю удовольствие, наблюдая за этим процессом. Сначала Кара дайы долго мыл руки, тщательно натирая их куском красного мыла. Увидев мое любопытство, он моментально пожаловался на его качество:

– Иранское, в Гахе на базаре купил. Совсем не пенится, что они добавляют в него, не пойму, – сказал он, указав на производителя некачественного товара и заодно объяснив мне место его приобретения.

Закончив с руками, он внимательно осмотрел их и, убедившись в их чистоте, набрал воду в ладони и намочил лицо. Потом опять недовольно взял мыло и, набрав необходимое количество пены, нанес на лицо. Привычка мыть лицо с мылом, по его же честному признанию, у него осталась с детских времен. В детстве он несколько раз в день натирав свое лицо в надежде на то, что оно посветлеет. Со временем он понял безуспешность этого занятия, но мыть лицо с мылом не перестал, хотя мыло в то время было большим дефицитом.

Как только Кара дайы вымыл руки и лицо, с улицы стали стучать камнем в железную калитку и звать его:

– Кара, ай, Кара! Мой баран не забежал к тебе во двор?

От этого стука закричали индюки и залаяла собака Кара дайы, сидящая на цепи в дальнем углу его большого двора.

В Зогаллы вечерний отбор животных, возвращающихся с дневного выпаса, – это особая церемония. Овцы и бараны, как

известно из биологии, будучи с рождения животными несознательными, по вечерам не всегда возвращаются в родные дворы, часто путая их с другими. Поэтому зогаллинцы каждый вечер с палкой в руках сторожат на улицах возле своих ворот, чтобы указать своим животным родной двор, а заодно не пустить туда чужих. Но так или иначе, особо несознательной скотине все-таки удается забежать в чужой двор. Тогда озабоченному хозяину ничего не остается, как обойти подворно всех зогаллинцев, чтобы узнать, у кого именно находится его бестолковый баран.

Голос с улицы показался мне настолько знакомым, что буквально через секунду я определил его хозяина – точно, это был кривоногий дядя Идрис.

«Значит, помирились», – обрадовался я.

После повторного зова с улицы Кара дайы, видимо, тоже узнал дядю Идриса и дал мне указание:

– Иди и веди его сюда! Он чувствует, когда ему надо приходить.

– Помирились? – успел спросить я.

– А мы и не ругались, – ответил Кара дайы.

Я направился к калитке и открыл ее. В темноте дядя Идрис не узнал меня, приняв за одного из зятьев Кара дайы, и поздоровался со мной за руку.

– Сказал, пусть подойдет, – указал я в сторону веранды и передал ему слова Кара дайы.

Дядя Идрис, крепко опираясь на толстый посох, длина которого намного превышала его собственный рост, направился к дому. Я последовал за ним. Кара дайы ждал нас возле веранды. Поздоровавшись с ним, дядя Идрис стал жаловаться ему на своего барана, который, оказывается вот уже целый месяц не признает его ворота, гоняется за молодыми овцами, из-за чего проскакивает мимо родного двора.

– Веду его с самого начала улицы, вижу, как гуляет в загоне. А перед моим домом он исчезает. Разве уследишь за каж-

дой овцой? Нравятся они моему барану, так он очертя голову мчится за ними. Бабник!

После этого дядя Идрис указательным пальцем обозначил глубину возмущения действиями своего барана:

– Вот здесь уже стоит, – сказал он и, приподняв голову, приставил палец к центру горла.

Палец, приставленный к горлу в зогаллинской среде означает верхнюю точку возмущения чьими-то действиями, после чего обычно следуют решительные шаги в отношении нарушителя. Дядя Идрис не стал исключением.

– Пусть только войдет во двор, зарежу! – пригрозил он. – Так не входит же, будто чувствует. Устал я каждый вечер гоняться за ним.

Кара дайы успокоил дядю Идриса и, указав на меня, гордо сообщил:

– Не узнал гостя? Сын Османа из Русета приехал, на свадьбу внука! А с твоим бараном ничего не случится. Ты помой руки и садись, поговорим. Дети накрывают стол. Вино хорошее, то, что держал на свадьбу внука. Начнем сегодня, а там видно будет.

Дядя Идрис повернулся в мою сторону и стал изучающе осматривать меня. Я не удержался и засмеялся. А когда он узнал меня, то помахал посохом:

– Я-то смотрю, что не похож ты на зятьев Кары, – стал оправдываться дядя Идрис передо мной, – ты уж извини меня, старика.

Как положено в Зогаллы, первым делом он поинтересовался, когда я приехал?

– Сегодня утром, – ответил я.

– Вечером сразу к Каре, да? Молодец, не забываешь его. Он тоже тебя очень любит, чтобы ты знал.

Приставив посох к боковой стене дома, он помыл руки, вытер их полотенцем и стал ждать команды Кара дайы, чтобы следовать за ним.

На этот раз мы сидели на втором этаже каменного дома Кара дайы, в комнате, где у него находится телевизор. С началом летних Олимпийских игр зогаллинцы каждый день с нетерпением ждали прямых трансляций с Олимпиады. Больше всего их интересовали соревнования по борьбе, где у некоторых наших борцов, по мнению зогаллинцев, были неплохие перспективы на призовые места. Кара дайы с кривоногим дядей Идрисом тоже оказались большими любителями борьбы, поэтому, когда жена Кара дайы спросила, где накрывать стол, тот головой указал на второй этаж и решительно сказал:

– В комнате, где телевизор.

Дядя Идрис одобрил его решение:

– Да, – согласился он, – заодно и борьбу посмотрим.

Моим мнением, понятное дело, никто не поинтересовался, поэтому я первым поднялся в комнату и включил телевизор.

О старом телевизоре Кара дайы мы уже писали. Но дело в том, что Кара дайы одно время долго и упорно сопротивлялся жене и дочерям, которые хотели приобрести новый цветной телевизор. Не знаю, какими мотивами Кара дайы руководствовался тогда, но он даже слышать не хотел разговоров на эту тему.

– Я и так плохо вижу, – объяснял он как-то мне свое решение, – и от того, что телевизор станет цветным, лучше видеть не стану.

Возможно, мне тогда следовало напомнить ему, что кроме него в этом доме есть и другие люди с нормальным зрением – дочери, зятья и внуки, не говоря уже о многочисленных гостях, которыми славится хлебосольный дом Кара дайы, но я почему-то решил промолчать. Тем более что, будучи человеком глубоко консервативным, Кара дайы очень тяжело меняет свое мнение.

Но в ту зиму, когда Кара дайы ударила корова Сулеймана, и он три дня пролежал в Гахской больнице, старшая дочь Кара дайы, воспользовавшись отсутствием отца, с согласия матери и остальных сестер купила большой цветной телевизор. Поставили они его на место старого на втором этаже. Когда через неделю Кара дайы увидел новый телевизор, он долго смотрел на него, и хотел было высказаться, но старшая дочь, опередив его, моментально продемонстрировала преимущество нового телевизора:

– Кроме прочего, папа, – сказала она, – сейчас ты можешь, сидя или лежа, с помощью этой штучки переключать каналы: какой тебе захочется, такой канал и выберешь, а также уменьшишь или добавишь звук. С твоей больной ногой сейчас бегать каждый раз к телевизору тяжело будет. Потому мы и купили новый телевизор, – и показала пульт дистанционного управления.

Кара дайы долго рассматривал пульт, потом, махнув головой в сторону старого черно-белого, дал указание дочери:

– А этот не выбрасывайте, поставьте куда-нибудь, пригодится.

Дочка моментально согласилась с мнением отца:

– Да, конечно, папа, запакуем, поднимем на чердак и аккуратно поставим в угол, – потому как ждала более бурной реакции.

Как бы там ни было, со временем стало ясно, что у Кара дайы со зрением все в порядке, и он очень даже неплохо различает цвета в новом телевизоре. С появлением цветного телевизора Кара дайы стал почти каждый день подниматься на второй этаж, и уже через месяц заправски пользовался пультом дистанционного управления:

– Чего только эти японцы ни придумают, – показывая мне тот самый пульт, как-то охаивал он японцев, – лишь бы задницу с места не поднимать.

Я тогда согласился с его замечанием в адрес японцев, хотя видел, что телевизор у Кара дайы корейского производства.

Но скажи я ему об этом, Кара дайы все равно не растерялся бы и добавил:

– Какая разница, из одного теста сделаны.

Пока Кара дайы и дядя Идрис поднимались, я настроил канал, где шла трансляция с Олимпиады. Но Кара дайы, как только поднялся на этаж, первым делом взял пульт и с важным видом прошелся по всем каналам, по дороге громко поругав какой-то грузинский канал, который несанкционированно пролез в его информационное пространство.

– Лезут и лезут, лезут и лезут, – недовольно бурчал Кара дайы, но остановился на том же канале, на который я изначально настроил телевизор. Потом он добавил звук, сославшись на дядю Идриса, который якобы плохо слышит. После этого почему-то отнес пульт и положил его на стол рядом с телевизором.

А в это время на ковер вышел черный кубинский борец. Воспользовавшись тем, что Кара дайы находится возле телевизора, дядя Идрис, головой указывая на борца, тихо сказал мне:

– Точно кто-то из родственников Кары будет. Кара даже темнее этого бедолаги, – и, убедившись, что Кара дайы не слышит нас, добавил, – да, видно араб тогда соли не жалел. Уж больно сильно посолил.

Я еле удержался от смеха. Хорошо, что Кара дайы не слышал реплику дяди Идриса. Вернувшись, он сел за стол, прищурившись, уставился в телевизор и стал наблюдать за чернокожим борцом. Дядя Идрис толкнул меня локтем.

– Видишь, я был прав, узнал своих, – тихо добавил.

К слову, кубинский борец выиграл свою схватку, и по мимике Кара дайы мне даже показалось, что он остался доволен исходом поединка. И только после этого Кара дайы повернулся в нашу сторону и, обратившись к дяде Идрису, сказал:

– Все наши беды, Идрис, от нашей консервативности. Мы плохо перестраиваемся, тупо придерживаемся старых обычаев и обрядов. Кое в чем надо бы и не соблюдать их.

– Ты о чем, Кара? Чем ты опять недоволен?

– Если бы не проклятый наш обычай, то выдал бы свою дочь двадцать пять лет назад за нормального зогаллинца. А так пришлось мне тогда подчиниться нашему адату. Вышла она замуж за того, за кого хотела. И вот сегодня я пожиная плоды: до чего же мы дожили, что от домашнего вина на свадьбе отказываются.

Дядя Идрис успокоил Кара дайы:

– Не расстраивайся, Кара, не пропадет. Все выпьем. Вот твой племянник приехал, поможет тоже нам, – и рассмеялся от души.

– Да, Кара дайы, – согласился я и не удержался от вопроса, – а давно у нас такой обычай, что наша молодежь женится и выходит замуж только по любви?

– Сколько себя помню. И до нас это было так. После одного трагического и печального случая родители молодых зогаллинцев соглашались в этом вопросе с их выбором. Боятся вмешиваться.

– Что за случай такой?

– Есть такая легенда, – тихо ответил Кара дайы.

– Так расскажите, чтоб и мы знали, – не отстаю я.

– Что толку, что я тебе рассказываю. Три фильма можно было снять из рассказанного мною тебе до сегодняшнего дня. А ты палец о палец еще не ударил. Только обещаешь.

– Скоро ударю, вот увидите, – говорю я.

– Расскажи, Кара. Ты радуйся, что кто-то тебя еще слушает. А то своими рассказами надоел ты всем в деревне, – вставляет дядя Идрис, и меня охватывает легкая паника.

«Неужели опять поругаются», – думаю я.

Кара дайы на удивление спокойно реагирует на слова дяди Идриса.

– Я расскажу. И расскажу так, – берет он меня за руку, – как я сам слышал эту легенду. Если что-то будет непонятно, ты спрашивай, не стесняйся. Если надо – и Идрис меня поддер-

жит. Да, Идрис? – поворачивается Кара дайы к дяде Идрису. Тот моментально движением своей маленькой головы подтверждает согласие помочь Кара дайы, если это понадобится.

А пока что дядя Идрис полностью увлечен борьбой, которая идет по телевизору. Между прочим, мы с Кара дайы тоже одним глазом смотрим телевизор. Там ведущий рассказывает о премиальных для победителей Олимпиады от Азербайджана.

– Правительство нашей республики гарантирует сто тысяч долларов в виде премиальных тому нашему спортсмену, который возьмет золотую медаль Олимпиады, – говорит он. – Кроме этого, многие большие частные фирмы и компании тоже намерены поощрить победителей...

– Пожалуйста, скажи, что еще им нужно? Все условия созданы, только боритесь, – недовольно резюмирует Кара дайы, – нет, им все мало. Все равно мало выигрывают наши борцы. И почему? – смотрит он на меня.

– Почему? – моментально вставляю я, чтоб разговор не прерывался.

– Я уже столько дней слежу за их вступлением, – Кара дайы делает вид, что он большой знаток всех видов современной борьбы, – и заметил, что наши в принципе неплохо борются. Это надо признать. Знают массу приемов, это тоже неплохо. Но забыли главный прием, – констатирует он и молчит.

Многолетнее наше с ним знакомство подсказывает, что Кара дайы на этом месте ждет от меня вопроса:

– Какой именно прием они забыли, Кара дайы? – спрашиваю я, таким образом возвращая его к разговору.

– Подножку они плохо ставят, – с серьезным видом отвечает Кара дайы. – Поэтому мало и выигрывают. Без хорошей подножки что в жизни, что в спорте далеко не пойдешь. Правильно я говорю, Идрис? – поворачивается он к дяде Идрису. У того, видимо, со слухом действительно проблемы, он оставляет без внимания вопрос Кара дайы. В другое время Кара дайы, может, и обиделся бы на такое равнодушие, но на этот раз спокойно продолжает:

– Идрис нас даже не слушает. А что ему? Он свою жизнь, считай, прожил. Ему сейчас ничего не интересно, кроме вина. Одной ногой, считай, он уже в могиле.

– Ты опять за свое? – неожиданно взрывается дядя Идрис, – причем тут моя нога? Ты собирался ребенку рассказать легенду свою, так расскажи!

– Я и рассказываю, Идрис, не обижайся. Я думал, ты не слушаешь меня.

– Не дает тебе покоя моя нога, – все-таки обиделся, видимо, дядя Идрис. – Чуть что, так сразу нога Идриса. Причем тут Идрис, причем тут моя нога?

Он недовольно качает головой и собирается дальше высказывать свое недовольство, но Кара дайы опережает его. Он сам быстро наполняет стаканы с вином, поднимается и говорит:

– Прежде чем рассказать легенду, я предлагаю тост. Я хочу выпить, Идрис, за твое здоровье! Мы с тобой вместе выросли. Многие наши ровесники давно умерли. Благодаря Аллаху, мы с тобой еще живы. Каждый раз, проходя мимо того орехового дерева, самого высокого в Зогаллы, откуда ты упал в детстве, я останавливаюсь и смотрю вверх. Смотрю и продолжаю удивляться: каким же везучим надо было родиться, чтоб остаться живым, упав с такой высоты? Аллах берег тебя, Идрис. Потому что он тебя любит, – Кара дайы останавливается и о чем-то думает, потом решительно продолжает. – Белка, это маленькое юркое животное, всю свою жизнь только и делает, что прыгает с одной ветки орехового дерева на другую, и то разбилась, упав с такой высоты, а ты остался живым. Везучий ты человек, Идрис. За тебя, Идрис! – говорит Кара дайы и выпивает стакан до дна, тем самым заглотив свою вину за неудачную шутку перед дядей Идрисом. Мы тоже пьем.

– Кто бы говорил, – ладонью вытирая капли вина с губ, удивляется дядя Идрис. – Это я везучий? А ты разве не везучий? Столько народу погибло на войне, только ты вернулся без единой царапины. Генералы гибли, маршалы гибли. Многие

погибли. А ты живой. Да что там генералы, Гитлер – и тот погиб. А тебе хоть бы что. И этот человек сегодня другим завидует – вот, пожалуйста. Сидит и вино пьет.

Кара дайы хочет возразить, но тут я опережаю его и моментально спрашиваю:

– Какая еще белка, Кара дайы? Откуда она упала?

Я в самом деле не знаю историю с белкой, если, конечно, это не очередная шутка Кара дайы

Как-то неожиданно для меня вопрос мой задевает дядю Идриса:

– А что, действительно не знаешь? – удивленно спрашивает у меня он, – ты хоть знаешь, где это дерево находится?

– Где находится дерево, знаю, только вот историю с белкой не знаю.

– Все знают, а ты не знаешь, да? – мне кажется, что дядя Идрис даже обижается, что я не знаю эту историю.

– Да, – подтверждаю я.

– Расскажи ему, Идрис, свою историю, – вмешивается Кара дайы, – не обижайся на ребенка, он как после школы уехал в Русет, так там и застрял. А может, в детстве и знал, потом забыл. Ты расскажи.

– Хорошо, – отвечает дядя Идрис. – Я расскажу, только ты не мешай. А то любишь ты вмешиваться. Сиди и слушай.

– Хорошо, хорошо, – соглашается с замечанием дяди Идриса Кара дайы.

Дядя Идрис снимает кепку-«аэродром» с головы. Вся внутренняя окружность кепки оклеена газетной бумагой.

– Когда голова сильно потеет, я меняю бумагу, – объясняет он, заметив мой пристальный взгляд.

– Так вот, – начинает дядя Идрис, – пас я как-то после войны деревенское стадо. С нашей улицы моя очередь была, со мной еще были ребята с других улиц. Забыл, кто там был, – задумывается он, потом оперативно добавляет, – да нет, вот и вспомнил – покойный Камиль был и еще кто-то. Столько

лет прошло, разве всех запомнишь. На обед, значит, собрали мы животных в тени как раз под этим деревом. Рядом еще маленький источник есть, если помнишь. Животные отдыхают в тенечке, мы тоже сели возле источника на обед. А я ребятам рассказываю, как я в детстве упал с верхушки этого дерева. Я сегодня знаю, почему тогда упал. Потому что, долго сидел на ветках орехового дерева. Ореховое дерево, в отличие от других деревьев, выделяет не кислород, а что-то ядовитое. Это я сегодня знаю, а раньше не знал, поэтому залез на дерево и долго сидел там. А потом голова закружилась, и я упал. Так вот, рассказываю я свою историю ребятам, они слушают меня и головами качают. Не верят тоже, что остался живым. Шутка ли, метров сорок там высота, не меньше. Я им показываю ветку, откуда я сорвался, а в это время на той самой ветке две белки играют. Привычка такая есть у белок – прыгать с одной ветки на другую. Такие желто-золотистые белочки, а хвосты у них большие, пушистые. Поят на задних лапках, посмотрят друг на друга и дальше прыгают...

Рассказал бы дядя Идрис о поведении белок еще, но тут его резко перебивает Кара дайы. Видимо, у него уже лопнуло терпение.

– Тоже мне специалист по белкам, – говорит он. – Ребенку не интересно, как белки стоят, как прыгают и как смотрят друг на друга. Все это он знает, в институте зря учился, что ли? Ты лучше расскажи, что было дальше?

– Я и рассказываю, что было дальше. Сиди и слушай! Когда сам часами говорит – другим рот открывать не дает, – огрызается в ответ дядя Идрис и продолжает. – Любят они, значит, это дело, особенно если собирают орешки. Прыгают, потом друг на друга смотрят. «Как я прыгнула?» – будто спрашивает одна у другой. На то они и белки. Даже снизу видно, что как-то очень самоуверенно прыгают они. А мы наблюдаем за ними. Интересно ведь. Я еще ребятам сказал тогда: «Так и должно быть, по веткам белки должны прыгать, а люди должны хо-

дить по земле». А еще спросил у Камиля покойного: «И какого черта я тогда туда залез?»

Тот пожал плечами: откуда ему знать, почему я тогда залез туда? И только я это спросил у Камиля, как одна белка, что сидела чуть повыше, сорвалась с той самой ветки, с которой я когда-то упал, и на наших глазах ударилась о землю. И как ударилась?! Ударилась спиной, сломала, наверное, себе хребет так, что тут ей и костоправ Юсиф не смог бы помочь. И все это на наших глазах. С полминуты еще двигала она маленькими лапками своими, а потом померла. И ведь расскажешь кому, никто не поверит.

Останавливается дядя Идрис в своем рассказе и выжидательно смотрит на меня. Я ничего не понимаю, но дядя Идрис меня направляет:

– Вот тут ты должен у меня спросить.

Ох, уж эти зогаллинские старики! Только сейчас до меня доходит, что мне следует сделать.

– И что именно я должен у вас спросить? – уточняю я у дяди Идриса.

– Почему белка упала, вот что должен спросить. А я тебе отвечу, почему. Потому что слишком уж она увлеклась другой белкой, видимо, пара была влюбленная. А на высоте нельзя быть самоуверенным, на высоте надо быть осторожным.

– И на земле надо быть осторожным, – тут же вставляет Кара дайы, – надо смотреть под ноги, а то как наступишь на противопехотную мину.

– Не знаю, на что вы наступали на войне, наверху наступать некуда. Так вот, подняли мы белку, а она уже мертвая. Ребята посмотрели сначала на белку, потом на меня и начали смеяться: мол, белка разбилась насмерть, упав с той высоты, а дядя Идрис остался жив!

– Чего смеетесь? – сказал я им. – А что, было бы лучше, если бы я тогда погиб, а белка сегодня осталась бы жива?

– Да нет, – говорят, – белку жалко, – и смеются.

Вечером в деревне все только об этом и говорили. А Камиль покойный, оказывается, подобрал погибшую белку, всем показал, а потом принес к костоправу Юсифу. Тот, говорят, пощупал белку с полминуты и потом якобы сделал заключение:

– Тут даже гипс не помог бы!

Ясное дело, что не помог бы. Что толку мертвого гипсовать-то?

– С тех пор прошло столько лет, но как только разговор заходит об этом дереве, – продолжает дядя Идрис, – чтоб ты знал, сынок, зогаллинцы первым делом жалеют ту самую белку, которая упала тогда и разбилась, и только потом вспомнят меня и смеются над моей ногой. Вот такой непутевый мы народ, зогаллинцы. Не умеем мы ценить своих, людей не умеем ценить. Белку жалеем, а над человеком, который после этого стал инвалидом, смеемся, называя его кривоногим. А мугалы тем временем смеются над нами. И правильно делают! – с обидой на зогаллинцев завершает свой рассказ дядя Идрис.

Уж больно зол дядя Идрис на односельчан. И обида, видимо, насколько глубока, что он еще и добавляет:

– Упал, говорят про меня, даже не плакал. Боли якобы даже не почувствовал. Это я не почувствовал боли, да? Анасыны, если я не почувствовал боли – ругается и отворачивается от нас.

Кара дайы успокаивает его, делает умный вид и дает научное объяснение поведению дяди Идриса в первые минуты после его падения с дерева:

– Идрис, ты был в шоковом состоянии, потому и не почувствовал боли. Вот на войне тоже, бывало, ранило бойца, вокруг все видят, что он раненый, а ему хоть бы что. Русские называют такое состояние человека шоком.

– Не знаю, как русские называют, мне было очень больно. Но мы такой народ, что своих никогда не жалеем, – отвечает дядя Идрис, и добавляет, – этих белок в наших лесах больше, чем китайцев в Китае, их жалеют, а живого человека – нет!

– Прав, Идрис, прав ты, – жалеть надо всех – и белку, и человека. И человек, и белка – создания Аллаха. Но в первую очередь человека надо жалеть.

– Да черт с ней, с этой белкой, ты давай лучше расскажи свою легенду, а то поздно будет, – говорит дядя Идрис. – Ушел я из дома за бараном и застрял тут. Вместо барана сейчас домашние меня начнут искать.

– Все, все, рассказываю, – отвечает Кара дайы, – но давайте сперва выпьем за приезд моего племянника. Не поленился он и приехал на свадьбу моего внука.

– За это можно, – соглашается дядя Идрис.

Пьем за мой приезд.

– Ну, так я начинаю, – повторяется Кара дайы.

– Давай уже, не томи, – не выдерживает дядя Идрис.

Легенда о Зейнаб и Ровшане,

или

Сказ о том, как в Зогаллы молодые стали свободными в выборе своих возлюбленных.

Рассказана Кара дайы в присутствии и при поддержке кривоногого дяди Идриса за три дня до свадьбы его старшего внука, и после того, как было выпито много вина, предназначенного для этой самой свадьбы, и когда по телевизору показывали соревнования борцов на Олимпиаде.

По легенде, зогаллинцы после одного печального случая перестали диктовать детям свою волю в выборе возлюбленного. Как-то лет двести тому назад, а может, и больше, сегодня никто точно не вспомнит, все зогаллинцы стали свидетелями небесной кары. Точнее, кара была земная, но ниспослана была с небес Всевышним за то, что родители молодой симпатичной Зейнаб не разрешили ей выйти замуж за ее любимого Ровшана, а хотели ее насильно отдать за другого парня.

– Ты должен знать, – обращается ко мне Кара дайы, – любая легенда, прежде чем принять сегодняшний вид, проходит путь от факта случившегося до его всенародного раздувания. Притом раздута легенда не одним, а несколькими поколениями наших предков. А наши предки, я тебе скажу, не хуже нас с тобой умели приукрашивать. Поэтому, когда я рассказываю эту легенду тебе, ты слушай внимательно, и если где нестыковка будет, так сразу скажи, чтобы я поправился. Я рассказываю ее так, как мне рассказывали, а может, где-то тоже приукрашиваю, не знаю. Ты послушай внимательно и бери нужное.

Легенда в сегодняшнем виде гласит о том, что вышеназванный Ровшан был здоровым, симпатичным, храбрым и самым сильным парнем в деревне. В деревнях всегда – и тогда, и сегодня – знают, кто самый сильный парень. А Ровшан был самым сильным не только в Зогаллы, но и в окрестных селах тоже, он побеждал всех на свадьбах. С кем бы он ни боролся, клал того на лопатки. По рассказам стариков, он хорошо ставил подножку, когда боролся. Резко подставлял свою ногу за ногу соперника и, одним хватом толкнув его назад, заваливал того на спину. А потом удерживал – сильный был, страшное дело. Сейчас наши борцы не пользуются этим приемом, поэтому мало выигрывают.

Но был он из бедной семьи, наш Ровшан. Чабаном он был, другой профессии у него не было. Тогда вообще было мало профессий, бедные люди или землю пахали, или пастухами работали. Бригадиров, учетчиков или других нахлебников тогда не было.

Наслышанные о недюжинной силе Ровшана горцы даже не помышляли о набегах на территорию Зогаллы. Боялись его.

Любая легенда трагична по определению. А почему наша легенда трагична? Потому что, как сейчас бы сказали, в нашей легенде имеет место материальное неравенство влюбленных. А там, где материальное неравенство, жди неприятностей.

Бедный наш Ровшан взял да и влюбился в черноглазую и чернобровую красавицу Зейнаб. А она, как ты уже догадался,

была из богатой семьи. Спрашивается у Ровшана: мало тебе дочерей бедных зогаллинцев, зачем ты позарился на богатую? Но любовь слепа, особенно на ранней стадии. А когда созревает, как правило, становится поздно. Так вот, что интересно, и Зейнаб ответила взаимностью, полюбила Ровшана. А когда отец Зейнаб узнал, что его дочь любит Ровшана, то решил выдать ее замуж за другого парня, сына более богатого зогаллинца. Вполне нормальное решение даже по меркам сегодняшнего дня, учитывая, что и тогда, и сегодня мало найдется родителей, которые готовы отдать своих дочерей замуж за чабанов. Но одно дело – задумать отдать дочку за сына богатого, и совсем другое – эту операцию осуществить. И как осуществишь, когда рядом ходит сильный и здоровый Ровшан? Как только он узнает о замыслах отца Зейнаб, в тот же день умыкнет девушку без раздумий. А как же? Поэтому отец Зейнаб, этот настоящий гяур⁸³, придумал вот что: когда Ровшана не будет в Зогаллы, устроить Зейнаб свадьбу и выдать ее замуж за того богатого. Хитрый, да? Не то слово!

А что думал Ровшан? А Ровшан решил летом поднять стадо на горные луга и только поздней осенью, вернувшись, отправить в дом Зейнаб сватов. Наивный человек он был. Но не стоит удивляться такой его наивности, она вполне соответствует уровню чабана. Как только он поднялся со своим стадом в горы, отец Зейнаб начал действовать. А время было такое, что тогда дочери не могли отказывать в этом вопросе своим отцам. За кого отцы считали нужным, за тех и отдавали замуж дочерей.

Договорился он с богатыми родителями того парня, за которого хотел выдать замуж Зейнаб. Те, вроде, в первое время не хотели летом делать свадьбу, на осень пытались перенести. Как убедил их этот гяур, никто сегодня не знает.

– Если летом не сделаем свадьбу, потеряем Зейнаб, – сказал он им. – Этот делибаш чабан уведет ее.

Уговорил он их, и те согласились.

Раньше в Зогаллы свадьбы были отдельные. У жениха своя свадьба, у невесты – своя. Невесту в те времена забирали из отцовского дома на белой лошади. Оказывается, отец Зейнал договорился даже о белой лошади, на которой невесту должна была забрать сторона жениха. Представляешь? Где такое было видно, что сторона невесты договаривалась о лошади? По нынешним временам, считай, это как если бы невесту не сторона жениха приехала и забрала, а ты сам погрузил в свою машину и отправил. Вот такой он был человек, лишь бы быстрее отдать дочку.

Что же Зейнаб? А что оставалась делать ей, этой черноглазой и чернобровой красавице? Только молча повиноваться отцовскому решению и плакать. Что она и делала. Утром плакала, в обед плакала и по вечерам тоже плакала. Может, и по ночам плакала, но сегодня никто уже не знает. А как сообщить Ровшану о замыслах отца, она не знала. С почты не позвонишь, и телеграмму не дашь, потому что ни почты, ни телеграфа тогда не было.

– Почта в Зогаллы появилась в тридцатых годах, – соглашается с Кара дайы дядя Идрис, до этого молча слушавший его, – какая там почта в те времена!

– Вот я и говорю. И мобильных телефонов тогда тоже не было, чтоб позвонить любимому. Вот такое было время: тебя за другого замуж выдают, а ты не можешь любимому сообщить, потому что не знаешь, как.

Тем временем, отец Зейнаб ускорил свадьбу, заказал наших зогаллинских музыкантов-зурначей, пригласил гостей. И когда это видно было, чтобы в Зогаллы летом в жару играли свадьбу, а, Идрис?

– Да, у нас свадьбы обычно осенью справляют, – тихо ответил дядя Идрис.

– Этот гяур даже на это пошел, лишь бы не отдавать дочку за Ровшана. Но с другой стороны, ай, Идрис, отец Зейнаб, конечно же, гяур. Нет слов, все предусмотрел. Но как согласились играть на такой свадьбе музыканты-зурначи, не пойму?

– Платили бы тебе хорошие деньги, и ты согласился бы, – ответил дядя Идрис.

– Ты прав, Идрис, ты прав. А ведь музыканты считаются глашатаями свободной любви. Это они любят себя так называть. Спрашивается: ай инсафсызлар⁸⁴, вы же зогаллинцы, разве вы не знаете, что будете играть на свадьбе, которая организована не по любви, а по расчету? Не заглохнут ли ваши зурны, не продырявятся ли ваши нагары от такого бездушия? Но, видно, хорошим заказом обманул отец Зейнаб музыкантов-зурначей, деньги большие пообещал, а так они в жизни не согласились бы летом играть свадьбу. Музыканты – народ капризный, я-то их хорошо знаю. А хорошими деньгами и тогда музыкантов подкупали, и сегодня подкупают. Очень продажный народ эти музыканты, очень падкие они на деньги.

– Они за деньги на похоронах родного отца сыграют, они такие, будто их не знаешь? – поддерживает Кара дайы дядя Идрис.

– Вот об этом и речь. За деньги можно все что угодно делать, всех подкупить. Одним словом, по зогаллинскому обычаю, сыграли свадьбу. Не буду врать, потому что не знаю, что тогда на свадьбах пили? Если вино, то, наверное, оно теплое было. Где холодное вино возьмешь летом – ни холодильников, ни морозильников.

Опять дядя Идрис вмешивается в разговор:

– Если бы даже и были холодильники, как бы они работали? Электричество в Зогаллы провели только в начале шестидесятых годов.

Я звонко смеюсь после такого тонкого объяснения дяди Идриса. Но, как ни странно, Кара дайы соглашается с ним.

– И правда, – говорит он и повествует дальше: – Принарядили бедную Зейнаб, надели свадебное платье и посадили на белую лошадь, чтоб везти в дом жениха. А белую лошадь на свадьбу отец Зейнаб взял, как я уже говорил, у одного бедного зогаллинца по имени Карам. Среди лошадей белая масть

очень редкая, а на свадьбах положено было везти невесту в дом жениха только на белой лошади. Потому они и одолжил у Карама белую лошадь. Наверное, и ему этот гяур заплатил, не без этого.

А Зейнаб плакала, рыдала, сидя на лошади. Но что сделаешь, таковы были тогда правила.

Так вот, пусть пока Зейнаб сидит на лошади и плачет, а я расскажу о Ровшане. А Ровшан вдруг так соскучился, очень соскучился в горах по Зейнаб, и чтобы ее увидеть, бросил свое стадо и стал спускаться в Зогаллы. Вот какую, оказывается, силу имеет любовь, что человек готов пожертвовать целым стадом овец и баранов ради того, чтоб один раз увидеться с любимой. А что будет с баранами, овцами – его не интересовало, он был полностью в плену любви к Зейнаб.

– Запомни, – пальцем тычет Кара дайы в мою сторону, – когда чабан перестает интересоваться своим стадом и бросает его в горах ради одной встречи с любимой – вот это и называется любовью! Бросил Ровшан свое стадо, сам помчался вниз. И даже не стал думать, что будет со стадом? А что могло быть с ним? Свои люди не тронули бы, увидев стадо без пастуха и зная, что это стадо Ровшана, потому что в округе все уважали его. Это раз. Чужие тоже не тронули бы, зная, что это Ровшана стадо, потому что боялись Ровшана. Это два. А вот медведи тронули бы, потому что медведи никаких «Ровшан-Мовшан» не знают, никого не боятся, им только давай бесхозную скотину. А это три. Вот так вот! – решительно заявляет Кара дайы и поворачивается к дяде Идрису в ожидании поддержки с его стороны. Ответа не приходится долго ждать.

– Медведи никого не боятся, кроме пчел, – уточняет дядя Идрис.

Тут не сдерживаюсь я:

– Нестыковка получается, Кара дайы.

– Где именно? – не ожидает Кара дайы моего включения в разговор.

– А что, Ровшан без напарника поднялся на горы, что ли? На целое лето и без напарника? Что-то не стыкуется, Кара дайы? – вставляю я.

Кара дайы задумывается. Задумывается и дядя Идрис.

– Вот видишь, – первым соглашается со мной Кара дайы, – я ж говорил, рассказывают, передают друг другу эту легенду, по ходу что-то добавляют, что-то пропускают. Как рассказали мне, так я и тебе рассказываю. Действительно, ай, Идрис, как в горах без напарника? Молодец, внимательно слушаешь, и правильно заметил, – хвалит меня он, – я об этом даже не думал. Конечно, с напарником он был! В горах и без напарника? Нет, не получится, был он с напарником. А вот как напарника звали, не скажу, запомнил. Так вот, сказал он своему напарнику, мол, ты извини, я очень соскучился по Зейнаб. Спустишь на два дня вниз в Зогаллы, увижу ее хоть издали или, если повезет, пообщаюсь с ней и вернусь. Если захочешь, потом ты спустишься.

Согласился напарник. Попробовал бы не согласиться.

Спустился Ровшан вниз, а зурначи – не знаю уж, сколько им заплатил отец Зейнаб, – играли так, что звук зурны Ровшан услышал за семь деревень, за десять километров по-нынешнему, значит, не меньше. Даже обрадовался Ровшан, подумал: как хорошо, что в Зогаллы свадьба, как раз на свадьбе я и увижу свою Зейнаб. Ему бы задуматься, с чего бы это вдруг летом в Зогаллы свадьбу стали играть? Не подумал. Чабаном он был, что с него возьмешь.

А Зейнаб сидела на белой лошади и плакала под мелодии черной зурны. Ровшан как заметил, что из дома Зейнаб выводят невесту на белой лошади, от неожиданности буквально замер на месте. А дорога в дом жениха, оказывается, проходила перед домом Ровшана. А он беспомощно стоял и смотрел на эту процессию. Сильный молодой парень, но бессилён он был перед такой несправедливостью.

Зная о том, что дорога в дом жениха проходит перед домом Ровшана, Зейнаб подняла голову и посмотрела в сторону

дома, надеясь каким-то чудом увидеть его. Хотя она и знала, что Ровшана нет в деревне. Но подняла голову и увидела его. А народу вокруг полно, все зогаллинцы знают, что они любят друг друга. И все с замиранием сердца стали ждать, как же поступит Ровшан. Убитая безжалостными действиями родного отца, Зейнаб подняла голову наверх и прошептала:

– Ай, Всевышний, ай, Аллах, ты на все способен, и ты все видишь. Я мечтала прийти в этот дом невестой, я любила и люблю только Ровшана. Сделай так, чтобы я не сдвинулась дальше с этого места, чтобы не добралась до дома нелюбимого человека.

И в этот момент на глазах бедного Ровшана, на глазах всех зогаллинцев произошло невероятное. Аллах услышал просьбу Зейнаб: под ногами лошади раскололась земля, и Зейнаб в свадебном наряде вместе с лошастью провалилась под землю. И еще через некоторое мгновение ошарашенные зогаллинцы увидели, как из того места, куда провалилась Зейнаб, фонтаном забил родник с чистой водой.

А что Ровшан? Многие, между прочим, ждали, что он нырнет в воду за Зейнаб. Куда там! Стоял он, как околдованный, а потом повернулся и ушел. Видимо, вовремя не сообразил. С того дня никто в деревне Ровшана не видел.

Был бы он из богатой семьи, поженились бы они с Зейнаб, и не было бы этой легенды. Плохо быть бедным, очень плохо. Бедному и физическая сила не помогает. Но еще хуже, когда и сила есть, и богатство – вместе они только разрушают, очень мало созидательного в их единстве. Раньше было так, по крайней мере, – заключает Кара дайы, и дальше смотрит Олимпиаду.

«Неужели все?» – думаю я

Кара дайы будто прочитывает мои мысли:

– А Ровшан был очень сильным парнем. И если бы он жил в наше время, его бы обязательно взяли на Олимпиаду, и вернулся бы он оттуда с золотой медалью. И считай, сто тысяч долларов у него были бы уже в кармане, не говоря о спонсор-

ских вознаграждениях. И с такими деньгами женись, на ком хочешь. Но к его несчастью, Олимпиады тогда не проводились. Вот такие вот дела, – горестно заключает Кара дайы.

Тут наступает тишина. Я удивляюсь, что Кара дайы так мало добавил – он не был бы самим собой, если бы не вставлял в рассказ что-нибудь оригинальное. И оказываюсь прав: через несколько минут он продолжил.

– Да, чуть не забыл, – говорит, – на следующий день отец Зейнаб устроил у себя дома поминки по исчезнувшей под землей дочери. «Аллах забирает к себе лучших», – горевал он, тем самым оправдывая свои бессовестные действия.

А тут к нему явился Карам, хозяин лошади, на которой сидела Зейнаб и которая вместе с ней ушла под землю.

– С тобой все понятно, – сказал он отцу Зейнаб. – За твой бездушный и нечеловеческий поступок Аллах забрал твою дочь к себе, освободил ее от нравственно невыносимого груза выйти замуж не по любви. А за что пострадала моя лошадь?

А он возьми да ответь Караму:

– Такова, значит, была воля Аллаха.

А Карам как заорет:

– Не путай меня и мою лошадь в свои дела с Аллахом, а то узнаешь, какой может быть следующая воля Аллаха!

Несмотря на траур, Карам заставил отца Зейнаб выплатить ему полную стоимость лошади и купил себе другую лошадь белой масти, но больше никому не давал возить невесту на свадьбах.

– На вас на всех, – сказал он зогаллинцам, которые выдавали замуж своих дочерей не по любви, – белых лошадей не напасешься!

А родник по сей день бьет чистой водой и считается священным местом. Жених с невестой перед свадьбой обязательно набирают воду из этого родника и пьют. Зогаллинцы этот родник любовно называют «Зейнаб булагы⁸⁵». Наша жена часто набирает воду из этого родника, и мне иногда кажется, что от воды идет запах запотевшей лошади. Все-таки мне ка-

жется, что, каким бы гяуром ни был отец Зейнаб, не должен был Карам брать с него деньги за утонувшую вместе с Зейнаб лошадь. Как ты думаешь, а, Идрис?

Нравится дяде Идрису, когда Кара дайы интересуется его мнением. Это я давно заметил, поэтому сосредоточенно слушаю его.

– Сегодня легко об этом говорить. Но бедному человеку в деревне без лошади тяжело – отвечает дядя Идрис.

– А я все-таки думаю, – не соглашается с ним Кара дайы, – что не должен был Карам брать деньги за лошадь. Поэтому, может, и вода сегодня изредка дает такой запах.

– Так вот, именно после этого случая зогаллинские аксакалы собрались и решили, – Кара дайы ведет свой рассказ к завершению, – впредь выдавать замуж дочерей и женить сыновей только по любви! Всем аксакалам аксакал, девяностотрехлетний Мовлуд баба вот так объяснил свое решение:

– Зогаллы деревня небольшая, и нам одного родника на всю деревню хватит. Больше рисковать не будем, тем более у нас проблема с белыми лошадьми. С сегодняшнего дня женить сыновей и выдавать дочерей замуж будем только по их выбору!

* * *

Этот источник я знал хорошо. В детстве, будучи в гостях у бабушки, мы часто ходили к этому роднику. Покойный дедушка предпочитал воду только из этого родника, хотя рядом с его домом бурлил артезианский источник.

– Кара дайы, – спрашиваю я, – а с каких пор перестали забирать невесту из отцовского дома на лошадях?

– Когда я вернулся с войны, в деревне уже была машина. Грузовик был. С тех пор и стали перевозить невесту на машине. И стали наши свадьбы терять свою прелесть.

Кара дайы задумывается, его карие глаза смотрят в какую-то точку в верхнем углу комнаты, и он на мгновение замирает.

Секунд через десять он трясет головой и спрашивает у дяди Идриса:

– А как раньше невесту поздравляли, а потом из отцовского дома забирали, помнишь, Идрис?

– Как же, все помню. Только я не умею рассказывать, как ты.

– А я все умею. Поэтому все расскажу, тем более свадьба старшего внука через три дня. И вот ты приехал на свадьбу, так послушай, как было раньше, и сравнивай, – обращается ко мне Кара дайы. – Может, действительно, когда-то напишешь.

– Обязательно напишу! – уверенно отвечаю я.

– Я даже не сомневаюсь, что пока в подвале у Кара дайы есть вино и водка, ты будешь так отвечать. Посмотрим, что ты скажешь, когда не станет спиртного.

– Я и без спиртного напишу!

Теперь смеемся мы все.

– Так вот, – начинает Кара дайы, – лошадь для невесты наряжалась стороной жениха лучше всех, с драгоценными камнями и бахромой. Старались наряжать не хуже и лошадь для энги⁸⁶. О энге я позже еще расскажу, напомнишь, – предупреждает меня Кара дайы, а сам продолжает: – На лошадь для невесты садился «сват», а лошадь для энги оставалась свободной, и шли они впереди колонны, которая направлялась в дом невесты. Мужчины шли за ними пешком. А в самом конце двигались арбы, запряженные волами и предназначенные для перевозки приданого невесты. По пути к дому невесты они заполнялись возбужденной детворой, которая обратно шла пешком за этими возами. Подъезжали к воротам дома невесты, а ворота закрыты. Это я сегодня говорю «ворота», а тогда ворот-то не было, если и были ворота, то у единиц. А у большинства зогаллинцев стояли чохчахи. Подойдет свадебная колонна из дома жениха к этим чохчахам – а они не сняты, и народ считал, что «ворота на замке». Платили за «замок» и снимали надетые на стойки деревянные параллели, тогда «ворота» открывались.

Первыми во двор заходили музыканты-зурначи, а за ними шла вся колонна со стороны жениха. Родня невесты обязана была встречать музыкантов танцами и одаривать «халатом».

Я всегда удивлялся нашему обычаю погрузки приданого невесты на возы. Нет, если возы прибыли, конечно, приданое надо грузить. Но почему сначала грузится приданое и отправляется в дом жениха, и только после этого начинается процесс поздравления невесты? Я и сегодня не знаю ответа на этот вопрос. Поздравили бы невесту, проводили бы ее в дом жениха, а потом не спеша занялись бы приданым. А наши наоборот. Между прочим, и сегодня этот обычай в таком же виде соблюдается. Не пойму я: как будто сторона жениха боится, что если сразу приданое не забрать, потом можно его и не дожидаться.

Поздравление невесты – отдельный концерт: как и жених, невеста стояла за небольшим столиком во дворе со свидетелями, и родные по одному подходили, дарили подарки и поздравляли. И плакали наши невесты, когда их поздравляли и провожали из родного дома. Как тут не заплачешь? Когда черная зурна при выходе невесты из отчего дома выдавала «Гялин атланды⁸⁸», заплакал бы и глухой. Я сам каждый раз плакал, и сейчас глаза мои слезами наполняются, когда по радио или по телевизору слышу эту мелодию. На «Гялин атланды» черная зурна грустила. Она нежным плачем передавала переживаемую невестой в этот миг печаль от разлуки с родными. С родителями, сестрами, братьями. И с отчим домом, конечно же, где она родилась и выросла, где провела детские и юношеские годы своей жизни. «Гялин атланды» – это плач души, трогательные звуки черной зурны. Плакали все, но особенно волновалась мать невесты, со слезами провожая дочь в новую жизнь.

Помню, когда я еще был десятилетним мальчиком, по соседству была свадьба. Дочку нашего соседа замуж выдавали. Не помню, кто был зурначи на той свадьбе, но когда он начал играть «Гялин атланды», я начал плакать вместе с родными невесты. А когда под эту мелодию невесту посадили на лошадь,

я не выдержал и от волнения убежал домой. У себя, в огромном дворе, я не находил себе места из-за этого пронзительного звука, который разрывал душу.

С тех пор у наших невест появилась привычка плакать, когда их поздравляют и забирают из отцовского дома. Поглядишь, и сегодня стоит невеста и плачет. Чего ты плачешь, спрашивается? Звук зурны не слышен – раз, никто тебя насильно замуж не выдает – два! Так что успокойся и стой спокойно, слушай гармонь с кларнетом и не устраивай комедию. Поплакала чуть-чуть для приличия и хватит. Я частенько наших невест, пользуясь своим возрастом, предупреждаю, чтоб прекратили плакать, когда их поздравляют. «Хорошо, хорошо», – отвечают, потом опять за свое.

– Не умеете вы плакать, – говорю я им, – вот плакала в свое время бедная Зейнаб, да и провалилась под землю. Так после нее хоть родник остался. А вы плачете вхолостую, и все.

Одна из девчат мне как-то ответила:

– Не говорите, Кара дайы, на таких дорогих машинах сейчас невест забирают, что, не дай Аллах, провалишься под землю, и всю жизнь сторона жениха будет за машину отрабатывать, проклиная образовавшийся родник.

Вот такая сейчас молодежь, вот такие сейчас зогаллинские девушки. Но мне очень нравятся наши девушки. Жизнерадостные они – и пошутят, и посмеются. Но на свадьбах все равно плачут, видно, у нашего народа в крови это качество.

Перед тем, как проводить невесту, родители заводили ее обратно в дом после поздравлений, давали последние наставления и благословляли. Чтобы она не забывала родной очаг, невеста по обычаю обходила все четыре угла отцовского дома и только после этого в сопровождении отца и дяди садилась на приготовленную для нее лошадь. В дом жениха лошадь невесты вели семеро парней, держа кто за уздечку, кто за гриву, кто за седло. Рядом с ней на лошади ехала енгя, а за ними – прибывшие на лошадях женщины. В самом конце шли мужчины.

Свадебную колонну возглавляли музыканты-зурначи. Ребята пошустрее выбегали поздравлять отца жениха с тем, что везут невесту. Тот одаривал их деньгами. А жених тем временем поднимался на чердак дома и оттуда сыпал на голову прибывшей невесты зерно – как символ благополучия, конфеты – как призыв к сладкой жизни и деньги – как символ богатства. Отец и дядя жениха помогали невесте слезть с лошади, тут же у ее ног резали жертвенного барана. По обычаю, невеста ногой разбивала поставленную под ногу тарелку, символически защищая от сглаза будущую семью и тем самым как бы ликвидируя причину возможной ссоры между ней и свекровью в будущем. Многие, я тебе скажу, – качает головой и смотрит на меня Кара дайы, – сегодня давали бы прибывшей невесте разбивать целые импортные сервизы, лишь бы со временем не ссориться. А тут еще свекровь медом мазала уста невестки в надежде услышать от нее в будущем только сладкие слова.

И сегодня разбивают тарелки, и сегодня мажут медом уста невесты. А в итоге что мы получаем? Разбивай не разбивай, мажь не мажь, но сегодня что-то не уживаются невестки с родными жениха. Времена другие.

Невесту провожали в специально выделенную для молодоженов комнату в доме. Как только она садилась, ей в руки подавали ребенка, как правило, мальчика, желая тем самым будущей семье потомства. До конца свадьбы с ней в этой комнате находилась и енгия.

– Кара дайы, вы просили напомнить насчет енги, – вспоминаю я.

– Да помню я, помню. Енгия – отдельная страница в азербайджанской свадебной традиции. Назначается она со стороны невесты, и ей отводится роль некоего нотариуса, который впоследствии засвидетельствует чистоту и целомудрие невесты. В чем заключается роль енги? Завершается свадебное торжество, расходятся гости, и енгия готовит брачное ложе, объясняя девушке правила поведения в первую ночь. Затем

удаляется в другую комнату. Далее в комнате появляется жених и происходит то, о чем мы все догадываемся.

В Зогаллы глубоко неизбежно понятие целомудренности невесты. Хорошо, когда все хорошо. В противном случае, упаси Аллах, в ту же ночь и невесту, и енгю с оскорблениями отправляют обратно. Позор ложится на весь род и на все времена.

– И такое бывало в Зогаллы? – не выдерживаю и спрашиваю я.

– В моей памяти такое было дважды. Когда такое случилось в первый раз, возвращенная к родителям дочь в ту же ночь повесилась, так и не признав свою вину. Похоронили мы ее у нас на кладбище, но с краю. Отец и братья близко не подошли к ней, посчитав себя униженными. Я тогда не стеснялся, взял все на себя.

– Когда мы пристреливаем бешеную собаку, – сказал я всем, – и то все равно потом закапываем, даже глубже, чем принято. А тут молодую девушку не станем по-человечески хоронить что ли? И не стыдно нам завтра будет? Как будем друг другу в глаза смотреть?

Даже пример привел.

– Какими бы врагами мы с немцами ни были, – сказал я им, – но после боя собирали всех убитых немцев и хоронили в общей могиле. А тут своя, зогаллинская молодая девушка. Может, кто-то соблазнил ее?

У меня почему-то не было сомнений в ее целомудренности. Может, с физиологией как-то связано, с организмом человеческим? Не знаю. Как-то, будучи в Шеки, я поговорил с одним умным доктором на эту тему, он тоже сказал, что может быть такое, что даже у самой чистой девушки в первую брачную ночь может не выделяться кровь.

– Ты, конечно, извини меня, за такую откровенность, сынок – извинился Кара дайы, – понимаешь, это язык легко говорит, что повесилась девушка. А если она была невинная? Кто в

таком случае ответит за ее смерть? Обычай, адаты – кто? Отец и братья по сей день ходят, наклонив головы вниз. Стыдятся. А ведь нормальная семья. Речь же идет не только о судьбе девушки, речь о чести всего рода. Когда я своих дочерей выдавал замуж, переживал и волновался так, как в войну не боялся.

– А что вы предлагаете, Кара дайы, отменить к черту это дежурство у постели в первую ночь? Предлагаете забыть слово «енгя» к чертовой матери? – зная характер Кара дайы, я начинаю раскручивать его, и тут же получаю по голове:

– Ты мне брось эти русские штучки! Не нами придумано, не нам и отменять! В каком веке мы живем? Сейчас медицина вон как развита. Неужели нельзя до свадьбы у врача все это узнавать, чтоб потом не доводить дело до петли. Вот что я предлагаю!

Я начинаю понимать Кара дайы, даже восхищаться им. А он продолжает:

– Короче, похоронили мы тогда ее, а у меня на сердце такой тяжелый камень лежал. Братья и отец близко не подходили, как я уже говорил, отказались и от семи дней, и от сороковин. Я брал тогда муллу Закарийю и в семь дней, и в сорок дней, водил его на кладбище и заставлял читать положенную молитву. И если я этим совершил грех, пусть Аллах меня покарает.

А родственники жениха, якобы чтобы отомстить, даже десяти дней после ее похорон не стали ждать, в соседской деревне нашли засидевшую в девках мугалку и послали сватов. За неделю засватали, все бегом-бегом обговорили и ровно в день сороковин нашей бедняжки назначили свадьбу. Я как узнал об этом, в тот же день поймал их старшего на улице.

– Не делай этого, у тебя самого дома трое дочерей, – сказал я ему тогда прямо в лицо, – у людей и так горе, а ты в день сороковин назначаешь новую свадьбу. Перенеси день свадьбы. Нехорошо это, будь человеком!

– А как они с нами поступили, это хорошо, да? – кипятился он так, что надо было видеть, – никаких переносов! Даже не

просите, Кара дайы, как они нас обманули, так и мы их будем карать!

– Кто они? – спросил я у него. – Если она и была виновата, то сполна ответила за свою вину. Это раз. А во-вторых, ты не Всевышний и не судья, чтоб карать людей. Не бери грех на душу. Никто вас не обманул.

Не послушал он меня. За пять дней до свадьбы, во время обеда, жених их косточку какую-то то ли проглотил, то ли она застряла у него в горле. Он кашлял три минуты и скончался на глазах родителей и сестер. Вот такая история случилась. Аллах не позволил случиться несправедливости, видно, невинная была их невеста, которая не вынесла позора и повесилась.

А во втором случае, я даже не удивился, когда пополз по деревне слух, что невеста оказалась не чистой. Тут и к гадалке не надо было ходить, я хорошо знаю их род, зат их всем зогаллинцам известен. Вернули ее назад в первую же ночь, а она через день собрала вещи и уехала в Баку. Даже золото и бриллианты не вернула стороне жениха. Сейчас она живет в Баку, говорят, даже замужем и детей имеет. Видно, когда она в Баку замуж выходила, енгя там не обязательна была. Я так понимаю. Вот такая незавидная работа у енги.

– Енгя и в Африке енгя, – говорю я, чтобы как-то приободрить Кара дайы.

– Не знаю, как там в Африке, а в Европе енги точно нет. У них все по-другому. Они менее требовательны в этом вопросе.

– Кара дайы, вам не кажется, что вы как-то с другой стороны начали рассказывать наши свадебные обычаи, – с каждой минутой я чувствую себя все более уверенным в разговоре с ним. Хорошее вино он держал на свадьбу, должен сказать. Тем более, и дядя Идрис меня во всем поддерживает.

– У него вся жизнь идет не так, как у нормальных людей. Так что, сынок, пусть рассказывает, что помнит, – помогает мне дядя Идрис.

– Нормальная у меня жизнь. Не то, что у других. Воевал десять лет. Миллионы погибли, а я, слава Аллаху, вернулся жи-

вым и здоровым. Вот обещал внук моего брата, – показывает на меня, – что напишет книгу о Зогаллы, считай, свою миссию я выполнил. Единственное, о чем я жалею в своей жизни, так это о том, что когда-то разбудил Кёроглу. Это единственная моя ошибка. Может, потому он мне и не отрубил голову, что дал шанс извиниться. Аллах меня любит, я обязательно извинюсь перед ним. Пока не извинюсь, не помру. Боюсь помирать, достанет он меня там, и сладко не покажется.

Мы с дядей Идрисом смеемся. А он, будто нас не замечает, продолжает:

– Да, дом я не построил, но спасибо покойному отцу, он оставил единственному сыну хороший дом. И сына мне мугалка не родила. Ну и что? Кто сказал, что дочери хуже сыновей? А их у меня четверо. И зятя у меня, слава Аллаху, хорошие.

– Старший, правда, не послушался, – подливаю я масла в огонь.

– Да, не послушался. Поначалу был согласен, потом передумал. Мугал, одним словом. А как я хотел свадьбу с черной зурной, вы даже не представляете! Но ничего, у меня вон сколько еще внуков.

– Привез он на днях пачку чистых пригласительных на свадьбу, – Кара дайы переключился на старшего зятя, злость на которого у него не проходила, – и говорит: Кара дайы, кого хотите пригласить на нашу свадьбу из Зогаллы, запишите имена, приглашайте. Я вашу родню плохо знаю.

– Ты и свою родню плохо знаешь, – ответил я ему, – я тебе не секретарь сельсовета, чтоб бумажки заполнять.

Посмеялся он и ушел.

– Кара дайы, а раньше тоже пригласительные были? – спрашиваю я. Хочу, чтобы он вернулся к зогаллинским свадебным обычаям.

– Ну ты и скажешь! – смеется Кара дайы. – Нет еще, про телеграммы спроси. Раньше за неделю до свадьбы собиралась близкая родня и первым делом составляла список приглашенных со стороны, то есть гостей. Мы, зогаллинцы, почему-то

гостями, как сам знаешь, называем только приглашенных со стороны, то есть не зогаллинцев. Отношение к ним более трепетное, а обслуживают их намного внимательнее и уважительнее. Зогаллинцев мы гостями не называем. Какие они гости, если они свои?

Так вот, старший зачитывал общий список приглашенных гостей и спрашивал у сидящих: «Никого не забыли? Давайте еще раз вспомним».

Не пригласить на свадьбу того гостя, который ждал приглашения и готов был прийти, означало оскорбление для этого человека и было достаточным основанием для публичного высказывания им своих претензий в людных местах:

– За человека не сочли, не пригласили на свадьбу. Быстро забыли ту доброту, которую я им оказывал!

Так он мог жаловаться, при этом, как правило, не называя, какую именно доброту он оказывал.

– Но ничего, – успокаивал он себя, – пусть молодые будут счастливы. На наших свадьбах мы тоже будем знать, кого приглашать, а кого нет.

Зогаллинцев приглашали всех и подворно. Всю деревню разделяли на несколько секторов и назначали ответственных за приглашения. Что интересно, юноши приглашали мужчин, а девушки – женщин. Не знаю даже, почему? Раньше я как-то не думал над этим, пока живы были старики, пока было у кого спросить. А сейчас и спросить не у кого. Все у меня спрашивают, а я у кого спрошу, у Идриса, что ли?

– Я такие вещи не знаю, – моментально отпирается дядя Идрис.

– Во-во, никто в деревне ничего не знает. Только Кара знает. А есть моменты, которых он тоже не знает.

– Кара, давай без обид? Потому ты у нас и уважаемый такой, что все знаешь.

– Так вот, запрета на присутствие детей не было, и в день свадьбы вся деревенская детвора находилась во дворе свадьбы.

В самом конце вечера по заказу старшего повара составлялся список необходимых продуктов, для покупки которых необходимо было съездить на алибадский или гахский базары.

Родня интересовалась у хозяина свадьбы, в чем он нуждается, чем они могут ему помочь? Более близкие и обеспеченные из числа родных помогали хозяевам свадьбы, чем могли: пригоняли во двор барана или теленка и свое намерение заявляли именно в этот вечер.

– С меня теленок, килограммов сто будет, заявлял один.

– Один баран с меня, килограммов двадцать чистого мяса, не меньше, – подтверждал второй.

– С меня шестьдесят литров вина. Маленький кувшин с «Изабеллой», – присоединялся третий.

Помощь на свадьбу была безвозмездной и никоим образом не освобождала помогавших от несения других свадебных затрат.

После распределения обязанностей каждый готовился к их выполнению. За три дня до свадьбы начинали печь хлеб в тандирах. Определялись хозяйки из числа родственников и соседей, которые соглашались печь свадебный хлеб. Каждая хозяйка должна была испечь как минимум два тандира. Учитывая размеры зогаллинских тандиров, это означало – около двадцати чуреков-лавашей от каждой хозяйки. Этот день в Зогаллы назывался днем «выпекания свадебного чурека».

Свадебных музыкантов в Зогаллы надо было предупредить заранее, чтобы из не перехватил кто-нибудь из близлежащих деревень. Зогаллинские музыканты-зурначи пользовались большим уважением в окрестных селах, поэтому необходимым условием предварительной договоренности с ними считалась выдача зурначи Ибаду символического задатка. Если хозяин свадьбы оставил задаток и оговорил день свадьбы, то мог спокойно готовиться к торжеству, не боясь нежелательного прецедента увода музыкантов на другие свадьбы.

– С музыкантами обговорено, Ибаду в карман положил задаток, – говорил хозяин, успокаивая себя и давая понять дру-

гим, что с музыкой проблем не будет. Сумма задатка в шестидесятые годы составляла десять рублей.

Или же:

– Ибад свой красный червонец уже получил, – радостно отчитывался другой хозяин свадьбы.

Зогаллинские музыканты никогда не оговаривали с хозяином свадьбы сумму заработка, они отработывали свадьбу за деньги, собранные от заказов пришедших на свадьбу мужчин, желающих танцевать. Такой вид обслуживания свадьбы музыкантами зогаллинцы называли «шабашом». В «шабаш» также входили входные «взносы» – деньги, собранные музыкантами с приглашенных на свадьбу мужчин. Место для музыкантов во дворе устраивалось так, что они видели всех входящих во двор приглашенных. При появлении мужчин во дворе музыканты моментально переходили на специальный марш, под ритмы которого приглашенные гости и зогаллинцы оставляли музыкантам на столе входные «халаты». Сумма входного «халата» в шестидесятые годы составляла один рубль. Более зажиточные зогаллинцы – председатель колхоза, главный бухгалтер, главный агроном, а также директор школы оставляли по три или пять рублей. Первую входную музыкантам платил сам хозяин свадьбы при их прибытии на свадьбу. Он встречал их танцем у входа во двор, провожал до предназначенного для них места и, как правило, бросал на стол десять рублей входных. Журначи Ислам из Загаталы или Михо из Алибейли (грузин, между прочим) никогда не соглашались идти на зогаллинские свадьбы на «шабаш», считая эти свадьбы скучными и обвиняя зогаллинцев в том, что они слишком практичны и не щедры на свадьбах. Хозяин свадьбы в таких случаях платил им определенную оговоренную сумму за два дня работы, а весь «шабаш» забирал себе. Музыкантов со стороны могли пригласить в Зогаллы либо по причине болезни кого-то из зогаллинских музыкантов, либо если у кого-то из них был траур, и он держал сороковины близкого человека, то есть не брился сорок дней.

– Кара дайы, а сколько вы платили входных на свадьбах? – интересуюсь я.

– Я платил два рубля. Сперва на стол бросал один рубль, потом еще один.

– А что, нельзя было оба сразу? – смеюсь я.

– Как же, – перебивает меня дядя Идрис, – он же должен был отличаться от других. Все по рублю, а Кара – два раза по рублю.

– Я и отличаюсь от других, – не обижается Кара дайы. – Всегда отличался. Бросал я два рубля и проходил на магар, где ели. Наши свадьбы этим и отличались от мугальских. Мы разделяли магар для приема свадебной пищи от круга для танцев. А мугалы в каком магаре ели, в том же и танцевали. Как сейчас в ресторанах: тут ты сидишь, рядом жених и невеста, а еще рядом музыканты. От громкости музыки уши закладывает: ни поговорить по-человечески не можешь, ни спокойно поесть и выпить. У нас было не так: отдельно магар для приема пищи и отдельно круг для танцев. Поел, выпил, вышел из магара и танцуй, сколько душа желает. Если магар для приема пищи обслуживался и контролировался «людьми на ногах», то ответственными за свадебный танцевальный круг выбирали мужчин из числа самых здоровых и крепких. Они ходили по внутренней окружности танцевального круга с тонкими кизилковыми прутиками для «наказания» непослушных ребяташек, которые иногда несанкционированно забегали в круг. Кроме того, им в обязанности вменялось соблюдение очередности в танцах среди желающих танцевать. На зогаллинских свадьбах редко, но все-таки случались драки из-за несоблюдения или нарушения очередности для танцующих.

Но самую большую нагрузку несли обслуживающие или, как мы их называем, «люди, которые на ногах». Мугалы своих обслуживающих на свадьбах называли русским словом «официанты», современными хотели себя показать. А мы «официант-мофициант» не знали, как звали наши деды обслуживаю-

щих «людьми на ногах», так и мы называем. Между прочим, как я заметил, один наш «мужик на ногах» работал лучше десяти мугальских официантов. У них пока на свадьбе что-нибудь допросишься, так два часа проходило, голодным и уходил. Наши «на ногах» шустрее были намного. Что у нас еще хорошо было, – те, которые «на ногах», во время свадьбы не пили, хотя многие из сидящих предлагали им: «Давай пятьдесят грамм, никто не увидит»...

Нельзя! «Тому, кто на ногах», во время свадьбы пить нельзя. После свадьбы – пожалуйста. Они ведь не только обслуживали, но еще и за порядком следили, чтобы выпившие не говорили лишнего, не ругались, не дрались. Как только «тот, который на ногах» заметил, что кто-то из гостей ведет себя не очень прилично, быстренько подходил к нему и мягко делал замечание:

– Здесь старшие на свадьбе, младшие есть, пожалуйста, веди себя прилично.

Раз замечание, два замечание, а потом могли взять под руки и выпроводить. Да-да! А кто ему дал право портить чужой праздник? Такое у нас в Зогаллы строго каралось.

Бывало, что «те, которые на ногах» не могли уследить за всеми или упустили из виду кого-то, и тот устроил дебош. Такие дела тоже не забывались, обязательно старались вернуть должок на их свадьбе.

– А где свадьба внука будет, Кара дайы? Во дворе или в ресторане?

– Во дворе. Большой шатер установили, человек на сто пятьдесят. Всех приглашают на одно время.

– И жених с невестой посидят во главе, да? – поддразниваю я Кара дайы.

– Все по-мугальски, ничего нашего, – с обидой отвечает Кара дайы, тут же сам себя подбадривает, – а нам что? Их свадьба, как хотят, так и пусть делают. Лишь бы молодые были счастливы...

* * *

...От Кара дайы я ушел поздно вечером. Он сам проводил меня до калитки и, прежде чем прощаться, еще раз предупредил:

– Не опаздывай, пожалуйста, на свадьбу. А то у них все написано по часам. Опоздаешь – уйдешь голодным.

Я засмеялся, уверил Кара дайы, что буду вовремя, и чтоб поднять ему настроение на ночь, спросил:

– А «Мешабайи» будем танцевать?

Даже в темноте я заметил радость в глазах Кара дайы.

– А почему бы и нет? Обязательно потанцуем, – ответил он и тут же загрустил, – как я хотел танцевать на свадьбе внука «Возвращение Кёроглу», чтоб ты знал! – сказал, повернулся и ушел.

* * *

На свадьбу я поехал с младшим братом, который был приглашен отдельно, как близкий родственник Кара дайы, проживающий в Зогаллы. Войдя во двор, первым делом поискал Кара дайы, но его нигде не было видно. Встретивший нас молодой человек узнал моего брата, быстро провел нас в шатер и посадил нас в окружении незнакомых нам людей. Гостей было не слишком много, видно, мы с братом приехали немного раньше других.

Свадебный стол ничем не отличался от зогаллинских. Водка на самом деле была «магазинная», но гранатового сока, который так ненавидел Кара дайы, на столах я не обнаружил. Любопытство взяло верх, поэтому я поинтересовался у брата:

– А где их любимый гранатовый сок?

Брат посмеялся над моим вопросом.

– А ты больше слушай Кара дайы, – ответил он. – Просто когда-то он отравился на какой-то мугальской свадьбе, якобы,

гранатовым соком, и с тех пор только об этом и говорит. Не обращай ты внимания, свадьба как свадьба.

Через полчаса чуть ли не по команде все места были заняты. Привели и молодоженов, посадили на отведенное для них место, за которым на ковре из кусков ваты были выложены поздравительные слова. Чуть подалее от них расположились музыканты с «электрическими инструментами».

Но ни Кара дайы, ни его жены не было видно. Он появился через полтора часа, когда мы с братом собрались было уходить. Брат толкнул меня локтем:

– Друг твой пришел!

Я повернулся и увидел его. Одетый в новый костюм, Кара дайы стоял возле музыкантов и глазами кого-то искал. Через несколько секунд наши взгляды встретились, он довольно улыбнулся и, нагнувшись, что-то сказал на ухо гитаристу. Тот кивнул, дав знать, что ему все ясно, и еще через несколько секунд музыканты заиграли «Мешабайи».

– Началось, – сказал брат, – готовься.

Кара дайы снял пиджак, повесил на стульчик и, подняв руки, через труднопроходимые ряды направился в мою сторону. Я понял, что он приглашает меня на танец, поэтому не стал его ждать, встал и, тоже подняв руки, пошел ему навстречу.

Сначала мы танцевали вдвоем, потом к нам присоединилась и жена Кара дайы. Она вошла в шатер неожиданно и, заметив меня танцующим с Кара дайы, подошла. Мы обнялись, я поздравил ее со свадьбой старшего внука.

– Дай Аллах, чтобы и ты радовался на свадьбах своих детей, – благословила она меня и встала в круг. Со временем танцующих стало еще больше, «Мешабайи» сменили другим танцем.

Мы с Кара дайы отошли в сторону, и я поздравил его тоже. По красному носу видно было, что Кара дайы хорошо выпил. Он наклонился ко мне и тихо сказал:

– Есть разговор, – головой указал на выход.

На выходе сидел краснощекий мугал с открытым маленьким чемоданчиком на столе. Я остановился возле него, продиктовал свою фамилию и имя, достал из кармана деньги и положил в чемоданчик. По глазам Кара дайы я определил, что он остался доволен записанной суммой подарка:

– Нормально, – сказал он после того, как мы вышли из шатра, – пусть наших знают.

Мы прошли за дом, где, не покладая рук, работали повара. Подойдя к старшему повару, Кара дайы представил меня:

– Внук моего покойного брата, считай, мой внук. В Русете институт закончил, там и живет. Как услышал, что свадьба, бросил дела и приехал. А так – занятой он человек.

Мы поздоровались, и повар уважительно пожал мне руку. Кара дайы продолжал:

– Только позвонил ему, так он сразу приехал. А как же, родня ведь...

– Родня должна поддерживать друг друга, – согласился повар, и мы с Кара дайы прошли в сад.

В фундуковом саду он наконец-то остановился и спросил:

– Как тебе водка, понравилась?

– Понравилась, – ответил я.

– Скажи! Видно, не жадничал зять, купил хорошую водку. Не привез я вино на свадьбу. Не захотели – значит, не надо. А вчера, как приехал, думал, дай-ка попробую, что за водку он купил. Сели несколько мужиков, накрыли хороший стол. И как-то сразу хорошо пошло. Сидели допоздна. Хорошо пили. Утром встал, голова не болит. Значит, хорошая водка. Я больше всего боялся этого.

– Нормально, Кара дайы, хорошая водка. И свадьба хорошо проходит.

– Но знаешь, почему я тебя сюда вывел?

– Почему? – я ничего не понимал.

– Я ночью с ним виделся, – тихо произнес он и посмотрел на меня.

– С кем, Кара дайы?

– С Кёроглу, во сне.

Я улыбнулся:

– Ну-ну, и как было?

– Как было? – повторил он. – Сидели допоздна вчера, хорошо выпили. И я пошел спать. Тут же и ночевал, не стал в Зогаллы возвращаться. О Кёроглу даже не думал. Но только заснул – вижу, опять я в Чанлыбеле. Спросил у одного делибаша, как мне пройти к Кёроглу. Он и отвел меня к нему. Представляешь, сразу узнал меня.

– Кто узнал вас, Кара дайы? – я еле сдержался.

– Кёроглу узнал меня, – с серьезным видом продолжил Кара дайы, – как увидел меня, так засмеялся и удивленно спросил: «Кара, неужели это ты? Я же вроде отрубил тогда твою поганую башку».

В хорошем настроении был Кёроглу. Я показал ему шрам на шее.

– Ранили тогда, – ответил ему. – Пришел извиниться перед вами. Простите меня.

Народу полно было. И Нигяр ханым вышла, и Дамирчиоглу был, и Дели Гасан. Все были там. Курдоглу не было, не буду врать. А так все они там были. Внимательно смотрели и слушали меня:

– Извините меня, великий Кёроглу, – еще раз сказал я. – Вот сам пришел к вашим ногам. Виноват я!

– Раз я тогда не отрубил твою голову, так сегодня отрублю! Будешь знать, что значит издеваться над покойниками.

– Чтоб я стал покойником от ваших рук, великий Кёроглу, – сказал я ему. – Какой же вы покойник, если весь наш народ вас помнит. Вы вечно живой, вы навсегда поселились в памяти нашего народа...

Понравились ему мои слова: Кёроглу и так герой, но лишняя похвала и ему понравилась.

– Завтра у внука старшего свадьба, – сказал я ему. – Дайте мне видеть свадьбу внука, потом хоть кожу мою живьем сдирайте.

И рассказал о себе, как я вырос, столько лет воевал, как женился на мугалке. Все рассказал. Послушал-послушал он меня и сжалился надо мной:

– Живи, – сказал, – Кара, только прекрати эти разговоры про мугалов. Чтобы я от тебя больше такого не слышал! Мугалы тоже наши, чтобы ты знал! – сказал он.

– Представляешь? – посмотрел на меня Кара дайы. – Как ты на это смотришь?

– На что? – я не понял вопроса.

– На то, что он мугалов тоже считает нашими.

– Раз Кёроглу так сказал, значит, он знает, чьи мугалы, – ответил я.

– Представляешь, а я, дурак, хотел возразить ему! Какие же они наши, хотел сказать. Хорошо, что остановил себя, а то точно отрубил бы он мне голову, – покачал головой Кара дайы.

– Да вы не волнуйтесь, Кара дайы! – решил я его успокоить. – Ведь он вас простил. А это главное.

– Он еще спросил, с кем же я воевал десять лет? Когда я ответил ему, что с немцами, он так и не смог понять, кто такие эти немцы, и откуда они взялись? Представляешь, не знает Кёроглу немцев.

– А вина вы с Кёроглу не выпили, Кара дайы? – я решил сменить тему.

– Ничего не пили, ничего и не ели. Он мне еще сказал, когда я собирался уходить: «Видишь, Кара, как мы живем в этом мире? Ни еды, ни питья – ничего тут нет. Так что, не спеши ты в наш мир, Кара! Живи там, сколько живется. Гуляй, радуйся жизни, пей вино, празднуй свадьбу внука. Простил я тебя, Кара. А сейчас собирайся и давай обратно. Нельзя в этом мире задерживаться. А то на свадьбу опоздаешь».

Дал мне одного делибаша, и тот провел меня обратно. Я еще по дороге у этого делибаша спросил: «Неужели так груст-

но и скучно у вас?». «Даже не спрашивайте», – ответил мне делибаш и исчез. И я проснулся.

В это время я услышал голос младшего брата, который, оказывается, целый час разыскивал меня по всему двору и, не найдя, вышел в сад. Кара дайы тоже вспомнил о своем пиджаке, забытом возле музыкантов. Так мы вернулись к шатру.

– Когда уезжаешь? – спросил он.

– Еще несколько дней побуду, – ответил я.

– Тогда завтра вечером жду тебя. Вино надо допивать, а то скиснет.

– Но, Кара дайы, я уже не могу пить, – возразил было я, но он не дал мне договорить:

– Ты слушай меня, старика, и делай так, как я говорю. А то будет, как с тем молодым быком, который не послушал старого.

– А что с ним было? – спросил я.

– Вот придешь завтра, тогда и расскажу, – сказал Кара дайы и скрылся в шатре.

С Л О В А Р Ь

1. Ай ушаг, ай бала – обращение к ребенку
2. Амиоглу – двоюродный брат
3. Анассыны – матерное ругательство
4. Астафруллах – прочь, шайтанские мысли
5. Афтафа – кувшин для умывания
6. Ахур – огороженное для корма место в хлеву
7. Баджы – сестра
8. Газмах – обжаренный слой плова
9. Гардаш – брат
10. Гатых – простокваша домашнего изготовления
11. Гуда – родственник, родители жениха и невесты
12. Гулдур – разбойник, грабитель
13. Дава-далаш – ссора, конфликт
14. Долдурма – домашняя колбаса
15. Зиярет – хождение к святым местам
16. Зурна – духовой музыкальный инструмент
17. Кара баба – дедушка Кара
18. Кара дайы – дядя Кара
19. Кёроглу – герой азербайджанского народного эпоса
20. Кяфан – одежда (саван) для умерших, согласно исламу
21. Лейсан – проливной дождь
22. Мамаоглу – двоюродный брат
23. Машаллах – хвала Аллаху
24. Муаллим – учитель
25. Мурдашир – человек, обмывающий покойников
26. Мутакка – подушка цилиндрической формы
27. Нагара – ударный музыкальный инструмент наподобие бубна
28. Нукер – воин, телохранитель, слуга
29. Такна – деревянное корыто
30. Талвар – навес из виноградных лоз
31. Тандир – печь для выпекания хлеба
32. Узачды – мероприятие после свадьбы, знакомство с невестой
33. Уста – мастер
34. Харамзада – жулик, обманщик
35. Хонча – здесь: сверток с личными вещами

36. Хурджун – сума восточного путешественника
37. Чарых – азербайджанская национальная обувь из сыромятной кожи
38. Амиоглу – двоюродный брат
39. Хала – тетя
40. Горбагор – мертвец, у которого пропал прах
41. Халал олсун – по шариату «чтоб стал твоим»
42. Пахлава – азербайджанское кондитерское изделие из слоеного теста с орехами
43. Шалярбура – кондитерское изделие, сладость
44. Делибаш – конный воин, страж. Согласно дастану «Кёроглу», соратник Кёроглу. Делибашей у Кёроглу было семь тысяч семьсот семьдесят семь (7777)
45. Чопур Сафар – рябой Сафар
46. Горхуганмаз – бесстрашный
47. Дилбилмаз – упрямый, непонятливый
48. Алайпозан – разбивающий полки
49. Тыпдагыдан – разбивающий центр вражеских сил
50. Тохмагвуран – бьющий булавой
51. Геридонмаз – необорачивающийся
52. Танрытанымаз – безбожный
53. Гюрджуоглу – сын грузина
54. Чанлыбель – труднодоступная гора, место постоянной дислокации отряда Кёроглу
55. Дастан – эпос
56. Батман – мера веса, около 10 кг
57. Нагара – азербайджанский ударный музыкальный инструмент
58. Деде Горгуд – герой азербайджанского эпоса «Китаби Дада Горгуд»
59. Мирас – наследство
60. Магар – танцевальный круг или шатер для гостей
61. Шабаш – форма расчета с музыкантами на свадьбе
62. Маленькая свадьба – торжество, посвященное обряду обрезания
63. Дада – отец
64. Гонаг – гость

65. Гёзал гардаш – красивый брат
66. Астафруллах – прочь, шайтанские мысли, покаяние.
67. Мугам – классический жанр азербайджанской музыки
68. Яша – живи, здравствуй
69. Баракаллах – молодец
70. Хонча – здесь: сверток или украшенный поднос с фруктами и со сладостями
71. Калагайы – национальный шелковый женский платок
72. Захримар – яд
73. Адат – обычай
74. Мисри меч – меч Кёроглу, по легенде был изготовлен из «камня, упавшего с неба», то есть из метеорита.
75. Малгам – лекарство
76. Гурдбасар – порода собак, волкодав
77. Чабан гарадаш – братец пастух
78. Гырат – имя коня Кёроглу
79. Шехид – мученик за веру, человек, погибший с молитвой на устах
80. Бинамус – бесчестный
81. Хашил – жидкая мучная похлебка, напоминающая манную кашу
82. Кошара – овчарня, загон для овец
83. Гяур – неверный, нечестивый
84. Инсафсызлар – действующие несправедливо
85. Булаг – родник
86. Енгя – представительница родителей невесты, следящая за ней в первую брачную ночь
87. Халат – бахшиш, подарок, часто деньги, подаваемые в руки танцующим
88. Гялин атланды – момент, когда невеста садится на лошадь и покидает отчий дом, а также название мелодии, исполняемой на зурне.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
Глава 1. Уста Нурулла и арабы.....	10
Глава 2. Кара дайы	42
Глава 3. Наша память.....	78
Глава 4. Корова Сулеймана	116
Глава 5. Зогаллинские поминки.....	157
Глава 6. Кара дайы и немецкое пианино.....	204
Глава 7. Балаев, Баладзе, Балаян	238
Глава 8. Как Кара дайы застрял в бухаре	287
Глава 9. Плач черной зурны, или возвращение Кёроглу.....	338

МАЛИК ДУРСУНОВ

КАРА ДАЙЫ

«Qanun Nəşr evi»ndə çap olunub
Bakı, AZ 1102, Tbilisi pros., II Alatava 9
Tel: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18
Mobil: (+994 55) 212 42 37
e-mail: info@qanun.az
www.qanun.az

Эта дебютная книга Малика Дурсунова написана в духе и стиле знаменитого романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема». Автор ведет повествование от первого лица, выступая в роли друга и родственника главного героя и помогая тому охотно отклоняться от темы, то уводя читателя в далекие времена, то описывая произошедшее буквально на днях. Интересные наблюдения о времени и о людях переданы с юмором и мягкой иронией, а иногда – и с критикой современности. Книга М.Дурсунова завоевала 3-е место Национальной книжной премии 2013 года.

ISBN 200-0368-08-796-3

